

Р·Г·ЛАНДА

БОРЬБА
АЛЖИРСКОГО
НАРОДА
ПРОТИВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
КОЛОНИЗАЦИИ

(1830~1918)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

633(6 Алж)

Р. Г. ЛАНДА

БОРЬБА
АЛЖИРСКОГО
НАРОДА
против европейской
колонизации
(1830—1918)



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

В монографии, посвященной борьбе алжирского народа против колонизаторов в 1830—1918 гг., особое внимание уделяется характеристике различных этапов социально-экономического и политического развития колониального Алжира. Автор на основе многих не публиковавшихся у нас материалов по-новому освещает некоторые аспекты этого развития — многоукладность, «колониальное двоевластие», взаимоотношения традиционалистов и младоалжирцев и др.

Л 10605-117
013(02)-76 37-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к особенностям исторического развития Алжира во многом определяется нынешним взлетом независимой и бурно развивающейся Алжирской Народной Демократической Республики. Революционно-освободительная война алжирского народа в 1954—1962 гг., а также последующие события в этой стране не только осуществили глубокий социальный переворот в самом Алжире, в корне изменив ранее функционировавшие общественно-политическую и экономическую системы, но имели также большие международные последствия. Алжирская национально-демократическая революция ликвидировала на севере Африканского континента одну из старейших переселенческих колоний, один из главных в этом регионе плацдармов капиталистической эксплуатации и так называемой цивилизаторской миссии европейских завоевателей. Она нанесла смертельный удар колониальному владычеству в Африке, как таковому, достойно увенчав славное десятилетие национального освобождения континента, начатое египетской революцией 1952 г.

В системе африканских колоний Франции Алжир занимал особо важное место благодаря географической близости к метрополии, выгодному стратегическому положению в центре Магриба и на кратчайших путях из Парижа в Западную и Экваториальную Африку, а также давним экономическим, социально-политическим, культурным и прочим связям. Французские военные, административные и научные учреждения, банки и предприятия, партии и ассоциации действовали в Алжире так же, как в любой из провинций Франции. В хозяйственном отношении Алжир был придатком экономики метрополии, в военном — базой и полигоном ее армии, в административном — школой воспитания кад-

ров чиновничества для всех колониальных владений Франции. Ни в одном из этих владений колониальный режим не казался столь прочным, а сами колониялисты — столь уверенными в себе, как в Алжире.

Однако здание этого режима, столь внушительное и незыблемое с виду, отнюдь не отличалось внутренней прочностью, подвергаясь воздействию экономических, политических и моральных кризисов даже в относительно спокойные периоды своего существования. Эволюция колониального режима в Алжире, как политической надстройки алжирского общества периода колонизации (1830—1918), всецело определялась законами развития и функционирования данного общества. Показать это входит в задачу настоящей монографии.

Хронологическими рамками исследования избраны 1830—1918 гг. Не преследуя цель систематического изложения социально-экономической и политической истории Алжира в указанный период, автор стремился осветить главные вехи этой истории, раскрыть общественное содержание основных ее этапов, уделить внимание наиболее характерным и типичным процессам, принципиально важным для понимания последующего исторического развития Алжира.

1830 год — начало французского завоевания, которое привело к закабалению страны. 1918 год — не только конец первой мировой войны, оказавшей на Алжир значительное влияние, но также начало серьезного кризиса колониального строя, развернувшегося в стране под влиянием Великой Октябрьской революции, революционных сдвигов в метрополии, подъема освободительных движений во всем колониальном мире и внутреннего давления новых общественных сил — будущих могильщиков колониального режима. Эти силы начали вырывать задолго до 1918 г., так как вся эволюция Алжира в колониальную эпоху представляет собой сложное взаимодействие колонизации и сопротивления ей — политического и социального антиколониализма, принимавшего на разных этапах истории страны различные формы. Это параллельное развитие колонизации и антиколониализма до 1918 г. — основная тема настоящей работы. Однако многие важные процессы (например, социально-экономические), характерные для Алжира 1830—1918 гг., выходят за эти хронологические рамки

и рассматриваются поэтому на материале более широкого периода.

Специфика «французского» Алжира заключалась в его особом характере колонии переходного типа. В тезисах VI конгресса Коминтерна в 1928 г. подчеркивалась необходимость проводить различие «между теми колониями капиталистических стран, которые служили им в качестве колонизационных областей для их избыточного населения и становились таким образом продолжением их капиталистической системы (Австралия, Канада и др.), и теми колониями, которые эксплуатировались империалистами в первую очередь в качестве рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала». При этом в тезисах отмечалось, что «между этими обоими типами существует переходный тип (разновидность), где наряду с многочисленным туземным населением имеется весьма значительное белое население — колонисты (Южная Африка, Новая Зеландия, Алжир и т. д.)» [10, стр. 838].

Сосуществование коренного алжирского и пришлого европейского населения в течение всех лет французского колониального господства, явившись результатом колонизации, представляло собой в то же время один из важнейших факторов, определивших весь ход новой и новейшей истории страны. Значение этого фактора не сводилось, однако, к чисто колонизаторским функциям европейцев в Алжире как привилегированного национального меньшинства. «Пока разные нации живут в одном государстве, — указывал В. И. Ленин, — их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера» [6, стр. 175]. Эти «миллионы и миллиарды нитей» возникали, укреплялись и расширялись в Алжире в течение всего колониального периода, создавая особые, неизвестные большинству стран арабского мира разновидности связей и взаимоотношений в области языка, культуры, повседневного быта, хозяйственной и общественно-политической жизни и т. д.

Особый характер Алжира как колонии явился причиной того, что здесь сложилось общество, которому были присущи и противоречия капиталистического строя (ибо Алжир как полупереселенческая колония являл собой безусловное и непосредственное «продолжение ка-

питалистической системы» метрополии) и контрасты докапиталистических социальных организмов, существовавших в стране накануне колониального закабаления. Взаимное переплетение этих двух различных черт породило оригинальные формы и специфический характер базиса алжирского колониального общества. Выявить эти формы можно, лишь рассмотрев в комплексе особенности социального строя доколониального Алжира, степень воздействия на него развернувшейся после 1830 г. европейской колонизации, самобытность путей развития арабо-берберского Алжира под прессом колониального гнета и так называемого «французского Алжира» (т. е. европейской общины), который для внешнего мира, в том числе и для метрополии, долгое время определял лицо всей страны.

Оба Алжира (вернее, два различных социально-экономических и культурных сообщества в одной стране) не жили только своей обособленной, замкнутой жизнью. Они взаимно влияли друг на друга (в том числе в ходе не утихавшей, хотя временами и глубоко скрытой, борьбы между ними), взаимно приспосабливались к условиям постоянно менявшейся после 1830 г. обстановки в стране и даже смыкались отдельными своими звеньями в процессе постепенно разворачивавшегося здесь капиталистического производства.

Все это способствовало возникновению особого типа как социально-экономических, так и культурно-этнических связей и отношений, который по праву может быть назван «алжирским феноменом». Изучение его представляет значительный интерес не только для познания специфики исторического развития Алжира, но и для определения модели социально-экономической и политической эволюции колонии переходного типа вообще.

Историография проблемы

Вопрос о противоборстве и взаимовлиянии колониализма и антиколониализма в Алжире рассматриваемого периода так или иначе разбирается (или косвенно затрагивается) почти во всех исследованиях, документальных и литературных источниках по истории Алжира

прошлого и начала нынешнего столетия. Естественно, лишь часть этого материала могла быть привлечена при работе над данной монографией. Особое внимание уделено первоисточникам по отдельным малоизученным аспектам темы, а также обобщающим трудам аналитического характера, содержащим теоретические выводы (или материал для таковых) об особенностях социально-экономической и политической эволюции Алжира как колонии переходного типа. Одна из целей автора при этом — доказать исторически давнее существование многих современных особенностей классовой и политической борьбы на Востоке вообще и в Алжире в частности (например, связанных с многообразием и параллельным функционированием различных типов производственных отношений). Данный аспект исследования связан с проблематикой опубликованной автором статьи «О специфике современных условий классовой и политической борьбы на Востоке» [44, 1971, № 1], основные положения которой позднее были более широко изложены в принадлежащих ему главах в первом томе коллективной монографии «Зарубежный Восток и современность» (М., 1974).

Для выработки методологического и теоретического подхода к анализу указанных выше особенностей социально-политической истории Алжира рассматриваемого периода большое значение имеют работы основоположников марксизма-ленинизма о докапиталистических формах производственных отношений [2], о колониальной политике западноевропейских держав и ее последствиях [1], о новой постановке национального и национально-колониального вопросов на рубеже века нынешнего и века минувшего [6; 7], о многоукладности как особом качестве переходной стадии развития общества [8; 9], о необходимости изучения любого социального строя во всем его многообразии и своеобразии, в динамике и развитии, в комплексе общего и особенного [5]. Чрезвычайный интерес представляют и непосредственные высказывания об Алжире К. Маркса и Ф. Энгельса, особенно статья Ф. Энгельса «Алжир» [3] и письма К. Маркса Ф. Энгельсу из Алжира, где К. Маркс находился на лечении в феврале—мае 1882 г. При оценке социальных и религиозных аспектов сопротивления алжирцев колонизации очень важно учиты-

вать характеристику, данную Ф. Энгельсом идеологическим движениям на Востоке [4], а также ленинский анализ влияния на страны Востока первой русской революции 1905 г. («Пробуждение в Азии», — Полное собрание сочинений, т. 23) и различных колониальных акций империалистов в окружающем Алжир регионе, прежде всего в Марокко («Тетради по империализму», — т. 28) и Ливии («Конец войны Италии с Турцией», — т. 22).

Общий анализ национальной, политической и социальной борьбы в колониях, в том числе в Алжире, так же как само определение колонии переходного типа и ее особых черт, содержится в документах и материалах Коминтерна [10], в решениях и выводах научных сессий, организованных руководством КПСС и международного коммунистического движения [9а; 12]. Специальный характер, опирающийся на анализ конкретного алжирского материала, носят общие работы и теоретические исследования алжирских марксистов [11; 13—15].

В качестве источников по теме были изучены официальные издания французской колониальной администрации в Алжире, статистические ежегодники, бюллетени и другие документы, среди которых наиболее важны «Отчеты об общем положении» [19], ежегодно представлявшиеся генерал-губернаторами Алжира. К этой же группе документальных источников следует отнести публикации политических и общественных организаций: брошюру «Требования алжиро-тунисского народа» [21], представляющую собой обращение созданного в Женеве магрибскими традиционалистами Алжиро-тунисского комитета к Парижской мирной конференции 1919 г., агитационное издание Унитарной Всеобщей конфедерации труда Франции «Туземный кодекс рабства» [22]. Особого упоминания заслуживают специальная документальная подборка «Все — алжирцы» [25], посвященная национальному вопросу в Алжире и в 1961 г. изданная в Тунисе находившимся там в эмиграции Временным правительством Алжирской Республики, а также юбилейная монография «Алжирская революция. Свершения и перспективы» [20], опубликованная к 10-летию независимости страны министерством культуры и информации АНДР.

Самостоятельную группу источников образуют мемуары, воспоминания, записки, сборники статей и трак-

таты политических и общественных деятелей Алжира и Франции, различные сочинения очевидцев описываемых событий, например замечательного русского ученого и путешественника П. А. Чихачева, ездившего в Алжир с научными целями в 1877—1878 гг. [95а]. Из всей массы этих сочинений и свидетельств рассматриваемого периода и более поздних лет на первое место следует поставить книгу видного патриотического деятеля Алжира 20-х годов эмира Халида «Положение мусульман Алжира» [35], представляющую собой гневное разоблачение перед алжирскими эмигрантами в Париже в 1924 г. всех несправедливостей и бесчеловечных сторон французского колониального господства. Более спокойны по тону и умеренны по оценкам «Мемуары свидетеля века» [31], написанные видным алжирским публицистом и общественно-религиозным деятелем Малеком Беннаби. Известный в Алжире своими трудами «Условия алжирского возрождения» [119] и «Призвание ислама» [120], в которых он пытался рассматривать проблемы и культурного, и политического будущего страны сквозь призму «обновления ислама», Беннаби в своих мемуарах подробно описывает нравы, обычаи, социальную и религиозную жизнь алжирских горожан начала XX в., подробно рассказывает о повседневном быте, хозяйственном укладе и культуре мелкособственнической мусульманской среды на востоке Алжира, прослеживает самые мельчайшие изменения и сдвиги, в том числе политические, в несколько монотонном течении провинциальной жизни.

Совершенно иной характер носят произведения совершенно чуждого клерикализму видного деятеля алжирского антиколониализма Фархата Аббаса. Первое из них — сборник статей «От колонии к провинции. Младоалжирец» [28] — попытка сдержанной критики колониальных порядков, но в рамках умеренного ассимиляционизма, характерного для алжирской либеральной буржуазии 20-х годов. Во многом здесь скорее удивление по поводу несправедливости колониального режима, нежели разоблачение ее. По мнению Аббаса, французская колонизация «взорвала старый мир идей и верований, существовавший веками. Она поставила людей перед лицом внезапного изменения. И вот целый народ, без всякой подготовки, должен был или приспособить-

ся, или погибнуть. Такое положение обязательно влечет за собой моральную и материальную неуравновешенность, бесплодность которой недалеко от полного упадка» [28, стр. 9].

Несколько бесстрастный тон Аббаса совершенно исчезает во второй его книге — мемуарах «Колониальная ночь» [29], в которых преимущественно изложен уже опыт не первоначального сотрудничества с колонизаторами, а последующей борьбы с ними. В итоге этой борьбы Аббас приходит к небывалому для буржуазного деятеля выводу: «Капитализм и колониализм неразрывно связаны. Один действует в Париже, другой — в Алжире. Нельзя бороться против одного из них, не нападая на другого» [29, стр. 111]. Значительная часть книги посвящена изложению истории колонизации Алжира и полемике с колониалистскими концепциями, имевшими всегда хождение во французской литературе, особенно в период алжирской войны 1954—1962 гг. Резкую отповедь дает Аббас тем, кто считал, что Алжир — не арабская страна, что алжирский народ вообще не существовал как единое целое до прихода в страну французов, что после 1830 г. Алжир стал «частью Франции», а алжирцы — разновидностью «бретонцев, савояров, корсиканцев» [29, стр. 195].

Различен характер использованных свидетельств с французской стороны. Воспоминания известного политического деятеля Эдуарда Эррио [27], бывших алжирских генерал-губернаторов М. Виоллетта [42], Ш. Жоннара, Ж. Камбона («Генерал-губернаторство Алжира», Париж—Алжир, 1918) и М. Нежлена [39] касаются лишь отдельных и не всегда главных вопросов основной темы монографии, а записки бывшего мэра г. Алжира Ж. Шевалье [34] и видного писателя А. Камю [32] относятся к более позднему времени и могли быть использованы лишь частично, преимущественно в плане определения постоянных черт колониальной ситуации в Алжире и сравнительных социальных характеристик. Более полно использованы заметки левого журналиста Виктора Спильмана [40] о тягостном положении алжирского племени хашим и дорожный дневник правого депутата М. Ажама [30], содержащий развернутую, но тенденциозную оценку политического положения в Алжире в конце 1912 — начале 1913 г.

Большой интерес с точки зрения характеристики взаимоотношений европейцев и коренного населения Алжира в начале нашего столетия, а также для анализа печально знаменитой «психологии колонизации» представляет книга писателя Жюль Руа «Алжирская война» [26]. Выходец из семьи колонистов, одной из первых обосновавшейся в Алжире, Руа прожил там первую половину жизни, а затем переехал во Францию, где стал полковником французской армии, а после — видным литератором, начав критически относиться к колониалистским воззрениям своей семьи. Книга эта — итог его полуторамесячной поездки по родным местам в 1960 г., сборник дорожных зарисовок, рассказов о встречах с близкими, воспоминаний о детстве, описаний среды европейских колонистов, их настроений и позиции, их несправимого расизма, а также жестокостей колониальной войны и ее безуспешной борьбы с алжирскими патриотами. При всех минусах не вполне четкой идейной позиции Руа гуманизм и решительность выступления писателя за прекращение колониальной войны явились, учитывая его авторитет, происхождение и принадлежность к продеголлевским буржуазным кругам, серьезным вкладом в борьбу за мир в Алжире. «Наши братья, — писал он, — не только наши братья по крови, но все, кто страдает от беззаконий, и мы не можем предпочитать тех, кто, будучи кровно связанным с нами, ест досыта и живет в достатке, тем несчастным, которые погибают в борьбе за жизнь» [26, стр. 126].

Последнюю группу источников составляет пресса, в том числе научная периодика, наряду с исследованиями публиковавшая и ценные справки, документы или выдержки из них, письма, воспоминания и т. п. В этом отношении наиболее интересны «Североафриканские документы» [46], «Североафриканские вопросы» [56] и «Ежегодник Северной Африки» [160], но более всего — «Африканское обозрение» [58] — регулярно выходивший более ста лет журнал Алжирского исторического общества. Наряду с ними важным источником фактических сведений об Алжире рассматриваемого периода следует считать парижскую газету «Тан» («Время») [52], хорошо осведомленный колониалистский журнал «Французская Африка» [48] и его приложение «Колониальные сведения» [57]. Чисто информационный интерес представляет

журнал «Латинская Африка» [49], который являлся рупором реакционной теории «латинизма», исповедовавшейся в начале века идеологами алжиро-европейцев.

Литература по теме достаточно богата и разнообразна, но неравноценна. Автор сознательно прошел мимо огромной массы популярных, главным образом зарубежных, изданий по отдельным вопросам (или по отдельным периодам) алжирской истории, главное внимание уделяя работам обобщающим. Трудность стоявшей при этом задачи определялась тем, что, по словам видного арабского историка Амина Саида, «об алжирских восстаниях написаны десятки книг на всех языках мира: на китайском и сербском, на русском и немецком, турецком, японском и других» [86, стр. 333]. Изучить их все невозможно одному человеку.

У нас интерес к Алжиру наблюдался еще в дореволюционной исторической литературе, примером чего были работы М. Н. Богдановича [61] и А. Н. Куропаткина [75], а также видного русского социолога М. М. Ковалевского [72], чей труд об общинном землевладении в колониях привлек внимание К. Маркса. Но главным образом серьезное изучение всех проблем истории Алжира развернулось в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции. Первые шаги в этом направлении, в том числе в плане ориентации исследования социальной проблематики, были сделаны П. Китайгородским, Ю. Цимрингом [94; 95], Б. М. Данцигом [63] и Д. Колониусом [73]. Особая заслуга в изучении новой и новейшей истории Алжира, как и других арабских стран, принадлежит В. Б. Луцкому, создавшему в 30—50-х годах систематический курс истории Алжира [78; 79]. После работ В. Б. Луцкого (первой наиболее крупной из них стали главы о Северной Африке в опубликованной в 1940 г. «Новой истории колониальных и зависимых стран») было создано немало общих очерков истории Алжира; некоторые из них, войдя в научно-популярные коллективные монографии, представили интерес и при составлении данной работы [см. соответствующие разделы в 70; 71; 89].

Свидетельством роста советской магрибистики в 50—60-х годах явилось появление первых исследований по средневековой истории Северной Африки (в том числе Алжира). Особо следует отметить вклад в эти иссле-

дования Н. А. Иванова [68] и М. В. Чуракова [96], позволивший более широко в дальнейшем взглянуть на социальные функции различных групп племен и социально-этнические проблемы Алжира в новое время.

Наконец, за последние годы Ю. С. Оганисяном и Н. Г. Хмелевой детально исследован наиболее яркий период в новой истории Алжира — героической борьбы Абд аль-Кадира и созданного им первого подлинно алжирского государства [80; 91; 92; 93]. Освещение последующих этапов развития Алжира Г. А. Нерсесовым, а ряда малоизученных проблем экономики и культуры — Н. Г. Поспеловой [82], Ю. В. Потемкиным [83] и А. М. Траскуновой [88] способствовало более полному и всестороннему представлению о проблематике Алжира как в новейшее, так и в новое время.

При работе над монографией автор в определенной степени учел результаты исследований Н. А. Иванова и Н. С. Луцкой, которые во вводных частях своих обобщающих трудов по Тунису и Марокко затронули многие из проблем, представляющих интерес для всех стран Магриба [67, стр. 3—30; 77, стр. 5—74]. Кроме смежной проблематики ими был освещен и ряд алжирских сюжетов в силу тесной взаимосвязанности событий в Магрибе в рассматриваемый период.

В заключение обзора советской литературы по теме монографии следует особо подчеркнуть значение вышедших за последние годы работ по общей социально-экономической проблематике Востока. Эти работы, базирующиеся на материале последних двух десятилетий афро-азиатской истории, не имеют на первый взгляд прямого отношения к теме монографии. Однако целый ряд сложных вопросов, решенных или поднятых в них (о соотношении базиса и надстройки на Востоке, об общем и специфическом в характере афро-азиатских обществ, об особенностях производства, социальных связей, классовой борьбы и т. п.), представляют интерес и при рассмотрении сугубо алжирских проблем прошлого века. Особенно важно в этой связи творческое применение к анализу условий восточного общества ленинской идеи многоукладности, нашедшее наиболее последовательное, по мнению автора, выражение в главном труде А. И. Левковского [76].

Интерес к Алжиру значительно возрос после начала

алжирской революции в 1954 г. и в других странах социализма. Однако большинство произведений ученых этих стран посвящены главным образом современному, послереволюционному Алжиру. Для настоящей монографии поэтому представляли интерес лишь отдельные фрагменты, характеристики и формулировки, содержащиеся в трудах историков Польши, Чехословакии, ГДР, Болгарии и Югославии. Среди них следует выделить монографии Николая Генчева [62] и Вацлава Оплушила [175], первая из которых примечательна максимальным учетом ныне бытующих в Алжире взглядов на весь ход освободительной борьбы в стране, а вторая — тонким подходом к многообразию и многовариантности развития алжирского общества. Очень интересен очерк «Алжир закрывает лицо» Рышарда Капусьцинского [38], представляющий собой любопытный синтез личных наблюдений и оригинальных оценок, основанных на хорошем знании страны и понимании логики ее исторической эволюции. Фундированная история закабаления и последующего освобождения Магриба, написанная Хайнцем Майнике-Кляйнтон [167], привлекает внимание тщательным анализом классовых сил в Алжире на всех этапах его развития.

В 1969 г. Восточным институтом Академии наук ЧССР была издана на французском языке диссертация известного литературоведа-магрибиста Светозара Пантучека «Новейшая алжирская литература» [178]. Несмотря на скромное подчеркивание автором «явно относительной» ценности своего труда, книга представляет большой интерес не только для литературоведов, но и для историков. В сущности, это — самое полное и хронологически последовательное исследование литературного процесса в Алжире, а также связанных с ним идеологических и социально-этнических процессов. «Алжирской литературой, на мой взгляд, — справедливо указывает автор, — является литературное творчество местных жителей на территории современного Алжира и на любом языке» [178, стр. 2]. Пантучек включает в нее письменную литературу на арабском классическом языке и на французском (созданную писателями любого происхождения), а также устную литературу на берберском языке и на алжирском диалекте арабского разговорного языка.

Высокой оценки заслуживает фундаментальный труд югославского историка, журналиста и дипломата Здравко Печара «Алжир до независимости» [180], изданный в 1967 г. в Белграде Институтом изучения рабочего движения. По источниковедческой базе, сложности весьма трудоемкого социально-политического анализа и охвату фактического материала работа Печара до настоящего времени является лучшей монографией об Алжире в литературе социалистических стран. Как пишет сам автор, «это, по сути дела, история Алжира в период с XVI века вплоть до соглашений в Эвиане». Печар абсолютно прав, объясняя широту хронологических рамок предпринятого им исследования: «Причины освободительной борьбы и революции самым тесным образом связаны с общественно-экономическими и политическими институтами, учрежденными французским колониализмом в Алжире после 1830 г. Поэтому необходимо проанализировать и осознать эти существенные факторы угнетения народа, причин и поводов его восстания» [180, стр. 871]. Довольно значительное место Печар уделяет Алжиру до прихода французов, истории его взаимоотношений с Турцией, Францией и другими государствами, захвату страны, особенностям управления ею в периоды Второй и Третьей республик, экономической и социальной специфике колонизации [180, стр. 33—300]. Книга содержит и спорные положения, типичные для взглядов многих югославских авторов, но эти положения в основном относятся к разделам об алжирской революции, которым Печар посвятил более половины текста. В разделах же, посвященных колонизации, его труд интересен как в историко-социологическом, так и в экономико-теоретическом плане.

Первые шаги в освещении противоборства колонизации и антиколониализма сделала молодая национальная историография свободного Алжира. Изданное еще совсем недавно, в 1968 г., Махиддином Джендером «Введение в историю Алжира» представляло собой главным образом критический обзор и оценку произведений иностранных авторов. В стране почти не было историков-профессионалов, не было и изданных после 1962 г. трудов по истории Алжира, написанных самими алжирцами. Это тем более удивительно, что первые попытки патриотической интерпретации алжирской истории от-

носятся еще к началу нашего столетия и к рубежу 20—30-х годов находят достойное воплощение в трудах видных деятелей Ассоциации алжирских улемов-реформаторов шейха Мбарека аль-Мили и Ахмеда Тауфика аль-Мадани. Трехтомное сочинение Мбарека аль-Мили [100], охватившее всю историю Алжира с древнейших времен до французского завоевания, было переиздано в независимом Алжире.

Первые труды профессиональных алжирских историков появились совсем недавно. Это большой труд Белькасема Саадаллаха [106], изданный на арабском языке в Бейруте, и франкоязычная монография Махфуда Каддаша («Политическая жизнь в Алжире с 1919 по 1939 г.», Алжир, 1970). Для темы настоящего исследования наиболее ценна первая работа, представляющая собой выполненный автором перевод его докторской диссертации, посвященной «не изучению французского правления в Алжире, а исследованию истории движения алжирцев, явившегося результатом этого правления и реакцией на него» [106, стр. 16]. На богатейшем документальном материале, с привлечением всей известной и малоизвестной литературы и прессы Б. Саадаллах дал подробную картину становления и развития алжирского национального движения до 1930 г., уделив особое внимание сравнительно мало изученному периоду 1900—1919 гг.

До книг Саадаллаха, Каддаша и Джендера почти не было академической алжирской историографии новой и новейшей истории Алжира, ибо труды аль-Мили и аль-Мадани, не говоря об их предшественниках, были не только вкладом в историографию, но и произведениями публицистическими. Такими же были и большинство остальных исторических сочинений по Алжиру, написанных алжирцами.

Несколько особое место занимают работы алжирских авторов по социальным и социологическим вопросам. Их уровень достаточно различен — от полудилетантского произведения известного журналиста, этнографа и общественного деятеля начала века Мухаммеда Суалаха об автохтонах Северной Африки [195] до серьезного исследования характера и последствий двуязычия алжирцев, сделанного таким высокоэрудированным и разносторонне образованным специалистом, как Абд аль-

Малик Сайяд [193]. Квалифицированным подходом к историко-социологическим сюжетам характерны труды работающего во Франции Али Мерада, особенно его диссертация о движении улемов-реформаторов [169].

Некоторые из подобных работ принадлежат перу активных участников антиколониального движения еще в дореволюционном Алжире и могут служить своего рода иллюстрацией идеологических позиций этого движения на разных стадиях его развития. Таковы, например, книги публициста (ныне — дипломата) Мухаммеда-Шерифа Сахли, ветерана алжирского национального движения. В его «Послании Югурты» [190] говорится о «счастливым слиянии арабского и берберского гения» в Магрибе, воспеваются «тысячелетняя борьба за свободу и независимость» [190, стр. 15]. В другой своей книге — «Алжир обвиняет...» [188] — Сахли, правдиво излагая историю борьбы алжирцев против французских колонизаторов, в то же время явно преувеличивает процветание «алжирской родины» до установления господства Франции. Вместе с тем Сахли пишет о раболепстве алжирской буржуазии перед колонизаторами, о слиянии «классовых и национальных интересов» тех и других и т. п. [188, стр. 57]. Свою последнюю книгу «Деколонизировать историю» [189] Сахли издал уже после провозглашения независимости. В основном это полемика с французскими историками, разоблачение их теорий и мифов о «благодетельных» колонизаторах.

В общем ряду этой литературы особое место занимает изданное в Швейцарии социологическое эссе Саадии и Лакдара «Колониалистское отчуждение и сопротивление алжирской семьи» [187]. Задачи, поставленные перед собой авторами, прямо определены избранным ими в качестве эпиграфа знаменитым высказыванием вождя алжирских улемов шейха Абд аль-Хамида Бен Бадиса: «Обозрев прошлое и настоящее, мы установили, что алжирская нация образовалась, как все прочие нации на Земле. У нее есть своя история, отмеченная самыми достойными делами, свое религиозное и языковое единство, свои культура, традиции и особенности, хорошие или плохие, как у любой другой нации. Поэтому мы говорим, что эта алжирская нация — не Франция, не может и не хочет ею быть» [187, стр. 7].

Саадия и Лакдар свое внимание концентрируют на

четырёх «наиболее кричащих», по их мнению, формах колониального обезличивания коренного населения Алжира: «натурализации» (т. е. принятия алжирцами французского гражданства ценой отказа от национальной, религиозной и культурной самобытности), службе во французской армии, проституции (как средстве разрушения традиционной морали алжирской женщины и традиционных взглядов алжирцев на семью), эмиграции во Францию со всеми ее последствиями (главным из которых авторы считают смешанные браки). В книге немало спорного. Однако драма поработленного народа, которого в течение более ста тридцати лет непрерывно пытались лишить национального достоинства, собственного лица и самосознания, морально подавляли и мучили, не считаясь ни с его волей, ни с вековыми обычаями и устоявшимся образом жизни, хорошо передана на ее страницах.

Наиболее значительной работой алжирского автора об Алжире, алжирской революции и ее предыстории оставалась до недавнего времени книга историка, литератора и общественного деятеля Мустафы Лашрафа «Алжир: нация и общество» [156]. Автор — до 1956 г. скромный учитель и журналист, затем член руководства партии ФНО, пять лет находившийся во французских тюрьмах, а после 1962 г. ставший видным теоретиком культурного возрождения, одним из авторов Триполитской программы ФНО. Его книга — собрание историко-социологических исследований, публиковавшихся в 1954—1964 гг. во французских и алжирских журналах и представляющих большой интерес. Она подразделяется на очерки по истории колонизации и антиколониального движения в Алжире, иноземного капитализма и «туземного» феодализма, об истоках крестьянского патриотизма [156, стр. 47—115, 157—281] и статьи, написанные по горячим следам событий. Не удовлетворяясь изложением большого и тщательно продуманного фактического материала, Лашраф стремится к социально-исторической интерпретации этих событий и философскому их осмыслению с позиций просвещенного патриотизма и радикального демократизма. По широкому панорамному подходу к истории Алжира и глубине ее понимания труд Лашрафа сохраняет первенство среди работ алжирских историков.

Литература об Алжире, изданная в других арабских странах, носит во многом описательно-популяризаторский характер. Научная историография в этих странах, так же как и в Алжире, делает только первые шаги. Однако без учета ее скромных пока что достижений вряд ли возможна сегодня серьезная работа по истории Алжира.

Серьезно были затронуты алжирскими событиями его соседи — Тунис и Марокко. Однако тунисскими авторами пока что не создано значительных трудов по новой истории Алжира, хотя именно в Тунисе появились первые в арабском мире неалжирские публикации по этой теме. Зато литература Марокко представлена книгой лидера националистов, основателя знаменитой партии «Истикляль» Алляля аль-Фаси «Освободительные движения в Арабском Магрибе» [101]. О книге аль-Фаси на Западе бытует мнение, что «представленная как труд историка, она фактически является подлинными политическими мемуарами» [162, стр. 482]. Но это справедливо лишь в отношении Марокко. Что же касается Алжира, то для познания этой страны книга Алляля аль-Фаси, за некоторыми исключениями, не более чем труд историка, к тому же освещающий события в Алжире далеко не так подробно, как в Марокко [101, стр. 32—37, 408—410].

Определенное внимание новой истории Алжира уделил сирийский публицист и общественный деятель Ахмед аль-Хатыб, посвятивший алжирской революции свое большое исследование [102], вышедшее в 1958 г. По мнению алжирца Мухаммеда Ахмеда аль-Гасыри, написавшего к нему предисловие, основной слабостью большинства изданных до этого книг об Алжире, в том числе на арабском языке, было то, что «все они рассматривали действительность и проблемы Алжира поверхностно, так как заимствовали сведения из французских источников, большинство которых пристрастны и ни в коем случае не признают Алжир арабской страной как ныне, так и в прошлом» [102, стр. 7]. Ахмед аль-Хатыб пытался преодолеть эту слабость, максимально используя при работе над своей книгой произведения арабских (включая арабоязычных алжирских) историков и общественных деятелей. Вместе с тем ему, пожалуй, принадлежит пальма первенства в широком и довольно полном, на-

сколько это возможно, использовании редких арабоязычных изданий и органов прессы алжирских политических партий. Поскольку большая часть этих материалов чрезвычайно труднодоступна, а то и вообще недоступна (выходившие нерегулярно, они часто конфисковывались и уничтожались французской полицией, вследствие чего их комплекты либо совсем не существуют, либо имеются в очень неполном и разрозненном виде, а еще чаще — представлены отдельными экземплярами), ценность книги Ахмеда аль-Хатыба, имевшего, очевидно, возможность пользоваться частными собраниями или архивами алжирских националистов, в этом плане исключительно велика.

Следуя своей цели — просветить арабского читателя, явно недостаточно в то время информированного об особенностях положения и развития Алжира, Ахмед аль-Хатыб подробно излагает историю страны, описывает ее государственное и общественное устройство до прихода французов, этапы и последствия французского завоевания, сопротивление алжирцев. Весьма выразительны заголовки разделов книги: «Организация арабского государства в Алжире» (имеется в виду государство Абд аль-Кадира), «Признание алжирской индивидуальности» (имеется в виду договор 1834 г., который автор использует как доказательство беспочвенности попыток отрицать наличие государства и национальной самобытности в Алжире ко времени французского вторжения), «Великая освободительная война» и т. п.

Одной из более поздних работ, опубликованных в Бейруте в 1961 г., является книга сирийского поэта Ихсана Хакки «Арабский Алжир» [107], изданная одновременно на арабском и английском языках. Состоящая из 30 разделов, она претендует на обобщение всего написанного к тому времени по-арабски об Алжире. Это — своего рода энциклопедический свод самых разных сведений о «земле славной борьбы», как называет автор Алжир, о ее географии, истории, культуре, экономике, этапах этнической эволюции, национально-освободительном движении, особенностях структуры населения, колониального управления. В книге приведен ряд малоизвестных данных об общественной жизни страны в колониальный период, о религиозных толках и течениях суфизма, состоянии земледелия, промышленности

и т. д. О политике Франции автор высказывается достаточно резко, допуская в то же время некоторые неточности и преувеличения, например относительно «арабской национальности» берберов, якобы кодификации свободы берберских женщин «великодушными доктринами ислама» и т. п. [107, стр. 17, 203, 232, 241].

Еще более резка по тону книга, изданная в Иерусалиме предположительно в конце 50-х годов «алжирским кадием» Масудом Муджахидом (очевидно, псевдоним) под названием «Алжир сквозь века» [103]. Масуд Муджахид — автор многочисленных книг националистического содержания, касающихся французской политики в Алжире, ислама, шариата и палестинской проблемы, — пытался построить свой фолиант (640 страниц большого формата) по образцу книги аль-Хатыба, которую он использовал наряду с прочими исключительно арабоязычными сочинениями, в том числе средневековых авторитетов аль-Идриси, Ибн Халдуна, Ибн Баттуты, а также современных авторов клерикального толка. Книга рассчитана на глубоко верующего мусульманина и непримиримого националиста, для которого вполне убедительно, например, объяснение поддержки англо-американскими империалистами политики Франции в Алжире только «предпочтением европейской расы в ущерб арабской расе и белого человека в ущерб человеку цветному» [103, стр. 636]. В целом Масуд Муджахид гораздо больше внимания уделяет не фактам и событиям, обилие которых составляет основную ценность его книги, а текстам, заявлениям, провозглашенным принципам и вообще словам, которые он готов без конца анализировать и комментировать, сопровождая это чтением морали и цитированием Корана. Поэтому, несмотря на последовательный антиколониализм М. Муджахида, его сочинение — не сегодняшшний, а вчерашний день арабской историографии. То же самое относится и к менее объемистым иным его произведениям, в частности изданным в 1962 г. книгам «Свободный Алжир» и «История Алжира» [104].

Наиболее значительна арабская литература об Алжире, изданная в Египте. Большинство египетских авторов (Али аш-Шалкани, Саад Заглул Фуад, Рагаа ан-Наккаш) писали лишь о современном Алжире. Однако с конца 50-х годов этой страной стали интересоваться

в Египте не только журналисты и литераторы, но и профессиональные историки. Об их интересе свидетельствует, например, выпущенная в Каире в 1959 г. монография Галляля Яхьи «Политика Франции в Алжире» [108], построенная главным образом на французской и в меньшей степени арабоязычной литературе (включая произведения алжирских и марокканских авторов). Яхья тоже подробно пересказывает историю Алжира до прихода французов, в период французского завоевания и колонизации, особенно отмечая сопротивление алжирцев на разных этапах колонизации. Заслугой его следует считать особый раздел, в котором анализируется двойственная позиция США в алжирском вопросе, заключавшаяся одновременно и в помощи делу сохранения в Алжире колониальных порядков, и в стремлении вытеснить из Алжира французских конкурентов [108, стр. 369].

Особо следует остановиться на работах весьма плодотворного египетского историка Салаха аль-Аккада, хорошо знакомого как с французской буржуазной историографией, так и с документами и материалами различных французских фондов. В сущности, ему принадлежит заслуга обогащения арабской историографии методами и достижениями более технически совершенной и современной французской историографии, к середине 50-х годов далеко опередившей историографию других капиталистических стран по уровню и качеству знания Магриба. Он считал, что «история Магриба не преподается на литературных факультетах как часть новейшей истории арабов», а интересы египетских историков ограничиваются «истоками движения за арабское возрождение в Египте и изучением Арабского Востока, ибо французский империализм опустил железный занавес над западной частью арабского мира». В связи с этим аль-Аккад стремился ликвидировать данный пробел в арабской историографии. «В 1958 г. мы издали, — пишет он, — книгу на эту тему, состоящую из двух частей: часть I — „Арабский Магриб между исламской солидарностью и французским империализмом“ и часть II — „Арабский Магриб от французской колонизации до национального освобождения“» [98, стр. 5—6].

В том же году им была опубликована книга «Арабский Алжир», которая легла в основу позднее расши-

ренных «Лекций о развитии французской политики в Алжире», прочитанных в 1959—1960 гг. в Университете арабских государств [см. рец.: 44, 1962, № 3]. В этой книге наиболее ярко отразились как сильные, так и слабые стороны Аль-Аккада как историка. Ученик Шарля-Андре Жюльена, аль-Аккад, всегда старался подражать ему и в стиле изложения, и в подходе к проблемам. Поэтому, например, тема антиимпериализма звучит у него по-иному, чем у других арабских авторов — менее риторично, с большей попыткой применения социального историзма и опорой на факты и документы. Считая, что до него большинство книг на арабском языке об Алжире и вообще о Магрибе были «близки к пропагандистским», Салах аль-Аккад стремится к строгому академизму повествования, обильному цитированию неарабских источников, широкому привлечению материалов на французском и английском языках.

В своих «Лекциях» Салах аль-Аккад сжато повествует об основных этапах развития французской колонизации Алжира, об алжирском антиколониализме и отношении к нему различных кругов общественного мнения Франции и т. д. В целом правильно определив характер борьбы в Алжире и ее взаимосвязь «с защитой существования европейского меньшинства, которое поселилось в стране и привыкло пользоваться в ней политическими и экономическими привилегиями», он считал, что «алжирская проблема по своей запутанности напоминает палестинскую». Однако тут же аль-Аккад допускает совершенно ошибочное утверждение, что «такого рода конфликты можно определить как биологическую борьбу». Колониальную политику он в значительной мере объясняет соображениями национального престижа: по его мнению, Алжир был захвачен Францией «больше во имя национального достоинства, чем из-за чего-либо другого». Слишком большое значение придает автор и религиозному фактору [99, стр. 1—7].

Наиболее значителен изданный в 1962 г. труд аль-Аккада «Арабский Магриб. Алжир—Тунис—Марокко», солидный по объему (500 стр.) и широкому кругу привлеченных источников и литературы (около 90 названий), в свое время рецензировавшийся в советской научной периодике [44, 1963, № 6]. Частично включив в него исправленные и переработанные главы «Лекций»,

автор привлек новые материалы и подробно рассмотрел события, ранее им не освещавшиеся. В книге излагается история Алжира, Туниса и Марокко с начала XVI в. до 1962 г. Однако основная ее тема сформулирована самим автором в подзаголовке: «Исследование новейшей истории Магриба и его современных проблем». Главное внимание уделяется периодам господства французского империализма в странах Магриба (вторая глава книги так и называется — «Французский империализм»), подъема национального движения и развития политической жизни стран Магриба после завоевания независимости (за исключением Алжира, получившего независимость уже после завершения книги).

К сожалению, этот труд аль-Аккада тоже не свободен от методологических слабостей и идеологического субъективизма автора, являющегося противником марксизма. Однако при всех ее недостатках книга все же заслуживает позитивной оценки как один из первых в арабской историографии фундаментальных и серьезных трудов по истории Алжира (а также Туниса и Марокко), отличающихся богатством и в основном достоверностью фактического материала, вниманием к экономическому, социальному и международному аспектам антиколониальной борьбы, широким привлечением источников и литературы и критическим к ним отношением. Националистическая концепция автора неотделима от его антиколониализма и антиимпериализма. То же самое относится к работам почти всех египетских (и не только египетских) историков-немарксистов, в том числе известного советским читателям Амина Саида [86].

За пределами арабского мира в странах Азии и Африки почти нет не только крупных исследований, но даже популярной местной литературы об Алжире. Исключения типа брошюры пакистанского автора Хусейна Нуруддина «Алжир — жертва колониального империализма» (Карачи, 1951) лишь подтверждают правило. Обычно авторы таких брошюр — выходцы из арабских стран, осевшие или временно работающие в других странах Азии и Африки.

Объясняется это прежде всего молодостью национальной исторической науки в этих странах. В тех же случаях, когда уровень ее удовлетворителен, усилия местных ученых сосредоточиваются, как правило, на

изучении проблем своей истории, своего общества. Поэтому общественность афро-азиатских стран обычно знакома с алжирской проблематикой либо по соответствующей франкоязычной и англоязычной литературе (изданной во Франции, Англии, США, а также в Алжире и других арабских странах), либо по ее переводам. Произведения местных авторов — лишь отдельные исключения из этого правила.

Книга профессора истории Американского университета в Бейруте Николы Зиядэ «По Северной Африке» [207], изданная в 1957 г. Мусульманским университетом в г. Алигархе (Индия), свидетельствует о том интересе, который возник во всех афро-азиатских странах к Магрибу, прежде всего благодаря войне в Алжире. Труд ливанского историка скромнен, не претендует на глубокую научность и скорее может считаться научно-популярной работой, имеющей познавательную ценность. Кратко изложив сведения по географии, населению, экономике и истории Магриба, Зиядэ основное внимание сосредоточивает на развитии национального движения. В целом его работа достаточно серьезна и содержит, в частности, сведения, почерпнутые автором из труднодоступной для большинства исследователей арабоязычной прессы Алжира.

Лучшими во всем «третьем мире» и, может быть, вообще во всей экономической и социологической литературе по Алжиру являются труды профессора Дакарского университета (Сенегал) египтянина Самира Амина (его перу принадлежат также исследования экономического развития Конго, Мали, Гвинеи, Ганы, Берега Слоновой Кости, Сенегала). «Экономика Магриба» Самира Амина — солидное двухтомное исследование, построенное на анализе первоисточников и тщательно отобранной литературы по данной теме. Наиболее ценен первый том — «Колонизация и деколонизация», — посвященный проблемам стран Магриба как в колониальный период, так и после достижения ими независимости; при этом львиная доля внимания уделяется Алжиру [115, т. 1, стр. 9—29, 38—43, 121—158 и далее].

Результатом углубления и дополнения исследований социально-экономической жизни Магриба последних лет явилась недавно вышедшая работа Самира Амина — «Современный Магриб». Хотя в значительной части она

представляет собой сокращенный и переработанный вариант «Экономики Магриба», эта работа вместе с тем содержит самые последние данные и новые, довольно интересные выводы автора. К тому же в «Современном Магрибе» автор наряду с социально-экономическим анализом обращается и к анализу политическому, подчеркивая, что первый ему нужен, «чтобы понять смысл и значимость социальных перемен», а также «значение внутренней и внешней политики Магриба» [116, стр. 7].

Из трудов историков молодых африканских государств заслуживает внимания книга профессора Ибаданского университета (Нигерия) Джамиля Абун-Насра «История Магриба» [109]. Хотя Абун-Наср в основном лишь обобщил результаты исследований истории Магриба, выполненных арабскими, английскими, американскими и французскими буржуазными авторами, многим его оценкам нельзя отказать в меткости и точности. Вместе с тем вызывает возражение как согласие автора с концепциями большинства английских и американских специалистов по Алжиру, так и его стремление всячески подчеркнуть сугубо националистический характер алжирского антиколониализма.

Из литературы Запада по данной теме наибольший интерес представляют исследования, опубликованные во Франции, которые и в настоящее время сохраняют первенство в изучении и глубине познания Алжира. Это относится и к узкопроблемным, и к общим трудам, например к «Истории XIX века» под редакцией Лависса и Рамбо, которая содержит обширнейший материал о захвате, закабалении и колониальном управлении Алжиром [69, т. 4, стр. 239—316; т. 6, стр. 134—148; т. 8, стр. 217—229]. Трудно даже перечислить всю имеющуюся французскую литературу об Алжире, который, как известно, часто рассматривался во Франции не как колония, а как «заморская провинция» метрополии.

Многие крупнейшие французские знатоки Алжира (Жак Берк, Вильям, Жорж и Филипп Марсэ, Пьер Буайе, Гюстав Мерсье, Жан Сервье, Габриэль Эскэ и др.) были связаны с этой страной не только своими научными интересами, но и родственными связями и происхождением. Патриарх французского «алжироведения» Шарль-Андре Жюльен свою карьеру начинал преподавателем в Алжире. Сохранение на всю жизнь инте-

реса к этой стране характеризовало самых разных французских деятелей «алжирского» происхождения, таких, как писатели Альбер Камю, Эмманюэль Роблес и Жюль Руа, политики Эжен Этьенн, Жак Шевалье, маршал Жюэн и др. Практически алжирские европейцы и французы метрополии одинаково считали Алжир областью Франции, что, естественно, не могло не сказаться и на подходе тех и других к алжирской проблеме.

Это относится и почти ко всем более или менее значительным французским специалистам по Алжиру, родившимся в метрополии и лично не связанным со средой европейцев Алжира. Как правило, они долго жили в этой стране, проникаясь соответствующими настроениями привилегированного слоя европейского меньшинства. Например, Роже Ле Турно 12 лет был профессором Алжирского университета (проработав до этого 12 лет в Марокко и Тунисе), а после этого продолжал поддерживать связи с европейской интеллигенцией Алжира, ежегодно приезжая для чтения там курса лекций.

Естественно, что вследствие отмеченных обстоятельств большинство французских исследователей Алжира (в том числе либералов буржуазного толка или аполитичных объективистов) были неспособны занять в алжирском вопросе не только справедливую, но хотя бы беспристрастную позицию. Совершенно свободны от всяких предрассудков и субъективных оценок антиколониальной борьбы алжирцев только работы французских авторов-марксистов Жана Дрэша, Марселя Эгрето и др., из которых особенно следует выделить вышедшую двумя изданиями (1957 г. и 1961 г.) монографию Эгрето «Реальность алжирской нации» [130] (в русском переводе 1958 г.— «Алжирская нация существует» [97]). В этой монографии как бы обобщены многолетние исследования ученых-марксистов в области колониальных проблем, в первую очередь наиболее значительной для Франции алжирской проблемы.

Ученые-марксисты Франции своими работами стремились доказать и обосновать закономерность алжирской революции и, в частности, вскрыть несостоятельность официального тезиса правительства Франции о том, что, «с тех пор как существует этот мир, никогда не было ни алжирского единства, ни алжирского суверенитета» [51, 18.IX.1959]. Вопросу алжирского единст-

ва и суверенитета, в частности, посвящено исследование Ива Лакоста, Андре Нуши и Андре Пренана «Алжир: прошлое и настоящее. Формы и этапы созидания современного Алжира» [158; см. рец. в 44, 1962, № 1]. По фактическому материалу и источникам эта монография намного превосходит книгу Эгрето, но освещает историю Алжира только до 1919 г. Хорошим продолжением этой работы является монография Андре Нуши [173], вскрывающая экономические, социальные и политические корни антиколониального движения в Алжире с 1914 по 1954 г. Вместе с тем Нуши затронул целый ряд проблем, относящихся и к периоду до 1914 г., которые еще ждут своего исследователя. «Например, — пишет он, — мы очень плохо знаем сельскую жизнь Алжира, мы почти ничего не знаем о налогообложении, рабочем и профсоюзном движении, развитии городов, миграциях, эволюции цен и заработной платы» [173, стр. 7].

Социально-экономические проблемы Алжира анализировались почти всеми исследовавшими эту страну французскими марксистами. Наиболее значительна в этом плане работа Раймона Барбе «Общественные классы в Алжире», содержащая одну из самых полных обработок данных французской статистики по Алжиру колониального периода [47, 1959, № 62—63]. В методологическом отношении интересен труд Рене Галиссо «Доколониальный Алжир», изданный в 1968 г. Центром марксистских исследований в Париже с характерным полемическим подзаголовком «Социальные классы в докапиталистической системе. Сомнение в феодальном способе производства» [136]. Основная ценность работы Галиссо — в попытке применить к очень запутанной и малоисследованной социальной действительности Алжира накануне 1830 г. творчески интерпретированные положения Маркса о докапиталистических формах производства.

Ученые-коммунисты Франции, внимательно следя за ходом событий в Алжире, опубликовали множество работ по алжирской тематике совместно с видными представителями общественной мысли и национальной культуры Алжира. Во время войны 1954—1962 гг. наиболее известной подобной публикацией явился специальный номер (№ 112 за 1960 г.) журнала «Нувель критик», целиком посвященный алжирской культуре.

Материалы этого сборника интересных статей сохраняют свою ценность до настоящего времени [74].

Много сделали для изучения Алжира французские авторы-социалисты. Среди них ведущее место принадлежит одному из крупнейших знатоков Магриба и вообще бывших французских колоний видному историку-антиколониалисту Шарлю-Андре Жюльену, двухтомный труд которого «История Северной Африки» [65] был в 1961 г. переведен на русский язык. Перу Жюльена принадлежит также ряд блестящих монографий, критически освещающих колониальную политику Франции в Магрибе, в первую очередь в Алжире [153; 154]. Его книга «История современного Алжира» [155] содержит наиболее подробный анализ новой истории страны до 1871 г. В известной мере продолжением этой работы является докторская диссертация Шарля-Робера Ажерона, одного из учеников Жюльена, опубликованная в 1968 г. под названием «Алжирские мусульмане и Франция» [113]. Это — наиболее полное исследование истории Алжира 1871—1919 гг., до Ажерона очень мало или фрагментарно изученной. Представляют значительный интерес для исследования всей колониальной эпохи в истории Алжира и другие работы Ажерона, содержащие редкие факты и оригинальные выводы [111; 112].

Труды французских буржуазных авторов об Алжире очень многочисленны и почти не поддаются учету. После 1962 г. они, как правило, более солидны и спокойны, иногда полны раздумий относительно перспектив дальнейших алжиро-французских отношений [132] и довольно часто — горьких сожалений по поводу «упущенных возможностей» французской политики в Алжире до 1962 г. Однако основная масса литературы по Алжиру издана во Франции еще в период алжирской войны или до нее.

Чрезвычайно ценным и высококвалифицированным общим трудом по Алжиру является коллективная монография «Введение в Алжир» [114], изданная в 1957 г. и написанная лучшими в то время знатоками Алжира во Франции: деканом литературного факультета Алжирского университета Жаном Алазаром, профессорами этого университета Роже Ле Турно, Кристианом Куртуа, Жоржем и Филиппом Марсэ, Луи Мийо, президентом Алжирского исторического общества Гюставом

Мерсье, директором Института высших исламских исследований Анри Пересом, профессором Сорбонны географом Марселем Лярнодом, известными историками Пьером Буайе и Ксавье Яконо, крупным востоковедом Марселем Коломбом и другими. Более 420 страниц монографии посвящены систематическому изложению самых широких сведений о географии и природных условиях Алжира, его естественном и экономическом районировании, историческом прошлом, населении, языке, быте и культуре. Исчерпывающая библиография и скрупулезный отбор информации, базирующийся на результатах научных исследований, характеризуют эту одну из наиболее достоверных общих работ по Алжиру. Вместе с тем «Введение в Алжир» требует внимательного критического прочтения с учетом социальной направленности авторов и применяемой ими методологии, которую можно охарактеризовать как тенденцию к показной аполитичности и подчеркнутому объективизму.

В социологическом плане известный интерес представляет двухтомное исследование Ксавье Яконо «Колонизация долин Шелифа». Опираясь на богатейшие первоисточники (преимущественно ныне утраченные или труднодоступные архивы), автор в числе прочих поставил задачу изучения «эволюции колонизации в течение примерно века» и «изменений, которые претерпел туземный мир от контакта с колонизацией» [206, т. 1, стр. 65]. Выводы автора очень любопытны, особенно в отношении социальных мутаций среди европейцев и алжирцев [206, т. 2, стр. 364—367]. Интересна и книга лучшего во Франции знатока арабского мира Жака Берка «Магриб между двумя войнами» [123]. По мнению американского специалиста Чарлза Галлагера, это «блестящий психологический портрет североафриканской индивидуальности с глубоким анализом проблем культуры и обновления, годный при оценке любого периода» [135, стр. 259].

Еще более близки к основной теме настоящей монографии работы преподавателя Лилльского (а позднее Алжирского) университета Пьера Бурдые. Самый капитальный из них — «Труд и трудящиеся в Алжире», написанный совместно с тремя специалистами по экономической статистике (перу Бурдые принадлежат 312 из 566 страниц книги). Книга содержит самую подробную до на-

стоящего времени социальную, профессиональную и квалификационную характеристику населения Алжира, основанную на анкетах алжирских активистов французской Ассоциации экономических, социальных и демографических исследований [201]. Его же «Социология Алжира», вышедшая в том же году, посвящена другому вопросу — анализу социально-экономических отношений, специфики общественного быта и организации различных этнических групп населения страны [124].

Если на работах Ж. Берка отразилось его сотрудничество с марксистами (он — член редколлегий марксистского журнала «Демокраси нувель»), если П. Бурдые охотно использовал труды авторов-марксистов, то этого никак нельзя сказать об одном из «мэтров» изучения Магриба во Франции — Роже Ле Турно *, книга которого «Политическая эволюция мусульманской Северной Африки в 1920—1961 гг.», изданная в 1962 г., в известной мере подвела итог всему, что было сделано буржуазной историографией Запада по новейшему Магрибу к 1962 г. [см. рец.: 44, 1964, № 5].

Ле Турно отдал дань распространенным в буржуазном востоковедении концепциям о некоей «исконной вражде» арабов и берберов, которые, по его мнению, лишь изредка объединялись против общих врагов. «Всякий раз, — пишет автор, — когда коренное население было предоставлено самому себе, древние антагонизмы, относящиеся еще ко времени мусульманского завоевания, время от времени вновь появлялись в зависимости от обстоятельств, особенно в Алжире и Марокко» [162, стр. 26]. Сильно преувеличивая значение религиозной общности мусульман как фактора, противопоставляющего их европейцам, Ле Турно склонен в еще большей мере преувеличивать положительные итоги европейской колонизации Северной Африки, всячески восхваляя заслуги европейцев с их «предпринимательским духом» в

* Роже Ле Турно (1907—1971), знаток политических проблем стран Северной Африки, истории ислама и арабской цивилизации, 25 лет прожил в Марокко, Тунисе и Алжире. Член редколлегий ведущих востоковедческих журналов Западной Европы и США, представитель ЮНЕСКО в Ливии и постоянный лектор в высших учебных заведениях и научных центрах США, Франции (в том числе в военном колледже НАТО в Париже) и Алжира. В 1958 г. Ле Турно создал на базе университета в Экс-ан-Провансе крупнейший в мире центр по исследованию Магриба.

деле индустриализации и создания системы инфраструктуры в Магрибе [162, стр. 33].

Ле Турно оказал серьезное влияние на многих исследователей, например на экономгеографа и социолога Ильдебера Иснара [147—149], историка Робера Арона [117] и др. В свою очередь, он как бы передал последующим поколениям французских магрибистов эстафету от известного географа, историка и этнолога Огюстэна Бернара, работы которого об Алжире [121; 122] характеризуются, так же как и работы Ле Турно, сплавом всесторонних знаний и большой научной эрудиции с проповедью утонченного «интеллектуального» колониализма.

Однако далеко не всегда колониализм тех или иных авторов подается столь утонченно. Например, изданная в 1966 г. «Всеобщая история Магриба» Марселя Пейрутона — откровенная апология колониализма, принадлежащая перу видного петэновца, бывшего министра, генерал-губернатора Алжира и генерального резидента в Тунисе [182]. Такова же «История Северной Африки» бывшего командующего ВВС Франции, а позднее лидера печально известной террористической организации ОАС генерала Эдмона Жуо, написанная им в заключении. Весьма красноречиво начало посвящения книги: «В одиночестве тюремных камер мой мозг не может освободиться от воспоминаний о навсегда утраченной родине...» (Жуо родился в Алжире). Весь пафос этого «скромного труда», который автор намеренно доводит только до «открытия Сахары» и завершения создания «французского мира» в Африке к 1925 г., заключен в неоригинальном повторении тезиса многих предшественников-единомышленников Жуо: в жителях «Берберии» (т. е. Магриба) — не более 4—5% арабской крови; Алжир якобы не существовал как страна до прихода французов, которые его «создали» во всех отношениях путем «чудесных усилий» колонизации [152, стр. 9, 18, 95—140].

Особое место во французской литературе об Алжире занимают произведения, посвященные алжирским европейцам. Первое из них — книга Р. К. Льямо «Евро-алжир, или о рождении самобытного народа». Льямо называет алжирских европейцев «евроалжирцами», подчеркивая их отличие от собственно французов: «Я хо-

тел показать в этом историческом очерке рождение и рост евроалжирского населения за счет иммигрантов различного происхождения; затем — слияние этой пестрой массы в народ, подлинно единый по духу и плоти; потом — его самобытность, которая также является фактом» [164, стр. 3]. Его книга не лишена интереса и отличается от прочих воспеваний «цивилизаторства» алжирских европейцев попытками найти «справедливость» и «равенство» для обеих сторон.

Довольно интересна и необычна для периода алжирской войны книга Пьера Нора «Французы Алжира». Уроженец метрополии, после окончания университета преподававший в 1958—1960 гг. в одном из лицеев Алжира, автор внимательно изучал среду местных европейцев, их настроения, издаваемую ими прессу (включая печатные издания французской военной и гражданской администрации в Алжире), а также их художественную литературу. Книга Нора — легко написанное, но серьезное социологическое исследование, в котором переплетаются научные доводы и личные впечатления. Такая форма изложения особенно убедительно раскрывает психологические, социально-исторические и моральные аспекты драмы, пережитой европейцами Алжира. «Никто не проанализировал эту драму, — пишет в обширном введении к книге Ш.-А. Жюльен, — с такой проницательностью, точностью и талантом, как Пьер Нора». Вместе с тем Жюльен отмечает «свободу и, если угодно, суровость суждений» автора, его «тщательный анализ отношений между колонистами и туземцами», а также умение «живо осветить образ мышления» алжирских европейцев со всеми их особенностями и противоречиями. Блестяще показав закономерность краха французского «либерализма» в Алжире, Нора вместе с тем предлагает своего рода «новый курс», предусматривающий «урезонивание» европейских «ультра», так как «будущее Франции зависит от ее собственной готовности быстро стереть следы своей алжиризации и выиграть ставку в послевоенном Алжире» [171, стр. 8, 11, 25, 250].

Таким образом, французская литература об Алжире, будучи наиболее многочисленной и значительной, в то же время весьма разнообразна по своему научному уровню, политической направленности и реальному вкладу в изучение страны.

Литература об Алжире, тем более по его новой истории, изданная в других странах Западной Европы, находится под значительным влиянием французской историографии, ее традиций, источников, приемов и концепций. К тому же она довольно скудна и, как правило, лишь частично посвящена проблеме колонизации и отношения к ней алжирцев. В частности, в этом плане представляют интерес приложения к монографии швейцарского автора Шарля-Анри Фавро [133, стр. 106—229], которую Ле Турно несправедливо назвал «отрывочной и пылкой, сделанной на разрозненных и разношерстных документах» [162, стр. 485], а также солидные работы западногерманских историков Томаса Оппермана [176] и Вольганга Онэка [174].

Несколько большее внимание Алжиру, в том числе его истории в новое время, уделила итальянская колониальная литература, представленная сочинениями Костанцо ди Марцо, Итало Джильолли [141] и некоторых других певцов «средиземноморской миссии» Италии. Вместе с тем в итальянской историографии есть и более серьезные работы, например живо изложенный и богатый историческими подробностями труд о странах Магриба прогрессивного журналиста Энцо Равы [84], вышедший и в русском переводе в 1960 г. [см. заметку о нем: 44, 1961, № 2].

В 1961 г. миланский Институт изучения международной политики издал книгу Франческо Каталуччо «Образование алжирской нации», обобщившую все основное, что имелось по данной теме в западноевропейской и американской литературе. Каталуччо не обошел вниманием даже издания некоторых советских журналов. Однако, как «патриотично» оговорился автор, «наиболее полный документальный материал» он нашел в издаваемом его институтом журнале «Реляциони интернационали». Широкое использование прессы не помешало автору внимательно отнестись к первоисточникам (ряд сведений, например о существовании социалистической партии в Алжире в прошлом веке, он сообщает впервые). В его изложении и интерпретации сохраняется академически объективный тон. Особое внимание автор уделяет проблемам колонизации и деколонизации, считая, что Франция, осуществив первую и не подготовив вторую, допустила решающую ошибку, так как не

довела до конца ассимиляцию алжирцев, имевшую, по его мнению, шансы на успех: «Алжирский национализм возник не как реакция на политику ассимиляции, а как неудовлетворенность колониальной политикой классического типа» [125, стр. 9, 172]. Кроме книги Каталуччо достойны упоминания и другие работы итальянских историков об Алжире — «Колонизация Северной Африки» Энрико де Леоне (Падуя, 1957) и «История Алжира» Ромэна Раинеро (Флоренция, 1959), носящие, однако, менее самостоятельный характер. Не случайно Ле Турно, не обошедший вниманием ни одного стоящего произведения о Северной Африке, о книге де Леоне (кстати, преклонявшегося перед авторитетом Ле Турно) заметил, что «этот добросовестный труд не дает ничего нового о французской и испанской части Северной Африки», а книгу Раинеро вообще никак не отметил [162, стр. 481].

Достижения английской историографии в изучении колониального Алжира довольно скромны, несмотря на периодический интерес к Магрибу крупнейшего британского историка Арнольда Тойнби. В основном это журнальные статьи, разделы в общих трудах и справочниках [172].

«Обзор Северо-Западной Африки (Магриба)», изданный Королевским институтом иностранных дел в 1959 г. и в дальнейшем неоднократно переиздававшийся, высоко оценивался магрибистами разных стран [200]. Даже скупой на похвалы Ле Турно, назвав этот труд «неровным», признал его все же «достойным уважения» [162, стр. 481].

Основной автор Н. Барбур, занимающийся Магрибом с 1926 г., прожил, будучи руководителем восточной службы Би-Би-Си, три года в Марокко и 10 лет в Египте и Палестине в качестве корреспондента «Таймс», а в 1953—1958 гг. ежегодно посещал страны Магриба, работая над своим «Обзором». В этом труде ему помогали, в частности, англичане журналист Томас Ходжкин и майор Сэндиссон, шотландский арабист Траймингхэм, французские эксперты Андре Адам и Анри де Монтети, итальянский филолог Франческо Габриэлли и испанский историк Кармен Мартин де ля Эскалера. К сожалению, Алжиру в книге уделено недостаточно места (около 60 страниц из 400). Хорошо знако-

мый с Марокко, Барбур наиболее внимателен к этой стране, а также к тем странам Северо-Западной Африки, которые в то время были хуже исследованы (Ливия, Мавритания). Вместе с тем в книге нашли отражение значительная роль алжирской проблемы в жизни Марокко и Туниса и вообще международный аспект этой проблемы.

Книга Джерарда Манселла «Трагедия в Алжире», изданная в 1961 г. с помощью «неофициального и неполитического» Института расовых отношений в Лондоне, представляет собой брошюру с общим обзором экономических и политических проблем Алжира в годы колониального господства Франции, преимущественно на базе довольно узкого круга уже известной французской литературы. Автора особенно интересуют состав и взаимоотношения европейского и мусульманского общества в Алжире, он отмечает скверные условия жизни коренного населения и сожалеет о маловлиятельности либеральной части алжирских европейцев. Манселл подчеркивает необходимость справедливого решения алжирской проблемы, от которой, по его мнению, в большой степени будет зависеть «судьба Запада в его борьбе за умы неприсоединившихся народов мира» [165, стр. 76].

Для английской историографии 60—70-х годов характерно некоторое ослабление интереса к Алжиру, который затрагивается обычно либо в сугубо историческом плане, либо в плане сравнения английской и французской колониальной политики. Типична в этом отношении изданная в Глазго в 1968 г. книга преподавателя Эбердинского университета Энн Уильямс «Британия и Франция на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Рассматривая политику Англии и Франции в 1914—1967 гг. в большом регионе от Адена до Марокко, она сравнивает позиции и поведение обеих колониальных держав в арабском мире и приходит к выводу, что «активное вмешательство Англии и Франции больше не является приемлемым путем разрешения» проблем и кризисов этого региона [205, стр. 154]. Что же касается собственно Алжира, то Уильямс, в сущности, не дает ничего нового по сравнению с французскими и даже английскими авторами предшествующих лет. Некоторые алжирские разделы книги представляют собой нечто вроде краткого пересказа работ Ле Турно, Жюльена,

Нуши и других [205, стр. 58—63, 101—110]. Нельзя не согласиться с французским рецензентом Блешо, что книга Энн Уильямс слишком лапидарна для столь широкой темы, содержит немало ошибок («к несчастью для английских студентов») и «может претендовать лишь на то, чтобы быть введением в тему» [160, 1969, стр. 902].

За последние 10—15 лет значительно вырвалось вперед американское «алжироведение», в основном концентрирующее свои усилия на изучении новейшей истории и современных проблем Алжира. Однако, как свидетельствуют работы Дугласа Джонсона [151], Винсента Конфера [126], Джеймса Кука и некоторых других, изучение проблем новой истории Алжира также является важным направлением исследований магрибистов США. Этим проблемам немало внимания уделяется и в общих трудах, посвященных в основном современности, например в коллективном сборнике «Государство и общество в независимой Северной Африке», в котором приняли участие почти все известные американские магрибисты: Леон Карл Браун, Чарлз Галлагер, Клемент Генри Мур, Уильям Зартман, Дуглас Эшфорд и другие [199].

С точки зрения анализа взаимодействия колонизации и антиколониализма в Алжире особого внимания заслуживают работы профессора американского университета в Бейруте Дэвида Гордона. Его первая книга «Французское североафриканское наследие» — исследование влияния Франции в Магрибе и его последствий. Гордон отмечает, что «этот обзор культурных отношений между Францией и североафриканскими нациями в Марокко, Тунисе и Алжире... есть результат многих лет, проведенных среди арабских интеллигентов Ливана, визита в Северную Африку летом 1960 г. и интереса к истории Франции, как ученического, так и преподавательского» [142, стр. 1]. Работа автора направлялась и финансировалась исследовательским комитетом американского университета в Бейруте и в еще большей степени центром ближневосточных исследований Гарвардского университета США, а среди многочисленных консультантов Гордона был Чарлз Галлагер, доклады которого, по словам Гордона, имеют «необыкновенную ценность» [142, стр. 87].

Гордон критикует тезис алжирского революционного

идеолога Франца Фанона [см. 36] о необходимости «радикального и даже насильственного» отказа Алжира от культуры Запада и подчеркивает, что его «книга касается именно некоторых из этих горько осужденных Фаноном озападнившихся африканцев с их дилеммами, чаяниями и политикой, проводимой ими в качестве элиты новых независимых стран». Его прежде всего занимает вопрос, будет ли «воспитанный по-французски класс... осужден историей, как их осудил Фанон, или же он окажется способным совместить в новых культурных формах наследство арабов с наследием французского колониального прошлого» [142, стр. 3]. Автор прослеживает диалектику взаимоотношений между французами Северной Африки и наиболее офранцузенными кругами местной арабо-берберской интеллигенции, рождение «антифранцузской литературы на французском языке», успехи и перспективы «арабизации и модернизации» культуры Магриба. Значительную ценность имеет помещенный в конце книги научный аппарат (критический обзор библиографии, ссылки, справки) [142, стр. 87—121].

Через несколько лет с помощью упомянутых университетов Гарварда и Бейрута (а также фонда Рокфеллера) и консультаций Галлагера Гордон выполнил и издал в Лондоне новое исследование — «Исчезновение французского Алжира», в котором значительно развил и углубил выводы своей первой книги применительно к Алжиру и с учетом первых трех лет его независимого существования. Он подробно останавливается на происходивших в годы колониального господства Франции ассимиляционных процессах в Алжире; при этом значительное внимание уделяется им социальной, религиозной и культурной специфике алжирских мусульман. Чрезмерно концентрируя внимание на том, что он называет «возможностями», «потерянными шансами» и «смертью французского сообщества», Гордон в то же время по-своему неплохо прослеживает процесс становления новых патриотических идеалов в Алжире [143, стр. 30, 47, 80—135, 205—220].

О серьезности стремлений американских авторов к изучению исторических причин алжирской революции и предпосылок социальных сдвигов в алжирской деревне свидетельствует монография Джона Руди «Земельная

политика в колониальном Алжире», представляющая собой ценное исследование по истории европейской (преимущественно «официальной», т. е. проводимой французскими властями) колонизации Алжира и ее воздействия на коренное население [186]. Не говоря уже о том, что такой обобщающей работы по всему Алжиру до сих пор не было (французские историки в основном исследовали колонизацию отдельных районов и областей Алжира), заслугой автора следует признать обоснованную критику им французской литературы, апологетической по отношению к колонизации, а также самостоятельный анализ богатейших собраний документов по данной теме из Национального архива Франции, французских военно-исторических архивов, архивов и публикаций бывшего генерал-губернаторства Алжира.

В целом американская историография Алжира нового времени преимущественно сориентирована на анализ причин и предпосылок новейших тенденций алжирской социально-политической жизни и носит менее академический и более прагматический характер, чем французская историография. Вместе с тем, не вдаваясь в столь глубокое и детальное исследование всех процессов колонизации Алжира, характерное для французских историков, американские магрибисты более внимательны к порокам колонизации и не склонны ее идеализировать.

Таким образом, к настоящему времени изучение новой истории Алжира в самых разных странах — от СССР до Франции и от США до Египта — достигло очень высокого уровня, характеризующегося завершением этапа накопления фактологии и преимущественно описательного подхода к ней. Почти повсеместно теперь это изучение отмечено переходом к новому этапу — преимущественно концептуального обобщения и осмысления в основном систематизированного фактического материала, углубленными исследованиями не только общих, но и более специальных узких проблем. В этой связи внимание к проблеме взаимовлияния колонизации и антиколониализма представляется не только своевременным, но и остро актуальным. Анализ этой проблемы необходим как для более всестороннего познания «алжирского феномена», так и для определения его значения в общей проблематике истории колоний и колониализма.

КОЛОНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Глава I

КОЛОНИЗАЦИЯ И КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ

ДокOLONиальное общество

Вопреки традиции, установившейся во французской буржуазной историографии, вопреки известным словам Шарля де Голля («пока существует этот мир, никогда не было ни алжирского единства, ни суверенитета») [51, 17.IX.1959], Алжир накануне французского завоевания представлял собой вполне самостоятельное и единое по понятиям того времени государство, чисто формально сохранявшее некоторые атрибуты былой вассальной зависимости от Османской империи. «Конечно, — отмечает Ш.-Р. Ажерон, — само название Алжира датируется 1831 годом, но Алжирское регентство, основанное корсарами Аруджем и Хайрадином и отданное под турецкое господство вплоть до французского завоевания, существовало с первой половины XVI века» [111, стр. 5]. Братья Барбаросса, Арудж и Хайрадин, — принявшие ислам греки, вожаки пиратов, служившие турецкому султану, — с 1514 г. закрепились на алжирском побережье (в городе Джиджелли), а в 1516 г., ответив на призыв о помощи жителей города Алжира, вступили в долгую борьбу с испанскими завоевателями за контроль над Средним Магрибом, раздробленным в то время на множество мельчайших феодальных княжеств, самостоятельных городов и племен, независимых фактически (а часто и формально) областей и шейхств. После гибели Аруджа и признания Хайрадином сюзеренитета Константинополя над Алжиром

(1518 г.), Хайрадин получил титул бейлербея (т. е. бей над беями); опираясь на присланную турецким султаном янычарскую милицию («оджак»), он сумел отбить все атаки испанцев и подавить сопротивление и сепаратизм бесчисленных светских и духовных феодалов различного ранга и калибра, выступив тем самым в роли «подлинного объединителя центрального Магриба» [158, стр. 140]. Как среди корсаров, так и янычар, поселившихся в Алжире, были помимо турок по рождению и «турки по профессии», т. е. значительный процент их составляли принявшие ислам авантюристы — греки, венгры, славяне, итальянцы и т. п.¹ «Эти полуевропейцы принесли в Африку идею границ и территориального суверенитета: в основном именно они установили пределы Алжира» [111, стр. 6].

Организация корсарско-янычарского государства не была постоянной: до 1587 г. им правили бейлербеи, затем до 1659 г. — присылавшиеся султаном паши (которые на практике очень считались с янычарами и «раисами», т. е. капитанами пиратских судов). В 1659—1671 гг. власть осуществляли ага — военные предводители янычар, переизбиравшиеся каждые два месяца. С 1671 г. стабилизируется власть двуединой олигархии; она сосредоточивается в руках «дивана» (совета) оджака из пяти сановников, во главе которого встает «дей» — правитель, избираемый пожизненно, обычно из наиболее старых и богатых раисов. Присылавшиеся султаном паши потеряли всякое значение. Последний из них в 1711 г. был выслан из Алжира, после чего его функции окончательно перешли к дею, назначение которого диваном лишь формально нуждалось в «одобрении» султана. С 1689 г. дей, однако, избирался уже не диваном, а всеми янычарами оджака. Объяснялось это ослаблением к концу XVII в. влияния раисов вследствие начавшегося упадка пиратства и усиления вольницы янычар, которых раисы прозвали за анархизм, буйный нрав, неотесанность и преторианские замашки «анатолийскими быками» [166, стр. 49].

Верхушечный характер турецкого правления и почти полное отстранение коренного населения от руководства делами страны даже дали повод Роже Ле Турно высказать следующее, впрочем довольно спорное, мнение: «Еще не следует говорить об алжирском государ-

стве при турках, поскольку они установили в Алжире правление колониального типа, не стремившееся породить чувство единства у местного населения» [162, стр. 302]. На деле все было гораздо сложнее, «так» и в то же время «не так», ибо государство деев явилось первой в истории политической системой, охватившей всю территорию современного Алжира (за исключением Сахары), исходившей из возможностей только Алжира и положившей начало единству общественно-политической жизни в рамках всей страны, а не какой-либо ее части или более широкого объединения (например, всего Магриба).

Территория Алжира при дееях делилась на «дар ас-султан» (т. е. непосредственно управлявшийся деем район столицы) и «бейлики», управлявшиеся бейями в Орании (с центром в Маскаре, а с 1792 г. — в Ороне), Титтери (центр — Медеа) и Константине. Округа — «ватан» (по-арабски «родина», «отечество») — управлялись «кандами» («командующими», «вождями»), среди которых, в отличие от беев, могли быть не только представители пришлой корсарско-янычарской верхушки, но и местные феодалы арабского и даже берберского происхождения (обычно вожди доминировавшего в округе племени). Характерно, что название «ватан» восходило к какой-либо географической особенности данной местности или принятому в ней базарному дню: например, «Сук аль-хамис» («четверговый базар»), «Сук аль-арбаа» («рынок в среду»). Вместе с тем ватан никогда не назывался именем того или иного, даже господствовавшего в нем, племени, что свидетельствовало о большей, чем прежде, степени административного единства страны [151, стр. 229].

Но в целом коренное население страны было слабо вовлечено в систему турецко-янычарской администрации, которая, в свою очередь, явно недостаточно интересовалась внутренними делами, уделяя основное внимание по старой турецкой традиции войнам и особенно каперству. Между оджаком и коренным населением долго сохранялись барьеры: в 1808 г. в Алжире из приблизительно 3 млн. жителей было всего 10 тыс. турок (в том числе «турок по профессии») и 5 тыс. «кулуглу» (т. е. потомков от смешанных браков турок с местным населением) [111, стр. 7]. По другим сведениям, к

1830 г. здесь было до 30 тыс. турок [149, стр. 25] и до 20 тыс. «кулуглу» [180, стр. 139]. Естественно, при такой малочисленности турок и их слабой связи с коренными жителями турецко-янычарская олигархия была в состоянии контролировать не более $\frac{1}{6}$ территории Алжира [65, стр. 352]. Остальное пространство принадлежало либо независимым племенам, либо военно-политическим объединениям (например, религиозным братствам марабутов), полузависимым от турок или находившимся в союзе с ними.

Американский автор первой половины XIX в. Шэйлер в своем труде «Эскиз государства Алжир» (Бостон, 1826) назвал режим дея «тираническим управлением и гнетом», которые, «возможно, не имели параллели в истории любой другой страны». Однако впоследствии даже чиновники французской администрации в Алжире признавали, что сравнение французского и турецкого господства не в пользу французов, которые со стотысячной армией не могли достичь того, чего турки легко добились с пятнадцатитысячным войском. Даже реакционные настроенные французские историки вынуждены были отмечать «туркофилию» всех произведений традиционной арабской литературы и алжирского фольклора о событиях 1830 г. (см. ниже) и присущую этим произведениям «ностальгию по турецкому правлению». По мнению американского историка Дугласа Джонсона, «турецкая система управления была попыткой найти соответствие реальному положению в стране; на местах она менялась и развивалась, власть и использование ее варьировались по-разному в разных местах». Но он же признает, что экономический и социальный прогресс в стране тормозился грабительским характером господства чуждой коренному населению верхушки и тем обстоятельством, что вследствие непрерывного пиратства раисов и ответных контрмер европейских держав морское побережье Алжира «было скорее фронтом борьбы, нежели линией жизни» [151, стр. 223—224, 228].

Основная часть коренного населения Алжира занималась скотоводством и земледелием, жила (вне города и некоторых прибрежных районов) племенами и родовыми общинами. Племена делились на «махзен» («ахль аль-махзен» — «люди правительства»), свобод-

ные от податей и непосредственно помогавшие янычарам в сборе налогов, и «райя», т. е. податное сословие, к которому относились как оседлые жители, стоявшие вне племенной организации, так и племена (кочевые и оседлые), ослабевшие или усмирённые. Некоторые племена махзен (например, хаджуты) фактически превратились в наемников и несли полицейскую службу в разных местах страны. Многие довольно сильные племена и даже союзы племен признавали себя вассалами дея и обязывались платить подати с целью заручиться поддержкой оджака против других племен, с которыми они по традиции враждовали.

Турки, используя бесчисленные межплеменные (а часто и внутрплеменные) распри, умело противопоставляя свободные (по некоторым данным, махзен составляли от 10 до 20% сельского населения) и податные племена, довольно успешно господствовали в стране, несмотря на свою относительную малочисленность. Одной из причин этого была зависимость населения от торговли, в частности от обмена кочевниками шерсти на зерно. В подобных условиях, сохраняя контроль над дорогами и рынками, применяя систему заложников, янычары усиливали зависимость племен (в том числе махзен) от турецкой власти.

Господству янычарской олигархии способствовала также раздробленность коренного населения по этническому, социальному и конфессиональному признаку. Прежде всего, за исключением этнических групп, не игравших роли в политической жизни (негров из Сахары, евреев и чужеземцев-христиан), а также турок и кулуглу, составлявших тонкий поверхностный слой местных мусульман, алжирцы делились на арабов и берберов. Хотя к 1830 г. былая вражда между ними ослабла, что во многом объяснялось общностью их исторических судеб и длительной совместной жизнью в Магрибе на протяжении веков, сохранились существенные различия в языке, обычаях, повседневном быту и даже, в некоторых случаях, в социальной организации. Эти различия варьировались в зависимости от местности, ибо в некоторых областях (например, на востоке Алжира) арабы были в основном потомками берберов, принявших ислам, язык и культуру арабов (по мнению ряда французских ученых, например Огюстэна Бернара,

в Алжире арабы суть «берберы на различных стадиях арабизации»). Были случаи полной арабизации, вплоть до восприятия «благородной» аравийской генеалогии, отдельных берберских племен, а также — гораздо реже — берберизации арабских племен, на долгий срок попадавших в берберское окружение. Часто племена и их фракции уже не представляли собой единства связанных кровным родством соплеменников, включая немало пришлых или присоединившихся элементов и даже не имея единой генеалогии. Это было следствием бесконечных вторжений, миграций, исходов и приходов различных этнических групп, которым подвергались районы расселения того или иного племени [151, стр. 227].

Тем не менее различия, особенно в языке, сохранялись и представляли собой серьезный барьер между этими основными этническими группами коренного населения [96, стр. 74—92]. Дополненный какими-либо иными различиями (например, принадлежностью к свободным или податным племенам любого происхождения, хотя в большинстве случаев подати платили берберы) этот барьер легко становился источником острых противоречий. Но сами по себе такие различия уже переставали быть причиной стычек (как это нередко бывало в прошлом), что дало повод Ш.-А. Жюльену излишне категорично, на наш взгляд, заявить: «Окончательно завершилось слияние арабов и берберов» [65, стр. 351—352].

Примерно 50% всего сельского населения составляли «кабилы» (от арабского «кабаиль» — племена или, по Ажерону, «гебаиль» — жители гор) — оседлые берберы-горцы, преимущественно садоводы (но были среди них и арабоязычные скотоводы), жившие также использованием лесных угодий и традиционным ремеслом. В горах Дахры, Уарсениса, Джурджуры, Бабора и Ауреса они селились общинами («харруба»), которые, согласно обычному праву, управлялись собраниями («джемаа») родовой знати. По данным французских военных источников, до 1830 г. собственно кабилов в горах насчитывалось не более 200 тыс. [180, стр. 139]. Однако точных сведений о них не было вплоть до завершения завоевания их областей в 1858 г.

Жизнь кабилов до 1830 г. во многом остается тай-

ной. Часть из них периодически мигрировала в долины и на побережье, становясь издольщиками — «хаммаса-ми» — в поместьях турецких и арабских феодалов. Миграция была одним из источников влияния турецкой администрации в Кабилии, которая в целом почти не контролировалась янычарами: мигранты-кабилы, переселявшиеся на равнину, либо занимавшиеся отходничеством в качестве сезонных батраков и городских каменщиков, либо желавшие пойти в солдаты, нуждались в получении на то разрешения властей [151, стр. 226].

В то же время постоянное переселение горных жителей в долины и равнины Кабилии было важным фактором продолжавшейся арабизации берберов и постепенного складывания на ее базе алжирской народности (арабоязычной, но преимущественно берберской по происхождению). Судя по всему, этот процесс в государстве деев лишь начался и накануне французского завоевания был далек от завершения. Более значительную роль переселение горцев сыграло в феодализации патриархальной общины, члены которой, мигрируя (часто на постоянное жительство) в районы преобладания феодальных отношений, либо становились закабаленными хаммасами, либо попадали в ту или иную степень зависимости от системы военно-феодального деспотизма янычарской олигархии. При этом гнет янычар был не единственным. Хлебопашцы равнин обычно представляли собой райя, обрабатывавших земли племен махзен, от которых они зависели. Реже таковыми были полукочевые скотоводы. Но часто и те и другие (преимущественно арабы) угнетались отдельными феодалами из турецких кайдов или шейхов крупных племен махзен. Большей свободой располагали кочевники Сахары, как арабы, так и берберы.

По роду занятий и месту проживания все население Магриба издавна делилось на кочевников, оседлых крестьян и горожан, между которыми сложились отношения традиционной отчужденности². Воинственные бедуины презирали мирных земледельцев, а те смотрели на первых, как на грабителей; вместе с тем и те и другие, особенно бедуины, ненавидели горожан, составлявших всего 5% населения [111, стр. 7]. Ф. Энгельс считал подобный конфликт между кочевниками и горожанами одной из основ народных религиозных движений

в средние века в Африке, в том числе в Магрибе: «Горожане богатеют, предаются роскоши, проявляют небрежность в соблюдении „закона“. Бедуины, которые живут в бедности и вследствие бедности придерживаются строгих нравов, смотрят на эти богатства и наслаждения с завистью и жадностью» [4, стр. 468].

Среди горожан («балядийя») также не было единства. Они «жили в отрыве от сельских масс и считали себя принадлежащими почти к другой, чем бедуины, расе» [111, стр. 7]. Купцы и ремесленники были организованы в замкнутые корпорации, в которые не допускались пришельцы («барранийя»), вынужденные организовываться отдельно. Различные группы горожан жили обособленно, почти не смешиваясь друг с другом, и имели собственное управление и представителей своих интересов при турецкой администрации. Так, в г. Алжире накануне французского завоевания проживали 4 тыс. турок (военных, чиновников и феодалов), 18 тыс. «мавров» (потомков андалусских мусульман, изгнанных из Испании после завершения реконкисты и занявшихся по всему Магрибу ремеслами, торговлей, садоводством и умственным трудом), 1 тыс. «арабов и берберов» (т. е. пришельцев из внутренних районов, работавших по найму), 5 тыс. евреев (в основном мелких торговцев и ремесленников, беглецов из Испании или потомков берберов, принявших иудаизм) и 2 тыс. негров (каменщиков, чернорабочих, слуг и музыкантов). В городе Тлемсене, втором в то время центре страны, проживали 4 тыс. турок и кулуглу, 6—7 тыс. мавров, 2 тыс. евреев и т. д. Примерно такая же картина была в других городах, большинство которых насчитывало 1—3 тыс. жителей и служило главным образом стоянкой небольшим турецким гарнизонам («змала»), выполнявшим не столько военные, сколько полицейско-надзирательские функции [158, стр. 219—220].

Из городов только некоторые (например, Маскара с 10 тыс. жителей) были связаны с окружающим сельским миром, так как служили резиденцией могущественной аристократии племен махзен. В целом же вражда между городом и деревней (часто прямо вытекавшая из традиционной зависимости бедных крестьян от богатых горожан) принимала характер чуть ли не ксенофобии! При этом крестьяне отождествляли всех горо-

жан с изнеженными и утонченными маврами, которые действительно играли важную роль во всех значительных городах, но отнюдь не всегда составляли большинство, как правило селясь в так называемых «кварталах андалусцев». Их богатство, грамотность, видное положение в торговле, ремеслах и искусстве, монополизация ими ряда доходных профессий вызывали зависть, а заискивание перед турками (разрешившими им поселиться в Алжире) давало повод для всеобщего презрения. Сохраняя многие обычаи, особенности быта и культуры своей прежней родины, мавры лишь тем самым усиливали отчужденность между собой и местным населением, заметить которую им мешала ностальгия по утраченной родной земле и, очевидно, вызванное этим ожесточение³.

Так или иначе, большинство алжирцев (а вслед за ними и французов, после 1830 г.) отождествляли «хадрийя» (т. е. горожан) с маврами, о которых сложилось самое незавидное мнение. Вот что писал о последних в сентябре 1857 г. Ф. Энгельс в статье «Алжир» для «Новой американской энциклопедии»: «Из жителей, пожалуй, наименьшим уважением пользуются мавры. Живя в городах и пользуясь большими удобствами, чем арабы и кабилы, они, вследствие постоянного гнета со стороны их турецких правителей, отличаются робостью и тем не менее сохранили свою жестокость и мстительность; в моральном же отношении они стоят очень низко» [3, стр. 100]. Все эти черты мавров объяснялись во многом помимо упомянутых превратностей их судьбы и особенностей положения в стране еще и тем, что они наряду с еврейскими и заезжими христианскими купцами представляли торгово-ростовщический капитал и своеобразный зародыш буржуазии, обреченной на слабость и раболепство в условиях военно-феодального деспотизма и произвола янычар и средневекового характера раздробленного и разнородного общества.

Это общество представляло собой помимо этнической пестроты еще и многообразную и причудливую смесь различных систем и уровней социального развития, разных форм отношений производства и собственности.

Прежде всего в турецком Алжире долго процветало рабство. Основную массу рабов вначале составляли захваченные турецкими пиратами пленники-христиане,

которых в XVII в. только в столице регентства было 35 тыс., т. е. $\frac{1}{4}$ всех ее жителей. В дальнейшем их число резко уменьшилось как вследствие упадка пиратского промысла, так и из-за массового перехода пленников и их потомков в ислам, что влекло за собой личное освобождение: в XVIII в. таких «новообращенных» (включая африканцев) в городе Алжире было уже 30 тыс. на 117 тыс. жителей [158, стр. 173]⁴. Тем не менее рабство как институт сохранилось вплоть до прихода французов в 1830 г., несмотря на официальное запрещение в 1780 г. продажи рабов в частное владение. Рабы (негры и европейцы) были прежде всего домашними слугами, а также использовались в сельском хозяйстве, судостроении, ремесле и т. д.

Задолго до 1830 г. «рабочая сила рабов стала заменяться в деревнях классом арендаторов — иначе целиком „порабощенными“ племенами». Некоторые племена, по традиции платившие дань богатым городам и зависевшие от них, поддерживали тем самым коллективные формы такого подчинения ярко выраженного феодального типа. Разновидностью этих форм была зависимость крестьян от «покровительства кочевых полуфеодалов», особенно могущественных в бейлике Константины, где в полную зависимость от последних часто попадали даже некоторые систематически обираемые и хиревшие города [158, стр. 174]. Племена райя, составлявшие большинство сельского населения, подвергались двойной эксплуатации: они должны были платить подати как туркам, так и племенам махзен, в том числе поземельный налог «харадж», взимавшийся обычно лишь с немусульман. О полукрепостном, приниженном статусе райи свидетельствует хотя бы убежденность племен махзен в низости и неполноценности бесправных райя, в которых они, по словам Ибн Халдуна, видели лишь «холопов, податных рабов и хараджное быдло» [68, стр. 169].

Индивидуальная и групповая зависимость крестьян от горожан (особенно когда их верхушка смыкалась с элитой какого-то сильного племени) приобретала различные формы контрактов и повинностей, определявших обычно виды арендных отношений («хаммасат» — издольщина из пяти, «мгарса» — обычно издольщина в садоводстве и т. п.). Еще более явно индивидуальная

феодалная эксплуатация иллюстрировалась положением оседлых крестьян-издольщиков (обычно хаммасов, т. е. «пятинников»), стоявших вне племенной организации (либо пришлых из других областей, либо порвавших или потерявших связи с племенами) и поселенных во владениях богатых феодалов («хауш») или на мелких участках («азель»), сдававшихся в аренду из фонда государственных земель («бейлик») ⁵. Под латифундиями знати (трех беев, аги оджака, самого дея и других феодалов) было занято от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{12}$ всех обрабатываемых земель. Последнему дею Хусейну принадлежало до $\frac{1}{4}$ всех этих наиболее плодородных угодий [158, стр. 205].

Исторически владения хауш были частью государственного земельного фонда, образованного путем отчуждения янычарами пустовавших или необрабатывавшихся земель тех или иных племен. Из этого фонда турецкие беи, военачальники и, позднее, интегрированные в аппарат государства местные феодалы получали от дея как бы в награду за службу земли «азиб аль-бейлик» (т. е. «выделенные из бейлика»), которые впоследствии фактически превращались из временных владений в постоянные и назывались «хауш» (буквально: «загон, ограда»). Их бывшая связь с землями бейлик выражалась лишь в том, что владельцы хауш были все представителями государственного аппарата, в чем и заключались их основная сила и источник власти (в том числе экономической, посредством получения за счет государства различных доходов, а также сельскохозяйственных орудий и скота). Обычно земли хауш обрабатывали крестьяне соседних деревень («дешра»), административно подчиненных владельцу имения.

Что касается держателей азеля, то это были арендаторы в самом широком применении этого термина — от крупных богачей до нищих бедняков. Форма арендной платы была самой различной. Так, наряду с азелем существовала «тувиза», предусматривавшая арендную плату в виде натуральных повинностей и услуг. Этот способ эксплуатации был очень распространен как в частных, так и в государственных имениях [72, стр. 204—205; 158, стр. 206—209].

Частное землевладение в государстве деев росло не только путем отчуждения феодалами в свою пользу зе-

мель бейлик, но и ввиду частых распродаж казначейством («бейт аль-маль») земель, конфискованных у мятежных или наказанных деям племен. Однако зыбкость полученных таким образом прав собственности, к тому же абсолютно не гарантированных в условиях произвола и самовластия оджака, заставляла многих владельцев обращать свои земли (и другие виды собственности) в категорию «хабус», т. е. неотчуждаемое имущество, после смерти владельца переходящее к той или иной мечети, религиозному братству или другому мусульманскому учреждению. К середине прошлого века в хабус было обращено около $1\frac{1}{2}$ всех обрабатываемых земель Алжира [92, стр. 9]. В хабусных владениях особенно была распространена тувиза [158, стр. 209].

Вместе с тем для этого пестрого и фрагментарного общества характерны были социальные отношения переходного типа: во владениях хауш наряду с трудом хаммасов: применялся и труд рабов; такое же сочетание форм эксплуатации было характерно для частных имений («фахс») в окрестностях городов, принадлежавших янычарским командирам, кулуглу, обосновавшейся в городах племенной знати махзен, а также крупным городским негоциантам (обычно маврам). Кроме того, в имениях фахс применялся и наемный труд сезонных отходников — кабилов, обычно возвращавшихся по окончании сезона в горы к своим племенам.

Одни и те же формы собственности в различных конкретных условиях могли иметь разное социальное содержание. Так, например, категория «мульк» (частное индивидуальное владение) обозначала и латифундию хауш, и имение фахс, и мелкие семейные наделы крестьян-кабилов. В наиболее богатых районах (например, в долине Митиджа) бытовала субаренда: землю обрабатывали не сами хаммасы, а нанятые ими отходники или местные батраки. Земли бейлик иногда (например, в области Константины), минуя стадию азель, непосредственно обрабатывались племенами на условиях хаммаса, а доходами с них пользовались бейские чиновники и сами беи, ежегодно дважды направлявшие к дею своих заместителей («халифов») с данью. Некоторые племена махзен становились временными держателями азеля из земель бейлик в качестве награды за службу.

Разнообразен был характер и земель арш, т. е. кол-

лективной собственности племен. В большинстве случаев они находились в коллективном пользовании, но не в общем владении, ибо строго делились на наделы [151, стр. 227]. Эти земли, принадлежавшие райя, фактически присваивались племенами махзен, которые не только выколачивали подати, но и систематически грабили податные племена, подвергая их земли набегам. Иногда янычары из турецких гарнизонов и знать махзен превращали часть обрабатываемых райей земель арш в свои личные владения хауш.

Хотя теоретически земли арш считались неделимыми и неотчуждаемыми, на деле их распорядители, как правило, были шейхи племен (в том числе и у племен махзен), особенно так называемые традиционные «великие шейхи», например Бен Гана на юге Константины, Мукрани в горах Бибан, Бен Хабилес на побережье Кабилии и др., издавна передававшие по наследству власть в своих областях над крупными племенами или союзами племен. В рамках племен тем самым устанавливались «почти феодальные отношения подчинения, никогда не принимавшие классической феодальной формы» [158, стр. 209].

Высказываемые многими историками оговорки относительно сомнительности «полного» феодализма в Алжире деев в дальнейшем, возможно, будут более обоснованны, в частности после выяснения еще неисследованного вопроса о внутриплеменном рабстве в Алжире до 1830 г. О существовании такового имеются лишь беглые упоминания и глухие намеки в отдельных статьях [68, стр. 161—163; 96, стр. 91]. Но вряд ли племена Алжира в этом плане отличались от бедуинов Аравии, у которых и кочевая, и оседлая знать владела рабами, а патриархальное рабство существовало, очевидно, не веками, а тысячелетиями [81, стр. 24—26]. Можно предположить, что наличие внутриплеменного рабства, так же как государственного и частного рабства в городах, должно было оказывать значительное влияние на подлинный характер отношений во всем обществе. Не в этом ли причина особой жестокости рабовладельцев-янычар по отношению к феодально угнетенным сословиям? Не здесь ли источник особой приниженности бесправных райя и презрения к ним?

Представляется поэтому спорным характеризовать

алжирское общество времен деев как преимущественно и только феодальное. К. Маркс считал принадлежность к традиционному коллективу принципом организации социальных связей как в рамках патриархальной общины, так и на последующих стадиях эволюции общества, указывая, что «рабство и крепостная зависимость являются... лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе». Он подчеркивал при этом, что неизбежное изменение форм племенного строя менее всего происходит при «азнатской форме», в условиях которой человек «никогда не становится собственником, а является только владельцем, он, по сути дела, сам — собственность, раб того, в ком олицетворено единство общины, и поэтому рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношения» [2, стр. 26].

Исходя из этой теоретической посылки, можно заключить, что внешние патриархальные формы племенной общности могут скрывать любую (особенно только наметившуюся и четко не выраженную) форму докапиталистической эксплуатации. А поскольку алжирские племена чрезвычайно разнились между собой (кочевые и оседлые, скотоводы и земледельцы, горцы и жители равнин, арабы и берберы, свободные и податные), в том числе и по степени боеспособности и сплоченности, а также власти и авторитета их шейхов, то точный ответ на реальный характер социальных отношений внутри племени, очевидно, будет возможен лишь после тщательного исследования проблемы в условиях конкретного племени, района и времени⁶.

В частности, явно нуждается в тщательном изучении так называемый «кабийский парадокс», при котором в Кабилии, как пишет Рене Галиссо, «деградация коллективных форм собственности достигает своего апогея и частная собственность на землю практически распространяется и входит в жизнь семей; отношения эксплуатации выражаются не через коллективные права, а через непосредственное присвоение труда частным собственником». Обратив на это внимание, Галиссо счел устаревшей прежнюю идеализацию многими историками «примитивных отношений родства и сельской общины» у кабилы до 1830 г. и указал на то, что эти «социальные формы, кажущиеся очень древними и незыбле-

мыми, скрывают экономическую эволюцию более прогрессивную, чем в остальном Алжире» [136, стр. 10]. Не случайно именно здесь, в горах Джурджуры, Бабора и некоторых других областях, несмотря на внешнее сохранение форм племенной общности (вернее «дуаров», т. е. фракций племен), быстрее всего шел процесс разорения крестьян, издавна и широко бытовало отходничество, раньше всего возникли отнюдь не феодальные формы оплаты найма и труда свободных общинников. Разумеется, не было и речи о каком-либо капиталистическом характере этих своеобразных новых форм производственных отношений. Но, по нашему мнению, очевидно, правомерно было бы, как и в упомянутом выше рассуждении о социальной позиции мавров, поставить вопрос о зарождении в Алжире накануне 1830 г. специфических переходных форм от феодализма (и даже во многом от дофеодальной патриархальщины) к капитализму.

Заслуживает внимания и более скрупулезное исследование классовой структуры доколониального Алжира, ибо между феодалами разного сорта и угнетенными массами, в частности райя, промежуточное положение занимали главы зажиточных семейств у кабиллов и богатые арендаторы в имениях хауш, а также семейства, выделявшиеся собственностью мульк в земледельческих дуарах или количеством скота в пастушеских кланах, т. е. «еще не аристократия, но просто ступень посредничества, исполнители налоговой эксплуатации или первые наниматели рабочей силы» [136, стр. 14]. В то же время нам представляется неправомерным, исходя только лишь из совмещения многими племенами двух типов собственности — мульк и арш, сопоставлять это совмещение с упоминаемой Марксом германской формой собственности [там же, стр. 4]. Маркс, как известно, подчеркивал, что общинная собственность у германцев была лишь дополнением к собственности индивидуальной [2, стр. 18]. А у алжирских племен, даже у дальше всех ушедших вперед кабиллов, дело обстояло либо совсем не так, либо далеко не всегда так.

К Алжиру эпохи деев применимо и другое положение Маркса: «азиатская история — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни (крупные города могут рассматриваться здесь только как княжеские

станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле)». Это особое статичное состояние общества Маркс отличал от европейского средневековья, при котором развитие протекало «в форме противоположности города и деревни», в то время как «новейшая история — это проникновение городских отношений в деревню, а не как у древних — проникновение деревенских отношений в город» [2, стр. 14].

В самом деле, враждебное отношение бедуинов (да и оседлых земледельцев) к горожанам не мешало обеим сторонам считать сложившееся положение вечным и придерживаться его при всех обстоятельствах. При этом не было ни «проникновения деревенских отношений в город», ни обратного процесса. Город и деревня оставались так же взаимно малопроницаемы по отношению друг к другу, как в самом городе — две разные религиозные или этнические общины, а в сельской местности — два издавна враждующих племени. Подобная «окаменелость» сложной и многообразной социальной диверсификации намного сужала возможности общественной эволюции. Поэтому, пожалуй, во многом прав Галиссо, отмечая «полный кризис этого общества, которое следует назвать феодальным, но историческое движение которого было противоположным движению европейского феодализма» [136, стр. 22]. Галиссо предложил назвать феодализм в Алжире «феодализмом командования», имея в виду военно-деспотический характер государства деев. Правильнее, на наш взгляд, определить Алжир до 1830 г. как военно-феодальную деспотию, опиравшуюся на крайне неоднородный базис с преобладанием или значительным удельным весом нефеодальных отношений: патриархальных, рабовладельческих и множества переходных форм.

Эксплуатация и классовая борьба в дейском Алжире были завуалированы полностью господствовавшими традиционными социальными связями неэкономического характера. Борьба податных райя против коллективного феодализма оджака и махзен представлялась ее участникам прежде всего как этническая рознь и продолжение старинных межплеменных конфликтов. Борьба внутри самих племен (особенно у относительно независимых горцев, так как на равнине племена обычно были слишком заняты борьбой друг с другом, чтобы позво-

лять себе роскошь внутренних конфликтов), как правило, имела характер межродовой и межклановой вражды, поддерживавшейся влиятельными главами семейств (особенно в Кабилии и Ауресе), заинтересованными в укреплении таким образом своего традиционного авторитета и экономической власти. Рост семейной земельной собственности мульк (иногда даже формально остававшейся коллективным достоянием племени, т. е. собственностью арш), которой фактически распоряжалась родовая и клановая аристократия, побуждал ее принимать меры к дальнейшему укреплению солидарности всех зависимых от нее родственников. Разжигание вражды между родами и кланами («софками») было в этих условиях наиболее эффективным средством усиления такой солидарности. На более высоком уровне тем же самым занимались и «великие шейхи», утверждавшие таким путем свою гегемонию в «традиционных» областях и воспитавшие целые поколения вассалов, преданность которых сюзерену была прямо пропорциональна их непримиримости к врагам. Следовательно и здесь верх брали социальные конфликты не *вертикального* характера (т. е. между антагонистическими классами), а *горизонтального* (т. е. между однотипными общественными группами).

Несколько сложнее обстояло дело с противоречиями между городом и деревней, но и здесь для племен горожане были прежде всего турками, маврами, евреями, неграми, христианами и т. п., т. е. представителями иной религиозно-этнической общины. Особенно важно было подобное отношение к янычарам оджака.

Янычары представляли собой корпоративно замкнутую правящую касту, все члены которой формально были равны, хотя разница между деом и рядовым солдатом была ясна всем. «Из уважения к фикции равенства дей не имел никакого гражданского листа, ничего, кроме высокого жалованья янычаров. Но плата за инвестиру с должностных лиц и прежде всего беев, дары консулов или государей, доля в пиратской добыче или прибылях тех предприятий, в которых дей участвовал, — все это приносило ему обильные доходы». Тем не менее его правильно изображали как «деспота без свободы, короля рабов и раба своих подданных» [65, стр. 349—350]. И хотя собственно господствующим слоем феода-

лов была верхушка оджака во главе с деем, весь оджак выступал по отношению к алжирскому народу в роли корпорации коллективных эксплуататоров феодального типа. Воспринималась же эта эксплуатация (в форме поборов и бесчисленных повинностей) прежде всего как угнетение алжирцев инонациональными пришельцами. Возможно, что последнее было самым существенным, ибо, по мнению Дугласа Джонсона, налоги в дейском Алжире были «совсем не разорительны», экономика и общество «развивались гармонично», а в целом в стране жилось не хуже, чем в Испании, Греции и Сицилии того времени [151, стр. 230].

Жюльен считает, что Алжир был «завоеванной страной, не проявляющей к победителю никакой враждебности, но и не вступавшей с ним в действенный контакт» [65, стр. 360]. Это, очевидно, правильно лишь в отношении племен махзен, удерживавших при турках свои привилегии, а также большинства кабил, сохранивших в своих труднодоступных горах относительную самостоятельность. Более обоснованным выглядит мнение Ажерона о том, что «если несколькими семействам кулугли (кулуглу) удалось слиться с турецкой олигархией, а некоторым феодалам области Константины — породниться с бейскими родами, то среди племен сильны были антитурецкие чувства» [111, стр. 7]. Попытки деев привлечь коренное население, в частности горожан, на свою сторону и даже обуздать с его помощью разнузданную янычарскую вольницу нашли поддержку только у мавров⁷.

В целом же для положения в стране были характерны постоянные «внутренние конфликты между массой населения и „феодальным строем“, особенно непрочным ввиду того, что правящая каста, хотя и придерживалась наиболее распространенной религии, исповедовала ее в соответствии с чужеземным ханифитским, а не маликитским толком, и сама была иностранной по происхождению» [158, стр. 179—180].

Малозначительное на первый взгляд различие между ханифитами и маликитами приобретало серьезный характер ввиду всех прочих барьеров между оджаком и местным населением⁸. В этих условиях любое религиозное различие, даже простая принадлежность к иной общине, пусть хоть незначительно отличающейся в ре-

лигиозном отношении, становились важным водоразделом.

Конфессиональное деление населения Алжира в эпоху деев традиционно определяло направление борьбы за те или иные социально-политические цели. Практически оно смыкалось либо с делением этническим, либо социальным⁹. Кроме немногочисленных христиан и иудеев, основная часть жителей была мусульманами-суннитами маликитского, т. е. одного из наиболее строгих в выполнении всех предписаний ислама, толка. Роль духовенства была исключительно велика как распорядителей мечетей и имущества «хабус» (т. е. собственности верующих, доходы с которой они посвящали мусульманской общине), обладавших монополией на обучение учащихся и авторитетом интерпретаторов «мнения» аллаха по любому вопросу. Маликиты и ханифиты (в основном турки и кулуглу), а также ибадиты (мзабиты) подчинялись совершенно разным кади (т. е. шариатским судьям и законоведам), разным полициям, для них имелись даже разные палачи и разные места казни. В городах над всеми религиозно-этническими общинами политически доминировали турки и кулуглу.

Вне городов огромным влиянием пользовались военно-религиозные братства марабутов, возникшие в Магрибе с XI в. и широко использовавшие сохранившуюся среди местного населения еще с доисламских времен веру в благодать («барака»), ниспосланную богом на избранных им «святых» людей, якобы имеющих возможность непосредственного с ним общения. Некоторые марабуты вели образ жизни странствующих дервишей или почитаемых в данной местности отшельников, но в большинстве случаев это были влиятельные духовные феодалы, возглавлявшие (часто наследственно) религиозные братства, которые располагали военными силами, разветвленной организацией «завий» (религиозно-культурных центров)¹⁰, землями и прочим имуществом хабус, а также средствами от сбора коранического налога «закят». Последователи марабутов совершали паломничества к их гробницам («зияра»), а также обращались к содействию марабутов («анайя») при межплеменных спорах и конфликтах с властями.

Практически братства были центрами не только духовной, но и светской власти, а также экономического

и военного могущества. Перед ними склонялась даже родовая знать племен, прекращавшая по их велению вражду кланов. Некоторые братства (например, Рахманийя в бейлике Константины) объединяли под своим влиянием множество племен, как арабских, так и берберских. Были братства, возникавшие из союзов племен; например, конфедерация Улад Сиди Шейх на юге Орании состояла из 17 племен различного происхождения и возглавлялась марабутами-шерифами, т. е. претендовавшими на родство с пророком Мухаммедом [96, стр. 92].

Братства («тарика», т. е. «путь направление, метод») различались по своей доктрине. Так, например, Деркава проповедовало аскетизм, Кадырийя — всеобщность и объединительный характер принципов ислама. Возглавлявшие братства марабуты часто соперничали друг с другом, сговаривались с турками и пользовались их подачками: янычары освобождали завии «покладистых» братств от поборов, а за некоторыми признавали право неприкосновенного убежища. Неудивительно поэтому, что возникшее в 1773 г. на юге Орании братство Тиджанийя сразу же попыталось играть соглашательскую роль по отношению к оджаку, выдвинув принцип: «Если аллах терпит какую-нибудь власть, то потому, что эта власть необходима» [96, стр. 89]. Однако в целом братства, в основном опиравшиеся на племена независимые, полузависимые или относительно свободные в своем выборе (махзен), довольно критически относились к власти янычар. Именно под руководством марабутов происходили восстания племен в конце XVIII — начале XIX в., серьезно подорвавшие государство деев. Восстание 1810—1813 гг. братства Деркава во главе с марабутом Бен Шерифом вовлекло в борьбу против дея некоторые племена махзен, привело к временной утрате деем двух крупных городов (Тлемсена и Маскары), гибели бея Константины и отказу от повиновения бея Орана (по происхождению — кулуглу). А в 1810—1815 гг. марабуты братств Деркава и Тиджанийя, поддерживаемые султаном Марокко, возглавили восстание кабиллов Джурджуры и Бабора, поставившее дея в еще более трудное положение.

Восстания племен, непрерывная грызня среди верхушки оджака, постоянная вражда с соседями — ше-

рифскими правителями Марокко и Хусейнидами в Тунисе — сильно ослабили власть деев. Этому же способствовал и ряд стихийных бедствий: эпидемии чумы в 1787 и 1817—1818 гг., землетрясения, неурожай и т. п. В основе своей подорванная упадком пиратского промысла в XVIII в. вследствие решительных мер более сильных европейских держав, особенно после установления с 1827 г. морской блокады Алжира французской эскадрой, янычарская деспотия потерпела неудачи и в попытке усилить налоговую эксплуатацию населения. От оазисов Сахары на юге до Кабилии на севере, от гор Дахры и Уарсениса до порта Колло обширные области были фактически независимы и «администрация в Алжире считала бесполезным их контролировать, так как заставить их платить подати потребовало бы больше затрат, чем принесло бы выгод» [158, стр. 199]. Все эти слабости и явились причиной краха господства оджака в Алжире.

Франция давно зарилась на земли так называемых «Варварийских владений» (как именовались в средневековой Европе государства Магриба). Еще в XVI в. имели место первые французские военные экспедиции в Алжир, а к XVII в. были установлены алжиро-французские дипломатические и торговые отношения. Франция с тех пор имела на побережье Алжира так называемое «Французское агентство» (или «бастион Франции») в Ла-Кале (а потом и в Боне). В XVIII в. купцы Марселя получили монополию на торговлю хлебом в Алжире.

Во время наполеоновских войн Алжир поставлял французам продовольствие, в частности снабжал им армию Бонапарта в Италии и Египте. В «благодарность» за это Наполеон, став императором, направил в Алжир в 1808 г. майора Бутэна, подготовившего для французского генерального штаба после двухмесячного пребывания в стране подробнейший доклад о возможностях завоевания Алжира. Характерно, что уже в 1807 г. во время встречи с Александром I Наполеон безоговорочно называл Алжир в числе своих будущих владений.

После реставрации Бурбонов отношения между Алжиром и Францией стали ухудшаться вследствие спора из-за долгов, не уплаченных алжирскому дею со времен

Директории и Первого консульства. В 1819 г. Франция, воспользовавшись затруднениями Алжира (флот оджака в 1815 г. был разгромлен американцами, а в 1816 г. окончательно уничтожен англо-голландской эскадрой) ¹¹, предъявила последнему дею Хусейну (1818—1830) ряд необоснованных требований, включая требование признать ее «право сюзеренитета» над арабами Мазула (конфедерации племен в окрестностях Ла-Каля) [158, стр. 237]. Настаивая на этих требованиях, французы одновременно поддерживали восставшие против дея в 1824 г. кабилские племена, а в 1825 г. вопреки запрещению Хусейна укрепили свой бастион в Ла-Кале. Ответные действия дея (обыски во французских учреждениях и разрушения их, введение ограничивающих пошлин, обращение к турецкому султану с просьбой прислать войска и др.) привели к еще большей напряженности и знаменитому «удару веером» (который дей нанес 29 апреля 1827 г. нагло державшемуся французскому консулу Девалю), послужившему предлогом для французской военной экспедиции в Алжир.

В связи с этим среди французских историков впоследствии была чрезвычайно распространена версия о «случайном» характере завоевания Алжира в результате конфликта, стихийно вспыхнувшего по ничтожному поводу. Так, Габриэль Эскэ, считает, что французское завоевание не было результатом «ни серьезного политического замысла, ни проектировавшегося крестового похода за освобождение пленников из рук варварийцев» [131, стр. 5], хотя этот «крестовый поход» особенно часто упоминался апологетами завоевания.

Истинные причины этой экспедиции, воспользовавшейся материалами вышеупомянутого Бутэна, были, разумеется, иными.

Французское завоевание и первый этап сопротивления алжирцев

В период открытой подготовки войны с Алжиром в 1827—1830 гг. во Франции было сделано немало откровенных высказываний на этот счет. Теоретик развивавшегося капитализма Сисмонди прямо указывал: «Это

Алжирское королевство будет не только завоевано, оно станет колонией, новой страной, на которую сможет распространиться избыток французского населения и французской активности» [158, стр. 241]. Тем самым он выразил сокровенные желания марсельских торговцев и лионских фабрикантов, искавших внешние рынки сбыта и возможности смягчения внутренней социальной напряженности путем избавления от «беспокойных элементов» и хотя бы части безработных. Ничуть не меньшую роль играли расчеты реакционного дворянства и аристократии, надеявшихся вознаградить себя захватом новых земель и поместий взамен утраченных в годы Великой французской революции.

Воинственные настроения среди феодально-клерикальных кругов особенно резко усилились с момента воцарения Карла X в 1825 г. При всех расхождениях между аристократией и буржуазией, налицо было совпадение их своекорыстных воцелений в отношении Алжира. Австрийский канцлер Меттерних имел все основания писать в дальнейшем по поводу алжирской авантюры правящих кругов Франции: «Из-за одного удара веером не расходуют 100 млн. франков и не рискуют 40 тыс. солдат» [97, стр. 41]. Высказывание Меттерниха более убедительно, нежели утверждение, что Алжир был захвачен Францией будто бы «во имя национального достоинства больше, чем из-за чего-либо другого» [99, стр. 7] или что «для Карла X и его министров алжирская экспедиция была прежде всего операцией престижа» [166, стр. 58].

Не последнюю роль в захвате Алжира играло и франко-английское соперничество, ибо дей урезал в 1827 г. права французов к выгоде англичан. В связи с потерей Францией за предшествующие десятилетия многих колоний в пользу Англии, такое сравнительно мелкое ущемление болезненно переживалось французами. На этой почве по-иному выглядела и традиционная англофобия верхушки французской армии. Не случайно именно военный министр в октябре 1827 г. призывал Карла X воспользоваться «смятением, в котором находится сейчас Англия, чтобы завоевать государство Алжир и установить в Африке власть французской державы» [158, стр. 240].

Международная обстановка была для этого особен-

но благоприятной: в большинстве европейских стран, за исключением Англии, возможное нападение армии Бурбонов на Алжир рассматривалось как своего рода новый крестовый поход. Испания и мелкие итальянские государства, в дополнение к этому, рассчитывали навсегда избавиться от угрозы пиратства и возрождения османской гегемонии в Средиземном море. Для настроений средиземноморских европейцев очень показательной была позиция мальтийских рыцарей, выразивших готовность поставить на службу «христианству и Франции» созданные ими за свой счет вооруженные отряды, которыми они предлагали заменить оджакскую милицию в г. Алжире [180, стр. 119]. Имела значение также благоприятная позиция Австрии и царской России, боровшихся с турецким султаном, союзником которого был алжирский дей.

Внутриполитические затруднения, из которых Карл X рассчитывал найти выход на путях внешней авантюры, явились для него дополнительным стимулом начать войну, к тому же — против заведомо слабого противника. Опасаясь надвигавшейся революции, он надеялся остановить ее разжиганием настроений шовинизма и колониальной великодержавности.

Таким образом, совпадение устремлений монархии, военных кругов и буржуазии явилось главным двигателем агрессивного вторжения Франции в Алжир. Символом этого совпадения следует считать обращение последнего военного министра Карла X, генерала графа де Бурмона (монархиста до мозга костей и бывшего шуана) к торговой палате Марселя накануне военной экспедиции в Алжир с обещанием, что «Франция овладеет Алжиром, чтобы основать там колонию и, может быть, государство, управляемое французским принцем» [158, стр. 241].

Первоначально Франция предполагала «наказать» дея руками египтян. В 1829 г. правитель Египта Мухаммед Али, один из главных союзников Франции на Востоке, согласился было на это, но потом отказался. Этот эпизод лишний раз опровергает мнение некоторых современных арабских историков, считающих, что «алжирскому предприятию» Бурбонов с самого начала были присущи «дух крестоносцев» и «несомненные религиозные стремления» [99, стр. 3—5]. Отказ Мухамме-

да Али, в то время концентрировавшего усилия на борьбе за гегемонию внутри Османской империи, лишил Бурбонов возможности захватить Алжир чужими руками. Поэтому в январе 1830 г. французы решили действовать сами.

14 июня 1830 г. 37-тысячная французская армия во главе с де Бурмоном высадилась в Сиди-Ферруше, небольшой бухте западнее г. Алжира. Слабое войско дея, основу которого составляли сравнительно немногочисленные части оджака и ополчения племен махзен из Константины, Кабилии и Титтери, было дважды разбито под Стауэли (19 июня) и Сиди-Халефом (24 июня). Характерно, что оба раза инициатива сражения принадлежала 50-тысячной армии дея, в рядах которой, однако, было не более 16 тыс. регулярных солдат [145, т. 2, стр. 107].

В боях эта армия потеряла, по французским данным, 10 тыс. человек, в то время как ее противник — лишь 600 [78, стр. 149; 92, стр. 21]¹². Осадив столицу страны, французы вынудили дея Хусейна 5 июля капитулировать. Но в подписанном им акте говорилось только о сдаче города Алжира и его цитадели — Касбы. Командующий французской армией обязывался гарантировать всем жителям города, в том числе янычарам оджака, сохранение жизни, а также «уважение их свободы, религии, собственности, торговли и жен» [111, стр. 9]. Захваченная де Бурмоном дейская казна (48 700 тыс. фр.) покрыла первоначальные расходы экспедиции (43 500 тыс. фр.) [199, стр. 56].

Захватив город Алжир, Франция первое время не намеревалась полностью ликвидировать оджакскую деспотию. По некоторым сведениям, французское правительство даже накануне высадки в Сиди-Ферруше никак не могло сделать окончательный выбор между четырьмя вариантами предполагаемого решения будущей судьбы Алжира: французским протекторатом, возвращением под власть турецкого султана, превращением в колонию Франции или разделом страны между французами и турками [99, стр. 6]. Всегда стоявшая в оппозиции к Карлу X промышленная буржуазия и ее депутаты в парламенте воспользовались случаем, чтобы подвергнуть резкой критике реакционный кабинет Полиньяка, организовавший алжирскую авантюру: «Сам король не

имел ни средств, ни желания захватывать регентство (т. е. государство деев. — *Р. Л.*). Экспедиция имела своей задачей достигнуть лишь ограниченного военного успеха, способного покрыть новой позолотой герб монархии» [97, стр. 42—43]. Поэтому, свергнув дея, де Бурмон как бы принял на себя его функции и даже подтвердил полномочия беев, а кабинет Полиньяка повел переговоры с турецким султаном, планируя передачу ему реального суверенитета над Алжиром в обмен на расширение французских позиций и привилегий. В свою очередь, де Бурмон повел «свою» политику, объявив, что он намерен «создать правительство из образованных и интеллигентных мавров», которых он не намеревался «вновь отдать под господство турок» [111, стр. 10]. 23 июля 1830 г. дей Хусейн был выслан в Неаполь, а часть янычар — в Турцию и Сирию.

Июльская революция 1830 г. круто изменила все: и власть во Франции, и французское командование в Алжире (де Бурмон, тщетно пытавшийся восстановить на троне Бурбонов, вынужден был эмигрировать в Португалию), и алжирские планы Франции. Однако вскоре «июльская» монархия «короля-буржуа» Луи-Филиппа Орлеанского после некоторых колебаний решила на продолжение политики захвата Алжира. «Это завоевание, — писал военный министр нового правительства генерал Жерар, — отвечает самой настоятельной необходимости, тесно связанной с интересами поддержания общественного порядка во Франции и даже во всей Европе: оно даст выход нашему избыточному населению и обеспечит рынки, куда мы сможем направить товары наших мануфактур в обмен на недостающие нам продукты» [64, стр. 36]. Тем самым тезис Сисмонди получил официальное подтверждение и, главное, практическое применение.

В 1834 г. в соответствии с рекомендациями «Комиссии по Африке» Луи-Филипп объявил о присоединении Алжира и организовал гражданскую администрацию «французских владений в Северной Африке». Однако гражданского управления в Алжире фактически не было, так как, за исключением нескольких прибрежных городов и прилегающих к ним районов, страну еще надо было завоевать. Вследствие этого, как справедливо заметил Ажерон, «на деле в течение 40 лет, с 1830 по

1870 г., Алжир стал полигоном и владением армии» [111, стр. 10]. А это обстоятельство, независимо от того, как именовалась проводившаяся в тот или иной конкретный период политика («ограниченной оккупации», «тотального завоевания», «ассимиляции», «арабского королевства» и т. д. и т. п.), определяло заранее произвол военщины со всеми его неизбежными последствиями. Даже королевская «Комиссия по Африке» вынуждена была признать в 1833 г.: «Мы присоединили к государственному имуществу все владения религиозных учреждений, мы наложили секвестр на имущество той части населения, которую обещали не трогать, осуществление нашего владычества мы начали с вымогательства... Мы убивали людей, которым выдавали охранные грамоты; мы по простому подозрению уничтожали целые группы жителей, впоследствии оказывавшихся невиновными... В варварстве мы превзошли тех варваров, которых пришли приобщить к цивилизации» [64, стр. 40—41].

Сопrotивление оккупации началось вскоре после капитуляции дея. 23 июля 1830 г. де Бурмон лично возглавил экспедицию в богатую долину Митиджа к югу от столицы, но потерпел неудачу под Блидой и вынужден был отступить, потеряв 15 убитых и 50 раненых [180, стр. 140]. Это была первая неудача колонизаторов. В тот же день представители ряда племен побережья, земли которых были расположены вблизи захваченных районов, собрались в Бордже Тементфусе (мыс Матифу). Они призвали алжирцев к «джихаду» — священной войне против неверных — и направили своих эмиссаров во внутренние области Алжира. Двое из этих эмиссаров, схваченные французами 27 июля 1830 г. и казненные, стали первыми мучениками борьбы за независимость.

Кроме земель отдельных племен, разрозненными центрами сопротивления первое время стали бейлики. Бей Константины аль-Хадж Ахмед даже претендовал на положение формального преемника власти свергнутого дея. Участвуя до 5 июля в обороне г. Алжира, он потом вернулся к себе в Константину, где сохранил прежний порядок и структуру власти, но значительно укрепил армию, основой которой стала уже не малочисленная милиция оджака, а племенные арабо-бербер-

ские ополчения. Однако власть Ахмед-бей не признавалась за пределами его бейлика. К тому же Ахмед-бей продолжал в отношении племен традиционную турецкую политику «равновесия», заключающуюся в поддержке более слабого племени против более сильного и восстановлении тем самым «блока сил» в пользу бейской власти [151, стр. 229]. В центре страны (бейлик Титтери) формально подчинявшийся де Бурмону бей Бу Мезраг вскоре выступил против завоевателей. Его сын добился поддержки всех племен главной житницы страны — плодородной равнины Митиджа (к югу от столицы), начавших вооруженную борьбу против попыток французских войск продвигаться в глубь страны. На западе Алжира традиционные связи местных племен и марабутов с Марокко способствовали активному вмешательству марокканского султана в алжирские дела: войска султана заняли город Тлемсен, многие племена и районы признали себя подданными султана.

В целом же неустойчивость положения, наступившая после июля 1830 г. в центре и на западе, окончательно подорвала власть местных беев Орании и Титтери. Этому способствовали усиление межплеменной и межклановой розни, выдвижение различных феодальных претендентов на власть, в том числе исстари враждовавших с алжирскими деями тунисских Хусейнидов, вступивших в сговор с генералом Клозелем (преемником де Бурмона). Однако тунисский принц Сиди Ахмед, посаженный французами в Оране в 1831 г., вскоре был изгнан местными жителями.

Всем этим междоусобицам, интригам, анархии племен и своеволию отдельных марабутов был положен конец лишь в 1832 г., когда борьбу народа Алжира на западе и в центре страны возглавил 24-летний Абд аль-Кадир (сын Махиддина — шейха племени хашим и главы братства Кадырийя), избранный эмиром военного союза племен. Абд аль-Кадир нанес французам ряд поражений, дважды заставив их заключать с ним мирные договоры («договор Демишеля» 1834 г., Тафиский договор 1837 г.) и признавать независимость созданного им государства. Мирными передышками эмир пользовался для осуществления административной, судебной, налоговой и монетной реформ, улучшения системы управления, возведения крепостей, борьбы с мятежными

феодалами и шейхами племен¹³. Значение только административно-организаторских функций государства Абд аль-Кадира трудно переоценить хотя бы потому, что его власть распространялась на две трети территории Алжира (в его нынешних границах, без Сахары), в то время как власть дея — всего на одну шестую ее [93, стр. 197].

Таким образом, многие жители страны впервые почувствовали свою связь с остальными соотечественниками, тем более не под эгидой янычар, а под властью выдающегося арабского вождя, талантливого полководца и государственного деятеля, много сделавшего для преодоления традиционной разобщенности и взаимной враждебности различных племен Алжира. «Турки разделяли арабов, Абд аль-Кадир стремился объединить их», — писал один французский историк [93, стр. 199]. «Примеры правильного, согласного участия туземцев в борьбе против общего врага весьма редки и встречаются только в действиях Абд эль-Кадера», — отмечал русский военный наблюдатель полковник Богданович [61, стр. 24]. Борьба с предательством феодалов, часто переребавших к французам, ограничение произвола шейхов, опора на бедуинскую массу и упорнейшее сопротивление завоевателям прославили Абд аль-Кадира, ставшего национальным героем алжирского народа. Феодалы же презрительно называли период его правления «временем пастухов и марабутов» [78, стр. 152].

Назначенный в 1840 г. генерал-губернатором Алжира маршал Бюжо сосредоточил против Абд аль-Кадира 86-тысячную армию, вдвое превышавшую силы эмира [75, стр. 31]. Прибегая к бесчеловечным методам ведения тотальной войны на уничтожение, к тактике «выжженной земли», всеобщего разрушения и разорения, Бюжо повел в 1842—1843 гг. энергичную кампанию по ликвидации государства Абд аль-Кадира. Эмир, добившийся в 1839—1841 гг. некоторых успехов, ожесточенно сопротивлялся. Однако подавляющее численное и военнотехническое превосходство французов вынудило его в 1843 г. отступить в Марокко. Разбив в 1844 г. при Исли войска марокканского султана, Бюжо заставил его отказаться от предоставления убежища Абд аль-Кадир. Эмир вынужден был уйти в Сахару, откуда время

от времени предпринимал партизанские налеты на оккупантов.

В это время весь якобы «умиротворенный» западный Алжир охватило антифранцузское восстание во главе с простым пастухом Бу Мазой. Призвав Абд аль-Кадира, Бу Маза передал ему командование. Но французы, сосредоточив в Алжире 110-тысячную армию, сумели в конце концов одолеть эмира, под контролем которого уже не было ни постоянной территории, ни ранее имевшейся у него регулярной армии. Возобновив в 1845 г. неравную борьбу, Абд аль-Кафир в 1847 г. был взят в плен. В следующем году французы захватили и Ахмед-бея, возглавлявшего борьбу на востоке страны¹⁴.

В последующие годы французы занялись покорением труднодоступных горных областей и оазисов Сахары, периодически подавляя часто вспыхивавшие восстания, наиболее значительными из которых были сопротивление горцев Кабилии (1851—1857), восстания в Заадже (1848), Лагуате (1852) и Туггурте (1854). На западе опасными для колонизаторов были восстания племенных союзов Бану Снассен (1859) и Улад Сиди Шейх (1864—1867). Все эти движения были подавлены с исключительной жестокостью, ибо французское «командование закрывало глаза на худшие из эксцессов» [111, стр. 19]. Алжир стал кровавой школой колониального варварства для французских генералов (Пелисье, Сент-Арно, Бюжо, Кавеньяка, Рандона, Мак-Магона и других), впоследствии и во Франции «прославившихся» в качестве реакционеров и душителей народной свободы.

Но для алжирских патриотов героическое сопротивление 1830—1870 гг. составило целую эпоху народного героизма, стойкости и самоотверженности. Вожди народного сопротивления эмир Абд аль-Кафир, его «халифы» Бен Аллаль и Бен Салем, выдвинувшийся из низов скромный герой Бу Маза, предводитель зааджийских повстанцев Бу Зиян, глава кабилы Бу Багла, народная героиня кабилы Лалла Фатима, Си Слиман (погибший в неравном бою вождь борцов Улад Сиди Шейх) и другие стали легендарными персонажами произведений фольклора, образцом для патриотов последующих поколений.

Последние восстания против французского гнета, своего рода «лебединая песня» освободительной борьбы

племен под руководством феодальных вождей и марабутов, произошли после поражения Франции во франко-прусской войне 1870 г. Это — восстание Мухаммеда Мукрани и его брата Ахмеда Бу Мезрага (март 1871 г. — январь 1872 г.), в организации которого большую роль сыграло братство Рахманийя; ряд восстаний в горных районах (движение Аль-Амри в 1876 г., борьба двух племен Ауреса в 1879 г.); героическое сопротивление Мухаммеда Бен Туми в Эль-Голеа и Метлили, в 1870—1873 гг. преграждавшего французам путь в Сахару (раненый Бен Туми, попав в плен, был казнен в 1875 г. после жестоких пыток); второе восстание племен Улад Сиди Шейх во главе с марабутом Бу Амамой в 1881—1883 гг.¹⁵. После их подавления в стране, истощенной почти полувековым сопротивлением завоевателям (исключая краткую передышку 1859—1864 гг.), наступило относительное «умиротворение», связанное с разрывом во времени между завершением *феодального этапа* освободительной борьбы и еще не начавшимся вследствие незрелости капитализма *буржуазным этапом* этой борьбы.

Выступления племен и марабутских братств против завоевателей были вызваны как насилиями французской военщины, так и боязнью арабо-берберских феодалов (представлявших собой как бы второй в стране после янычарской верхушки и наиболее солидный слой алжирского феодального класса) утратить власть и богатства. При этом, конечно, феодалы в первую очередь использовали веками внедрявшиеся в сознание простых людей Магриба традиции «асабийи» (племенной солидарности) и джихада. Именно на эти формы освободительной борьбы алжирцев обращали и обращают в первую очередь внимание буржуазные историки, проходя при этом мимо всего объективно прогрессивного в этой борьбе: освободительных и патриотических идеалов (наиболее последовательно и широко воплотившихся в деятельности Абд аль-Кадира), защиты племенами своего имущества, образа жизни и просто человеческого достоинства.

Только за 15 лет борьбы с Абд аль-Кадиром завоеватели потеряли около 40 тыс. человек и вынуждены были держать в стране не менее трети всей армии Франции [97, стр. 47]. Борьба племен продолжалась, причем с

исключительным упорством. Даже отдельные уцелевшие участники разгромленных восстаний сражались до конца; например, второе восстание Улад Сиди Шейх, официально объявленное подавленным в 1881 г., на деле продолжалось до 1883 г. Дальнейшее продвижение французов в глубь Сахары, происходившее в основном без открытого сопротивления со стороны кочевников, на деле не означало утверждения власти Франции: французские военные и научные экспедиции, отдельные чиновники и служащие гибли в Сахаре от пуль и кинжалов туарегов вплоть до 1900 г.

Суть происходившего в Алжире в годы колониального завоевания лучше всего охарактеризовал Ф. Энгельс в упомянутой выше статье «Алжир»: «Арабские и кабилские племена, которые дорожат независимостью как сокровищем, а ненависть к иноземному господству ставят выше самой жизни, подавляются и умирятся посредством свирепых набегов, во время которых сжигаются и разрушаются их жилища и имущество, вытаптывается их урожай, а уцелевшие несчастные существа подвергаются либо истреблению, либо всем ужасам разврата и жестокости. Французы упорно придерживаются этой варварской системы ведения войны, вопреки всем нормам гуманности, цивилизации и христианства... каждый новый губернатор являлся лишь для того, чтобы повторить жестокости своего предшественника» [3, стр. 104—107].

Начало колонизации и возникновение европейского меньшинства

Колониальное завоевание сопровождалось политикой земельного грабежа в целях создания материальной основы для французской колонизации. По законам 1840, 1843—1844 и 1846 гг. были конфискованы земли бейлик (т. е. собственность бывшей турецкой администрации Алжира), земли алжирцев, «поднявших оружие против Франции» и якобы «бесхозные» земли, т. е. те, право владения которыми не подтверждалось официальными документами. Только в районе города Алжира таким путем были конфискованы три четверти всех земель.

У племен в 1846 г. было отобрано всего до 300 тыс. га [157, стр. 41]. В 1851 г. было проведено принудительное ограничение еще сохранившихся земельных угодий племен, вследствие чего алжирцы лишились 200 тыс. га лесов и 60 тыс. плодородных земель [161, № 77, стр. 51—52]. К 1870 г. 370 племен Алжира, ранее владевшие 6680 тыс. га земли, были лишены 1190 тыс. га в пользу колониальной администрации и 1336 тыс. га «в пользу коммун», т. е. фактически в пользу созданной колонистами в коммунах гражданской власти [45, 1927, № 64, стр. 56]. Всего в 1830—1870 гг. свыше 750 тыс. га составили фонд колонизации [73а, стр. 366].

Официальный земельный грабеж создал благоприятную обстановку для ажиотажа частнопредпринимательских земельных спекуляций. «Не принимая во внимание неотчуждаемость родовых владений, французские скупщики поспешили заключить с отдельными семьями целый ряд купчих крепостей. Пользуясь возникшей внезапно спекуляционной горячкой и не считая французское владычество способным надолго удержаться в стране, туземцы охотно отчуждали, нередко двум или трем покупателям зараз, те или другие участки земли, или вовсе не существовавшие в действительности или состоявшие в общей собственности целого рода». Реальные размеры некоторых продававшихся участков были в 10 или даже в 50 раз меньше объявленных! В большинстве случаев феодалы, особенно вновь назначенные колониальными властями каиды, «имели прямое участие во всех этих мошенничествах». Однако обманутые обычно в накладе не оставались, ибо сами хозяйства не заводили, а перепродавали купленные земли (в том числе существовавшие лишь на бумаге) или использовали их для биржевых и прочих афер. Французские власти, суды и полиция, как правило, узаконивали почти все темные махинации и сомнительные сделки с земельной собственностью не столько ввиду незнания местных обычаев и мусульманского права (хотя и это имело место), сколько потому, что видели «в распадении общинно-родового быта залог дальнейшего бессилия покоренного... населения», а главное потому, что боялись «нарушить интересы колонистов и тем самым приостановить процесс быстрой колонизации Алжира французскими выходцами» [72, стр. 214—216].

В 1863 г. Наполеон III, опасавшийся катастрофических последствий слишком быстрого обезземеливания племен, в частности подрыва таким способом позиций сотрудничавшей с колонизаторами феодальной аристократии, и, кроме того, недоверчиво и подозрительно относившейся к колонистам (среди которых немало было его политических противников 1849—1851 гг.), провозгласил Алжир «арабским королевством». В связи с этим сенат Франции объявил алжирские племена «несменяемыми владельцами их земель» [64, стр. 69]. Но одновременно племена были разделены на «дуары» (исторически фракции племен, а после их оседания — своего рода сельские районы), дабы точнее подсчитать их богатства и ресурсы, а также учредить в них «где возможно, частную собственность»^{15а}. Этот принцип, на деле уничтожавший сплоченность племени, должен был в дальнейшем послужить окончательному подрыву коллективного землевладения¹⁶.

К тому же заинтересованность крупных компаний метрополии в хозяйственном освоении Алжира практически сводила на нет эффект решения сената¹⁷. Земельный грабеж продолжался под видом «уточнения» и «ограничения» владений племен, спекуляций феодалов и т. п.¹⁸. Установившийся в 1870 г. режим Третьей республики полностью узаконил этот грабеж и даже придал ему более широкий размах.

После подавления восстания 250 арабских и кабилских племен в 1871—1872 гг. было экспроприировано 500 тыс. га. По закону Варнье 1873 г. и дополнявшему его закону 1887 г. отменялась неотчуждаемость земель хабус¹⁹. Эти земли, а также коллективные земли арш принудительно делились на мелкие наделы, передававшиеся в частное владение и становившиеся объектом купли-продажи²⁰.

Кроме того, применение законов к 318 племенам, насчитывавшим всего 669 589 человек и владевшим 2 239 095 га, позволило под разными предлогами (ограничение размеров земель под парами и пастбищами, обязательное выделение доли государству и коммуна и т. п.) отобрать у племен безвозмездно более одной десятой их земель²¹. К 1889 г. 224 племена, ранее не подпадавшие под действие колониальных аграрных законов, вынуждены были уступить государству

957 тыс. га (не считая земель, переданных столь же принудительно коммуна) [111, стр. 50].

В результате всех этих мероприятий французских властей все большее количество земель в Алжире переходило в так называемый «фонд колонизации». Парламент Франции вскоре после поражения Абд аль-Кадир, т. е. когда французы несколько упрочили свое положение в стране, создал специальный комитет по вопросам Алжира и ассигновал 50 млн. фр. на создание «земледельческих колоний» [145, стр. 281].

В течение 1840—1895 гг. мелким и средним колонистам были выделены 32 тыс. земельных участков размером менее 50 га каждый; общая площадь их составила 600 тыс. га [161, № 77, стр. 56]. Но если до 1847 г. средний размер участка не превышал 12 га, а до 1851 г. 20 га, то в 1878 г. он достигал уже 40 га, а после 1904 г. многие получали уже по 100 га [97, стр. 79]. Огромные массивы земель были захвачены крупными капиталистическими компаниями: «Женевская компания» в 1853 г. получила 20 тыс. га, компания «Хабра и Макта» в 1861 г. — 25 тыс. га под пробковым дубом, «Алжирское генеральное общество» в 1864 г. — 100 тыс. га леса, прочие компании и отдельные предприниматели-концессионеры (всего 81 только за 1850—1860 гг.) — 50 тыс. га [161, № 77, стр. 56; 145, стр. 302, 415]. Кроме того, в эти же годы 250 тыс. га были бесплатно распределены среди мелких колонистов. В 1862—1863 гг. 30 капиталистов получили концессии на 160 тыс. га под пробковым дубом в Кабилии. В 1860—1864 гг. колонистам были проданы 18 тыс. га. В 1871—1881 гг. ими было куплено или получено «в дар» от колониальной администрации 401 тыс. га, а также приобретено бесплатно еще 50 тыс. га [45, 1927, № 64, стр. 57]. Основная часть земель (347 тыс. га общей стоимостью в 43 млн. фр.) была передана колонистам безвозмездно. В 1881—1890 гг. были розданы, в основном бесплатно, еще 176 тыс. га, в 1891—1900 гг. — 120 тыс. га. Характерно, что все эти раздачи земли были практической реализацией формально отвергнутого в 1881 г. требования колонистов предоставить им из французской казны 50 млн. фр. для строительства 175 поселков на 380 тыс. га, из которых 300 тыс. га еще надо было отобрать у алжирцев [111, стр. 49—50].

Параллельно с официальной, т. е. поощрявшейся и финансирувавшейся французскими властями, колонизацией все более широкий размах после 1870 г., и особенно после издания закона Варнье, приобретала «свободная» частнокапиталистическая колонизация. Только в 1871—1880 гг. 264 крупных владения «арш» общей площадью в 401 099 га были разделены на 8641 индивидуальный участок. Это поощрило аппетиты европейцев, численность которых в сельской местности за эти годы выросла со 100 549 до 145 710. В 1881—1890 гг. им было выделено дополнительно 2846 концессий (т. е. временных владений) и 360 постоянных фермерских участков общей площадью в 176 тыс. га. Это, в свою очередь, вызвало новый приток европейцев в деревню. Их число к 1890 г. достигло здесь 198 985 человек. Всего же за 1871—1895 гг. земельный фонд колонизации возрос на 698 тыс. га. И хотя значительная часть этого приращения приходилась на освоение неиспользуемых ранее земель путем осушения болот и обводнения бесплодных участков, а также на раздел бывших земель бейлик (176 166 га) и вырубку леса (11 182 га), в основном колонизация жирела за счет прямого ограбления алжирцев. Только в Орании в 1883—1889 гг. последние потеряли две пятых своих земель. В те же годы из 1764 европейцев, получивших земельные концессии, 1059 сразу же их перепродали, не собираясь вести хозяйство [97а, стр. 288—289].

Пользуясь стесненным положением большинства алжирских крестьян, неумением многих из них вести хозяйство отдельно от общины или племени (вследствие раздела земель «арш» на частные парцеллы), а также жадностью предававших свой народ феодалов, колонисты развернули систематическую скупку земель алжирцев. В 1880—1889 гг. они купили у алжирцев 30 668, а продали им лишь 5618 га, т. е. прирост занятых ими земель составил 25 тыс. га. За 1890—1899 гг. этот прирост ежегодно равнялся 17 тыс. га, в 1900—1909 гг. — 21 тыс., в 1910—1914 гг. — 53 тыс. га [45, 1927, № 64, стр. 58]. Всего в 1880—1898 гг. алжирцы продали 512 151 га земель общей стоимостью в 51 млн. (золотом), а приобрели лишь 121 842 га, т. е. потеряли 390 309 га. Только в области Константины за это время средний размер надела феллаха сократился с 2,65 до

1,58 га (на 41%), а колониста — возрос с 13,21 до 15,96 га (т. е. на 20%) [158, стр. 389—390].

Расцвет колонизации после 1900 г. был связан с возобновлением официального ее поощрения (в 1901—1914 гг. колонисты получили от властей 200 тыс. га, в том числе 53 тыс. га бесплатно), но особенно с усилением разбогатевших колонистов: только в 1909—1917 гг. они скупили у алжирцев 247 тыс. га. Продажа ими в 1918—1921 гг. 111 тыс. га существенно не изменила положения с распределением земель [111, стр. 52—53]. Скупка земель у алжирцев продолжалась, тем более что с 1928 г. на земли арш стало распространяться французское законодательство, что облегчило их куплю-продажу.

В целом общая площадь земель, перешедших в собственность французских капиталистов и колонистов, возрастала следующим образом (тыс. га) [45, 1927, № 64, стр. 58; 97, стр. 79]:

1850 г.	115	1914 г.	2200
1860 г.	365	1917 г.	2317
1870 г.	765	1929 г.	2344
1900 г.	1682	1934 г.	2463
1904 г.	1622	1940 г.	2720
1910 г.	1847		

По очень грубым и приблизительным подсчетам французских историков и экономистов, в результате завоевания и колонизации в собственности коренных жителей Алжира осталось не более 47,3% всей территории страны. Остальная часть перешла во владение колонистов, крупных концессионеров и французского государства²². Уже к 1917 г. в распоряжении колонистов находилось четыре пятых земель Телля — самой плодородной прибрежной полосы Алжира [45, 1927, № 64, стр. 58].

Но сколь ни значительны были масштабы экономического освоения и закабаления Алжира Францией, главным результатом французского завоевания следует признать переселенческую колонизацию. Наводнившие страну поселенцы, составив прочную опору колониального режима, тем самым придали особую весомость и надежность экономической экспансии французского капитализма в Алжире. Не менее значительны были последствия их укоренения на алжирской почве и в политическом, культурно-этническом и других отношениях.

До французского завоевания Алжира в стране почти не было европейцев: в 1730 г. их насчитывалось 2 тыс., а в 1788 г. — лишь 500 [158, стр. 173]. В основном это были пленники, захваченные алжирскими корсарами (за исключением перешедших в ислам и служивших де-ям). После высадки в Алжире французской экспедиционной армии число европейцев стало быстро увеличиваться. Вначале это были главным образом следовавшие за армией всякого рода авантюристы и проходимцы, надеявшиеся пожить за счет грабежа коренного населения²³. В 1831 г. во всем Алжире насчитывалось не более 3 тыс. европейцев, преимущественно испанцев и итальянцев, в городах, вскоре к ним присоединились 4500 рабочих, присланных из Парижа [159, стр. 68]. Вслед за ними хлынул поток обнищавших горожан или разорившихся крестьян из Франции, Испании, Италии, с о. Мальта (см. ниже)²⁴. Даже в 1834 г. из 9750 иммигрантов французы составляли лишь половину. Однако следует иметь в виду постоянное наличие в Алжире французской армии, численность которой только в 1834—1840 гг. выросла с 30 тыс. до 60 тыс. человек [159, стр. 68]. Командовавший ею маршал Бюжо даже лелеял планы «военной колонизации» путем создания за счет государства поселений «крестьян-солдат» из ветеранов его армии. Он предлагал в 1842—1845 гг. разместить в Алжире восемь «легионов» по 9 тыс. в каждом, но парламент отказал ему в средствах [153, стр. 656]. Провал этих планов заставил администрацию усиленно поощрять гражданскую колонизацию.

В 1841—1851 гг. создаются 126 центров колонизации на 124 тыс. га вокруг городов Алжир, Оран и Филиппвиль. Колонисты получили бесплатно наделы размером в 4—12 га при условии обязательной их обработки, постоянного поселения в Алжире и ассигнования на ведение хозяйства до 1500 фр. [157, стр. 42]. Ввиду нехватки желающих из французов селиться в Алжире на таких условиях, администрация всячески поощряла иммиграцию в Алжир европейцев-нефранцузов, тем более что некоторые из них, особенно испанцы, имели опыт в освоении страны. Например, в городе Ороне, который в XVI—XVIII вв. находился в основном под властью Испании, в 1832 г. жили 250 мусульман, 750 испанцев и 2800 евреев, причем евреи говорили по-испански [203,

стр. 6]. Только в 1846 г. в Алжир въехало 46 тыс. европейцев [153, стр. 65]. Многие немецкие и швейцарские эмигранты, желавшие через Францию выехать в Америку, вместо этого были отправлены в Алжир [97, стр. 63]²⁵. Маршал Мак-Магон пытался (правда, неудачно) в 1849 г. основать в Алжире даже ирландскую колонию [95а, стр. 251].

В результате всех этих последовательных «нашествий» разноразличной и разношерстной массы европейцев число их в Алжире возрастало следующими темпами: в 1833 г. их было 7800, в 1840 г. — 27 тыс., в 1847 г. — 110 тыс., в том числе 47 тыс. французов, 31 тыс. испанцев, 8,5 тыс. итальянцев, 8,6 тыс. немцев и швейцарцев, 8,7 тыс. мальтийцев и т. д. [164, стр. 10]. Всего «иностранцев», т. е. европейцев нефранцузского происхождения, в 1847 г. было 63 тыс., т. е. на 16 тыс. больше, чем французов. «Развивается... промысловая колонизация, множатся различные деревни: деревня рыболовов, земледельцев, работников отдельных предприятий; деревни, сплошь населенные парижанами или иностранцами» [64, стр. 63]. Все они пользовались различными льготами, в частности были освобождены до 1900 г. от уплаты поземельного налога [189, стр. 109]. Фактически они вплоть до 1919 г. не платили и многих других налогов.

Уже в первые годы колонизации Алжира между европейцами различного происхождения произошел своеобразный раздел как географических районов расселения, так и круга профессий. Французы населяли преимущественно центральную часть страны вокруг города Алжир. Испанцы, сосредоточившись на западе (они с 1832 г. основные проводники колонизации в Орании), становились в деревне садоводами, зеленщиками и рыбаками, а в городе — ремесленниками и рабочими²⁶. Среди мальтийцев, концентрировавшихся в зоне порта Бон, преобладающим занятием были торговля и скотоводство. Говорящие на языке, близком к арабскому, они, будучи католиками, сравнительно быстро ассимилировались с французами. В 1833 г. их было 1213, в 1886 г. — 15 553, в 1948 г. — только 214 (считая лишь тех, кто еще не оформил французского гражданства). Близки к ним были как по районам расселения (Константина, Бон, Филиппвиль), так и по роду занятий иммигранты из Италии, среди которых насчитывалось так-

же немало рыбаков²⁷. П. А. Чихачев в 1878 г. побывал на восточном побережье Алжира в сплошь «генуэзско-неаполитанских» деревнях, специализировавшихся на ловле сардин, вязании сетей, обработке рыбы и ее отправке в Марсель, Неаполь и Ливорно. Только в пограничном с Тунисом городе Ла-Кале тогда жило 4 тыс. итальянцев, монополизировавших, в частности, чрезвычайно доходный сбор кораллов [95а, стр. 230—231]. Вместе с тем среди итальянцев и испанцев было немало (особенно на первых порах) батраков, а также каменщиков и портовых рабочих. Все они, разумеется, общались друг с другом. «Так родился новый народ средиземноморской крови» [114, стр. 46].

Основная масса европейского населения была относительно бедной. Вообще европейцы довольно продолжительное время чувствовали себя в Алжире весьма «неуютно». Многие из них гибли от рук сражавшихся против колонизаторов алжирцев, от болезней и лишений²⁸. В образованной ими пестрой мозаике языков, нравов, обычаев и жизненных устремлений единственным цементирующим звеном было общее желание удержать свое положение новых хозяев этой непокоренной страны. В 1839 г. из 25 тыс. европейцев лишь одна десятая рисковала жить в сельской местности, обрабатывая не более 10 тыс. га земли [157, стр. 41]. Преуспевали среди европейцев лишь крупные латифундисты, такие, как Дюпре де Сен-Мар (2 тыс. га под Ораном) и Борели Ля Сари (1140 га в Буфарики) [153, стр. 658].

В прочность своих позиций на алжирской земле колонисты уверовали только после окончательного поражения эмира Абд аль-Кадира. Недаром ядро европейских поселенцев удалось сколотить лишь к 1847 г. [164, стр. 9]. В 1848—1849 гг. в Алжире было создано 50 колонизационных центров специально для парижских рабочих. Французская буржуазия тем самым стремилась переселить в Алжир как можно больше безработных или революционно настроенных трудящихся Парижа (еще раньше существовали проекты выселения в Алжир «нежелательных» лиц — нищих, каторжан, воспитанников сиротских приютов). В 1836 г. Бюжо писал премьер-министру Тьеру о либералах и социалистах Франции: «Пришлите их мне, если можете, и я останусь в Африке, чтобы их убивать. Это было бы хорошей услугой

стране» [157, стр. 42]²⁹. Всего в Алжир было направлено 20 тыс. парижских рабочих [164, стр. 13]. Хотя каждому из них обещали по 10 га земли и жизнь с комфортом в «центрах колонизации», по прибытии они нашли только недостроенные бараки и не получили ни обещанного скота, ни инвентаря для ведения хозяйства [97, стр. 65]. Неудивительно, что из них лишь около половины осело в стране; остальные же частью погибли от лишений и болезней (3 тыс.), частью — уехали обратно (7 тыс.) [164, стр. 13].

Одновременно с переселением в Алжир парижских трудящихся, а также репрессированных Луи-Наполеоном Бонапартом после 2 декабря 1851 г. республиканцев продолжалась и так называемая «свободная» колонизация, за счет которой в основном и росло европейское население страны. В 1851—1861 гг. создаются, в дополнение к уже существовавшим, 85 новых центров колонизации, отменяются все ограничения для колонистов, связанные с национальностью и минимальным размером капитала [157, стр. 43]. Приток иммигрантов особенно усилился при генерал-губернаторе Рандоне (1851—1858), который стремился организованным порядком насаждать всюду поселения мелких колонистов.

После 1870 г. в Алжир стали прибывать разоренные франко-прусской войной 1870—1871 гг. французские крестьяне, а также беглецы из захваченных пруссаками Эльзаса и Лотарингии. (Всего в 1871—1895 гг. землю в Алжире получили 13 301 эльзасская семья, из которых более 8 тыс. в дальнейшем уехали в города [73а, стр. 367].) «Только после 1871 г. наплыв европейского населения, возрождение средиземноморской активности с открытием Суэцкого канала и возможность для Алжира действительно стать страной вина придали им больше оптимизма» [151, стр. 234]. В 1871—1877 гг. 30 тыс. новых колонистов были расселены в 200 центрах на 400 тыс. га [157, стр. 44]. С 1878 г. в Алжир стали переселяться виноделы из пораженных филлоксерой виноградарских районов Франции (главным образом из Бордо и Прованса). За 1870—1880 гг. число европейцев Алжира, занимавшихся сельским хозяйством, выросло со 100 тыс. до 146 тыс. [164, стр. 13, 16—17]. Всего в 1870—1900 гг. в Алжир выехали 260 тыс. иммигрантов из Европы [111, стр. 54].

Дальнейший рост европейской иммиграции был связан с освоением новых земель, введением посевов новых сельскохозяйственных культур (особенно винограда), строительством дорог и городских центров, развитием торговли и зарождением местной промышленности. Вместе с тем приток иммигрантов начинает регулироваться в интересах крупной колонизации: после 1860 г. земли из фонда колонизации бесплатно почти не раздаются, а лишь продаются; бедные иммигранты, не получая земли, все чаще становятся батраками у богатых колонистов. Кроме того, на ходе иммиграции начинают в полной мере сказываться два новых фактора: потребность развивающейся промышленности Франции в рабочей силе и все более возрастающее применение колонистами наемного труда алжирцев, в основном обнищавших пауперов, разоренных колонизацией. Эти факторы медленно и не сразу приобретают характер тормоза иммиграции. С начала 1900-х годов, несмотря на бум виноградарства, рост европейского населения в алжирской деревне прекращается и оно начинает уменьшаться за счет увеличения городского европейского населения (чему способствовал также ряд плохих урожаев 1880—1890 гг.) [16, 1956—1957, стр. 19]:

Год	Европейское население в городах	Европейское население в деревнях
1886	297 305	167 517
1906	441 499	233 431
1926	591 908	236 672
1936	709 220	230 311

Особенно заметным уменьшение числа европейцев в деревне стало с началом нашего века: в 1901 г. их насчитывалось 224 676, в 1910 г. — 153 441, в 1921 г. — около 150 тыс. Эти цифры отражают бегство в города разорявшихся фермеров и мелких колонистов, опутанных долгами. Общая сумма ипотечного долга (в основном приходившегося на долю европейцев, так как очень незначительное число алжирцев имело дело с банками и учреждениями земельного кредита) возрастала гигантскими темпами: 62 млн. фр. — в 1910 г., 114 млн. — в 1911, 134 млн. фр. — в 1912 г. С 1905 г. алжирский Банк земельного и сельскохозяйственного кредита при-

ступил к экспроприации земель неисправных должников, создав специальное акционерное общество с капиталом в 4 млн. фр. для использования полученных таким образом 5 тыс. га под зерновыми, виноградниками и фруктами. Еще больше угодий перешло к Алжирскому банку, захватившему целиком ряд поселков колонистов под Боном, Филиппвилем и в других местах [97а, стр. 291—292]. Разорение низшего слоя колонистов создало серьезный экономический барьер на пути дальнейшего развития колонизации.

В 1886—1911 гг. процент европейцев, занятых в сельском хозяйстве, снизился с 38 до 27 [151, стр. 234]. Дальнейшему его снижению способствовали также изменения в социальной структуре европейского населения, занятого в сельском хозяйстве. Количество мелких и средних европейских землевладельцев в период с 1929 по 1940 г. уменьшилось примерно на 2 тыс., а крупных, уже в 1930 г. составлявших четверть всех колонистов, — выросло на 943 [47, 1959, № 62, 14; 111, стр. 53]. Уже к 1936 г. крупным собственникам принадлежало 87% всех земель колонистов [149, стр. 64].

Начавшийся процесс концентрации земельной собственности (неизбежный в условиях капитализма) явился также одной из причин, обусловившей резкое сокращение европейской иммиграции в Алжир начиная примерно с 1900-х годов³⁰. Этот процесс не благоприятствовал притоку нового населения в деревню, где оно не только не имело возможности получить уже поделенную и неоднократно перераспределявшуюся землю, но лишь увеличивало бы количество лишних рабочих рук. Кроме того, следствием такого положения, было отрицательное отношение к дальнейшему разворачиванию иммиграции со стороны колонистской верхушки и администрации³¹. Так или иначе, темпы роста европейского населения после 1911 г. меньше темпов, предшествующих этому рубежу [16, 1956—1957, стр. 19]:

Год	Численность европейцев	Год	Численность европейцев
1856	180 330	1906	680 263
1866	251 942	1911	752 043
1876	344 749	1921	791 370
1886	464 820	1931	881 584
1896	578 480	1936	946 013

Таким образом, можно считать, что европейское меньшинство как особая группа населения Алжира окончательно сформировалось примерно к 1911 г.³² С этого момента и следует говорить о присущих ему специфических особенностях и характерных чертах. Европейцы почти не смешивались с коренным населением: количество браков между ними и алжирцами к 1900 г. не превышало 400 [161, № 78, стр. 25]. Помимо французов (в числе которых было, кстати, немало представителей сохранивших свою самобытность национальных меньшинств — корсиканцев, басков и эльзасцев) в Алжире поселилось значительное количество выходцев из других стран Европы. В 1870 г. в ряды европейцев были включены также алжирские евреи, подавляющее большинство которых проживало в Алжире с давних пор.

После издания в 1889 г. декрета об автоматическом предоставлении французского гражданства всем иностранцам, родившимся в Алжире и достигшим 20 лет, стало весьма трудно учитывать точное соотношение между французами и нефранцузами по происхождению, так как любой европеец или еврей, родившийся в Алжире, во всех статистических сведениях числился как «француз»³³. Прибывшие в страну иммигранты из Европы также торопились оформить получение французского гражданства, стремясь воспользоваться соответствующими юридическими преимуществами. Поэтому официальная статистика регистрирует относительное уменьшение числа европейцев («иностранцев») в Алжире после 1889 г. и абсолютное — после 1911 г., когда началось сокращение иммиграции (тыс.) [97, стр. 73; 157, стр. 44]:

Год	Число французов	Число иностранцев	Всего
1871	130	115	245
1881	230	182	412
1911	563	189	752
1936	819	127	946
1954	913	71	984

На самом деле, конечно, число «иностранцев» не уменьшалось, а увеличивалось³⁴. Например, в 1911 г. в Орании проживало 95 тыс. французов, 93 тыс. испанцев

и 92 тыс. испанцев, ставших уже французскими гражданами. «Таким образом, — отмечал демограф Вейлер, — два человека испанской крови приходились на одного француза по происхождению». В 1921 г. всего в Алжире «чистых» испанцев было 144 тыс., а в 1948 г. — всего 35 тыс. В то же время в области Константины в 1921 г. было 27 тыс. итальянцев, ставших «французами», и 26 тыс., еще не сделавших этого, а к 1948 г. «чистых» итальянцев оставалось не более 6 тыс. [114, стр. 148—149]. Тот же процесс «натурализации» был характерен для всех прочих групп европейцев.

«С 1896 г. число европейцев, родившихся в Алжире, преобладает над числом иммигрантов: начинается зарождение новый народ» [111, стр. 55]. По некоторым подсчетам, в 1906 г. три четверти европейцев были либо полностью, либо в значительной мере иностранного происхождения [151, стр. 233]. Они превратились в так называемых «неофранцузов», т. е., именуясь французами юридически, в действительности сохраняли во многих случаях свои национальные черты. В частности, на западе Алжира до сих пор среди европейцев бытует испанский язык. Смешанные браки между французами и «неофранцузами», а также между «нсофранцузами» различного происхождения в значительной степени способствовали формированию особого типа алжирского европейца («евралжирца», по терминологии исследователя специфики этой группы Р. К. Льямо), отличающегося от француза характерными особенностями в этническом, лингвистическом, культурном и психологическом плане³⁵.

Этническая специфика нашла здесь свое выражение в доминировании «неофранцузского» элемента, а также в естественном воздействии на быт, нравы и образ жизни европейцев окружающей алжирской природы и коренного населения страны. «Это — меньшинство, которое не является, собственно говоря, „французским“, — отмечалось в документах АКП в 1958 г. [14, стр. 13—14]. Оно, по словам видного знатока страны Марселя Лярнода, образовало «новое общество со свойственным ему темпераментом и недостатками, собственным языком, отличающимся оригинальностью произношения, употребления отдельных слов и оборотов» [97, стр. 75]. Этот «новый народ, сильно отличающийся от францу-

зов», Шарль-Андрэ Жюльен считал результатом «этнического слияния и приспособления к естественным условиям страны» [там же].

Для характеристики языка европейцев Алжира интересно следующее свидетельство Р. К. Льямо: «В Евралжирии народный язык не является чистым французским языком: исчезли некоторые грамматические формы, вошли иностранные слова и грамматические обороты — испанские, итальянские, мальтийские, арабские и кабийские» [164, стр. 28, 233]. Многие колонисты говорили также по-арабски или же сохранили в быту язык своих предков.

В психологическом отношении для европейцев была характерна горячая привязанность к их алжирскому отечеству, которое для большинства из них к началу XX в. было землей их отцов и дедов³⁶. Все особенности европейского населения Алжира получили, в частности, выражение в творчестве выдвинутых им литераторов и деятелей искусств. Хронологически это отражение «евралжирской» специфики в литературе и искусстве началось примерно с начала XX в., т. е. непосредственно после завершения консолидации европейцев Алжира как особой этнической группы. Появились писатели и поэты из их среды, сохранившие «североафриканскую верность» этнико-географической и психологической самобытности алжиро-европейцев³⁷.

В языке европейцев Алжира появилось слово «франкауи» (по-арабски «франк», «француз»), каковым многие из них пренебрежительно стали называть жителей метрополии, приписывая им «скарденность, бессилие, умствования, аскетизм и т. д.», себя же считая воплощением «благородства, мужества, культа тела, т. е. наслаждения, силы и физической красоты». В то же время арабы для них символизировали «жизнь, руководимую инстинктами, бескультурье, невежество, рутину и т. п.» [124, стр. 115]. Этот, по выражению Ива Лакоста, неофранцузский народ «земледельцев-белоручек» резко отличался от населения метрополии «узким католицизмом с примесью антиарабского и антисемитского расизма, реакционными в общем политическими взглядами, безразличием, если не враждебностью ко всему тому, что в метрополии считалось добродетелями французов: идеалу гуманности, демократии, революци-

онным традициям, Декларации прав человека и т. п.» [157, стр. 45].

Разумеется, было бы неверно эту характеристику распространять на всех алжиро-европейцев без исключения. Среди них насчитывалось немало людей прогрессивных и даже революционных взглядов, искренних социалистов и гуманистов, связанных с левыми кругами метрополии. Но, к сожалению, не они определяли лицо алжиро-европейцев.

Иммиграция основной массы европейцев в Алжир была вызвана не жаждой наживы, а экономическими и социальными причинами (разорением, обнищанием, стихийными бедствиями) или же политическими событиями. Поэтому европейцы Алжира, в отличие от французов в других колониях, образовали довольно многочисленную и социально разнородную группу населения с исторически сложившимися в ходе смешения различных национальностей специфическими чертами этнического происхождения, языка, культуры и психического склада³⁸.

Но именно многочисленность и длительность проживания в стране этого меньшинства породила у него совершенно превратное представление об Алжире как неотъемлемой части Франции. По свидетельству французского этнографа Жермэны Тийон, тезис «Алжир — это Франция» настолько глубоко засел в сознании подавляющего большинства алжирских европейцев, что от некоторых из них, в том числе от рабочих, можно было услышать в 1955 г. совершенно серьезные утверждения типа: «Прежде всего, каждому — своя страна. Арабам — Аравия!» [142, стр. 24]. На более высоком уровне «интеллектуального колониализма» то же самое «доказывалось» более утонченным образом. В частности, этим занимались популярные среди европейцев Алжира в первые десятилетия XX в. писатели и публицисты Луи Бертран и Робер Рандо — крупные идеологи «алжиро-европейства». Первый из них утверждал, что «душа» Алжира якобы никогда не была «мусульманской», оставаясь с античных времен «греко-римской», а второй к этому добавлял, что хотя эта «душа» и представляет собой «синтез» различных влияний, однако доминирует среди них «французский элемент» [171, стр. 144]. Особенно реакционно настроен был член Французской Ака-

демии Луи Бертран, воспевавший в своих произведениях «совместное латинское или средиземноморское наследие», рационализм и «солидный патриотизм» европейцев Алжира, которых он называл «новой алжирской расой» [157, стр. 45]. Ш.-А. Жюльен считал, что с 1924 г. Бертран был главным «литературным певцом этого неолатинского народа» [153, стр. 688].

Воздействие колонизации на туземное общество

В знаменитом докладе французской парламентской комиссии 1847 г. депутат де Токвиль вынужден был признать: «Мы сделали мусульманское общество более несчастным, более дезорганизованным, более невежественным и более варварским, чем оно было до знакомства с нами» [111, стр. 20]. Несмотря на обилие подобных заявлений и соответствующей литературы, а также разрабатывавшихся в Париже разнообразных проектов «идеального сосуществования» колонистов с местным населением, реальная политика осуществлялась в Алжире военными — в соответствии с инструкциями из Парижа, но в то же время «применительно к местным обстоятельствам», т. е. исходя прежде всего из нужд армии, претензий колонистов, интересов обладавших практически неограниченной властью губернаторов и отдельных генералов, а также домогательств союзных колонизаторам феодалов и авантюристов (в том числе некоторых янычарских ага, примкнувших к французам вместе со своими гарнизонами) ³⁹. Часто именно на этих наемников Франции, многие из которых представляли собой потомственных разбойников и профессиональных палачей, французские буржуазные историки возлагали всю ответственность за совершавшиеся в Алжире жестокости. Но это было, по словам генерала Кавеньяка, «турецкое насилие, применяемое „христианами“», ибо сам Кавеньяк считал, что «единственным способом заполучить ставленников в этой стране является поощрение их несправедливых притязаний и преступных актов». Он даже сожалел, что у него нет «300—400 турок, отрубающих по 1000—1200 голов». В этой связи нельзя не согласиться с Андре Пренаном в том, что «француз-

ские колонисты нашли в Алжире таких помощников, которых они заслуживали» [158, стр. 270].

Но французы в Алжире набирали наемников не только из турок и кулуглу. В тех случаях, когда они встречали сопротивление с их стороны, они старались противопоставить им коренных жителей. В частности, колонизаторы использовали конный корпус «алжирских стрелков» (созданный еще в марте 1831 г., но даже в 1841 г. насчитывавший не более 2500 арабо-берберских наемников) против янычарских войск Ахмед-бея (связанного с кабилами, но непопулярного среди местных арабов, несмотря на его последовательную антифранцузскую позицию). С помощью этих наемников Ахмед-бей и был взят в плен в горах Ауреса. Из них впоследствии формировались иррегулярные части «африканских стрелков», «спаги» («туземной» кавалерии) и «мавританских жандармов», входившие в состав французской армии [139, стр. 29—30]. Некоторые впоследствии приобрели особую известность, например зуавы (набиравшиеся вначале из племен зуауа в Джурджурской Кабилии), носившие бороды, трехцветные тюрбаны, голубые куртки и красные шаровары. Создатель этих частей («отец зуавов») генерал Ламорисьер сравнивал их с «мамелюками Первой империи» [59, стр. 83]. Впоследствии зуавы, сохраняя внешний экзотизм, набирались преимущественно из французов.

В целом, однако, вербовка наемников в Алжире всегда встречала значительные трудности, особенно среди арабов. Французы теоретически считали более подходящими для службы в армии берберов, якобы «более восприимчивых к ассимиляции в силу моногамности, оседлости, трудолюбия и нужды в торговле» [179, стр. 16—19]. Но на деле Франция никогда не могла привлечь в ряды своей армии сколько-нибудь значительного числа наемников в силу неукротимой вражды как арабов, так и берберов к иноземным захватчикам.

Жестокие репрессии в ходе завоевания и колонизации обрушивались не только на кочевые племена и оседлых сельских жителей (которые часто физически истреблялись, в лучшем случае — изгонялись в другие районы, лишаясь жилищ, посевов, имущества), но и на городское население. Последнее вытеснялось европейскими переселенцами в первую очередь, поскольку те

устремлялись прежде всего в города, находившиеся под надежной защитой французских гарнизонов. Вследствие этого резко уменьшилось мусульманское население городов; оно вновь достигло своей численности 1830 года: в г. Алжире только в 1906 г., Тлемсене и Маскаре в 1891 г., Константине в 1911 г., а в Милиане так и не достигло своей прежней численности [158, стр. 317]. «Жалкая традиционная буржуазия городов, — пишет Ш.-Р. Ажерон, — состоявшая из грамотеев, кади и торговцев, исчезла в результате колониального шока. Она постепенно восстановилась только в начале 1900-х годов и в новой форме» [111, стр. 57].

Несмотря на то что первыми из местных жителей стали сотрудничать с французами по преимуществу турки и «хадри» (мавры), именно представители этих этнических групп явились, в сущности, первыми жертвами оккупации. Вопреки условиям капитуляции 5 июля 1830 г., де Бурмон уже в том же месяце выслав из Алжира сначала 1300 неженатых, а потом 1500 женатых янычар вместе с их алжирскими семьями [158, стр. 253]. Их дома, магазины, склады были конфискованы, так же как и земельные владения, составившие первоначально около 60% всего захваченного французами земельного фонда [186, стр. 13]. Та же участь постигла и многих оставшихся в Алжире турок, которым, по мнению французских генералов, якобы был свойствен «оппозиционный дух», а также и нетурок (главным образом мавров), бежавших при вступлении французских войск в города Оран и Бон.

Усиление вооруженной борьбы в первые годы завоевания явилось предлогом к перманентному грабежу городов и бесчисленным конфискациям земельных владений горожан. Только в Оране и Боне таким образом «перешло» в руки французских властей большинство домов и 146 земельных владений различных размеров. И хотя впоследствии французские власти, стремившиеся привлечь турок и мавров на свою сторону в связи с усилившимся сопротивлением арабо-берберских племен, предприняли шаги по «восстановлению» незаконно конфискованной собственности, было «слишком очевидно, что колониальная бюрократия, не хотела заниматься этими восстановлениями» [186, стр. 43, 50—51]. Именно тогда впервые проявился свойственный всей дальнейшей

истории колониального Алжира принцип: «в Париже приказывают, в Алжире отказывают». В частности, из 577 жалоб на незаконную конфискацию собственности турок и мавров в 1830—1842 гг. были удовлетворены лишь 210 [186, стр. 52]. Всего у горожан, в основном турок и мавров, было отнято около 800 имений «фахс» общей площадью свыше 17 тыс. га [186, стр. 99], не говоря уже о переходе в руки колонизаторов земель «бейлик» — основного источника доходов членов оджака, с которыми верхушка хадри обычно была связана, нередко играя роль экономической и интеллектуальной элиты.

После падения государства деев и отъезда большинства янычар турецкий элемент, численно ничтожный и до 1830 г., утративший кроме военно-политического и экономического значение, перестал играть сколько-нибудь серьезную роль в стране ⁴⁰. Последующее выдвижение некоторых турок и кулуглу при французах явилось уже не следствием их бывшего могущества, а результатом услуг, оказанных многими из них новым хозяевам в качестве посредников — проводников, переводчиков, советников, чиновников, низших служащих, солдат ирегулярных формирований.

Другим источником для формирования такой прослойки посредников стали мавры. По некоторым сведениям, де Бурмон выслал янычар в июле 1830 г. именно «в тщетной надежде привлечь к себе евреев и хадри». Французы назначили хадри Мустафу Бельхаджа Омара беем Титтери, т. е. центрального бейлика (что, кстати, вызвало сопротивление янычарских гарнизонов, возмущенных подобным покушением на прерогативы оджака) [158, стр. 253, 268]. Разумеется, мавры как наиболее культурный слой алжирского населения в какой-то мере дали весьма ценные кадры посредников. Однако в бейлике Константины они продолжали быть на стороне Ахмед-бея, а на территории государства Абд аль-Кадир служили эмиру ⁴¹. И если в первом случае их позиция может быть объяснена традиционной благожелательностью к туркам, то во втором она была результатом политики эмира, который, будучи марабутом — аристократом, претендовавшим на происхождение от рода пророка Мухаммеда, вместе с тем мог считаться, «по своей интеллектуальной формации хадри, культурным

горожанином». По мнению крупнейшего исследователя эпопеи Абд аль-Кадира профессора Марселя Эмери, его единственной целью было «создать в Алжире арабскую национальность» и «укрепить независимость арабов Алжира, объединенных под его скипетром» [158, стр. 276].

Французы в ходе завоевания разорили множество городов и цветущих сельских районов. Разрушениям и разорениям сопутствовал организованный грабеж там, где колонизаторы чувствовали себя относительно прочно. Только в городе Алжире к 1831 г. они безвозмездно конфисковали в свою пользу 3 тыс. из 5 тыс. домов, разорив тем самым хозяев-мавров, «оказавшихся обремененными на нищету». В результате, по признанию современника-француза, «мавры толпами покидали город Алжир, чтобы бороться с нами» [156, стр. 157]. Не могло, естественно, улучшить их отношения к завоевателям и разнузданное поведение колониальной солдатни, часто предававшей «неорганизованным» грабегам и бессмысленным разрушениям в городах, где они стояли гарнизонами. Генералы-завоеватели, которым первое время довольно туго приходилось во враждебной и активно сопротивлявшейся стране, лишь поощряли самые низменные выходки подчиненных. Колонизаторы, по словам Ш.-А. Жюльена, «совершенно открыто выжигали страну и уничтожали противника без каких-либо тирад о человечности. Все они гордились этим, независимо от того, были ли они роялистами, республиканцами или бонапартистами» [97, стр. 57].

Наоборот, Абд аль-Кадир много строил и создавал, нуждаясь в этой связи в архитекторах, строителях, ремесленниках и прочих искусных мастерах, каковыми были, в частности, мавры. Они заселяли основывавшиеся эмиром города (например, заложенную им в 1839 г. Сайду возвели и заселили мавры, бежавшие из разоренных французами в 1836 г. Маскары и Тлемсена), строили в них каменные дома, магазины, больницы, мельницы и акведуки, налаживали торговлю, ремесла и земледелие. К сожалению, большинство этих новых городов (Таза, Тагдемт, Богар, Сайда) существовали недолго и, переходя, как и многие ранее существовавшие центры (например, Медеа, Милиана, Маскара, Тлемсен), по три-четыре раза из рук в руки, были полностью или частично разрушены. Часто население поки-

дало города еще до вступления в них французских войск [158, стр. 316]; в других случаях оно уходило после прихода французов. Например, около трети жителей ушли из городов Алжир, Константина и Тлемсен. Их дома и имущество, если они оставались целыми, конфисковывались (812 домов в Маскаре, по 490 в Милиане и Медеа, 1033 в Тлемсене и т. п.). Разорение городов и бегство горожан привели к резкому сокращению торговли и упадку ремесел, в ряде случаев даже к полному прекращению всяких торговых связей между городом и деревней. Последний удар мусульманскому ремеслу и торговле нанесло утверждение в городах европейских торговцев, занявшихся сбытом промышленных товаров из Франции. «Разрушение городской экономики явилось тяжелым последствием завоевания» [158, стр. 317].

Таким образом, сотрудничество некоторых турок и мавров с французами никак не помогло этим двум наиболее важным этническим группам городского населения государства деев (из которых одна как бы символизировала власть, а другая — богатство). Большинство их либо погибли во время десятилетиями непрекращавшихся сражений, набегов, репрессий и погромов, либо эмигрировали, либо утратили свое прежнее общественное положение вследствие разорения, вынужденной смены места жительства и профессии. Социальная ликвидация этих двух высших групп горожан способствовала взрыву всей многовековой структуры мусульманского города в Алжире.

Корпоративное деление по религиозно-этническому признаку практически утратило свое значение в условиях гибели многих городов, рассеяния горожан и вследствие постепенного стирания в ходе колонизации горизонтальных неклассовых различий между общинами. Было уже невозможно третирование чужаков («барранийя»), так как слишком много горожан оказались в этой роли в других или вновь выстроенных городах и почти всюду коренные жители того или иного города оказались в конце концов в меньшинстве. За исключением христиан, примкнувших к колонизаторам, и евреев (до 1870 г. сохранявших особый статус), все жители городов — турки, мавры, арабы, берберы, генауа, мзабиты и др. — оказались примерно в одина-

ковом положении «иностранцев в собственной стране», равным образом бесправных, подозреваемых, угнетенных и преследуемых. Они вместе ютились в старых «касбах» (бывших цитаделях, обычно сохранявшихся французами в качестве своеобразных полумузеев-полурезерваций) и в уцелевших кварталах разрушенных городов, переходивших все более и более на положение глухих и грязных задворков новых европейских «центров колонизации».

Постепенно именно эти центры стали называться собственно городом — «виль», при котором мусульманскому кварталу — «медине» — отводилась роль экзотическо-антисанитарного заповедника средневековья⁴². Широкие авеню и блестящие эспланады «виля», его тенистые скверы и нарядные бульвары, разрастаясь, теснили и душили «медину», все более сближая между собой (буквально и фигурально) обитателей мусульманского гетто.

Соответственно менялся и состав горожан-алжирцев. Среди них потомки турок, кулуглу, хадри и прочих традиционных групп «бальядийя» (горожан эпохи деев) уже не составляли большинства. Приток в города нового населения из сельской местности с конца прошлого века, связанный с развитием колонизации и распадом племенной структуры, во многом изменил физиономию алжирской «медины», сломав традиционные барьеры между городом и деревней, влив свежую кровь в жилы отнюдь не многочисленных, запуганных и полностью покоровшихся колонизаторам горожан⁴³.

Традиционные (со времен деев) отходники-горцы, бывшие крестьяне из разоренных областей или мелкие арендаторы захваченных колонистами земель бейлик, уцелевшие бедуины из разгромленных, рассеянных и ограбленных карателями племен — все они обладали большей жизнестойкостью и неприхотливостью, прошли более суровую жизненную закалку бедностью и более тяжелые, чем горожане, испытания в ходе завоевания и колонизации. Им были свойственны поэтому большие, чем у горожан (которым в целом было что терять), мужество и непримиримость к пришельцам-колонизаторам, так как они «больше горожан сознавали опасность, грозившую им в первую очередь, и их реакция на это выражалась в боевом и воинственном патриотизме; он

вызывался как инстинктом самосохранения — ибо их земли были главным объектом завоевания, — так и духом общинной солидарности, на котором базировались национальные, духовные и моральные представления» [156, стр. 70]. Этот, по словам Лашрафа, «исключительно сельский оборонительный патриотизм», пришедший в города вместе со своими носителями, во многом очистил, обновил и обогатил моральный климат в городе, явившись либо непосредственным предшественником и основой, либо косвенным стимулом и важным сопутствующим фактором различных течений вскоре возникшего алжирского национализма.

Таким образом, начавшийся в последние десятилетия прошлого века (и продолженный в XX в.) процесс «окрестьянивания касб» совершенно изменил облик мусульманского города и способствовал формированию чрезвычайно широкого слоя иных, резко отличавшихся от прежних, горожан Алжира. В некоторых городах (например, в Ороне, который в 1831 г. покинули все 40 тыс. мусульман и где к 1881 г. их насчитывалось чуть более 12 тыс.) они составили не только основу алжирского населения, но и обновили его целиком.

Периодические эмиграции на Восток (наиболее показательные для периода 1854—1911 гг.) и экономические трудности, особенно тяжелые в 1846—1868 гг., так же как ряд мер колониальных властей (например, ликвидация ремесленных корпораций в алжирских городах в 1868 г.), в добавление ко всем ранее упомянутым бедствиям иссушали старую городскую элиту. «Экономические кризисы, — пишет Лашраф, — каждый раз добивали ее, не оставляя никаких перспектив на то, чтобы выжить». В результате в первые десятилетия нашего века в г. Алжире, например, по свидетельству одного из высших колониальных чиновников Огюстэна Берка, жило не более 40 человек, происходивших из семей местных нотаблей 1830 г., и почти все они находились на грани бедности [156, стр. 178—180].

Новые обитатели алжирских касб явились помимо всего и пионерами «завоевания» возрождавшихся городов колонизованной деревней со всеми ее многообразными социальными контрастами, противоречиями и проблемами. Поэтому последующие общественные процессы в Алжире — экономические, социальные, этниче-

ские, культурные и пр. — следует рассматривать прежде всего в контексте социальной трансформации за годы колонизации «сельской» части алжирского общества.

Взрыв традиционной социальной структуры алжирской деревни (как и алжирского города) был во многом обусловлен чисто количественными изменениями, исчезновением тысяч селений и деревень, стертых с лица земли завоевателями и последующими «усмирителями» крестьянских бунтов, гибелью нескольких сот тысяч алжирцев в боях с французами и свыше 500 тысяч от голода и эпидемий в 1866—1872 гг., уничтожением поголовья скота (за сорок лет войн и репрессий его приходилось полностью восстанавливать шесть-восемь раз), сокращением посевных площадей вследствие нехватки рабочих рук и производившейся колонизаторами тактики «выжженной земли» (только при подавлении восстания Улад Сиди Шейх в 1864—1865 гг. посевы сократились на одну четверть, а в голодный 1867 год — наполовину).

Целые области были оставлены жителями: например, десятки тысяч арабов (племена хашим, бану амер, улад риах и бану урнид), покинув равнины Орании, ушли в Марокко. Многие земли были заброшены ввиду отсутствия безопасности для земледельцев и какой-либо уверенности в том, что посевы не будут уничтожены еще до сбора, а урожай (если его все же удастся собрать) не будет целиком реквизирован. Бесчисленные секвестры, конфискации и экспроприации земель, узаконенный грабеж и неприкрытые беззакония, уничтожение целых племен и сгон с земли уцелевших не меньше чем стихийные бедствия (неурожай, засуха, налеты саранчи, голод и эпидемии) способствовали почти полному параличу сельской экономики мусульманского Алжира в 60—70-х годах прошлого столетия. Этот упадок совершенно не компенсировался подъемом европейской колонизации, на долю которой к тому времени приходилось не более 7% обрабатывавшихся земель и 10% всего урожая по стране. В целом сельское хозяйство, как и вообще производительные силы Алжира, после завершения почти пятидесятилетнего завоевания оказались отброшенными назад, к состоянию намного ниже уровня 1830 г. Как справедливо отметил Андре Пренан, наступившая вследствие крайнего обеднения коренного насе-

ления всеобщая нищета «сама по себе объясняет прекращение сопротивления» [158, стр. 318—322].

Вместе с тем прекращение сопротивления было обусловлено и гигантскими социальными сдвигами, прежде всего в алжирской деревне, за полвека завоевания: возникновением новых общественных укладов и новых направлений классового размежевания и, как следствие этого, изменением прежних позиций традиционных социальных сил, переживавших сложный процесс эволюционных и революционных мутаций. Речь идет о воздействии на алжирское общество как самого французского завоевания, так и отпора ему, а также последующей необходимости приспособления этого общества к императивам колонизации, ее экономическому, политическому и культурному влиянию.

Прежде всего социальные изменения в Алжире наступили вследствие краха государства деев и ликвидации власти оджака. Попытки французов использовать в своих целях институты янычарского правления закончились неудачей и постепенно привели к созданию системы «прямого управления», в которую были включены лишь отдельные элементы прежней оджакской системы⁴⁴. Янычары и кулуглу, перешедшие на службу к французам, составили первые «туземные» формирования — упомянутые спаги и зуавы, «мехаристы» (верблюжья кавалерия) и др., — используемые французами для подавления сопротивления алжирцев. Племена «махзен» колонизаторам удалось привлечь на свою сторону лишь частично: некоторые из них — хашим, хаджут и др. — поддержали Абд аль-Кадира, другие (бурджийя, дуаир и змала в Орании, дуаир и абид в Титтери), вступив по наущению своих предводителей (таких, как ага Мустафа Бен Исмаил) в сговор с колонизаторами, были разгромлены Абд аль-Кадиром.

Эмир, власть которого в 1838 г. распространялась фактически, за исключением прибрежных городов, на всю Оранию, Титтери и даже часть номинальных владений Ахмед-бея (ставших на некоторое время после падения Константины в 1837 г. чем-то вроде политического вакуума), ликвидировал деление племен на «махзен» и «райя». Отменив налог «харадж» (тем самым райя перестали быть «хараджным быдлом»), Абд аль-Кадир фактически уравнивал свободные и податные пле-

мена, подчинив их единой системе выплаты только «коранических», т. е. освященных Кораном, налогов «ашур» (десятины) и «закят» (в пользу бедняков и на нужды джихада, а фактически — того или иного марабутского братства). Тем самым он значительно подорвал позиции наследственной феодальной аристократии племен «махзен», тем более что административные посты в своем государстве (халифов, ага, каидов и шейхов) эмир, как правило, поручал «хванам» (т. е. «братьям» — приверженцам) своего братства Кадырийя, маврам, простым воинам или же выходцам из феодальных семей, не имевших традиционного влияния в управляемом ими районе. Вопреки распространенному мнению о том, что «правительство Абд аль-Кадира было в основном теократическим» и он будто бы «довольствовался применением законов Корана» [111, стр. 16], следует согласиться с Пренаном, что «с самого начала эта власть имела специфически алжирский характер» [158, стр. 272].

По форме власть эмира — шерифа и марабута — была действительно теократической, опиравшейся на Коран, шариат, авторитет введенных в совет эмира улемов и братства Кадырийя; иной она и не могла быть в Алжире тех дней. Но по сути своей это была власть объединителя пестрой и разрозненной страны, почти единственным цементирующим началом в которой был ислам, а универсализм и унификаторство ислама проповедовались братством Кадырийя издавна. Абд аль-Кадир обратился к исламу во имя единства и к единству во имя ислама, потому что оба эти понятия были неразрывно связаны в сознании мусульман Алжира. Неразделимость духовного и светского начала в странах ислама делала религию обязательным атрибутом политики. Но при этом Абд аль-Кадиру была чужда клерикальная и прочая ограниченность. Лучшим доказательством этого служит отсутствие у эмира — теократа, поклонника улемов и приверженца джихада — какого-либо фанатизма и нетерпимости: он выступал против других племен и марабутских братств (Деркава, Тайбийя, Тиджанийя) только в случае их сговора с колонизаторами или открытого мятежа против его власти; он назначал в некоторые арабские районы правителей — берберов и стремился установить хорошие отношения с недоверчиво относившимися к его «арабской»

власти кулуглу и кабилами; среди его сановников были евреи (Иуда Бен Дран, ведавший внешними сношениями, Нозль Мануччи, занимавшийся экономикой) и христиане (его личный секретарь и советник француз Леон Рош).

Подобный разрыв с косными представлениями прошлого являл собой подлинную моральную революцию, последствия которой оказались необратимы: даже после гибели государства Абд аль-Кадира французам пришлось считаться и с невозможностью вернуться к прежним временам, и с административными реформами эмира, и с переворотом, произведенным им в отношениях между племенами, этническими и социальными группами. «Наша роль до нынешнего дня, — писал в 1852 г. один из высших французских чиновников, — сводилась к сохранению налогов, которые были введены до окончательного завоевания страны. В провинции Константины мы оставили организацию Ахмед-бея, в провинциях Алжира и Орании мы продолжаем применять принципы организации Абд аль-Кадира». По утверждению Ажерона, вплоть до 1872 г. в этом плане почти ничего не изменилось [113, стр. 249], и это несмотря на то, что во времена «июльской» монархии не было недостатка в бесчисленных проектах устройства Алжира. Наиболее любопытный из них предусматривал учреждение в Алжире «Арабской республики» под управлением «великого дивана», $\frac{2}{3}$ состава которого назначались бы французским королем [64, стр. 73].

Созданное победителем эмира маршалом Бюжо «Управление по арабским делам» во главе с генералом Дома (1841—1847), подробно изучив организацию государства Абд аль-Кадира, сделало ставку на сотрудничество с феодалами, как-либо обиженными на эмира⁴⁵. Все три провинции (Орания, Алжир и Константина), возглавляемые французскими дивизионными генералами, делились на военные округа, примерно соответствовавшие халифалыкам Абд аль-Кадира (в его государстве их было восемь), а те — на районы, включавшие один-два агалыка эмира. Халифы, ага и башага подбирались французами из влиятельных феодальных семейств и сами назначали кайдов племен и шейхов племенных фракций⁴⁶. Вся эта чиновная знать собирала налоги (до 1845 г. только натурой), имея право при-

сваивать $\frac{1}{10}$ собранного (на деле — много больше), взимать штрафы с помощью «туземной» полиции (называвшейся, в зависимости от места и времени, «махзен», «хила», «гум», «аскар») и сохраняя все возможности для феодальной эксплуатации (в частности, отбирая у крестьян часть урожая и семян, принуждая их к работам и т. п.). «Обращение к традиционной аристократии, — пишет Ажерон, — по крайней мере к той, которая хотела нам служить, стало правилом туземной политики. Но потребовалось еще время, чтобы внушить нашим беспокойным вассалам, особенно в провинции Константины и на юге Орани, что они не более чем сменяемые чиновники» [111, стр. 21]. Наследственным феодалам трудно было смириться с этим, тем более что некоторые из них (Мукрани, Бен Гана) примкнули к французам именно потому, что отстаивали свои вековые привилегии от пытавшегося их ликвидировать Абд аль-Кадира.

Учитывая постоянное напряжение в стране вследствие сопротивления завоеванию со стороны еще непокоренных племен и областей, колонизаторы вынуждены были некоторое время терпеть претензии и своеволие этих своих «союзников»⁴⁷. Для простых алжирцев это означало резкое ухудшение и без того трудного положения, так как число ага и кайдов значительно выросло по сравнению с турецким периодом, так же как и их изможденность ввиду меньшей прочности их положения.

Все это вело к росту поборов с населения и превращению коллективных земель «арш» в объект спекуляции феодалов, жаждавших нажиться на агнотаже французской колонизации. «Управление туземцами всегда осуществлялось без контроля», — признавала в 1848 г. оплачивавшаяся французским правительством газета «Ахбар» [153, стр. 654]. Налицо были усиление «феодализации общества», его «склероз, экономический и социальный регресс» [158, стр. 325—326].

Роль посредников между французским командованием и местными феодалами выполняли созданные в 1833 г. и реорганизованные в 1844 г. «арабские бюро»⁴⁸. К 1870 г. их было 49, а управляющих ими офицеров — 150⁴⁹. При каждом бюро были: врач, переводчик, «ходжа» (секретарь), два клерка, «шауш» (полицейский) и некоторое число иррегулярных солдат (спаги

или мохазни)⁵⁰. В соответствии с инструкциями они все более и более ограничивали полномочия феодальных вассалов колониальной администрации (башага, ага, кайдов), превращая их в простых исполнителей, и сосредоточивали в своих руках всю фактическую власть. В народе их называли «махазнийя», как бы сравнивая их функции с таковыми бывших «ахль аль-махзен». В большинстве случаев это были «лейтенанты и капитаны, вершащие суд, не зная закона, руководящие земледелием, ничего в нем не понимая, управляющие финансами без моральной и материальной ответственности» [64, стр. 62]⁵¹.

Роль «арабских бюро» (никем, кроме Ксавье Яконо, не изучавшихся) была, однако, довольно сложной. Ущемляя феодалов, они тем не менее стремились сохранить их как свою опору и пресекали стремления европейских колонистов непосредственно вмешаться в управление «туземными делами». Офицеры «арабских бюро» тщательно охраняли алжирцев от каких-либо контактов с европейцами, преследуя цель консервации «туземного общества» и использования его традиционных институтов в механизме колониального управления. Колонисты же видели в этом ограничение своих возможностей эксплуатировать алжирцев. На практике постоянная борьба между «арабскими бюро» и колонистами сводилась к тому, какой путь ограбления алжирцев окажется более действенным: административно-бюрократическая централизация или «свободное» частнокапиталистическое предпринимательство. Эта борьба завершилась в конце концов ликвидацией в 1880 г. «арабских бюро». Окрепнувший к этому времени колониальный капитализм был уже способен грабить алжирцев чисто экономически, без перманентного военного насилия.

Оставив о себе довольно скверную память в связи с административным произволом и казарменным жандармством, «арабские бюро» в то же время оказали объективно положительное влияние на социально-экономическую жизнь коренного населения. «Было бы трудно отрицать, — пишет Ш.-А. Жюльен в предисловии к книге Пьера Нора, — что офицеры арабских бюро... были лучшими защитниками туземцев... Они особенно не любили колонистов и были расположены делать доб-

ро своим подопечным при условии полного их повиновения» [171, стр. 14]. Исходя из «цивилизаторской миссии» Франции в Алжире, они стремились приобщить мусульман к технико-культурным достижениям и экономической практике метрополии в целях создания наилучших условий для хозяйственного освоения страны, укрепления ее связей с Францией и повышения авторитета всего французского.

Ими были предприняты шаги по переходу кочевников к оседлости, развернута так называемая «туземная колонизация» путем строительства новых домов и целых деревень для оседавших или просто селившихся на вновь осваиваемых землях, чтобы «создать укоренившееся крестьянство из мелких собственников, права которых обеспечивались бы Францией» [111, стр. 29]. Борьба с болезнями, ознакомление местных жителей с европейской агротехникой, внедрение новых культур (хлопка, табака, картофеля, винограда), лесозащитные работы, строительство популярных среди мусульман караван-сараев — таковы некоторые позитивные аспекты деятельности «арабских бюро», способствовавшие хотя бы в некоторой степени восстановлению и обновлению разрушенной деревенской экономики, оживлению хозяйственной активности и повышению культуры сельского производства. В результате в 1851—1857 гг. наблюдалось некоторое расширение посевов, рост урожайности, увеличение сбыта зерна, скота и шерсти (но также — повышение активности ростовщиков в связи с ростом сумм налогов и необходимостью выплачивать их в денежной форме). Однако последующие кризисы и голодные годы уничтожили почти все эти достижения. Следует также иметь в виду, что речь идет в основном о *части* территории Алжира. Другая ее часть, оставаясь незамиренной (Кабилия, юг Орани и Константины), находилась в худшем положении.

В целом ни «туземная колонизация», ни прочие экономические и социальные меры «арабских бюро», сколь ни скромны были их масштабы, не прошли бесследно. Фактически речь шла о зарождении на развалинах старой феодально-племенной системы, освобожденной от скреплявшего ее, подобно тискам, деспотизма оджака, новых социально-экономических укладов в алжирской деревне: мелкотоварного и примитивно-капиталистиче-

ского. Сколь ни мизерны были поначалу их масштабы (оставшиеся таковыми довольно долго), само их появление в мусульманском обществе наряду со все большим ограничением и уменьшением традиционной власти феодалов не могло не подействовать разрушительно на еще господствовавшие феодальные отношения. Предпринятые в 1859 г. министром Алжира и колоний принцем Жеромом Бонапартом («антиклерикальным демократом и антимилиитаристом», по мнению Ажерона) меры «особенно облегчили разрыв связей между владельцами и хаммасами». Воспользовавшись этим, многие хаммасы «покинули хозяев и господ, не уплатив долгов, и перешли на гражданскую территорию», на которой они были свободны от уплаты арабских налогов, нанявшись на работу к колонистам [111, стр. 30—31]. Так возник в Алжире *мусульманский сельский пролетариат*, пополнявшийся в дальнейшем кабилами-отходниками, оседавшими бедуинами, пришельцами из разоренных областей, рассеянных или распавшихся племен⁵².

Таким образом, если завоевание ликвидировало алжирскую государственность, то колонизация разрушила социально-экономическую структуру алжирского общества. И хотя большинство крестьян, особенно горцев и оседлых земледельцев глубинных, а также прибрежных районов (из тех, кто не был изгнан колонистами), сохранили традиционный образ жизни, привычный социальный быт и верность обычаям (в том числе обычаю повиновения шейху, кайду, аге и марабуту), они также были затронуты ветром общественных перемен: многие посылали в города своих детей, которым не было места на урезанной колонизаторами земле отцов, другие вынуждены были, чтобы свести концы с концами, периодически батрачить у колонистов. По словам Яконо, среди мусульман «колонизация не только изменила старые классы, но и создала новые», к числу которых он относит кроме сельскохозяйственного пролетариата промышленных рабочих, мелкую буржуазию, крупных земельных собственников (не исчезнувших, а «замененных другими, более многочисленными, но менее богатыми»), «средние классы недавней формации» (т. е. примерно одну десятую сельского населения, владельцев не менее 50 га, представлявших собой «буржуазию в широком смысле слова») [206, т. 1, стр. 304—315].

Однако формирование этих новых классов происходило в основном несколько позже. «За исключением, быть может, Индии, ни одна страна, — писал еще в 1879 г. М. М. Ковалевский, — не удержала в себе доселе больше следов архаических порядков землевладения, как Алжир. Родовая и нераздельная семейная собственность остаются здесь господствующими типами поземельного владения». При этом он отмечал, что если, например, «кабилам и известна частная собственность на землю, то не более как на правах исключения. Как и повсюду, она является у них продуктом медленного процесса распада родового, сельского и семейного» [72, стр. 197, 204]. Действие этих внутренних причин было ускорено политикой земельного грабежа, результаты которого четко выступили после того, как алжирская деревня едва смогла преодолеть гигантскую депрессию 1873—1896 гг., не в последнюю очередь вызванную законом Варнье 1873 г. и ему подобными. Тогда с наибольшей остротой сказались последствия массового обезземеливания и обнищания сельских жителей мусульманского Алжира.

К концу этого трудного для коренных алжирцев периода неуклонно процветавшая колонизация, набрав силы, стала особенно интенсивно втягивать мусульман в орбиту своего экономического воздействия. Но лишь после 1903 г. можно говорить о постоянном аграрном пролетариате из коренных алжирцев (до этого времени колонисты предпочитали импортировать рабочих-иностранцев). «Арабское крестьянство, задавленное вплоть до 1919 г. специальными налогами, лишенное всякого сельскохозяйственного кредита, жило вне европейских экономических связей» [111, стр. 59]. По существу отношения между колонистами и алжирскими крестьянами оставались отношениями воюющих сторон.

1871—1914 годы — очень важный для обеих сторон период, когда окрепшая колонизация и рожденное ею алжиро-европейское сообщество особенно прочно почувствовали себя на земле Алжира. «В 1911 г., — писал историк французской колонизации Жорж Арди, — из 746 тыс. европейцев 480 тыс. родились в Алжире и считали его своей родиной». Но в то же время, несмотря на рост европейского населения за счет притока извне в условиях процветания колонизации, удельный вес ев-

ропейцев среди обитателей страны почти не изменился, оставшись на уровне $\frac{1}{6}$ или $\frac{1}{7}$ части, так как коренное арабо-берберское население также выросло в 1872—1911 гг. с 2125 тыс. до 4740 тыс. человек [145а, стр. 155—156].

Это увеличившееся более чем в два раза население жило уже в совершенно иных условиях, коренным образом преобразованных воздействием колонизации и характеризующихся почти полной реализацией предсказанного М. М. Ковалевским пути обуржуазивания и ломки традиционных укладов: «Место общей собственности займет впредь частная, место кровного союза индивидуум, место патриархального склада отношений борьба за существование. Во всем, и в сфере личных, и в сфере имущественных, и в сфере общественных вопросов, начало родственной солидарности принуждено будет исчезнуть, оставляя полный простор личной инициативе не подготовленных к самобытной жизни (т. е. самостоятельной деятельности предпринимательского характера. — *Р. Л.*) и потому беззащитных индивидуумов». И хотя полностью колонизация не смогла уничтожить традиционные социальные связи местного общества, непреложным фактом алжирской жизни стали «продолжительное и вполне законное недовольство» коренных жителей, а также «опасные потрясения», рожденные полуусушествленной «насильственной заменой одного начала жизни другим» [72, стр. 231].

Как всякий крутой социальный поворот, эта замена сопровождалась различными негативными последствиями и сама по себе должна была переживаться коренным населением весьма болезненно. К тому же колонизация и колониальное господство делали совершенно нестерпимыми для него психологические условия такой замены. Во многих случаях (например, в Заадже) власти запрещали восстанавливать разрушенные колонизаторами непокорившиеся города и селения. Эта, по словам П. А. Чихачева, «довольно сомнительная мера предосторожности» должна была неизбежно «не только напоминать арабам кару победителя, но и быть для побежденных раздражающим воспоминанием прошлого и надеждой на будущее отмщение» [95а, стр. 204].

Длительное противоборство и враждебное сосуществование двух обществ на одной земле привели к взаим-

ной консолидации каждого из них. Параллельно процессу этнического сплочения европейцев и обгоняя его, шло сближение и слияние различных племен, фракций и этнических групп алжирских мусульман. Укрепление языковых и культурных связей коренных алжирцев разного этнического происхождения, их арабизация и «исламизация», стали очевидным фактом [206, т. 1, стр. 270—304]. Причина этого не только в разрушении племенного уклада под влиянием колонизации, но и в забвении межплеменных распрей перед лицом общего врага. Племенная организация еще до утраты ею экономической основы оказалась неспособной на эффективное военно-политическое сопротивление колонизаторам. Это обстоятельство наряду с факторами экономическими и социальными создавало новые формы морально-психологической общности алжирцев, сплоченных теснее, чем когда-либо, совместной борьбой и общей бедой. Не играя решающей роли и являясь в известной мере производным от более глубоких процессов социальной ломки, возникновение такой общности способствовало, безусловно, формированию алжирского национального самосознания. Общее стремление к единению ускорило процессы усвоения берберами арабского языка и ранее мало известного им шариата как именно той основы, которая могла бы сплотить алжирцев. Все исследователи сходятся на том, что «с развитием коммуникаций прогрессировала арабизация кабилских округов» [111, стр. 66]. К тому же процесс арабизации шел в Алжире и до 1830 г. и был лишь ускорен колонизацией, разрушившей феодально-патриархальную замкнутость отдельных областей и этнических групп, а также определенными мерами французских властей, воспринявших некоторые унификаторские принципы Абд аль-Кадира и боровшихся против стремления сохранить региональную самобытность, видя в нем «вызов» колониальному управлению.

Подводя итоги воздействию колонизации на алжирское общество, следует обратить внимание прежде всего на разрушение ею прежних отношений между людьми, хотя и без полной их ликвидации, ибо и феодализм (в лице размножившихся при колонизаторах кандов, ага, башага и им подобных, а также шейхов племен и марабутов), и патриархальная община (преимущественно у горцев и кочевников), и различные переходные

формы между ними продолжали существовать. Процесс разложения докапиталистических отношений затянулся, иногда обнаруживая тенденцию к стагнации. Двойную задачу колонизации в Алжире можно сравнить с таким же характером колонизации Англией Индии: «с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии» [1, стр. 225]. Следует лишь уточнить, что европейская колонизация в Алжире обе эти задачи не довела до конца, добавив к старым противоречиям традиционного общества новые. Влияние колонизации было не односторонним, а сложным и противоречивым, в связи с чем особенно необходима его объективная оценка⁵³.

Колонизация, несмотря на все ее темные стороны (насилия и преступления военщины, грабеж и экспроприацию природных богатств Алжира, расистские преследования и жестокую эксплуатацию коренного населения), оказала также и объективно положительное воздействие на общественные отношения в Алжире: произошли хозяйственное объединение страны, ломка феодального и феодально-патриархального укладов, внедрение капиталистических отношений. В свою очередь, это способствовало разрушению племенных и вообще традиционных барьеров, т. е. возникновению наряду с единством экономической жизни Алжира единства языка и культуры его коренных жителей.

С приходом европейцев в Алжире стали внедряться достижения европейской науки и техники, медицины и агрономии. Строились современные железные и шоссейные дороги — в стратегических целях и в целях ускорения сбыта производимой колонистами продукции, сооружались усовершенствованные порты для обеспечения вывоза сырья во Францию и ввоза товаров из метрополии; внедрялись современные средства связи, предназначенные в первую очередь обеспечить работу колониальной администрации и сообщение между европейцами во враждебной им стране; вводилась новейшая техника в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве — разумеется, ради увеличения прибылей европейских капиталистов и колонистов Алжира, и т. д.⁵⁴. Все это имело и объективно прогрессивное значение, способствовало развитию и модернизации экономики страны,

обеспечению связи между ее отдельными районами и приобщению коренного населения Алжира к достижениям технической цивилизации Европы⁵⁵.

Этот процесс в значительной степени ускорил развитие национального капитализма в Алжире и формирование связанных с ним классов — пролетариата, буржуазии и интеллигенции современного типа. На формирование алжирской интеллигенции особенно благотворное влияние оказало то обстоятельство, что по мере превращения Алжира в «заморскую новую Францию» общественная (в гораздо меньшей степени — политическая, о чем будет речь ниже), научная и культурная жизнь колонии постепенно интегрировалась в жизнь метрополии. Трудно назвать хоть сколько-нибудь известного французского политика, военного, ученого, литератора, архитектора, деятеля искусств, не посещавшего Алжир или не проявлявшего к нему профессионального интереса. Ими были хорошо изучены история страны, нравы и обычаи ее жителей, природа, климат, животный и растительный мир. Здесь были сделаны многие научные открытия, в том числе и теми, кто избрал Алжир постоянным местом жительства и работы. К ним относятся всемирно известные французские ученые биолог Эмиль Мопэ, археолог и историк античности Стефан Гзелль, географ и этнограф Огюстен Бернар, арабисты Вильям и Жорж Марсэ, крупнейший берберовед Рене Бассэ и др. Многие французские писатели, художники и композиторы (Жюль Гонкур, Мопассан, Делакруа, Фромантэн, Моне, Ренуар, Сен-Санс, Марке) приезжали в Алжир. Гюго, Флобер, Бальзак, Мюссе, Мериме, Додэ посвящали ему некоторые свои произведения. Научные исследования, творчество мастеров искусств сопровождались повышением общего уровня культуры Алжира (развитием подготовки квалифицированных кадров через расширение специального образования, созданием соответствующих учреждений и организаций — институтов, лабораторий, научных обществ и коллективов, театров, музеев и т. п.), во многом способствовали формированию местной творческой элиты, в том числе из среды коренного населения⁵⁶.

И тем не менее, как справедливо отметили авторы книги «Истоки войны в Алжире», «Франция много сделала для Алжира, но слишком мало для алжирцев»

[117, стр. 220]. Конечно, это высказывание отмечает лишь одну из сторон проблемы. Более глубоко об этом пишет Пьер Бурдьё: «Контакт между высокоиндустриальной цивилизацией с мощной экономикой и цивилизацией, не знающей машинного производства, сам по себе может привести к разложению традиционного общества. Тем не менее к его потрясениям, естественным и неизбежным последствиям соприкосновения двух культур, глубоко различных в экономической и социальной областях, следует добавить разрушения, вызванные сознательно и методически с целью обеспечить власть господствующей державы и экономические интересы ее граждан» [124, стр. 106]. Именно этот главный аспект любого колониализма, заключающийся в создании путем военно-бюрократического насилия и внеэкономического принуждения максимально благоприятных условий для эксплуатации, неотделимой буквально от всех форм неравенства (социального, юридического, национального, культурного), лежал в основе многостороннего и сложного процесса воздействия европейской колонизации на традиционную социальную структуру Алжира.

Начинив колониальное общество множеством противоречий и беспрестанно их умножая, колонизация превратила Алжир в социальном отношении в пороховой погреб. О трагической парадоксальности этой ее «миссии» образно писал Ж.-П. Сартр: «Она сохраняет бескультурье и феодальные верования, но уничтожает организацию и нравы, которые позволяют живому феодализму быть, несмотря ни на что, человеческим обществом; она навязывает либеральный и индивидуалистический кодекс, дабы разрушить рамки алжирской общины и возможность ее развития, но сохраняет царьков, получающих власть от нее и управляющих для нее. Одним словом, она фабрикует „туземцев“ двойным способом, отделяя их от архаического общества, но предоставляя им или сохраняя за ними *в условиях одиночества свободного индивидуализма* образ мышления, архаизм которого может быть увековечен лишь в связи с архаизмом самого общества. Она создает массы, но препятствует им стать сознательным пролетариатом, мистифицируя их карикатурой на их собственную идеологию» [191, стр. 39—40].

Действительно, колонизация означала для алжирцев тотальное отчуждение, насильственный разрыв всех прежних взаимосвязей, морально-этические и культурно-психологические последствия которого были не менее болезненны, нежели социально-экономические и политические.

Глава 2

ОСОБЕННОСТИ И СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ

Следствием колонизации явилось радикальное изменение алжирского общества. Оно не сводилось лишь к замене одних социальных компонентов другими (хотя было и такое) и к возникновению совершенно нового европейского общества в виде чужеродного напластования на местное¹. Гораздо любопытнее и труднее для анализа другое: изменение соотношения между сохранившимися компонентами традиционной социальной структуры, их эволюция и внутренняя трансформация.

«Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, — писал В. И. Ленин, — а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса)» [5, стр. 77].

Многоукладность

Одной из основных особенностей общественной структуры, сложившейся в Алжире под воздействием колонизации, явилась ее ярко выраженная многоукладность. В известной мере многоукладным было и доколониальное общество Алжира эпохи деев. Однако бесчисленные

и, как правило, непроницаемые барьеры, существовавшие между разными областями, племенами, этническими и религиозными группировками, определяли исключительную дробность социальной системы правления янычар и, как следствие этого, отсутствие или крайнюю слабость связей между укладами. Поэтому применительно к доколониальному Алжиру можно говорить скорее о сумме относительно замкнутых укладов, а не об их взаимодействии и взаимосвязях, каковые стали характерной чертой Алжира колониального.

В. И. Ленин, имея в виду Россию, отмечал в апреле 1921 г.: «Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе — мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье — капиталистическое, — это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое — государственный капитализм, и пятое — социализм» [8, стр. 158]. Уподобляя эти уклады различным пяти ступеням исторического развития, В. И. Ленин особое внимание уделял районам преобладания докапиталистических производственных отношений, подчеркивая: «И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость». Он при этом считал необходимым сделать ударение на следующем: «Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму» [9, стр. 221, 228, 229].

Разумеется, Россия 1921 г. намного превосходила колониальный Алжир по уровню социально-экономического развития. Производительные силы, классы, степень их дифференциации — все было иное. Однако имелось и сходство². Прежде всего оно было в наличии однотипных укладов и в необходимости решения всех проблем общества через постепенное преобразование многоукладности. В этом — сходство с Россией начала прошлого века не только Алжира, но и многих других стран

Востока. Однако многоукладность в Алжире, как и во всем афро-азиатском мире, специфична в силу сохранения давно изжитых в России и Европе общественных отношений и необычных для Запада колониально-уродливых форм сочетания отдельных укладов, удельный вес и само количество которых также иные³. В связи с этим представляется заслуживающим самого серьезного внимания следующее замечание А. И. Левковского: «Существование разных укладов, т. е. принципиально отличных социальных типов хозяйствования, — показатель великого столкновения противоположных тенденций в общественной эволюции. Причем имеются в виду не мелкие вкрапления отживших способов производства в гранит определенной социально-экономической формации, а сосуществующие крупные (массовидные) „куски“ производственных отношений, противоборствующих и вместе с тем скрепленных сложнейшими и меняющимися связями. Перед нами смесь относительно сильных и устойчивых укладов» [76, стр. 9].

В условиях Алжира, характеризующихся разнообразием природы, рельефа, климата, исторически сложившейся этнической пестроты и социально-экономического полиформизма, неустойчивость и внутренняя взрывчатость общества могли бы быть его постоянными качествами. «Это общество нигде не было однородным, — писал Р. Капусьцинский уже о послереволюционном Алжире, — оно состояло и состоит по сей день из смеси этнических групп, религиозных сект, социальных прослоек, племен и кланов. Это — в целом богатая и сложная мозаика» [38, стр. 251]. Равновесие многоукладности поддерживалось иноземным засильем, которое (в меньшей степени при турецко-янычарских деях, когда многоукладность была, очевидно, еще своего рода аморфным «сырьем», в большей степени — при колонизаторах, когда она развилась в систему) как бы скрепляло компоненты многоликого общества авторитарным «зажимом»⁴.

В течение всего периода колониального господства Франции в Алжире сохранялись уклады, существовавшие в эпоху деев, либо их остатки. Исключения не составило даже рабовладение, хотя рабов-христиан после краха власти деев не стало, а рабы-африканцы были освобождены специальным декретом в 1848 г. Однако

вследствие протестов мусульманской знати этот декрет «не применялся со всей строгостью» [111, стр. 27]. Поэтому, хотя рабство исчезло как таковое, влияние связанных с ним отношений еще оставалось⁵. Это влияние и общий моральный климат насилия и порабощения, созданный десятилетиями завоевания и колонизации, оказывали крайне негативное воздействие на социальную жизнь страны, деформируя общественные отношения в течение почти всего колониального периода. Воздействие прочих социальных связей докапиталистического типа играло идентичную роль. Ввиду этого даже капиталистическим производственным отношениям, особенно в деревне, были свойственны «родимые пятна» феодализма и патриархальщины. «В сорока километрах от города Алжира, этого Парижа Африки, начиналась эпоха каменного века», — писал позднее в связи с этим Р. Капусьцинский [38, стр. 237].

В структуре колониальной империи Франции Алжиру отводилась роль аграрно-сырьевого придатка экономики метрополии. Вследствие этого в целом страна оставалась отсталой в общественно-экономическом отношении, представляя собой в значительной части нечто вроде гигантского заповедника деревенских архаизмов. $\frac{3}{4}$ всего населения, по официальным (явно «розовым») данным, было занято в сельском хозяйстве [23, стр. 63]. На самом деле эта доля близка к $\frac{4}{5}$: в 1905 г. — 80,8% (3 421 670 из 4 098 260), в 1914 г. — 78,6% (3 726 130 из 4 740 520) [45, 1927, № 65, стр. 103].

Земледелие было возможно лишь на севере этого, по выражению французского экономиста Рене Жандарма, «африканского Чили» (т. е. узкой полосы побережья, отрезанного от континента горными хребтами) и в оазисах Юга. Перед началом второй мировой войны обрабатывалось 6,7 млн. га из 15 млн. угодий [127, стр. 78]. Остальную площадь страны занимали леса, горы, кустарники, пастбища, неплодородные земли, а также пустынные пространства южных территорий. Основными сельскохозяйственными культурами были ячмень, пшеница, овес, виноград, овощи, оливки, фрукты, табак. 50% производившегося в Алжире вина (по производству которого страна занимала третье место в мире) шло на экспорт, главным образом во Францию [89, стр. 497]. В общей сложности около $\frac{3}{4}$ всей внешней торговли

Алжира приходилось на долю Франции [128, стр. 240]. Скотоводство было отсталым и экстенсивным.

В сельском хозяйстве Алжира были представлены шесть общественно-экономических укладов: *иностранного капитализма и национально-капиталистический, мелкотоварный, феодальный, феодально-патриархальный и натурально-патриархальный*. Первый находил свое выражение в высокотоварном, сориентированном преимущественно на экспорт фермерском хозяйстве европейских колонистов и крупном производстве французских аграрных компаний. Второй уклад постепенно возникал из чахлого вначале сектора мусульманского агропредпринимательства, рожденного упоминавшейся выше «туземной колонизацией» и выкупом части земель мелких колонистов мусульманскими купцами. Третий охватывал мелких производителей деревни (включая зажиточную прослойку крестьян, сельских ремесленников и торговцев, а также и мелких колонистов), связанных с внутренним рынком. Четвертый был представлен полунатуральным хозяйством местных помещиков-феодалов и зависимых от них феллахов-арендаторов, главным образом хаммасов. Другие формы традиционной аренды («ребаа», «мгарса» и т. п.) были менее распространены и все более уступали место хаммасату. К пятому укладу следует отнести примитивное хозяйство кочевых и полукочевых племен южного Алжира⁶. От уклада некоторых горных племен (особенно берберов «шавийя» в Ауресе) его отличали зачатки рыночных связей и феодализация традиционной родовой знати (иногда зашедшая довольно далеко). Горцы, как правило, находились в сфере действия шестого уклада. Даже в 1963 г. 1/3 земель алжирцев принадлежала к категории общинных владений «арш» [124, стр. 107].

В ряде случаев капиталистические компании, владевшие крупными массивами земель, сдавая эти земли в аренду алжирским крестьянам, сплошь и рядом использовали полуфеодальные методы эксплуатации арендаторов, ставя арабов-издольщиков «в положение, близкое к рабскому» [97, стр. 87]. Земли Жепевской и Алжирской компаний (всего 120 тыс. га), а также компании «Хабра и Макта» (25 тыс. га) на 90% обрабатывались хаммасами [157, стр. 43]. Часть помещиков-феодалов, наоборот, переходила от сдачи земли в аренду

к ведению крупного хозяйства капиталистического типа. В то же время в районах господства общеплеменной собственности на землю (а также коллективной собственности всего села, например в Кабилии) происходил поощряемый колонизаторами непрерывный процесс «конституирования частной собственности», т. е. раздела общинных земель между членами племени⁷. В ходе официальной колонизации имела место и «туземная колонизация», т. е. продажа или передача за те или иные услуги земель коренным алжирцам. Всего из 1700 тыс. га официального «фонда колонизации» алжирцы получили около 200 тыс. га [117, стр. 42]. Богатые купцы, чиновники и обуржуазившиеся феодалы даже купили у обедневших или неудачливых европейцев в 1880—1917 гг. 297 тыс. га [123, стр. 394]⁸. Таким образом расширялись и укреплялись позиции капиталистического и мелкотоварного уклада и в среде мусульман Алжира.

Несмотря на внедрение капитализма в экономику Алжира, хозяйства европейских колонистов и алжирских мусульман не сливались воедино и подчинялись различным юридическим нормам. У местного населения сохранялось мусульманское право (шариат) в области семейных отношений, в вопросах наследования, земельной собственности и т. д. К 1954 г. только $\frac{2}{5}$ земель алжирцев были «юридически офранцузены» [124, стр. 107]. Это было связано с политикой французских властей, покровительствовавших крупным землевладельцам — феодалам и горожанам-абсентеистам, которые были заинтересованы в консервации наиболее отсталых форм ведения хозяйства, закреплявших архаичные методы эксплуатации⁹. Вследствие этого алжирцы, даже перешедшие к капиталистическому методу хозяйствования, не были заинтересованы в больших капиталовложениях, модернизации агротехники и рационализации производства. Поэтому урожай у колонистов всегда был в два-три раза выше, чем у алжирцев [177, стр. 123—124]. Обычно феллах продавал свою продукцию на 50% дешевле, чем колонист [94, стр. 137]. В руках колонистов было сосредоточено $\frac{9}{10}$ производства наиболее высокодоходных культур (винограда, цитрусовых, фруктов и овощей), а работы по ирригации на $\frac{3}{4}$ также проводились для них [117, стр. 224].

По подсчетам генерал-губернатора Алжира Виолетта, в 1926 г. чистый доход от эксплуатации земель, подлежащих налоговому обложению (т. е. находившихся в частной собственности), для европейцев был равен 192 674 376 фр., а для коренного населения — 119 068 489 фр., т. е. на долю алжирцев приходилось 39%, хотя они и составляли большинство [19, 1927, стр. 132]. За период 1911—1954 гг. доходность земель колонистов в общем объеме увеличилась в четыре раза [117, стр. 224].

Таким образом, понятия о капиталистическом и мелкотоварном укладах не являются однозначными в Алжире, как и во всякой колонии переселенческого или переходного типа. Практически эти уклады подразделялись на: 1) секторы национального и иностранного капитализма; 2) секторы мусульманского и немусульманского мелкособственничества. Несмотря на существовавшие между ними контакты, оба вида секторов имели тенденцию к развитию в особые уклады, алжирские варианты которых отличались более низким уровнем техники и культуры производства, меньшей доходностью, большей патриархальностью в самом механизме производственных отношений, на котором сказывалось сильное давление архаического груза традиционных институтов, форм внеэкономического принуждения и присущего феодализму личностного характера социальных связей. Получить представление о границе между этими секторами весьма трудно ввиду того, что применявшееся французской экономической статистикой деление на «современный» и «традиционный» секторы, лишь приблизительно соответствуя делению на «все капиталистическое» и «все докапиталистическое», совершенно не учитывает более детальных градаций.

Вне деревни кончалась сфера действия укладов, связанных с феодализмом, патриархальщиной и замкнутостью натурального хозяйства. Но было бы неверно не видеть влияния присущих им социальных связей и отношений на алжирцев, втянутых в капиталистическое и мелкотоварное производство неаграрного характера.

«С каждым из укладов прямо связано существование одного или нескольких (обычно двух) классов. Нередко связь эта весьма специфична (точнее, незнакома по

истории Запада), как, например, у натурально-патриархального и мелкотоварного уклада с классом феодальных помещиков. Особенность данных укладов (прежде всего мелкотоварного) и классов, базирующихся на них, состоит, в частности, в том, что более или менее полное уничтожение класса феодалов ведет не к развалу натурально-патриархального и мелкотоварного укладов, а к изменению общих условий их эволюции» [76, стр. 105].

В Алжире, где при колонизаторах не произошло уничтожения феодалов, их связь с классами почти всех укладов была довольно четко выраженной, в том числе и с уже включенными в местный товарооборот городскими мелкими собственниками. Связь с «великими семействами», пользовавшимися традиционным влиянием в той или иной области, часто оставалась решающей для перебравшихся в город уроженцев этой области. Они нередко подчиняли свои экономические интересы (ремесленников, мелких торговцев и т. п.) интересам своего бывшего традиционного коллектива (племени, дуара, т. е. фракции племени, или «соффа», т. е. клана, традиционно враждующего с другим). Не менее значительно было влияние среди них духовных феодалов — служителей мусульманского культа, и особенно марабутов, которые в иных городах были не менее сильны, чем в деревне. Все это не могло не сказаться на характере социальных отношений в традиционном мелкотоварном производстве горожан Алжира ¹⁰.

Наряду с воздействием феодальной патриархальщины на весь строй социальной и духовной жизни городского мелкособственничества, на его экономическую деятельность (особенно ремесленников) влияла привычка к натуральному хозяйствованию, что, естественно, ограничивало производство потребностями самообеспечения ¹¹. «Характер городской экономики, — отмечал Бурдые, — не слишком отличается от такового экономики деревенской. Забота о производительности труда неизвестна и конечная цель всей деятельности — в удовлетворении своих нужд. Конкуренция остается скрытой» [124, стр. 55—56]. Таким образом, даже в городе мелкотоварный уклад сохранял привнесенную из деревни сплетенность с укладом натурально-патриархальным, печать которого лежала на городском мелком производ-

стве алжирских мусульман все годы французского господства.

Местная кустарная промышленность коренного населения по своей организации, трудовым навыкам и технической грамотности занятых в ней больше напоминала средневековое цеховое ремесло. Долгое время в этих промыслах участвовала основная масса алжирцев — горожан «традиционного» сектора. Колонизаторы, систематически разоряя и вытесняя местных кустарей, тем не менее не могли окончательно их ликвидировать, да и не хотели, так как некоторые ремесла, являясь частью местной экзотики, привлекали туристов. В 1926 г., например, насчитывалось 300 ковровых мастеровских с 3 тыс. ткачей, 50 пошивочных ателье и т. п. [122, стр. 484].

Мелкое производство и низшие формы предпринимательства среди европейцев, по целому ряду показателей — доходности, культурно-техническому уровню, ориентации — резко отличаясь от таковых среди коренных алжирцев (об этом речь впереди), в то же время не определяли социально-экономической физиономии европейцев-горожан, большинство которых было включено в систему капиталистического производства новейшего типа. Мелкое производство европейцев в низших укладах было как бы частью крупнокапиталистической структуры. Наоборот, интегрированные в эту структуру алжирцы были скорее представителями менее эффективных и передовых способов производства. Но масштабы этой интеграции все увеличивались, и коренное население постепенно приобщалось к социальным отношениям и связям капиталистического типа.

Это отнюдь не означает, что Франция просто-напросто экспортировала в Алжир «свой» капитализм. Общественные отношения и порядки метрополии были свойственны в Алжире только сфере крупного современного производства, т. е. предприятиям и учреждениям заморских трестов и синдикатов, предпочитавших, как правило, ввозить извне не только технику и капиталы, но и квалифицированную рабочую силу и даже конторских служащих. Контролировавшийся ими сектор экономики Алжира был в буквальном смысле слова продолжением французской экономики, только приближенным к алжирскому рынку. Он представлял собой

уклад *иностранного монополистического капитализма*, тождественный таковому во Франции. Тесно связан с ним был *госкапиталистический уклад*, охватывавший помимо аппарата колониальной администрации с ее многочисленными службами (в том числе экономическими и социальными) также предприятия и сооружения, принадлежавшие государству.

По экономической эффективности и уровню научно-технического оснащения оба вышеупомянутых уклада превосходили остальные. Более того, в их рамках труд европейцев (чаще всего французов из метрополии) и отдельных алжирцев теоретически создавал условия для «культурного взаимопроникновения и калейдоскопического механизма» сочетания всех типов социальной жизни и цивилизации, существовавших в стране [124, стр. 80]. На деле это было совсем не так: занятые в этих укладах алжирцы (чиновники, техники, квалифицированные рабочие) были крайне немногочисленны и нетипичны вплоть до начала второй мировой войны.

Алжирское общество в гораздо большей степени характеризовалось аграрным капитализмом европейских колонистов и подражавших им обуржуазившихся мусульман-землевладельцев. Но его социальным отношениям были присущи элементы внеэкономического принуждения, основывавшиеся либо на традициях феодализма (у мусульман), либо на использовании (колонистами, тесно связанными с администрацией) «туземного кодекса» 1881 г., обрекавшего алжирцев на бесправие. Более «чистый» капитализм стал развиваться в городах Алжира с началом индустриализации накануне и во время первой мировой войны. Однако и ему были присущи «родимые пятна» колонизации, ибо значительную часть местных промышленников составили сами колонисты, особенно богатейшие из них, по своим замашкам и методам эксплуатации напоминавшие плантаторов с юга США.

Эта буржуазия, владея некоторыми предприятиями местного значения, выступала сплошь и рядом в роли агента монополистического капитала метрополии, занимая высокие посты в алжирских филиалах французских компаний, в правлениях крупных горнодобывающих предприятий и торговых фирм, принадлежавших трестам Франции [90, стр. 190—194]. При этом характерно,

что значительную (и наиболее влиятельную) часть промышленной и финансовой буржуазии среди европейцев Алжира всегда составляли представители аграрной буржуазии, т. е. крупные колонисты или связанные с ними предприниматели. Именно они явились с самого начала колонизации наиболее влиятельной фракцией европейцев и в конце концов стали подлинными хозяевами страны, получив нарицательное имя «сотни сеньоров» Алжира. Они символизировали и персонифицировали уклад *местного иностранного капитализма*, хоть и бывшего «колониальным» продолжением капитализма метрополии, но отнюдь не идентичного ему по направлению своей активности, внутренней структуре и социальному уровню. Для этого основного в колониальном Алжире уклада развитого частного предпринимательства постепенно становилось характерным преимущественное сочетание *хозяев-европейцев* и *тружеников-алжирцев*, которое в дальнейшем явилось главным фокусом всех противоречий алжирского колониального общества.

Алжирский национальный капитализм выступал в роли маломощного и третьестепенного сектора этого общества. Крупной национальной буржуазии в Алжире почти не существовало. Среди горожан вообще насчитывалось в 1911 г. менее 40 тыс. самостоятельных хозяев-алжирцев, из которых (по данным 1905 г.) чуть более $\frac{1}{10}$ применяли наемный труд [47, 1959, № 63, стр. 33; 113, стр. 823]. В основном им принадлежали кустарные мастерские, трактиры и прочие доходные заведения, а наиболее богатым — купеческие дома. Очень часто такие предприятия, в том числе относительно современные (транспортные конторы, механические мастерские и т. п.), представляли собой «семейное дело», в котором сыновья, братья и прочие родственники хозяина выступали в роли наемных рабочих, мастеров и подмастерьев, а не совладельцев. Большинство этих предприятий относились не к развитому частнокапиталистическому, а к мелкокапиталистическому укладу.

Гипертрофия мелкого бизнеса определялась кроме всего весьма ограниченной возможностью для алжирцев не только заняться крупным предпринимательством, но и сколько-нибудь серьезно рассчитывать на хорошо оплачиваемую работу как в частном, так и в государственном секторе ввиду отсутствия у большинства алжир-

цев необходимой квалификации и образования¹². Это создавало избыток лиц без определенных занятий и вело к гигантскому росту случайных промыслов и мелкого бизнеса «значительного числа посредников, практиковавших мелочную торговлю и наживавшихся на розничной перепродаже пучка бананов или коробки сигарет» [124, стр. 58].

Таким образом, сочетание самых различных укладов в городе и деревне и их разновидностей дает картину сложной системы социального устройства Алжира колониальной эпохи.

Классовое расслоение

Многоукладная система колониального общества в законченном виде сложилась в Алжире к концу XIX — началу XX в. Однако на ее дальнейшем функционировании, характере социальных противоречий, ей свойственных, и закономерностях ее эволюции в последующие десятилетия сказывались не только взаимоотношения между классами внутри системы, но и пути формирования этих классов.

Самосознание и позиция алжирского крестьянства в целом определялись не только процессами его расслоения, но прежде всего абсолютным обнищанием всех его отрядов вследствие осуществлявшегося в ходе колонизации земельного грабежа. Темпы обезземеливания хорошо видны из следующих данных о землях, принадлежавших алжирцам в 1883—1917 гг. (га) [111, стр. 58]:

Год	Частные владения	Земли «арш»
1883	8 188 410	—
1900	7 281 838	1 912 900
1903	5 791 255	—
1917	6 460 034	2 766 934

Эти цифры нуждаются в пояснениях. Дело в том, что обследования, проводившиеся в разное время, исходили из неодинаковых принципов: то учитывали земли «арш», находившиеся в коллективном пользовании, то не учитывали, то признавали отношения собственности, не регулируемые французским законодательством, то

не признавали. Кроме того, данные указывают на регистрацию в 1917 г. тех общинных земель, которые ранее в таком качестве властями не признавались. Тем не менее французские исследователи, исходя из этих данных, подчеркивают сокращение общей площади земель алжирцев на 29% за 20 лет (1883—1903). Поскольку алжирские крестьяне практиковали экстенсивное земледелие с использованием архаичной техники, урезывание их земель неизбежно сопровождалось пауперизацией их значительной части. Этому способствовали также длительная депрессия 1873—1896 гг., не прекращавшееся засилье в деревне ростовщиков, эпидемии тифа и холеры, голодные 1893, 1897 и 1920 гг.

К 1900 г. 52% алжирского крестьянства составляли собственники земли и скотоводы (кочевые или полукочевые главным образом). 30% крестьянства были хаммасами или прочими издольщиками, 12% — батраками [111, стр. 60]. В дальнейшем наблюдалось в основном сохранение пропорции собственников и пауперов в деревне с тенденцией к увеличению удельного веса «собственников по названию», т. е. бедняков, лишь формально отличавшихся от пауперов. Прогрессировали не только капиталистические, но и феодальные формы эксплуатации крестьян. Например, в 1911 г. хаммасы, испольщики и «мусульманские фермеры» (т. е. в основном арендаторы на условиях традиционной издольщины) составляли вместе с семьями около 35% всего алжирского населения в деревне, или 1310 тыс. из 3690 тыс. человек, а сельские батраки с семьями — около 13%, т. е. 584 102 человека [47, 1959, № 62, стр. 22—23]. Хаммасы абсолютно преобладали (1190 тыс. человек по данным 1912—1924 гг.) над издольщиками и фермерами [45, 1927, № 65, стр. 107].

Сохранение в столь значительных масштабах докапиталистических типов эксплуатации свидетельствовало об общей социальной отсталости деревни, о нежелании эксплуататоров (в том числе европейцев), применявших хаммасат и другие традиционные в Алжире формы издольщины, отказываться от удобных для них и тяжелых для трудящихся видов угнетения.

Что касается европейского населения алжирской деревни, то оно постоянно сокращалось, особенно среди малосостоятельных низших слоев — мелких колонистов,

арендаторов, батраков. В 1911 г. среди 221 293 европейцев в деревне насчитывалось 88 627 колонистов и членов их семей, 43 508 представителей «среднего класса» (фермеров-арендаторов, исполщиков, управляющих), 89 158 сельскохозяйственных рабочих, служащих и членов их семей. Таким образом, колонисты и работавшие по найму, а также члены их семей составляли по 40 % от общего числа европейцев, промежуточные прослойки — 20 % [47, 1959, № 62, стр. 13]. В дальнейшем сокращение их численности шло в основном за счет отъезда в города или во Францию разорившихся мелких колонистов или поправивших свои дела сельских рабочих (многие из которых, к тому же будучи нефранцузами по происхождению, возвращались на родину).

Крупная аграрно-латифундистская буржуазия продолжала определять лицо европейской колонизации и диктовать свою волю стране. Ее господство было решающим фактором классового расслоения не только в деревне, но и в городе, ибо, как уже отмечалось, «сеньоры» составляли основу также и городской европейской буржуазии.

Первоначально в Алжире существовала только горнодобывающая промышленность, принадлежавшая трестам метрополии, а шахтеры и рудокопы вместе с печатниками, транспортниками и строителями составляли первые отряды рабочего класса Алжира, почти целиком европейского по национальной принадлежности. Промышленные рабочие-алжирцы появились позже, особенно после возникновения с конца прошлого века ряда мелких предприятий местного значения, главным образом по переработке сельскохозяйственного сырья.

В 1911 г. социальная дифференциация самодетельного населения в неаграрных секторах экономики Алжира была следующей [47, 1959, № 63, стр. 32—33]:

	Европейцы	Алжирцы
Предприниматели	38 244	39 891
Чинovníки и служащие	38 899	21 634
Рабочие	84 524	64 183
Слуги	11 862	23 729

Примерное равенство численности предпринимателей не должно вводить в заблуждение: большинство предпринимателей-алжирцев были просто мелкими хозяевами, не применявшими наемного труда, а среди предпринимателей-европейцев значительную долю составляли капиталисты в подлинном смысле этого слова. Наличие значительного числа рабочих лишь косвенно указывает на зарождение индустриального производства: большинство наемных работников было занято в торговле, на транспорте, в сфере услуг. Но определенная часть промышленного пролетариата к этому времени уже сложилась.

В Алжире вплоть до завоевания независимости развивалась обрабатывающая и различного рода легкая промышленность. Это было связано с интересами верхушки колонистов, к которой перешли некоторые предприятия, ранее всецело находившиеся под контролем парижских монополий. Ряд предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции был основан крупными колонистами и связан с характером специализации их хозяйств¹³.

Многие буржуазные исследователи впоследствии делали упор на якобы «незаинтересованности» алжирских рабочих в освободительной борьбе ввиду их «привилегированности» и более высокого жизненного уровня по сравнению с крестьянством и городской беднотой. «Поборники этого тезиса, — справедливо отмечал впоследствии югославский ученый Зоран Атанацкович, — несомненно, упускают из виду тот факт, что не может идти речь о значительных различиях в положении и что мусульманский пролетариат, в отличие от сельских масс, которые в своей традиционной среде жили изолированно от европейских колонистов, был непосредственно противопоставлен европейскому пролетариату и, таким образом, был подвержен всем испытаниям расистской и дискриминаторской политики» [118, стр. 243]. Это подтверждается и свидетельством руководства АКП: «Для того чтобы привлечь на свою сторону трудящихся европейского или израильского происхождения и противопоставить их братьям по классу — мусульманам, колонисты всегда проводили политику расовой дискриминации, направленную к тому, чтобы благоприятствовать первым в ущерб последним (приоритет при поступлении

на работу, более высокая зарплата, использование в качестве мастеров, преимущественное продвижение по службе и т. д.)» [11, стр. 12—13].

Наиболее интенсивно алжирцы приобщались к капитализму в сельском хозяйстве, становясь батраками у колонистов. В городах разоренные конкуренцией дешевых французских товаров ремесленники, мелкие торговцы и прочие бывшие собственники (включая пришлых крестьян) пополняли армию безработных, лиц без определенных занятий и прочего предпролетариата. Из них лишь меньшинство становилось постоянными рабочими, причем не обладавшими развитым классовым сознанием¹⁴. Особенно это касалось рабочих, занятых у хозяев-алжирцев: в условиях колониального режима противоположность их классовых интересов затушевывалась сознанием национального и религиозного единства, а во многих случаях и земляческими, племенными и прочими традиционными связями. К тому же фигура алжирца-эксплуататора не была типичной ввиду слабости национальной буржуазии¹⁵.

Национальная буржуазия Алжира возникла намного позже алжирского пролетариата и всегда была слабее его. «Незначительная традиционная буржуазия городов,— пишет Ш.—Р. Ажерон,— состоявшая из грамотеев, кадиев, торговцев, исчезла под ударами колониализма. Она стала очень медленно возрождаться лишь начиная с 1900 г. и на новой основе» [111, с. 57]. Процесс ее формирования — из купцов, ростовщиков, всякого рода авантюристов (часто из феодальной среды) и агентов французских властей (как правило, богатевших за счет лихоимства на низших должностях в колониальной администрации) — шел довольно вяло; ввиду малых размеров капитала, отсутствия машин, опыта и технических кадров эта буржуазия почти не имела возможности подвизаться в сфере промышленности и поневоле ограничивалась активностью в торговле, сфере услуг и разного рода посредничества. На первых порах она и думать не смела о конкуренции с французской буржуазией, занимаясь в основном мелким накопительством, скупкой недвижимости и драгоценностей (часто оседавших мертвым грузом в сундуках), выпрашиванием у колонизаторов различных подачек и поблажек. Бочарные, корзиночные и сапожные мастерские, маслобойни, столярни, мыловарни, портняж-

ные, ювелирные и прочие ателье — такова была вначале зыбкая и несолидная база алжирской буржуазии. О «масштабах» этих предприятий говорят следующие цифры: в 1928 г. в Алжире было 800 корзиночных мастеровских (1300 рабочих), 4735 маслобоен (1500 рабочих), 85 бочарных мастерских (1000 рабочих) и т. п. [122, стр. 485—487].

Во многих случаях ремесло и предпринимательство оставались тесно слиты, и представители буржуазии одновременно продолжали быть гончарами, ткачами, столярами, ювелирами. Преобладание среди алжирской буржуазии коммерсантов всех видов было прямым следствием непроизводительной деятельности горожан, унаследованной от прошлого, когда город нес лишь административные и торговые функции. Но наряду с этим значительную роль здесь играла и относительная финансовая маломощность этой буржуазии, ее неконкурентоспособность и боязнь риска.

Социально-культурные процессы

По мере развития экономики и втягивания все большего числа коренных жителей в современное производство или просто в современную жизнь, главным образом в городах, контакты между мусульманами и европейцами становились все чаще и многообразнее. Это неизбежно вело к распространению среди алжирцев французского языка как средства общения и французской культуры как базы для хотя бы минимального взаимопонимания с привилегированными иностранцами. «Образование на французском языке, — писал Абд аль-Малик Сайяд, — принималось прежде всего как необходимость, навязываемая современным миром, который вместе с колонизацией возник рядом с традиционным миром; т. е. оно было принято главным образом ввиду его практического, технического и утилитарного превосходства. Говорить и, в еще большей степени, уметь читать и писать по-французски остается еще и сегодня условием не только социального и экономического успеха, но для многих и средством включения в современную жизнь и, для начала, получения работы... К французскому ни-

когда не обращались только из-за какой-либо отсталости арабского языка; все склоняются к мысли, что он навязан самой идеей общения». Но большинству алжирцев приходилось овладевать этим чужим для них языком самостоятельно, так как «школьное образование на французском языке всегда было частичным, ограничивалось рядом районов и было доступно только некоторым классам населения» [193, стр. 208—209].

Заметную роль в этом процессе играла все усиливавшаяся эмиграция алжирцев во Францию в поисках заработка, которая началась еще до первой мировой войны. Количество уезжавших и возвращавшихся постоянно колебалось в прямой связи с состоянием экономической конъюнктуры в Алжире и метрополии. Постепенно все больше и больше алжирцев (в первую очередь трудящихся, но также немало и торговцев, учащихся, лиц свободных профессий) стало оставаться во Франции на постоянное местожительство [117, стр. 209; 24, стр. 28].

Всего 7,3% алжирских семей имели от одного до трех и более родственников, проживавших в метрополии. Особенно высок был процент эмигрантов из Кабилии: здесь каждая пятая городская семья и каждая четвертая крестьянская постоянно пополняли эмиграцию, причем 4% городских и 1,6% сельских семей посылали в метрополию до трех человек и более [201, стр. 37]. «Трудолюбивые, мужественные, экономные, умеющие приспособиваться, — писал в 1957 г. известный арабист и социолог Филипп Марсэ, — кабилы всегда были розничными торговцами, сельскохозяйственными поденщиками и сезонниками, затем рабочими и подмастерьями в городах Алжира, а в течение последних сорока лет они все более быстрыми темпами становятся временными тружениками заводов и шахт метрополии» [114, стр. 266]. Еще до второй мировой войны кабилы стали постоянно составлять не менее половины эмигрантов. Основная их часть была сконцентрирована в промышленном районе Парижа, остальные — в районах Марселя, Лиона, Лилля и других крупных городов. Они использовались на тяжелых работах в металлургической, химической, строительной и горной промышленности, приобретая квалификацию, которую в Алжире получить бы не смогли. По мнению итальянского иссле-

дователя-марксиста Лориса Галлико, «эмиграция основной части алжирского пролетариата в пропорциях, несравнимых с любой другой страной, — в пять раз превосходящей число рабочих, оставшихся в Алжире, — является *первой главной особенностью алжирской социальной структуры*» [55, стр. 85].

Таким образом, получил мощное развитие возникший еще перед первой мировой войной важный социальный феномен — формирование значительной части национального алжирского пролетариата за пределами отечества, непосредственно в метрополии. Это обстоятельство вплоть до настоящего времени оказывает огромное влияние на жизнь алжирского общества. «За сорок лет, с 1914 по 1954 г., два миллиона алжирцев побывали на французской земле в качестве либо солдат, либо рабочих. Соседство в городах, даже если это было простым противостоянием двух обществ, также имело значительный эффект» [111, стр. 86].

Дело не только в том, что на чужбине эмигранты (в большинстве неграмотные крестьяне, в том числе патриархальные горцы) быстрее овладевали французским языком и приобщались к индустриальной цивилизации, получая, как правило, хотя бы минимальную квалификацию для работы в промышленности, в то время как в Алжире у них было гораздо меньше шансов получить как работу, так и квалификацию. Гораздо важнее то, что постоянные миграции алжирцев во Францию и обратно стали традиционным каналом воздействия на алжирское общество (как на городское, так и на сельское) не только социально-технической, но и политической культуры метрополии. «Соприкасаясь с французским рабочим классом и революционным движением, эти алжирские трудящиеся получали представление о классовом характере общества, о принципах пролетарской организации, о борьбе за раскрепощение рабочего класса, направляемой революционной теорией — учением марксизма-ленинизма. Они получили урок организации и успешной борьбы против предпринимателей... По возвращении в Алжир побывавшие во Франции рабочие также в известной мере способствовали распространению в массах опыта и знаний, приобретенных ими во Франции» [11, стр. 19].

В данном случае налицо был позитивный аспект со-

циального влияния (в том числе через политику и культуру) более развитого и высокоорганизованного общества на общество менее развитое. Положительность этого влияния заключалась не только в формировании новых классов, но также в создании нового морального климата в стране вследствие усвоения представителями разных групп алжирского общества более передовых норм и представлений об отношениях между людьми. И если на трудящихся оказывали влияние идеи марксизма, то весьма серьезным было также влияние на алжирцев всех классов освободительных идей Французской революции и парламентарной демократии.

Для определения степени причастности того или иного социального слоя алжирцев к современной жизни (как правило, эта степень была до 1962 г. идентична степени включения в капиталистическое производство) большой интерес представляет взаимосвязь, установленная А. Сайядом, между положением в обществе и уровнем двуязычия (арабо-французского или берберо-французского), которое, по его мнению, присуще всем алжирцам даже сегодня. Это «не „двуязычие культурных людей“ вследствие своей внутренней структуры, социального распространения и укоренения в лингвистическом быту всего общества; поэтому же оно — не достояние касты интеллектуалов, сформировавшихся во французской школе; оно далеко от того, чтобы быть... сплавом элементарного арабского и французского, так как практикуется одновременно и неграмотными, и грамотными» [193, стр. 216].

По Сайяду, «самый низкий уровень двуязычия встречается больше всего у сельского предпролетариата: безработных, батраков, временных поденщиков или не полностью занятых чернорабочих третичного сектора (мелких продавцов и ремесленников)» [там же, стр. 213]. Это люди, почти или совсем не знающие французского языка. Работая у колониста, они обычно лишь учились с грехом пополам понимать его. В полной мере данная их слабость выявлялась при переселении в города, где они были основным источником пополнения неимущих низов. Их приобщение к французскому языку обычно выражалось в смешении его с арабским или берберским, вернее — в более или менее заметной примеси французских слов, часто искаженных или неправильно

употребляемых. Несколько выше был уровень двуязычия «постоянных рабочих современного сектора», которые хотя и с трудом, но все же говорили по-французски, пересыпая, однако, свою французскую речь арабским жаргоном. Раздельное употребление арабского и французского было свойственно, по мнению Сайяда, более зажиточным слоям алжирцев (в том числе в традиционном секторе), «испытывающим презрение и к вульгарному языку, и к смешению языков, которое они находят еще более вульгарным» [193, стр. 214]. Таким образом, имущие классы были не только материально, но и культурно богаче своих трудящихся соотечественников.

Эмиграция, естественно, постоянно питала корни двуязычия и даже создавала своего рода культурный дуализм у многих долго живших во Франции учащихся, торговцев и лиц свободных профессий. Однако усвоение французского языка и даже длительное пребывание во Франции не означали их офранцуживания. Национально-религиозная обособленность эмигрантов, особенно рабочих, в основном сохранялась. Они жили в крайне трудных бытовых условиях, использовались на самых тяжелых и вредных работах, увольнялись в первую очередь. Число безработных среди них составляло иногда почти треть их общей численности [117, стр. 238]. Целая туча паразитов — «посредников» наживалась на оформлении эмигрантами денежных переводов своим семьям, заполнении документации, поддержании переписки и т. п. В результате до адресата доходила иногда лишь половина высланной из Франции суммы [117, стр. 239].

Во многом это было следствием замкнутости эмигрантов в своей среде и их довольно слабых контактов с населением метрополии¹⁶. Клеветнические выпады реакционной прессы и повседневный расизм шовинистических элементов во Франции способствовали этому не меньше, нежели инстинктивное стремление самих эмигрантов к сохранению своей обособленности. Парадокс заключался в том, что эмигранты в большинстве случаев приобщались к «французскому образу жизни» не субъективно, а объективно и часто незаметно для самих себя, в ходе ни чем не примечательных трудовых будней. Выяснялось же это обычно после возвращения на

родину, когда вернувшийся обнаруживал разницу между собой и своими никуда не выезжавшими соотечественниками в привычках, навыках, знаниях и даже в бытовом укладе.

В известной степени офранцузенными можно было бы считать только некоторых из числа лиц, получивших французское образование как в Алжире, так и во Франции. Численность их была крайне невелика [111, стр. 70, 85]:

Год	Число школьников-алжирцев в начальных школах	Их удельный вес среди детей школьного возраста, %
1890	10 000	1,9
1908	33 397	4,3
1914	47 263	5
1929	60 644	6
1944	110 000	8,8

Еще скромнее было число получивших среднее (по 84 человека в год до 1900 г. и по 150 — до 1914 г.) и высшее образование (в 1914 г. Алжирский университет закончили 46 алжирцев). Несмотря на вопиющее неравенство с европейцами в этом плане, еще до 1914 г. в Алжире насчитывались уже не тысячи, а десятки тысяч коренных жителей, умевших (пусть не всегда правильно) читать и писать по-французски. Через прессу, литературу, листовки они могли знакомиться с жизнью метрополии, Европы, местных ассоциаций европейцев Алжира. Для активного участия в политической жизни этого было вполне достаточно.

Таким образом, франкоязычное образование и знание французского языка явилось для алжирцев своего рода окном во внешний мир. Поэтому в применении к Алжиру правильнее говорить не об «офранцузивании», а о различной степени «осовременивания», втягивания в орбиту воздействия промышленной цивилизации через интенсивные контакты с французской культурой, техникой и экономикой. Естественно, для разных групп коренного населения была характерна различная степень освоения достижений этой культуры, техники и экономики. Но колонисты боялись (и не без основания) любой степени «осовременивания» алжирцев. Их депутаты (например, де Буассари в 1895 г.) неоднократно под-

черкивали, что «туземные школы выпускают бунтовщиков и деклассированных». А в 1908 г. конгресс колонистов Северной Африки даже вынес следующее постановление: «Признавая, что обучение туземцев представляет собой подлинное бедствие для Алжира как с точки зрения экономической, так и с точки зрения интересов французского населения, собрание требует, чтобы начальное обучение туземцев было прекращено» [161, № 77, стр. 60]. Не будучи в состоянии совсем ликвидировать саму возможность учиться для алжирцев, колонисты тем не менее делали все от них зависящее, чтобы помешать реализации этой возможности или по крайней мере максимально ее затруднить.

Метаморфозы ассимиляторства

Одним из факторов, спровоцировавших единение алжирцев перед лицом колонизаторов, явилась политика «ассимиляции», проводившаяся в разное время и с разными целями в отдельные периоды завоевания и колонизации. «Прежде всего для цивилизации этих каннибалов надо любой ценой сменить их религию», — писал в 1833 г. путешественник Розэ [112, стр. 313]. В дальнейшем, однако, от этого отказались, распространив понятие «ассимиляции» главным образом на европейцев-нефранцузов. Некоторые возможности для ассимиляции алжирцев открыл лишь указ французского сената от 14 июля 1865 г., постановивший, что «каждый коренной алжирский мусульманин является французом, однако подчиняющимся мусульманским законам. По его просьбе он может получить права французского гражданина; в этом случае он будет подпадать под действие гражданских и политических законов Франции» [97, стр. 66].

Однако мало кто из алжирцев соглашался отказаться от веры, векового уклада и образа жизни, языка и культуры предков, тем более что в дальнейшем, «когда политика ассимиляции широко восторжествовала во всех областях с 1870 по 1898 г., не было даже вопроса о том, чтобы считать мусульман французами. Совсем наоборот, к ним применяли политику порабощения» [111, стр. 62—63]. Впоследствии К. и Ф. Жансоны

отмечали: «Мусульмане эту политику отвергают, придерживаясь своих обычаев и законов, а колонисты, хотя и настаивают на ассимиляции, в действительности отказываются согласиться с ее политическими последствиями» [64, стр. 71].

В некоторой степени политике ассимиляции способствовал наблюдавшийся в стране вплоть до первых десятилетий XX в. упадок арабской культуры и образования на арабском языке¹⁷. Большинство коранических школ «мсидов» вследствие высылки учителей и конфискации имущества «хабус» (основного источника финансирования религиозного образования) было закрыто: к 1863 г. на управляемой военной территории их насчитывалось не более двух тыс. (на «гражданской» территории, отведенной под колонизацию, их фактически не было). Дальнейший регресс традиционного обучения был катастрофически стремителен: число школьников-алжирцев в 1865—1880 гг. уменьшилось с 13 тыс. до 3172 [157, стр. 46]. Многие центры арабской культуры, в частности завии сопротивлявшихся завоевателям марабутов, были разгромлены, а ряд деятелей традиционной арабо-мусульманской культуры либо погибли при подавлении бесчисленных антиколониальных восстаний, либо покинули Алжир.

Создание «арабо-французских» школ, в которых учили по-арабски утром и по-французски вечером, шло медленно: к 1870 г. их было только 36 (1300 учащихся). Для подготовки преподавателей был открыт учительский институт в Бузареа (пригороде Алжира) в 1865 г. (20 французов и 10 алжирцев на курс). Но к 1882 г. сохранилось всего 16 «арабо-французских» школ [111, стр. 36, 69]. Кроме того, с 1857 г. в трех главных городах (Алжире, Оране и Константине) действовали «франко-арабские лицеи», частично «допускавшие» алжирцев к французскому образованию второй ступени. Позже в Тлемсене, Константине и Алжире восстанавливаются и модернизируются медресе. Предназначенные для подготовки арабских учителей и кадиев, «укилей» (прокуроров), «адулов» (нотариусов) — эти заведения по своей программе давали эклектичное полуфранцузское образование.

Однако волна офранцузивания, затронув преимущественно компрадорскую часть алжирской буржуазии,

немногочисленные чиновничество и интеллигенцию, мало коснулась или почти не коснулась социальных слоев, сохранивших традиционный уклад жизни, нравы, обычаи и верования отцов и дедов. Феодалы, богатое купечество и торгово-ремесленный люд старинных мусульманских кварталов, крестьяне земледельческих районов и кочевники Сахары продолжали оставаться опорой мусульманского духовенства и марабутов.

Несколько по-иному проблему ассимиляции следует рассматривать в применении к алжирским берберам. Если первые французские путешественники называли их «ворами или скорее жестокими зверями», а первые французские генералы любили поговорить о «жестокости кабилы», то впоследствии кабилы, по мнению некоторых французских историков, будто бы «дважды отказавшись помочь Абд аль-Кадиру в 1839 и 1845 гг., значительно облегчили нашу задачу» [112, стр. 313]. Во Франции стали много писать о якобы «нордическом» происхождении кабилы, их специфических отличиях от арабов, самобытности, извечной самостийности и т. п. Возник миф о «голубоглазых» и «светловолосых красавцах», чуть ли не «прямых потомках вандалов», якобы лишь «поверхностно исламизированных» [113, стр. 268]. Генерал Дома говорил в 1847 г. об их «почти равной предубежденности против христиан и арабов». А один из идеологов колонизации цинично советовал: «Франция должна развить инстинктивную антипатию между арабами и кабилами и поощрить к своей выгоде борьбу этих двух рас». В кабилах теперь находили «добрых дикарей», которые якобы «через сто лет будут французами»: «Разве трудно было бы сделать француза из этого круглоголового бербера, оседлого крестьянина, трудолюбивого и экономного, бережливого торговца, свободного гражданина и смелого воителя?» [112, стр. 313—314]. В дальнейшем французские офицеры считали алжирских берберов готовыми солдатами — «сильными, ловкими, смелыми, неприхотливыми» [179, стр. 16].

Для разделения арабов и берберов предпринимались самые различные усилия, результатом которых скорее было самоослепление колонизаторов (особенно отличался этим лидер «кабилофилов» Варнье), нежели действительное разъединение этих наиболее крупных этни-

ческих групп населения Алжира¹⁸. Наоборот, в процессе совместной антиколониальной борьбы этническая унификация алжирцев даже ускорилась. Многие теоретики колонизации объясняли это ошибками предшествующей французской политики в отношении кабилы: навязыванием им шариата вместо бытовавшего у них обычного права, назначением к ним вследствие этого маликитских кадиев, а в качестве представителей власти — ага и кайдов из арабских аристократов-коллорабационистов и т. д. «Франция совершила невообразимую оплошность, арабизировав берберов», — заявляли некоторые из «берберофилов» даже в 1877 г., т. е. через шесть лет после «великого восстания» 1871—1872 гг., в котором наряду с арабами участвовали почти все кабилские племена [112, стр. 320].

Варнье и его единомышленники в поисках «научных» аргументов в поддержку своей позиции всячески преувеличивали и искажали результаты производившихся в то время исследований берберской проблемы¹⁹. Варнье «установил», что в Алжире якобы было в середине прошлого века 1 млн. «арабизированных» берберов, 1200 тыс. «чистых» берберов и всего 500 тыс. арабов. Тем самым, отмечает Ажерон, «арабский фактор был сведен к проблеме меньшинства» [112, стр. 318].

Характерно, что П. А. Чихачев, посетивший Алжир примерно в те же годы и отмечавший этнографические отличия кабилы от арабов (разницу в языке, нередко светлые волосы и обычай носить черные кожаные ермолки на бритой голове, а у женщин — отсутствие покрывала на лице и конические соломенные шляпы), подчеркивал одновременно и сходство между ними — «тот же белый бурнус, та же обувь (если она есть), та же манера держаться, та же стать» — и выражал убеждение в том, что, «несомненно, рано или поздно кабилы станут говорить по-арабски» [95а, стр. 130]. В этом предсказании оказалось гораздо больше научного предвидения, чем во всех выкладках Варнье.

В этой связи интересно отметить, что «известный «христианизатор» Северной Африки кардинал Лявижер, явно введенный в заблуждение подсчетами Варнье, писал о возможности «возврата кабилы, образующих $\frac{5}{6}$ туземного населения, к христианской религии, являющейся религией их отцов» (кстати, подобные же ил-

люзии миссионеры в Алжире питали и в отношении арабов) ¹⁹.

Лявижери именовал Кабилию «африканским Ливаном, покинутым Европой», и добился от правительства Гамбетты секретных ассигнований 50 тыс. фр. в качестве помощи «его католической и французской пропаганде» ²⁰. Вынужденный в 1885 г. признать неудачу своих попыток «всеобщего крещения» берберов, он объяснил ее... «исламизацией Кабии французами». Если бы не эта ошибка, то, по его мнению, «Кабия была бы христианской» [112, стр. 318—320].

Тем не менее, не преувеличивая успехи миссионеров и ассимиляторов, не придавая особого значения их утверждениям о том, что кабилы в прошлом якобы — христиане и «кельты», что женщина у них — «мать семейства, а не мебель или вьючное животное, как в арабском обществе», следует признать, что довольно долгое время французы пытались использовать в своих интересах некоторые особенности кабил.

После завоевания Кабии ²¹ в 1857 г. изменилась суть формально сохраненной структуры политического управления. Постепенно были отменены башагалыки в Сид-эль-Джуди (1857) и Себау (1864), агалыки в Флиссат Умм-эль-Лил (1858), Таурга (1859) и Амрауа (1860). Представлявшие ранее твердыни феодальных «великих семей» (Бу Ренан Бен Аззеддин, Бу Акказ Бен Ашур и др.), они были раздроблены на более мелкие подразделения. В больших селах («таддерт») и малых деревнях («туфик») этой области народные собрания (по-арабски «джемаа», по-кабийски «таджемаит») из свободно избираемых советов превратились в «ассамблеи носителей традиционных функций» («аминов», «укилей», «таменов»), в свою очередь превращенных в исполнителей воли правительства. «Официально выборы оставались свободными, но избрание односельчанами должностных лиц производилось в арабском бюро» [112, стр. 330]. Амин (или амокран, или амрар), т. е. староста, ныне обязан был собирать под контролем французских военных властей подушный налог, поступавший в казну, а укиль управлял финансовыми делами деревни.

Было искусственно создано «племя» (задолго до того распавшееся на фракции и лишь в военное время суще-

ствовавшее в форме «федерации союзников») как административное подразделение с советом аминов и избираемым ими главой («амин аль-умана», т. е. амином аминов), игравшее роль лишь передаточного звена колониальной администрации. Практически амин аль-умана всегда подбирался из двух основных соперничавших в Кабилии марабутских родов Иаттарен и Айт У-Амер (от представителя последнего рода, Си Мулы, французы и узнали в общих чертах особенности устройства Кабилии). На деле оба рода всегда оставались пособниками французской военной администрации, вопреки широко распространявшимся «кабилофилами» из среды колонистов легендам о якобы внедрении «аристократов, стремившихся заменить арабским теократическим режимом эгалитаристскую и рационалистическую республику кабилов» [112, стр. 331].

Арабские феодалы всегда плохо принимались кабилами, и их влияние обычно ограничивалось долинами рек и подножиями гор, где жило арабизированное или смешанное арабо-кабийское население. Разговоры об их «пагубной роли» в Кабилии, в сущности, основывались лишь на выступлении против Франции одного Мукрани, а также на фактах злоупотреблений традиционного правителя долины Суммам Бен Али Шерифа, которого с шумихой предали суду, сделав козлом отпущения. Целью этой кампании было устранение всех остатков унаследованного от турок «косвенного» управления через местных феодалов, на которое давно точили зубы колонисты. В то же время старая кабийская знать (Улад Замун, У-Касп, Махиддин и др.) заняла видное место среди 540 ежегодно избиравшихся аминов и прочих мелких вождей [113, стр. 278—279].

Подавивший восстание Мукрани адмирал Гейдон обрушился на активно участвовавших в нем кабилов: «Эти неотесанные горцы — все демократы, жаждущие выборных джемаа. Именно поэтому я полагаю полезным ввести в эту область наших чиновников». Таджемаиты на уровне села были отменены²². Амины продолжали «избираться» (фактически назначаться, что не скрывала даже колониалистская пресса), но урезанным советом наиболее состоятельных лиц. Собрание аминов преобразилось в «джемаа племени», амин аль-умана был заменен официально назначенным платным чиновником.

который сначала назывался «президентом джемаа», а потом — «туземным помощником» (однако кабилы продолжали его называть «амин аль-умана»). В 1887 г. в целях «ассимиляции кабилов с французами» было решено даже отменить посты аминов и таменов (старейшин в общинах — «харруба»), но уже в 1889 г. оказалось необходимым «восстановить, по просьбе администрации, лишенной осведомителей, этих незаменимых разведывательных агентов» [112, стр. 337].

С 1880 г., когда с отменой «арабских бюро» на Кабилию был распространен режим смешанных коммун, стал особенно ясен поверхностно-эфемерный характер всей учрежденной в Кабилии французской административной структуры: на коммуны в 60—100 тыс. человек приходилось всего лишь по несколько гражданских чиновников и их «туземных помощников». Игнорирование кабилами французской администрации в этих условиях не представляло большого труда²³. К тому же французы, стремясь избежать «арабизации» Кабилии, заменили здесь шариатских кадиев европейскими судьями, которым было вменено (хотя они, как правило, не знали ни арабского, ни кабийского языка) в обязанность руководствоваться обычаями кабилов (записанными полковником Аното со слов Си Мулы Айт У-Амера). Потешаясь над этой более чем странной судебной системой, кабилы либо вовсе не прибегали к ее услугам, либо обращались к ней лишь после того, как дело рассматривалось в джемаа (тайным образом) и шейхом «тарики» (т. е. марабутского братства). Участие кадиев в качестве «консультантов» французских судей мало что изменило.

Некоторый успех имел эксперимент Сабатье, администратора коммуны Джурджура, разработавшего целую систему особого законодательства, основывавшегося на обычном праве кабилов [112, стр. 335—336]. Пользуясь поддержкой генерал-губернатора Тирмана (1881—1891), горячего поборника ассимиляции алжирцев, Сабатье (до избрания его депутатом от Орана в 1885 г.) попытался максимально «европеизировать» кабилов, добившись одобрения на совещаниях знати своих «канунов», т. е. по-своему интерпретированных им (иногда измененных до неузнаваемости) и признанных наиболее «подходящими» древних берберских установлений. По

«кодексу Сабатье» запрещались ранние браки, фактически бытовавшая продажа невест и их принудительная татуировка, вводилось право наследования для женщин и развод по обоюдному согласию. Запретив зияры (паломничества к гробницам марабутов) и закрыв завийи религиозных братств, Сабатье провозгласил борьбу против «всего, что могло остаться от влияния марабутов», ввел светскость образования и обязал посылать детей во французские школы.

Губернатор Тирман пошел еще дальше, заявив о намерении «подготовить путь к этническому слиянию европейцев и кабилов». С этой целью он создал специальные школы для кабийских девочек-сирот, исходя из возможности будущих браков «между сыновьями наших колонистов и лучшими кабийскими девушками». Характерно, что именно в это время (1887) известный экономист Леруа-Больё писал: «По характеру семьи, собственности и общины, по происхождению законов, по вкусам и привычке к прогрессу кабиры настолько близки к колонистам из Европы, что не отличаются от них ни в чем существенном» [113, стр. 274]. Тирман даже готовил указ о замене кабийских имен на французские. Но, по словам самого Сабатье, эта политика, «поручавшая плодовитым кабилкам продолжение нашей расы», вызвала со стороны колонистов «подлинный взрыв расовой ненависти и расовых предрассудков» [112, стр. 337]. Колонисты, уже не нуждавшиеся в политике ассимиляции как в средстве борьбы с влиянием арабских феодалов, которое политически совершенно исчезло после 1871 г., добились отстранения и Сабатье, и, несколько позднее, Тирмана.

Однако политика дифференцирования арабов и кабилов продолжалась. Так, например, при создании в 1898 г. Финансовых делегаций примерно от миллиона кабилов были выдвинуты 3500 выборщиков (представителей знати и богачей), назначивших шесть делегатов, а около трех миллионов арабов выдвигали только 1500 выборщиков (что, кстати, свидетельствует о несколько большем числе состоятельных лиц среди кабилов) и 15 делегатов, из которых девять не избирались, а назначались [112, стр. 338]. Таким образом, «туземная» секция «финансовых делегаций» состояла из 21 человека (а каждая из европейских секций насчитывала

по 24 делегата). Попытки довести ее численность до 24 путем увеличения числа арабских делегатов до 18 успеха не имели, очевидно, также по соображениям сохранения удельного веса кабилских представителей соответственно вкладу представляемых ими налогоплательщиков²⁴.

Сохранением и углублением налоговых различий (кабилы не платили ашур, который французы считали исключительно «арабским») между арабами и кабилами колониальная администрация надеялась закрепить барьер между ними, поддерживаемая в этом плане с 1899 г. кабилскими делегатами. «Не надо трогать традиции», — отвечал в 1914 г. губернатор Люто на все требования установить налоговое равенство всех жителей Алжира [112, стр. 340].

С 1880 г. поощрялось развитие преподавания кабилского языка²⁵, за знание которого чиновники-французы стали получать специальные премии. Однако ширившееся распространение арабского языка среди кабил-мигрантов (главным образом, отходников, сезонных рабочих и горожан недавней формации), жителей горных долин и даже городских центров (например, столицы джурджурских кабил Тизи-Узу) встревожило администрацию²⁶.

В 1906 г., явно желая использовать успехи французского языка, распространявшегося среди берберов Алжира иногда даже быстрее арабского, генерал-губернатор Жоннар приказал все нотариальные и судебные акты (в том числе постановления кадиев) в Кабилии составлять не на арабском, а на французском языке. Тем не менее в рапорте его преемника Люто в 1915 г. отмечался крах всех попыток предотвратить сближение алжирских берберов с арабами и подчеркивалось, что «арабизированный туземец уже осознал свой мусульманский образ мышления и расстояние, которое его отделяет от нас» [112, стр. 341].

Единственно, в чем преуспели колониальные власти в Кабилии, так это в развитии сети образования на французском языке: благодаря усилиям Сабатье кабилские нотабли сняли запрет с посещения школ «руми» (т. е. европейцев) и в ряде горных районов французские учителя «стали завоевателями Кабилии»²⁷. «Усилия французских учителей и их туземных помощ-

ников, несомненно, оказали цивилизующее влияние на грубых кабийских горцев. В кабийском доме произошли изменения, по советам французских учителей и в подражание им вводилась элементарная гигиена, а в кабийских садах появились ранее неизвестные овощи и фрукты» [112, стр. 347]. В социальном плане развитие французского образования способствовало именно здесь возникновению первого слоя интеллигенции, воспитанной на западноевропейской культуре. Это были прежде всего учителя: одна лишь школа в городке Таурирт-Мимун в 1883—1906 гг. направила в учительский институт в Бузареа 56 своих выпускников, а в медресе — 4. К 1909 г. в Джурджурской Кабии на 420 тыс. жителей 13 051 получили образование во французских школах²⁸. Это способствовало подрыву патриархальных традиций и прежних устоев жизни, что вызвало недовольство старого поколения кабилы. Всполошились и колонисты: заговорили о «болтунах», «о скверных работниках, за которыми не уследишь», об «опасном влиянии» учителей-кабилы, которые «охотнее рассуждают о требованиях и независимости, чем о подчинении и уважении» [112, стр. 348].

Относительная распространенность французского образования в Кабии обусловила и то обстоятельство, что именно отсюда началась эмиграция во Францию²⁹. Характерно, что остальные берберские области (Дахра, Уарсенис, Аурес, Мзаб), не привлекавшие внимания французам, не только не играли такой роли, как Кабия, но даже отставали в развитии от страны в целом.

Прогресс французского культурного влияния в Кабии определялся в основном соответствующими интересами колонизации. Сайяд именно этим объясняет неравномерность распределения французских школ в сельских районах Алжира, указывая на различия «между горами (где школ относительно много, а интересы колонизации слабы) и долинами (где школы почти полностью отсутствуют и, наоборот, интересы колонизации особенно значительны), а в горах — между Кабией, общество которой было противопоставлено остальному населению и долго считалось более подходящим для ассимиляции, и прочими жителями гор (среди них шавийя Ауреса)» [193, стр. 208].

Из множества социально-этнических барьеров, существовавших в стране, главный разделял европейцев и коренное население. Колониальное общество было, по справедливому замечанию Бурдые, «системой каст». «Принадлежность к каждому из этих коллективов, — писал он, — определена с рождения; признаком ее является физический тип, а также часто — одежда или фамилия. Факт рождения в высшей касте автоматически дает привилегии, что развивает у пользующегося ими чувства естественного превосходства». Касты «разделены массой невидимых барьеров, официальных или произвольных, которые сводят общение членов обеих каст... к необходимому минимуму» [124, стр. 116].

Даже для теоретиков ассимиляции, демагогически утверждавших, что «среди арабов многочисленным является класс угнетенных, жаждущих освобождения, которого он ждет от нас», аксиомой было следующее: «Христианское общество и мусульманское общество, будучи противопоставлены друг другу, не могут жить, без подчинения одного другому... Поскольку мы — французы, мы не можем и не должны ехать в Алжир для того, чтобы подчиняться закону арабской аристократии; надо, чтобы она подчинилась нашему закону» [112, стр. 316]. Разумеется, «арабская аристократия», выгодно пристроившись к системе колониального управления, сумела использовать законы французов в своих интересах. Но подавляющее большинство мусульман отвергало эти законы, не желая иметь с ними ничего общего. «Наше христианское присутствие, — писал в 1910 г. Огюстен Бернар, — создало единство мусульманского населения Алжира... Как и среди французов, у них могут существовать различия, но, будучи кабилами или арабами, все они — туземные мусульмане, как бретонцы и провансальцы — французы» [112, стр. 327].

Бытовавшие даже в начале XX в. проекты массового крещения берберов, пытавшиеся использовать отдельные успехи прежних миссионеров «великого христианизатора» Лявижери, успеха не имели. Вот что писал Октав Дефон, начальник кабинета генерал-губернатора Люто, по поводу волнений берберов в 1916 г. (в связи с их отказом служить во французской армии): «Они

могли быть подчинены, иногда — примыкали, но никогда не покорялись полностью, даже арабам или туркам. При всех завоевателях и особенно при турках кабилы (и ауресцы) находились в состоянии почти непрерывного мятежа»³⁰.

По мере развития колониального общества во всей неприглядности выявились его внутренние пороки и неизлечимые болезни. Одной из них была практическая непреодолимость все более ширившейся бездны между европейцами и мусульманами³¹. Европейцы, особенно колонисты, в массе относились к алжирцам с расистским высокомерием и презрением, открыто третируя и всячески унижая коренных жителей страны. Очевидец отмечает, что колонисты непрерывно изобретали для алжирцев оскорбительные клички [26, стр. 24]. Алжирцы, естественно, не оставались в долгу. Для любого из них «руми» или «нсара» (христиане) были объектом ненависти и вражды, в лучшем случае — вызывали недоверие или отчужденность.

Число смешанных браков, как отмечалось выше, было ничтожно. Почти все они приходились на испано-мавританские кварталы Орана со смешанным, преимущественно бедным, населением, главным образом арабского, испанского и еврейского происхождения. Правом на «натурализацию», т. е. на принятие по закону 1865 г. французского гражданства со всеми вытекающими из этого культурно-юридическими последствиями, воспользовалось также крайне незначительное число — всего 7817 человек за период 1865—1936 гг. [187, стр. 43]. Алжирцы презрительно называли их «мтурни» (от французского «ретурнэ», т. е. «перевертыш»). Столь же презрительно враждебным было отношение к «мгаджи» (от французского «ангажэ» — «завербованный»), т. е. к тем, кто служил французам. Даже если у них имелись награды и заслуги, их именовали «безносыми», т. е. не имеющими достоинства. Постепенно такие люди, например ветераны французской армии, образовали своего рода замкнутую среду, общаясь лишь друг с другом³². Еще хуже было положение детей от смешанных браков³³. Их всячески третировали (называя, например, не «сын Ахмеда», а «сын французенки») ³⁴.

Проявления подобной нетерпимости объективно отражали неодолимый в колониальных условиях процесс

смыкания социального размежевания с национальным. Основа и отправная точка этого процесса — механизм взаимодействия социальных интересов в полупереселенческой колонии переходного типа. Эти интересы не были однозначными, ибо наличие неравноправных в рамках колониальной структуры национальных групп населения неразрывно связывало классовое и этническое начало в единую систему общественного неравенства. Социальные отношения в связи с этим были строго подчинены внутренней логике особой расстановки национальных и общественных сил. В Алжире это выразилось в том, что «мажоритарное в социальном, экономическом и политическом плане меньшинство пыталось... превратить свои привилегии в права» [124, стр. 117].

Позднее теоретики алжирской революции 1954—1962 гг., уловив эту особенность, сформулировали ее следующим образом: «Французы Алжира образуют экономический блок. Их положение в алжирском колониальном обществе тесно сплачивает их в деле защиты своих интересов, которым угрожает революция, несущая социальные потрясения. Это — „социальный класс“, защищающий себя» [25, стр. 6].

Главное противоречие — между европейцами и алжирцами — было порождено, как считает большинство буржуазных историков, не самим фактом прибытия в Алжир в ходе колонизации иностранцев, а превращением европейской общины в социальную опору колониального режима, в меньшинство социально привилегированное и использующее свои привилегии как орудие *общественного* угнетения большинства алжирского народа. Форма национально-этнической и даже религиозной конфронтации, которую приняло это противоречие, была лишь внешним проявлением (даже в известной степени прикрытием) глубокого социального характера основного конфликта, все сильнее раздиравшего колониальное общество по мере его становления и развития. Социальность этого конфликта выявлялась все четче и четче в ходе этнической консолидации алжирского народа.

Около 30% алжирцев вплоть до 50-х годов XX в. говорили на различных берберских наречиях [60, стр. 370]. Наиболее значительными группами среди них были кабилы (жители горных областей Джурджуры, частично

полуостровов Колло и Бабора), шавийя (в труднодоступном массиве Ауреса), мзабиты (представители секты ибадитов с центром в оазисах Мзаба), жители горных районов Уарсениса и Дахры, а также кочевники-туареги Алжирской Сахары. Всего к 1910 г. в Алжире насчитывалось 1 305 730 берберов, из которых 726 543 совсем не знали арабского языка. Больше того, наблюдался даже процесс частичной берберизации арабских групп, долго живших в берберском окружении. В 1910 г. таких «необерберов» было 20 973, из которых 18 474 жили в Кабилии, остальные — в Ауресе и Мзабе [183, стр. 39—41].

Шавийя, так же как уроженцы Дахры и Уарсениса, обычно говорили и по-арабски, и по-берберски, однако они в большей степени сохранили свои родовые традиции и патриархальную племенную структуру. Для них были наиболее характерны свои бытовые особенности, засилье кланов (софф) и прочность племенных связей. Кабилы к этому времени сложились в своего рода народность, обладающую единством языка, территории и психического склада. Их бывшая племенная раздробленность стала уже достоянием истории, уступив место сплоченности на региональной основе. Однако отсутствие берберского письма, тесные экономические связи с другими областями Алжира и постоянная арабизация кабил (как и прочих берберов), особенно при миграции на равнины и в города, затрудняли дальнейший процесс особого национального развития кабил, превращая их в своеобразный компонент арабоязычной алжирской нации.

«Некоторые, придерживаясь марксистского определения нации, сомневаются в существовании алжирской нации, поскольку, говорят они, арабский не является языком кабил, — отмечал в 1958 г. подпольный журнал АКП „Реалитэ альжерьепп марксисм“. — Но является ли французский язык родным для корсиканцев? Достаточно напомнить, что арабский для кабил — язык религии, что они выступают, как и остальные алжирцы, за его превращение в национальный язык, что он представляет собой основной язык общения. На практике обитатели Касбы г. Алжира, в большинстве своем — кабилы, говорят тем не менее по-арабски» [14, стр. 9].

Объяснялось это не только воздействием лингвистического окружения арабоязычного большинства, но и особой (к сожалению, почти не исследованной) ролью кабиллов в становлении и росте национального капитализма в Алжире³⁵. Быстро развивающаяся кабийская буржуазия отнюдь не собиралась ограничивать сферу своей деятельности родной областью — труднодоступной, гористой, малоплодородной, бедной ресурсами и представлявшей собой крайне ограниченный рынок сбыта³⁶. Она стремилась действовать в масштабах всей страны, вырвавшись за пределы своей «африканской Оверни», как называли Кабилию французские географы. Это своего рода «общеалжирское» призвание кабийской буржуазии и отсутствие у нее регионалистской узости как бы иллюстрировало известное положение о том, «что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» [7, стр. 258]. Поэтому одним из парадоксов культурно-этнической эволюции Алжира был значительный вклад кабиллов в развитие арабоязычной культуры — поэзии, публицистики, газетного и журнального дела и т. д. В первую очередь это относилось к арабизировавшимся кабилам, т. е. окончательно переселившимся в «чисто» арабские (по алжирским понятиям) области и заинтересованным в ликвидации всех барьеров между ними и окружающим их населением.

Однако специфические условия Алжира не позволяли процессу арабизации кабиллов принять массовый и законченный характер. Особая роль французского языка в «осовременивании» алжирцев и более значительное французское влияние в Кабилии предрасполагали основную массу кабиллов не к берберо-арабскому, а к берберо-французскому двуязычию³⁷. Значительную роль при этом играло практическое незнание подавляющим большинством алжирцев арабского классического языка, остававшегося достоянием лишь немногих лиц³⁸. Функции литературного языка, понятного абсолютному большинству грамотных людей (только и способных к подлинно активному участию в общественной жизни), все более и более прочно закреплялись за французским,

хотя разговорный арабский и оставался основным языком общения алжирцев. Характерно, что именно лидер учителей-кабилов Р. Зенати выступил в 1938 г. с проповедью ассимиляции: «Цель, к которой необходимо стремиться в первую очередь, это — офранцузиться, т. е. обрести французскую душу и западное мышление; это означает дать нам возможность пойти навстречу нашей судьбе и безоговорочно влиться во французскую нацию» [42а, стр. 58].

Подобные взгляды были вообще типичны для значительной части алжирской буржуазии и ее либеральных политиков вплоть до второй мировой войны. Дело в том, что если эта буржуазия наивно считала одно время ассимиляцию средством проникнуть в ряды европейской буржуазии и воспользоваться ее экономическими привилегиями, то интеллигенция учитывала прежде всего политический аспект ассимиляции, т. е. возможность покончить с юридическим неравноправием в условиях колониального режима (что, разумеется, было утопией)³⁹. Поскольку среди кабилов наиболее значителен был процент воспитанной во французских учебных заведениях интеллигенции, то вполне закономерно, что именно из их среды должны были последовать соответствующие выступления. «Жажда знаний у кабила, — писал Альбер Камю в 1939 г., — и его стремление к учебе стали легендарными. Но кроме естественной склонности и практической сметки его к этому побуждает и осознание того, каким орудием освобождения может стать школа» [32, стр. 57].

Основными причинами миграций кабилов в арабские области страны и во Францию были бедность Кабилии и самая высокая по Алжиру плотность населения здесь — до 367 человек на 1 кв. км [124, стр. 9], что побуждало их заселять даже центры европейской колонизации⁴⁰. Их активность неоднократно возрождала у части колониального чиновничества былую «кабиломанию»: снова писали, что кабилы — «братья по расе грекам, римлянам и прочим латинским народам», поэтому, мол, у них «живость ума, ирония, горячность, любовь к дискуссии» [192, стр. 33].

Определенное значение имела также и исключительная сплоченность кабилов, у которых патриархальные традиции были значительно сильнее, чем у жителей по-

бережья и районов интенсивной европейской колонизации, давно утративших племенное деление⁴¹. В частности, уезжая, кабил всегда был уверен, что его семья обязательно будет пользоваться своей долей формально неделимой собственности «акхам» (т. е. большого патриархального семейства) и ее всегда защитят оставшиеся на родине родственники-мужчины. «Именно думы о семье поддерживают его во время долгого отсутствия и вырабатывают у него психологию усердного и экономного трудяги; наконец, сгруппировавшись во Франции по схеме семейной организации, воссоздав здесь сеть взаимопомощи и солидарности, лежащие в основе жизни кабилов, эмигранты, ценою самых жестоких лишений, посылают своим семьям самую большую часть заработка» [124, стр. 17].

Кроме семейственности у кабилов были очень развиты и другие формы групповой солидарности: 1) клановой — обычно внутри общины «харруба» (по-кабийски «тахаррубт»), объединявшей до четвертого-пятого поколений потомков общего предка с одним именем, которые считали друг друга «братьями» (хотя часто включали в себя семьи с разными именами и разного происхождения); 2) деревенской — внутри «адрума» (объединения нескольких харруб) или «таддарта», т. е. селения, в собрании которого были представлены главы харруб (тамены)⁴²; 3) солидарности соплеменников (обычно несколько деревень объединялись в племя «арш», имевшее общего мифического предка и совет аминов, т. е. глав собраний).

Некоторые исследователи относили кабилов к «демократическому» типу берберов, у которых все вопросы решались в сельских собраниях представителями больших семейств, Коран был лишь общим руководством при господстве обычного права, полигамия наблюдалась реже, чем у арабов, а женщина была более свободной [195, стр. 123—125]. Однако Ф. Марсэ, отмечая участие в работе деревенских собраний всех мужчин, способных носить оружие и «в принципе равных», подчеркивал, что принимается во внимание при этом только мнение стариков⁴³. Его вывод: «Демократия кабийских селений на деле — геронтократия» [114, стр. 276]. Более поздние работы французских авторов констатировали то же самое: «Они не демократы, а геронтократы, ибо все вопро-

сы хоть и обсуждаются публично, но участвуют в этом лишь главы семей, обычно поддерживающие точку зрения главы клана. Поэтому неверно их считать поборниками демократии и равенства» [192, стр. 33]⁴⁴. При всей предвзятости этих оценок они интересны критическим отношением к патриархальщине.

Относительно значительная втянутость кабил в современную экономику и европеизированную жизнь, привнесенную в Алжир колонизацией, прекрасно уживалась с консервацией патриархальных отношений и общественных институтов в их среде⁴⁵. Даже в 1954 г. многие племена кабил, в частности в Джурджурской Кабилии, сохраняли свои особенности, местные говоры, специфические прически и одежды у женщин, их манеры носить сосуды и т. п. Естественно, что на фоне этой вполне реальной патриархальности довольно странно выглядят «научные» изыскания о якобы сходстве кабил с «иберийской» и даже «нордической расой» и т. п. [184, стр. 11]⁴⁶. То же можно сказать о сравнении таджемаитов (собраний) кабил с агорой древних греков. Неверны также суждения типа: «коллективная собственность племени мешает частной инициативе, эволюции и прогрессу» [195, стр. 193]. Сохранение у кабил патриархальных отношений и групповой солидарности всех видов не помешало им выделить из своей среды наиболее динамичные и европеизированные фракции новых классов и социальных слоев, возникших в рамках современных укладов: буржуазии, интеллигенции, пролетариата, служащих.

Кабилы — наиболее примечательная и своеобразная часть алжирских берберов, сыгравшая (и прсдолжающая играть до сих пор) особую роль в истории страны как по причине всех своих упомянутых качеств, так и вследствие относительно высокой численности, а также близости Кабилии к столице страны. Другие берберские группы (например, горцы Дахры и Уарсениса, туареги Сахары) такой роли сыграть не могли в силу своей удаленности от столицы, малочисленности и раздробленности. Однако шавийя и мзабиты заслуживают серьезного внимания.

Шавийя были довольно близки к кабилам (когда-то, на заре колонизации, французы вообще не различали их) и еще в 30-х годах многими исследователями не

выделялись в особую этническую группу. Их относили вместе с кабилами к «горным берберофонам», которые говорили «на смешанных арабо-берберских диалектах, достаточно разнящихся один от другого» [195, стр. 121—123]. Современные исследователи, однако, помимо языковых различий (шавийя, в отличие от кабилов, знают и берберский, и арабский язык) отмечают и другие, например большую у шавийя свободу женщин, которые «равны мужчинам, пользуются правом наследования и играют значительную роль в семье» [143, стр. 7]⁴⁷. Тем не менее патриархальные связи и отношения здесь еще крепче, чем в Кабилии, а вражда кланов, кровная месть («ракба») и «анайя» (покровительство пришлому чужеземцу) распространены как нигде в Алжире. Шавийя отличаются также высокоразвитым чувством чести, как индивидуальным, так и коллективным, присущим племени («арш») или его фракции («харфикт»), объединяющей, по словам шавийя, всех «сыновей дяди со стороны отца».

Благодаря практически неприступным горам Ауреса и их удаленности от главных центров, шавийя в основном избежали смешения с иными этническими элементами, что также способствовало особой прочности древних традиций и натурально-патриархального уклада⁴⁸. «Страна шавийя, — пишет П. Бурдые, — долго жила в условиях замкнутой экономики, строго ограничивая свои потребности местными ресурсами» [124, стр. 26]. Автаркия хозяйства, разделение труда в самой зачаточной форме (в основном только между мужчиной и женщиной), строгая сезонность «больших рынков» (обычно летом закупались путем обмена «головы на голову» запасы на весь год), слабое развитие мелочной торговли (которой здесь занимались кабилы) — вот характерные черты этой примитивной «экономики потребления», в условиях которой «семейная группа сама обеспечивает производство, обращение и сбыт и живет в себе, собой и для себя» [124, стр. 27]. В отличие от кабилов, среди шавийя помимо оседлых хлебопашцев и садоводов были также полукочевые скотоводы.

Будучи мусульманами, не менее ревностными чем кабилы (хотя и придерживаясь во многом не шарната, а обычного права), шавийя уделяли большое внимание начаткам религиозного образования, которое было

здесь чуть ли не единственной формой обучения, «единодушно придерживались поста и проявляли глубокое уважение к своим марабутам, бывшим часто пришельцами» [124, стр. 27]. В основном через этих марабутов, обычно представлявших те или иные братства Алжира, да через торговцев-кабилов шавийя медленно втягивались в общеалжирские дела. И если вначале городá Ауреса (как и всех горных областей страны) были по составу жителей полуарабскими-полуфранцузскими (с последующей примесью кабилов), то в дальнейшем шавийя все чаще спускались с гор и все больше вступали в контакты с горожанами, оказывая на них соответствующее влияние и, в свою очередь, испытывая влияние с их стороны. Отдельные шавийя превращались в постоянных горожан (чаще всего при этом покидая пределы Ауреса).

В целом, однако, родо-племенная структура шавийя сохранилась почти в нетронutom виде до 1954 г.⁴⁹ Особенно живуча оказалась система племенных фракций «харфикт». Более широкие объединения — по племенам — были редки и возникали, как правило, во время межплеменных столкновений, перераспределения коллективных земель «арш», ежегодных «больших рынков» или выгона скота на лето в горы. Харфикт основывался на культе общего предка и священности для шавийя кровнородственных связей. «Фракция, — отмечает П. Бурдые, — самая сильная единица общества; члены харфикта обязаны защищать свое достоинство (женщин, земли и дома) и особенно честь — достоинство из достоинств, более ценное, чем жизнь» [124, стр. 31].

Именно это последнее качество шавийя приобретало неограниченное значение по мере их приобщения к проблемам колониального Алжира. Сохраняя свой замкнутый патриархальный уклад, шавийя мало сталкивались с колонизаторами⁵⁰. Но первые же попытки властей не считаться с их относительной самостоятельностью и свободолюбием вызвали резкий отпор. Так, применение в Ауресе в сентябре 1916 г. декрета о принудительном наборе рабочих для оборонной промышленности Франции вызвало вооруженное восстание, в ходе которого был сожжен посёлок колонистов Мак-Магон и перебиты многие французские чиновники, включая официального «хозяина» Ауреса супрефекта Батны — главного города

области [138, стр. 254]. В горных районах Ауреса и прилегающих к ним с запада хребтах Белезма и Ходна долгие месяцы 1916 г. шла настоящая война, выиграть которую французам удалось в основном политическими средствами (использованием клановой розни, привлечением на свою сторону пользовавшихся безграничным авторитетом престарелых глав дуаров).

Нет никакого сомнения, что это решительное сопротивление шавийя (которого, очевидно, французы на 86-м году своего господства в Алжире никак не ожидали) наряду с некоторыми другими факторами, порожденными первой мировой войной, во многом заставило колонизаторов пересмотреть свою политику в Алжире. В частности, нельзя не видеть связи между чувствительностью шавийя в вопросах личной свободы и достоинства (о чем ауресцы столь действенно напомнили колониальным властям в 1916 г.) и реформами 1918—1919 гг., которые, в частности, официально восстанавливали права выборных собраний в дуарах, кодифицировали право дуаров (осуществлявшееся в Ауресе и Кабилии и до этого, но неофициально) распоряжаться своими доходами, освобождали значительную часть алжирцев от унижительных предписаний «туземного кодекса» и существенно расширяли права всех выборных лиц из числа алжирцев, включая членов джемаа дуаров [204, стр. 45—47].

В дальнейшем, однако, шавийя не могли избежать общей судьбы алжирского крестьянства. Урбанизация, строительство различных предприятий и развитие средств связи в Ауресе не случайно совпали с упадком кочевого и полукочевого скотоводства (что серьезно затрагивало южных шавийя), снижением урожайности зерновых и садовых культур (что ухудшило положение северных шавийя) и даже с относительным ослаблением в некоторых районах родо-племенного строя⁵¹. В результате участились уход шавийя в города, их миграция по территории всего Алжира и даже отъезд на заработки во Францию. Совершенно не испытав, в противоположность кабилам, французского влияния, чуждые какому-либо «обуржуазиванию», они в основном сохраняли свою традиционную психологию и являлись, чаще бессознательно, распространителями наиболее непримиримого отношения к засилью иноземных колони-

заторов. Они внесли немалый вклад в глубоко укоренившееся в Алжире до наших дней понятие о чести («ниф» по-берберски и по-арабски) ⁵².

Иной была роль мзабитов. Этнограф Мухаммед Суалах относит их, в отличие от шавний и кабилов, к «теократическому» типу берберов, управляемых «толба» (множественное число от «талеб», что в Магрибе значит «учитель», в том числе «вероучитель», и «отличающихся замкнутостью и ортодоксальностью» [195, стр. 126]. Эти «протестанты и пуритане ислама» представляют собой осколок древней секты ибадитов ⁵³. После гибели созданного ими государства Тахерт в северном Алжире уцелевшие и не пожелавшие покориться ибадиты ушли в Сахару, где и поселились сначала в Седрате (близ современного центра Алжирской Сахары города Уарглы), а потом в области Мзаб, где строили свои знаменитые пять городов (Пятиградье), главный из которых — Гардайя. Тяжелые условия существования в пустыне лишь закалили эту горстку непримиримых сектантов, ухитрившихся через века пронести почти в первозданном виде свои архаические догмы, средневековый быт и строгие аскетические нравы ⁵⁴. Все мзабиты обязаны жениться на единоверках (при этом только один раз в жизни), строго соблюдать все предписания своей общины (не говоря уже о неукоснительном соблюдении всех запретов Корана) и должны быть похоронены на священной территории своего Пятиградья ⁵⁵.

Как и у других берберов, у мзабитов большие патриархальные семьи, объединенные в роды, возглавляемые джамаа, формально имеющим исполнительную и юридическую власть, но практически подчиненными «халке» («кружку») из 12 главных служителей местной мечети, выдвигающих из своей среды шейха и кадия, который судит не только по шариату, но и по зафиксированному письменно обычному праву («иттифакат») ⁵⁶. У мзабитов самое полное в Алжире разделение мужчин и женщин ⁵⁷. В то же время необходимость сохранения единства общины вызвала строжайший запрет клановой борьбы и кровной мести; совершивший кровную месть подлежит изгнанию из общины навечно. Но, как правило, случаи каких-либо нарушений мзабитами предписаний общины крайне редки. Их верность

традиции и моральная дисциплинированность поразительны.

Главной особенностью мзабитов, превратившей их из историко-этнографического реликта в группу, примечательную по своей социальной роли, является эмиграция (с условием обязательного возвращения), имевшая место с давних времен. Бедность ресурсов Мзаба привела к тому, что $\frac{1}{3}$ взрослых мужчин-мзабитов постоянно живет вне Пятиградья [124, стр. 37]. Почти все отходники-мзабиты по сложившейся веками традиции живут в крупных городах Магриба и держатся обособленно от местного населения. Занимаясь в основном торговлей (гораздо реже художественными ремеслами и различным мелким промыслом), они достигли виртуозной изворотливости в мелкой коммерции, посредничестве, различных сделках и ростовщичестве⁵⁸.

Представляет интерес мнение о них Максима Родинсона: «Весьма четкое доказательство того, что ислам по своей природе не мешает развитию этики и мышления, благоприятствующих капитализму, дают нам, среди прочих, мзабиты». Сравнив их с «кальвинистами, от которых... и пошел капитализм», Родинсон отмечает, что наряду с выращиванием пальм в пустыне в исключительно трудных условиях мзабиты «по всему Алжиру и вне его накопили богатства, часто весьма значительные, благодаря непрерывной торговле и ростовщичеству». Он продолжает: «Религиозная догма этих типичных капиталистов не содержит ничего специфического по отношению к исламу как таковому, что могло бы решающим образом объяснить природу их активности... Секрет их особого экономического динамизма надо искать в их положении идеологического меньшинства, в желании сохранить свои особенности, базирующемся на исключительной сплоченности». Этим М. Родинсон объясняет огромную роль клерикальной прослойки «толба» у мзабитов, которая не дает им лениться, сорить деньгами, побуждает к строгой морали, аскетизму и т. п. [185, стр. 127—128].

Характерно, что американский магрибист Дэвид Гордон, обративший внимание на почти кастовую замкнутость мзабитов («физическую — в их городах, психологическую — за их пределами»), называет в следующем порядке «влиятельных и привилегированных» коренных

жителей колониального Алжира: «бизнесмены-мзабиты, писатели и интеллигенты с французским образованием, местные администраторы (каиды), младшие офицеры, несколько крупных мусульманских землевладельцев-феодалов, зажиточные крестьяне, специалисты и (после 1870 г.) многие евреи» [143, стр. 9].

Как и у шиитов (да и у прочих религиозных меньшинств, преследовавшихся в средние века), у мзабитов разработана система приспособления их традиций и верований к новым веяниям. В частности, «понятия „такиа“ (благоразумия) и „китман“ (сокрытия) позволяют освобождаться от предписаний религии в случае принуждения или грозящего ущерба и оправдывают это с точки зрения ортодоксии» [124, стр. 49—50]. В этом, очевидно, ключ к довольно простому совмещению в сознании мзабита духовных ценностей и исламского пуританства, и предпринимательской ловкости.

Помимо социально-экономической роли мзабиты в колониальном Алжире выполняли и важную культурную роль. Пожалуй, ни одна группа населения Алжира не была в такой мере носителем и хранителем традиционной арабской культуры и арабского классического языка, как эти берберские сектанты, изгнанные в пустыню тысячу лет назад. Их учение предписывает, чтобы верующий обязательно понимал произносимые им молитвы. Поэтому знание языка Корана, умение читать и писать на нем — долг каждого мзабита, а обучение детей — одна из главных задач «толба», которые к тому же должны быть мудрыми, честными, «не от мира сего» и свободными от всяких страстей. «По традиции забота об образовании очень укоренилась среди всего народа. Культурные ассоциации и коранические школы получают очень большие субсидии» [124, стр. 45]. Это и определило поголовную грамотность мзабитов и их вклад в арабоязычную национальную культуру алжирского народа⁵⁹.

Возможности этих религиозных аскетов и в то же время «бескомпромиссных капиталистических предпринимателей Алжира» играть свою столь многообразную роль в стране были ограничены их малой численностью — не более 40 тыс. человек [143, стр. 7]. Тем не менее их социальная значимость как одного из отрядов мусульманской буржуазии несомненна. И хотя долгое

время стремление держаться особняком ставило их в положение некоторой изоляции даже среди мусульман (подобно, например, друзьям в Ливане), общая тенденция поляризации населения Алжира на два блока — европейцев и мусульман, сопровождавшаяся внутренним цементированием каждого из них, объективно сближала мзабитов с прочими коренными алжирцами.

Подводя итог краткому обзору роли берберов в Алжире, следует подчеркнуть, что эта роль в целом была гораздо значительнее их удельного веса в общей численности коренного населения⁶⁰. Во многом это объясняется помимо перечисленных выше причин отсутствием серьезных барьеров между берберами и арабами Алжира⁶¹.

Большинство коренных жителей страны составляли алжирские арабы, более всего испытывшие на себе тяжесть колониального режима, разрушившего структуру их племенной организации (в основном сохраненную у берберов) и экспроприровавшего самые лучшие (иногда — все) земли племен⁶². Арабы в колониальном Алжире были наименее монолитной и наиболее пролетаризированной частью коренного населения, к тому же «наиболее отчужденной от своей самобытной культуры, по крайней мере в ее наиболее чистом и творческом выражении» [143, стр. 8]. Чтобы четче себе это представить, необходимо уточнить менявшееся за годы колониального режима понятие об арабах в Алжире⁶³.

Практически большинство арабов Алжира мало чем отличалось от берберов, кроме языка. Это явилось следствием того, что основу арабского населения Алжира составляли не арабские племена, пришедшие с востока, а потомки арабизированных берберов, воспринявших арабский язык и ислам. Население почти всех «наиболее арабских» областей Алжира представляло собой сложную смесь потомков арабов и арабизированных берберов, так что было «почти невозможно со всей точностью определить соотношение арабского и берберского элемента» [124, стр. 51]. Неудивительно в связи с этим, что, несмотря на сохранение языковых и некоторых других различий, между арабами и берберами Алжира особых трений не существовало. Арабы относились к берберам, по словам Гордона, как «к родственникам в большой семье», но «имели тенденцию к мень-

шей „демократичности“ и (в городах) к большей „ортодоксальности“, нежели берберы, у которых доисламские обычаи, как правило, превалируют над шариатом» [143, стр. 8]. Эта констатация американского ученого может быть правильно понята не буквально (ибо сами магрибинцы признают строгость маликитского толка ислама порождением «чисто берберской» ортодоксальности, а демократичность геронтократии горцев или мзабитской теократии весьма сомнительна), а лишь в плане указания на преимущественно патриархальные отношения у берберов и преимущественно феодальные — у арабов.

Арабское население Алжира представляло собой более сложный социально-этнический и культурно-исторический конгломерат, нежели сохранившие во многом свою первозданность берберские группы. Помимо потомков хилалийских (и дохилалийских) арабов и арабизированных берберов в него входили также потомки мавров, турок, кулуглу, а также принявших ислам европейских «ренегатов»⁶⁴. Большое значение имело деление по образу жизни: горожане, оседлые, «недавно осевшие», полукочевники и кочевники. Это деление, в известной мере совпадавшее с лингвистическим (на городские, сельские и бедуинские диалекты разговорного арабского языка) и связанное с различиями в принадлежности к тому или иному укладу (от развитого капиталистического до натурально-патриархального), имело тенденцию к консервации⁶⁵. Некоторые группы населения, в культурно-языковом отношении давно слившиеся с алжирскими арабами, сохраняли кастовый характер, например «усфан» (т. е. негры, которых также называли в соответствии с их прежним положением «абид», т. е. рабы; при этом далеко не всегда, как отмечалось выше, это последнее название было условным).

Вместе с тем в обычаях, нравах, формах социальной организации и общественной жизни арабов и берберов, независимо от образа жизни, было много общего, а по мнению ряда авторов, даже больше сходства, чем отличий. Согласно Ф. Марсэ, геронтократия была свойственна всем мусульманам Алжира, у которых глава большой патриархальной семьи обладает всей властью и «играет роль независимого домашнего судьи, как у ара-

бов, так и у берберов» [114, стр. 269]. П. Бурдые, признавая самобытность кочевника «ввиду его образа жизни, неотделимого от своеобразного видения мира», в то же время предостерегает от «радикального противопоставления его оседлому жителю», указывая на *«постоянство социальной структуры населения Алжира при всем различии его образа жизни»*⁶⁶.

Несомненно, однако, что распад племенной структуры у арабов Алжира зашел гораздо дальше, чем у берберов⁶⁷. Объясняется это как уничтожением материальной базы большинства арабских племен, в основном обитавших на плодородных равнинах и лишенных своих земель, так и наибольшим воздействием на них последствий европейской колонизации (в отличие от берберских племен, чьи земли в горных районах мало привлекали колонистов, а традиционная организация даже консервировалась в определенные периоды «берберофилами» из французской администрации). И у арабов, и у берберов дуар (буквально — «круг палаток»), ранее обозначавший фракцию племени, постепенно стал только территориальной единицей. Обычно он объединял соседние большие семьи, связи и солидарность которых укреплялись ортокузенными браками и наличием общей собственности. Но в то время как у берберов племенные и родовые традиции и связи оставались реальной формой общественного бытия, у арабов эти традиции и связи в большинстве случаев уже исчезли. Сохраняя семейственность, местничество и регионализм, они утрачивали груз родо-племенной патриархальщины. Сами понятия о племени («кбила», «губил», «арш», «наджа», «хайй») становились туманными и неточными, обозначая то территорию, занимаемую тем или иным населением, то его большие по численности группы, то полузабытые родственные связи [114, стр. 273—274]. Арабы вследствие большего распада племенной структуры отличались и гораздо большим, чем берберы, разнообразием переходных форм социального быта⁶⁸. Некоторые арабские племена (хаджуты, дуаир) еще до 1830 г. представляли собой конгломераты различных по происхождению групп [151, стр. 229].

Племя у арабов реальное значение сохраняло только там, где сильно было влияние марабутов. Марабутизм сближал арабов и берберов, являясь частью их

совместного наследия. По общему мнению исследователей, наблюдавших жизнь арабов и берберов Алжира, «такая ересь, как барака и марабутизм, были свойственны и тем и другим» [143, стр. 8]. Марабуты наряду с шерифами (последние преимущественно у арабов) играли роль «просветителей», проповедников, арбитров в спорах и т. д. Марабутские братства процветали по всей стране⁶⁹. Они обладали более усовершенствованной, чем до прихода французов, организацией и особенно хорошо разработанной системой вытягивания средств у верующих. Почти все братства старались поддерживать самые лучшие традиции прошлого (особенно «хашуму», т. е. чувство собственного достоинства мусульманина, выдержку, вежливость) и старались тем самым укрепить свой престиж. Марабутизм отличался феноменальной живучестью: ни одно из марабутских братств, потерпевших сокрушительный разгром в прошлом веке (Тиджанийя было сломлено и рассеяно Абд аль-Кадиром в наказание за сотрудничество с колонизаторами, Кадырийя потерпело поражение вместе с Абд аль-Кадиром, Рахманийя — после подавления во многом инспирированного им восстания Мукрани в 1871—1872 гг.), не прекратило своего существования. Тем менее могла нанести ему ущерб критика, постоянно раздававшаяся из рядов «ортодоксов» ислама, указывавших на несовместимость марабутизма с догмами Корана.

Для того чтобы эффективнее контролировать все слои алжирского населения, колониальная администрация назначала оплачиваемых ею официальных служителей мусульманского культа только из числа своих верных агентов. С главами религиозных братств и знатными семействами марабутов у французских властей также установились довольно тесные отношения: они позволяли марабутам нещадно эксплуатировать темных и забитых «хванов» (рядовых членов братств), не трогали крупных земельных владений марабутской аристократии, подкупали ее всевозможными наградами и назначениями на административные должности [194, стр. 241].

Ввиду всего этого марабуты были довольно значительным препятствием на пути вовлечения в антиколониальную борьбу той части крестьян и горожан, которая окружала марабутов почти языческим поклонением, верила в нисходящую на них «благодать» и в их

способность «творить чудеса». Иногда колониальные власти даже помогали марабутам инсценировать всевозможные «чудеса», дабы поднять их престиж. Религиозные братства во главе с марабутской знатью фактически контролировали чуть ли не каждый шаг верующих: похороны, молитвы, свадьбы, праздники, уплату налогов, выполнение самых различных обрядов, совершение паломничества в Мекку («хадж»), клерикально-схоластическое обучение в коранических школах и при завиях. Многие празднества и семейные торжества устраивались в завиях, что способствовало их обогащению⁷⁰.

Особенно сильны были в начале века братства Рахманийя, насчитывавшее только в Алжирской Сахаре 83 тыс. последователей, и Тиджанийя — 80 тыс. приверженцев на западе страны. Серьезны были также позиции братства Деркава (в речных долинах департамента Оран), Зиянийя (на юго-западе страны), Айсава (на востоке). При этом марабуты разных братств стремились распространять свое влияние повсюду: так, шейхов Рахманийя можно было встретить помимо Сахары в районе столицы Алжира и во всех горных районах, населенных берберами (берберская фракция Рахманийя даже обнаруживала тенденцию к известной автономии); шейхи Тиджанийя обосновались также во многих оазисах Сахары и на всех торговых путях страны [48, 1934, № 12, стр. 715]. В 20-х годах кое-где (например, в районе Тебессы) существовали завии некогда могущественного братства Кадырийя, почти повсеместно вытесненного издавна враждовавшим с ним братством Тиджанийя. Во многих крупных центрах страны конкурировали друг с другом сразу несколько братств⁷¹.

По традиции город был «резиденцией моралистов, аскетов и законовевдов, которые восставали против ритуальности деревенской религии» [124, стр. 56]. Поэтому в принципе марабуты были влиятельнее в деревне. Однако в силу разрозненности сельских жителей последователи марабутизма в городах часто представляли собой более внушительную и компактную силу. Но здесь же сильны были и мусульманские ортодоксы, считавшие марабутизм искажением и фальсификацией подлинного ислама. Арабская культура и тех и других существенно разнилась: ортодоксы больше придерживались бук-

вы Корана и наследия средневековой цивилизации Арабского Востока, а марабуты были ближе к живому разговорному языку, фольклору, нравам и обычаям народа (хотя и использовали их в своекорыстных целях). В свою очередь, близость того или иного берберского региона или происхождение местных арабов от арабизированных берберов (например, в Малой Кабилии) также сказывались на культуре жителей того или иного района и их общественной организации (в таких случаях почти не отличавшейся от бытовавшей у берберов).

Арабы Алжира испытывали также большее воздействие социальных результатов урбанизации (в отличие от берберов, которые часто сохраняли патриархально-клановые связи, даже став горожанами)⁷². «Бесконечно возраставший приток сельских масс, привлеченных городской заработной платой, рождение и экспансия предпринимательского капитализма... дерзкое и триумфальное развитие современного города, созданного для торговли, спекуляции и управления, насаждение европейского общества, близко соседствующего, но далекого, олицетворявшего и навязывавшего совершенно иной стиль жизни, определили глубокую трансформацию прежнего строя в городе и умения жить» [124, стр. 57]. Арабы в городах Алжира воспользовались теми немногими возможностями для социального выдвижения, которые давались приобщением к «осовремениванию» и европеизации, в меньшей степени, нежели, например, кабилы (которые наряду с менее многочисленными потомками мавров и турок составили главные кадры современной интеллигенции, буржуазии и чиновничества). В то же время именно арабы образовали основную массу городской бедноты, безработных, поденщиков и прочих париев колониального режима, ибо, как правило, связи арабов-горожан с деревней были слабее, чем у горожан-берберов, а очень часто окончательно рвались вследствие распада традиционной племенной структуры, что в большинстве случаев не оставляло ушедшим в город возможности поправить свои дела, вернувшись в деревню⁷³.

Составляя этническое большинство, арабы были единственной группой населения, располагавшейся на всех ступенях общественной лестницы и доминировав-

шей на многих из них. Специфика этой группы состояла в том, что с течением времени, становясь все более подавляющей по численности и вбирая в себя все больше новых компонентов, она приобретала характер все более сложного, широкого и многоликого культурно-лингвистического и социально-этнического комплекса. На базе этого комплекса и формировалась в ходе переплетения этнических и социально-экономических процессов арабоязычная алжирская нация с общим языком в форме алжирского диалекта (междугородской «койнэ») арабского языка при сохранении других форм лингвистического общения (французского языка — для большинства горожан, берберских диалектов — для соответствующих регионов), общими традициями антиколониальной борьбы и защиты культурного наследия предков.

Антиколониальная борьба, как таковая, — с ее объединительными тенденциями и культом воинственных традиций свободолюбивых племен, романтизацией былой мощи арабо-берберских государств Магриба, державших в трепете всю средиземноморскую Европу, упором на ислам как важнейший фактор социально-идеологического единения всех алжирских мусульман независимо от их этнического происхождения — была основным руслом формирования алжирского национального самосознания. Ломка племенных, региональных и прочих традиционных барьеров между различными областями и группами населения в результате административно-хозяйственного объединения Алжира (которому во многом колонизация невольно способствовала), убыстрение вследствие этого арабизации берберов объективно содействовали этому процессу и закрепляли цементирование алжирской нации на основе антиколониализма. «Безусловно, французский колониализм, — писал в 1956 г. Жан Дрэш, — выковал алжирское национальное сознание, подобно тому как капитализм создает своего могильщика — пролетариат» [129, стр. 9].

Глава 3

РАСЦВЕТ КОЛОНИЗАЦИИ

Экономические, социальные и политические успехи европейской колонизации, последовавшие вслед за военным завоеванием, способствовали довольно прочному укоренению европейского меньшинства на алжирской земле. 1872—1914 годы были впоследствии названы «золотым веком» колонизации. Именно в это время широкий размах получили и официальная, т. е. государственная, и «свободная», т. е. частная, колонизация. Колонисты впервые почувствовали себя «хозяевами» страны, избавившись, с одной стороны, от вечного страха перед восстаниями племен и нападениями отчаявшихся «туземцев» и, с другой — от жесткой опеки военных властей, «диктатуры сабли», отличавшейся особенной грубостью и казарменным бюрократизмом в царствование Наполеона III. Они принялись усердно создавать «французский Алжир», что впоследствии дало повод теоретикам колониализма объявить всю страну, как таковую, «творением французского гения». Лихорадочное строительство новых зданий, дорог, мостов, плотин, осушение болот, ирригация засушливых земель, возведение поселков колонистов и крупных городов — в общем интенсивное хозяйственное освоение захваченной территории коренным образом изменили облик и характер целых областей, особенно вдоль западного побережья¹. Впоследствии все эти районы интенсивной колонизации получили характерное наименование «полезного Алжира», за пределами которого европейцы не видели никакого иного Алжира, ибо не интересовались жизнью «туземной» периферии.

Колонисты, сравнительно немногочисленные вначале, ограничивались производством продуктов только для собственных нужд, ибо вплоть до 1851 г. либо совсем не могли экспортировать свою продукцию во Францию, либо делали это далеко не в полном объеме ввиду отгороженности рынка метрополии высокими пошлинами. Все таможенные рогатки были отменены лишь к 1867 г. Отмена лишь некоторых из них в 1851 г. сразу вызвала рост алжирского экспорта во Францию (6 695 тыс. фр. в 1850 г., 16 600 тыс. фр. в 1852 г.) [157, стр. 43].

Многоукладная система экономики сложилась в Алжире не сразу. Вначале алжирцы почти полностью изгонялись из районов колонизации согласно приказу военного министра маршала Сульта («не допускать туземцев в наши сельскохозяйственные пределы»). Фанатики колонизации продолжали импорт европейской квалифицированной рабочей силы даже в первые десятилетия нашего века. Однако в сельском хозяйстве им пришлось согласиться на допуск «туземного сельскохозяйственного пролетариата» в заповедные области колонизации еще в 1858 г. В частности, в области Сахель (побережье, примыкающее к столице), где в 1842 г. оставалось не более 5 тыс. алжирцев, их число к началу 30-х годов нашего века возросло в 10 раз, превысив число европейцев [148, стр. 204—206]. Так, колонисты создали «оптимальный» вариант колониальной экономики, основанной на безудержной эксплуатации коренных жителей. Это был важный рубеж в развитии колонизации, определивший ее социальное содержание.

Подлинной катастрофой для колонистов были экономические кризисы, поражавшие Европу в 1845—1850, 1858—1864 и 1866—1870 гг. Резко сокращая импорт товаров из метрополии (а европейцы Алжира вплоть до начала XX в. ввозили из Франции почти все необходимое), кризисы губительно сказывались и на алжирском экспорте, вызывая падение цен и разоряя колонистов. Часто колонисты не умели сориентироваться в экономических возможностях Алжира, безуспешно пытаясь выращивать там хлопок, сахарный тростник, табак, чай, шелковицу². Мелкие колонисты были вечно в долгах и на грани обнищания. «Это — прекрасная страна, кото-

рая полностью обанкротилась», — писал об Алжире английский экономист Гобден в 1862 г. [157, стр. 44]. И хотя впоследствии некоторые культуры (хлопок, табак) получили здесь ограниченное распространение, экономическое положение колонистов в целом не было блестящим. Помимо кризисов и стихийных бедствий (засух, эпидемий, налетов саранчи и неурожая, сопровождавшихся голодом, особенно страшным в 1867—1868 гг.) на положение колонистов неблагоприятно влияли и конъюнктурные изменения: производство зерна, переживавшее бум во время Крымской войны 1853—1856 гг. в связи с прекращением импорта русской пшеницы во Францию, стало падать после 1856 г., когда этот ввоз возобновился; с 1860 г. тяжелый кризис охватил табачное производство, не выдерживавшее конкуренции французского табака; с 1865 г. стало сокращаться производство хлопка в Алжире, пережившее кратковременный подъем в годы гражданской войны в США между Севером и Югом³. На урожаях колонистов часто сказывалось и непонимание многими из них экономико-технических причин падения урожайности: засоленности почв, хищнической эксплуатации их без отведения участков под пары, отсутствия удобрений и т. п. [157, стр. 43—44].

Были, однако, и успехи. Укреплялись позиции специализированных зажиточных хозяйств. Прежде всего это относится к виноделию и производству цитрусовых. Только вокруг г. Блида (10 тыс. жителей в то время) в 1878 г. плантации цитрусовых занимали 150 га (30 тыс. деревьев) и давали от сбыта в Англию и Францию 225 тыс. фр. ежегодно. Это была лишь незначительная часть всего алжирского производства апельсинов и лимонов, намного превосходивших по качеству апельсины и лимоны Андалузии и Мальты [95а, стр. 138]. Специализация распространялась и на ремесла. Недалеко от г. Алжира процветала «красивая чисто французская деревня» Шарагас, хорошо построенные дома которой были окружены тщательно ухоженными садами — источником благосостояния ее 2500 обитателей, потомков выходцев из французского департамента Вар, по традиции разводивших ароматические растения. Обитатели Шарагаса впервые в Алжире стали вырабатывать растительное волокно, а также успешно промышленно выделкой пальмовых канатов и веревок. Обычно к

таким чистым и удобным поселкам колонистов примыкали арабские лачуги, населенные «тихим, трудолюбивым народом». Например, 200 арабов в Тениет-эль-Хаде (вблизи Афревиля) были либо рабочими и поденщиками у колонистов, либо земледельцами, поставлявшими 100 жителям-европейцам почти все необходимые им сельскохозяйственные продукты [95а, стр. 72, 111].

Каждый кризис, сопровождаясь крахом определенного процента мелких колонистов, увеличивал удельный вес и значение крупных землевладельцев, которые только и могли выстоять в трудных условиях. Гигантские латифундии, связанные с крупными банками и аграрными компаниями, пользующиеся доверием финансистов и торговых палат метрополии, имевшие возможность наладить производство самой разнообразной продукции (от зерна и винограда до овощей и фруктов) и тем самым избежать пагубной в годы кризиса зависимости от монокультуры, все более и более определяли лицо европейской колонизации. Под давлением этих «сеньоров» палата депутатов Франции в 1881 г. отказалась кредитовать строительство в Алжире новых центров колонизации, что, однако, не остановило роста европейского населения за счет уже не колонистов, а рабочих, управляющих и служащих⁴. Многие колонисты ушли в города, другие пытались сдавать землю алжирцам в аренду «по-арабски», т. е. на условиях хаммасата.

Сокращение официальной колонизации, связанное с неудачами 1882—1884 гг., когда из 11 тыс. расселенных в 70-х годах семей половина уехала, сопровождалось, однако, расширением «свободной» колонизации: в 1871—1884 гг. 35 тыс. колонистов заселили 260 тыс. га [183, стр. 81]. Тем самым еще сохранялся мелкокапиталистический характер колонизации. Но постепенно доминирующим становится крупнокапиталистическое, широкомасштабное и высокодоходное хозяйство, ориентированное на рынок метрополии. Удельный вес мелких хозяйств неизменно падает, а средние выживают как придатки крупных хозяйств и земельных компаний.

Колонизация, не будучи отделена китайской стеной от мусульманского земледелия, оказывала на него определенное влияние. Однако позитивные аспекты этого влияния ограничивались сравнительно незначительным

по масштабам сектором «туземной колонизации», в котором в основном подвизались предприниматели-алжирцы, допущенные к покупке земель из фондов колонизации. Но их попытки вести хозяйство по-европейски имели ограниченный характер, а результаты таких попыток были весьма скромными. Наибольших успехов они добились в табаководстве: в 1875—1876 гг. им занимались наряду с 2 тыс. европейцев 6 тыс. алжирцев, которые собирали $\frac{2}{5}$ всего урожая (50—55 тыс. ц). В дальнейшем алжирские табаководы производили в среднем около 25 тыс. ц в год, причем их табак был более высокого качества, чем у европейцев.

В целом сельское хозяйство коренного населения оставалось традиционным и архаичным, деградируя под бременем налогового гнета, а также вследствие агрессивности колонизации, прибиравшей к рукам лучшие земли алжирцев, беззащитности от периодически повторяющихся стихийных бедствий и все более растущей неконкурентоспособности по сравнению с колонистами, на стороне которых было техническое и финансовое превосходство. Кризисные 1876—1879 годы привели к резкому падению урожая (иногда до нуля) в хозяйствах феллахов, голоду, продаже скота («их единственного капитала»), невероятному росту задолженности крестьян и вследствие этого к гигантскому расширению масштабов ростовщичества. Пауперизация алжирцев убыстрилась настолько, что уже в последних десятилетиях прошлого века проблема нищенства и люмпенства стала в стране весьма серьезной. Чихачев отмечал, что бедняки питаются почти исключительно дикими растениями. Другой очевидец, депутат Бурдо, в 1891 г. обращал внимание на опасность образовавшейся в Алжире «армии деклассированных, не имеющих ни крова, ни очага, готовых к разбою и мятежу» [113, стр. 378—386].

Однако колонистские круги были мало обеспокоены этим. «Сеньоры» колонизации больше всего заботились о «современном секторе» сельского хозяйства — основном источнике своих доходов. С 1870 г. наблюдался, несмотря на временные спады, неуклонный прогресс этого сектора благодаря технической модернизации, внедрению новых культур и расширению посевов под старыми. Занимая около $\frac{2}{5}$ обрабатываемых земель, он постепенно стал давать 55% валовой продукции сель-

ского хозяйства [124, стр. 111]. При этом сами колонисты потребляли не более 3—4% своей продукции, предназначая ее главным образом на экспорт, в то время как алжирцы потребляли не менее 40% [124, стр. 112].

Особенно быстро развивалось виноделие — основа доходов от экспорта. Площадь под виноградниками увеличивалась следующими темпами (тыс. га) [111, стр. 52; 157, стр. 45]:

1865 г.	20
1878 г.	15
1880 г.	23,7
1890 г.	110
1903 г.	174,5

Одной из причин подъема алжирского виноградарства была переориентация банковского капитала в связи с упадком сильно пострадавшего от филлоксеры виноделия во Франции, сократившей производство вина с 84 млн. в 1875 г. до 24 млн. гл в 1887 г. Пропаганда колониальных властей и переезд в Алжир многих виноделов из метрополии поощрили финансистов, ранее скованных недоверием к бесконечным провалам алжиро-европейских аграриев: вплоть до 1880 г. кредиты им предоставлялись под очень высокий процент — 15—18, а иногда даже 30. Получив в 1880 г. ряд гарантий и привилегий от властей, Алжирский банк, тесно связанный с банками Франции, резко расширил свою активность: число его контор в колонии в 1878—1891 гг. возросло с 2 до 24, кредиты стали предоставляться из 7—8%, а оборотные средства банка только в 1876—1885 гг. увеличились с 200 млн. до 526 млн. фр. [157, стр. 44—45].

Виноделие оставалось основой алжиро-европейского процветания и в дальнейшем, после восстановления позиций традиционного виноделия во Франции. Это происходило несмотря на ущерб от филлоксеры в 1885 г., кризисы 1887 и 1893—1894 гг., сопровождавшиеся острой конкуренцией с французскими виноделами в 1900—1901 и 1904—1908 гг. «Экономический маразм» Алжира последнего десятилетия XIX в. был преодолен с помощью инвестиций метрополии, полосы хороших урожаев с 1900 г. и наладившегося экспорта зерна по высоким ценам. Если до 1900 г. Алжир давал в среднем

8,7 млн. гектолитров вина ежегодно, то в 1901—1910 гг. эта цифра равнялась уже 12 млн.; урожайность в среднем по стране выросла с 7,2 до 9 гектолитров с гектара [141, стр. 19]. Этот подъем после краткого перерыва, вызванного первой мировой войной, продолжался и в дальнейшем ⁵.

Значительные успехи были достигнуты также в выращивании овощей и citrusовых. Урожай последних достиг накануне второй мировой войны 100 тыс. т. Производству зерна уделялось меньше внимания; после высоких показателей 1909—1913 гг. урожаи зерновых в дальнейшем были ниже ⁶. К тому же, колонисты владели всего 28% посевов зерновых, на которых выращивалось до 44% урожая зерновых по стране [111, стр. 79]. При этом следует помнить, что колонисты владели самыми лучшими землями (средний урожай зерна с гектара в хозяйствах европейских колонистов был равен 9,74 ц, а в хозяйствах алжирцев — 4,65 ц [117, стр. 226]). Это были самые богатые почвы Алжира, например 80% площадей плодороднейшей в стране области Митиджа (южнее г. Алжир) ⁷. Колонистам принадлежали $\frac{3}{4}$ всей орошаемой земли, 1 га которой давал в среднем в 10 раз больше урожая, чем неорошаемой земли, а по некоторым культурам — в 20—30 раз [124, стр. 108].

Однако значение европейской экономики в Алжире не сводилось к сельскому хозяйству: в 1851 г. в нем было занято лишь 25 тыс. из 131 тыс. европейцев. «С установлением во Франции Второй империи в Алжире начинается период крупной колонизации... которая проходила не только в ущерб мусульманскому населению, но также ущемляла права мелких колонистов-европейцев», что «означало триумф промышленной и финансовой буржуазии, которая во имя принципов патриотизма и под флагом защиты религиозных интересов устремилась на поиски внешних рынков» [97, стр. 65]. Во Франции началась эпоха крупных банковских операций, экономической экспансии (выражавшейся прежде всего в международном ростовщичестве), бурного развития колониальной торговли. С 1852 г. возникают мощные банки, финансирующие предпринимательство в колониях. В первую очередь это сказывается на Алжире, где основываются филиалы акционерных обществ метрополии, проводятся геологоразведочные работы, со-

вершенствуются средства транспорта (в том числе паровой флот).

Начиная с 60—70-х годов XIX в. здесь основываются местные отделения французских банков и промышленных компаний. В 1863 г. возникают Колониальное общество земельного кредита и филиал Марсельского общества кредита, в 1865 г. — железорудная компания «Макта» и Генеральное общество пароходов и морского транспорта. Могущественное Алжирское генеральное общество было тесно связано с одним из крупнейших банков метрополии — Парижским союзом, который предоставлял займы колониальной администрации Алжира и был одним из главных вдохновителей захвата Францией Туниса в 1881 г. Крупнейшая железорудная компания «Общество Уэнзы», основанная в 1902 г. трестом Шнейдера и германским трестом Круппа, впоследствии стала совместным владением монополий Ротшильда, де Нерво, банка Мирабо и др. Группа Ротшильда захватила также добычу свинца и цинка, средства транспорта. Проникали в Алжир и другие монополистические группы — Верна, Мале, Вальтера, де Риво, Эрсана, Оттэнже, а также Парижско-Нидерландского банка.

В конце XIX в. была выстроена железная дорога Бон — Тебесса, обеспечивавшая связь побережья с районом разработок фосфоритов на востоке страны. С целью вывоза полученной продукции во Францию и на внешние рынки был сооружен порт в Боне⁸. Поселившиеся в Алжире европейские предприниматели добились «монополии флага», т. е. исключительного права для французских (включая алжиро-европейские) пароходных компаний осуществлять перевозки морем из Франции в Алжир и обратно. Дороги, строившиеся ранее преимущественно в стратегических целях, стали прокладывать ради прибылей колонистов, предназначавших свою продукцию на экспорт.

Совокупность экономических, юридических, административных и прочих средств воздействия позволяла Франции контролировать постоянно до 75% всей внешней торговли Алжира [97, стр. 98]. Общий объем стоимости алжирского экспорта, в основном направлявшегося во Францию, возрос с 25 млн. фр. в среднем ежегодно в 1831—1840 гг. до 1724 млн. фр. в среднем в 1911—1920 гг. [176, стр. 56]. Естественно, Франция прак-

тически монополизировала также и алжирский импорт. Промышленное развитие страны было всецело подчинено интересам монополий Франции и полностью ими направлялось⁹. Вследствие этого алжирская промышленность в колониальный период не имела самостоятельного значения и не производила товаров, способных конкурировать с продукцией трестов метрополии [90, стр. 191]. Она состояла в основном из шахт, рудников, карьеров и небольших филиалов предприятий метрополии, ориентировавшихся на внутриафриканский рынок. С конца XIX в. значительное распространение получила переработка сельскохозяйственного сырья. Это лишний раз подчеркивало преимущественно аграрный характер экономики Алжира. Сельское хозяйство, в котором, разумеется, ведущую роль играли европейцы, оставалось осью экономического развития страны.

Первые французские и местные европейские предприниматели в Алжире почти не применяли труда рабочих-алжирцев. Исключение составляли некоторые льноткацкие фабрики в Константине, платившие алжирцам два франка в день [113, стр. 374]. Постепенно труд алжирцев стал применяться и в шахтах, на лесных концессиях и т. п. В 1901 г. в стране было около 11 тыс. промышленных предприятий примерно с 50 тыс. рабочих (из них более 30 тыс. европейцев). В дальнейшем промышленность росла быстрее: к 1924 г. в Алжире было 22 тыс. предприятий, на которых трудились 160 тыс. рабочих [113, стр. 848].

Однако товары широкого потребления по-прежнему ввозились преимущественно из метрополии. «Колониальное порабощение Алжира открыло дорогу для ввоза в страну предметов промышленного производства (нередко весьма посредственных по качеству) в количествах, отвечающих ограниченной покупательной способности населения, обреченного на нищету. Этот колониальный меркантилизм в сочетании с сужением внутреннего рынка нанес роковой удар по местному производству» [97, стр. 96—97]. Даже накануне второй мировой войны доля инвестиций в промышленность в общей сумме капиталовложений составляла всего 0,7% [83, стр. 13], что ставило экономику страны в исключительно тяжелое положение, препятствуя росту производительных сил, занятости и национального дохода.

Промышленное развитие Алжира тормозилось отсутствием не только капиталов, но и квалифицированных кадров, а также необходимой сырьевой базы (ввиду крайне медленных до середины XX в. темпов освоения природных ресурсов страны). Колонизаторы крайне враждебно относились к любой серьезной «неаграрной» инициативе, как якобы отвлекающей внимание, силы и средства от совершенствования «современного сектора» сельского хозяйства — главной базы богатства и могущества «сеньоров» Алжира.

Расцвет колонизации пришелся только на районы «полезного Алжира». При этом, резко углубив диспропорции в развитии (не только экономическом) разных частей страны, он породил проблему неравномерности этого развития, он послужил одной из главных причин обострения бесчисленных противоречий алжирской многоукладности. Чем выше был экономический подъем, тем острее и глубже становились эти противоречия, дополнявшиеся региональными и зональными.

Известный в афро-азиатском мире знаток Магриба Самир Амин пишет: «Цифры свидетельствуют, что колониальное общество образовалось вскоре после завоевания и что оно с 1880 г. в Алжире, 1900 г. в Тунисе и 1920 г. в Марокко предстает в почти законченной форме. Далее это французское общество в Северной Африке росло лишь количественно, в абсолютных и относительных размерах, без существенной эволюции его структуры» [116, стр. 81]. Рост промышленной продукции в стране в стоимостном выражении выглядел следующим образом (в млрд. фр. 1955 г.): 1880 г. — 17, 1910 г. — 30, 1930 г. — 60, 1955 г. — 170 [116, стр. 41]. Однако по темпам развития Алжир при гораздо большем абсолютном росте населения, производства и дохода уступал (в % среднегодового прироста) своим соседям — Тунису и Марокко, также колонизованным Францией [116, стр. 43]:

	Алжир (1880—1955)	Тунис (1910—1955)	Марокко (1920—1955)
Сельское хозяйство	1,5	2	2,6
Промышленность	3,1	3,1	6
Все производство	1,9	2,5	3,7
Производство на душу населения	0,3	0,7	1,7

Общий объем промышленной продукции в Марокко, например, в 1930—1955 гг. вырос на 140 млрд. фр., превысив к 1955 г. стоимость промышленной продукции Алжира на 12 млрд. фр. [116, стр. 41]. Причина такого успеха Марокко, более отсталого в социально-культурном отношении, как это ни парадоксально, — в большей и более давней «освоенности» Алжира колонизаторами, которая вела к более острому, чем в остальном Магрибе, проявлению закономерностей созданного ими общества. «Это было, — отмечает Самир Амин, — в определенной степени склеротическое общество, прятавшееся за протекционизм, который оправдывался особыми условиями „колонии“». Вот почему его анализ показывает нам в 1955 г. французскую структуру, более близкую к XIX в., чем в современной французской метрополии» [116, стр. 81]¹⁰.

Подобное положение вело к тому, что доход на душу коренного алжирского населения с учетом естественного прироста в 1880—1955 гг. почти не менялся, составив среди сельских жителей 22—24 тыс. фр., в то время как в Тунисе он в 1910—1955 гг. вырос с 17 тыс. до 23 тыс. фр., а в Марокко в 1920—1955 гг. — с 27 тыс. до 32 тыс. фр. Среди горожан-алжирцев средний годовой доход в 1900—1955 гг. также не повышался — около 30 тыс. фр., в то время как у коренных жителей городов Марокко он вырос (1920—1955) с 35 тыс. до 42 тыс. фр., а в Тунисе (1910—1955) — с 28 тыс. до 35 тыс. фр. За 1880—1955 годы общая сумма доходов алжирцев выросла с 72 млрд. до 223 млрд. фр., а европейцев — с 88 млрд. до 414 млрд. фр. [115, стр. 187—189]. Если учесть, что за этот период число алжирцев увеличилось более чем в три раза, а европейцев — менее чем в два с половиной, то станет ясно, что у европейских магнатов, получавших львиную долю доходов «алжиро-европейского» меньшинства, особых поводов для беспокойства не было.

Не последнюю роль в обогащении европейских колонистов, т. е. аграрной буржуазии, сыграл огромный масштаб земельных спекуляций в конце прошлого века и начале нынешнего. В 1877—1898 гг. цена земли, продававшейся алжирцами европейцам и колониальной администрации, была равна в среднем 100,21 фр. за гектар, а покупали алжирцы землю в те же годы по

152,9 фр. за гектар [158, стр. 389]. По данным журнала ФКП «Кайе дю большевизм», колонисты получили значительные барыши, купив в 1880—1908 гг. у алжирцев 648 177 га на общую сумму 60 728 619 фр., но продав за тот же период алжирцам 147 354 га, ибо колонисты платили по 95 фр. за гектар, а продавали по 345 фр. [45, 1928, № 2, стр. 191]. Всего к 1934 г. колонисты купили у алжирцев 1712 тыс. га за 562 млн. фр., а продали им 700 тыс. га за 530 млн. фр. [111, стр. 53]. Если в 1910 г. стоимость всего земельного фонда колонизации равнялась 800 млн. фр. золотом (т. е. 160 млрд. фр. в ценах 1954 г.), то к 1954 г. она составляла уже 600 млрд. фр. [47, 1959, № 62, стр. 14].

В известной мере «сотня сеньоров» Алжира, превратив страну в свою вотчину и требуя от Парижа любой ценой сохранения такого положения во имя «национальных интересов» Франции, оказалась в более выгодном положении, чем даже буржуазия метрополии: экспорт продукции колонистов во Францию был практически гарантирован с 1884 г. таможенной унией, надежно защищавшей и внутренний рынок Алжира от какой-либо иностранной конкуренции. В подобных условиях европейская буржуазия Алжира оказалась как бы искусственно огражденной, если не от всех, то от очень многих треволнений буржуазии метрополии, непосредственно и более остро сталкивавшейся с иностранной конкуренцией, неустойчивостью экономической конъюнктуры и международной ситуации. Поэтому алжиро-европейская верхушка не проявляла особой заинтересованности в создании новых и технической модернизации старых отраслей промышленности, по крайней мере до второй мировой войны.

Экономическая политика «сеньоров» обрекала на застой и деградацию «туземную» экономику, прежде всего сельское хозяйство, являвшееся основным источником существования для большинства алжирцев. Предоставленные своей судьбе феллахи, не имевшие возможности пользоваться новейшей агротехникой и какими-либо капиталовложениями, прозябали на гораздо более худших, чем у колонистов, землях, непрерывно разоряясь. Частично этому способствовали мизерные размеры парцеллов, экономически крайне невыгодные. Для мусульманской собственности было характерно

фактическое дробление земли (у кабиллов, например, между всеми взрослыми детьми) при юридической ее неделимости¹¹.

Результатом микродробления собственности было отсутствие заинтересованности (а иногда и возможности) в более рациональной эксплуатации земли, ее постепенное истощение, снижение средней урожайности (4,65 ц с га в 1945—1954 гг. против 6 ц в 1905—1914 гг.) [79, стр. 66; 111, стр. 82]. В результате в 1871 г. на каждого жителя Алжира приходилось 5 ц зерна в год, в 1900 г. — 4 ц, в 1940 г. — 2,5 ц, а к 1946 г. — не более 2 ц [127, стр. 90]. Разумеется, в этих условиях подавляющему большинству феллахов было недоступно и практически не нужно ведение рыночного хозяйства: две трети всей производимой ими продукции потребляли они сами [117, стр. 227].

Одной из причин такого положения было сохранение и даже углубление разрыва между «современным» и «традиционным» секторами в уровне технической вооруженности. Больше половины алжирских хозяйств применяли лишь «арабский плуг», т. е. деревянную соху, которой тоже не всегда хватало: в 1865 г. один «арабский плуг» приходился на каждые 85 га, а в 1900 г. — на 23 га [111, стр. 59]. Все сколько-нибудь серьезные шаги по модернизации «традиционного» сектора блокировались «сеньорами», не желавшими «разбазаривать» средства на бесполезное, по их мнению, дело. Число созданных в 1893 г. «туземных обществ обеспечения» к 1940 г. было доведено до 260 [111, стр. 84]. Но эффективность этих обществ, как и прочих мер по подъему «традиционного сектора», оказалась относительной. Их помощь семенами, кредитами и техникой, а также консультациями агрономов из технических служб колониальной администрации практически оказала пользу лишь «солидной» сельской верхушке.

Положение алжирского скотоводства было еще хуже. Разорение и сокращение кочевых и полукочевых пастухов было вызвано прежде всего тем, что кочевники лишились многих пастбищ, захваченных колонистами, а плата за сохранившиеся пастбища значительно возросла. Это вызвало уход в города многих бывших животноводов. Определенную роль сыграло также поощрение колонистами сезонничества и отходничества у кочевни-

ков. В результате в Алжире — стране широко распространенного овцеводства — поголовье овец снизилось с 8 млн. в 1865 г. до 6,3 млн. в 1900 г. Учитывая прирост населения, на каждого коренного жителя страны в 1887 г. в среднем приходилось три овцы, а в 1900 г. — полторы. Поголовье крупного рогатого скота в 1867—1900 гг. сократилось с 1 млн. до 846 тыс., а в пересчете на душу населения — вдвое [111, стр. 58].

Марсель Эгрето считает, что отступление к югу традиционного пастушеского хозяйства, уничтожение пастбищ и захват источников воды колонистами имели трагические последствия для алжирского скотоводства. В частности, по его данным, поголовье овец в Алжире сократилось с 8200 тыс. голов в 1871—1880 гг. до 4350 тыс. в 1946—1953 гг. «Общий итог колонизации, — резюмирует он, — сводится к следующему: за 50 лет мусульманское население выросло более чем вдвое, с 4 млн. в 1901 г. до 8500 тыс. в 1954 г., а сбор зерновых за это время сократился на 20%, поголовье овец — наполовину» [97, стр. 94].

Одновременное развитие двух тенденций в аграрной экономике Алжира — подъема колонизации и все увеличивавшегося отставания традиционного производства феллахов — неминуемо должно было привести к катастрофическим последствиям. Рост производства в хозяйствах колонистов не мог восполнить все более увеличивающуюся нехватку продовольствия, ибо основная часть их продукции шла на экспорт. Импортировавшиеся продукты питания в основном потреблялись европейцами. Тем самым искусственно создавался замкнутый порочный круг, все более интенсивно воспроизводивший материальные условия как относительного, так и абсолютного обнищания алжирского крестьянства¹². «Одним из последствий колонизации нашей страны, — писал в 1924 г. Ф. Аббас, — является появление социального типа, до того неизвестного в мусульманском мире: пролетария» [28, стр. 29].

Перед феллахом все чаще и чаще вставала проблема самого настоящего голода, вспышки которого периодически регистрировались в обширных районах страны. Обычно вызванные неурожаем вследствие засухи, налетов саранчи и прочих стихийных бедствий, они сопровождались, как правило, эпидемиями, в первую очередь

резко повышавшими детскую смертность, иногда до 70%. В некоторых областях недоедание и истощение крестьян, нередко приводившие к голодной смерти, стали постоянным и широко распространенным явлением.

От голода, безземелья и нищеты крестьяне бежали в города. Однако ввиду слабого развития промышленности и крайне низкого уровня занятости коренных жителей в неаграрных секторах экономики их наплыв лишь увеличивал безработицу и скученность населения в городах¹³. Тем самым города все более и более становились средоточием всех социально-экономических противоречий и общественных конфликтов в масштабе всей страны. Острота их нарастала буквально с каждым годом по мере все большей урбанизации «раскрестьяненного» сельского населения¹⁴. «Город чаще всего мог предложить этим гражданам без права гражданства лишь свои отбросы, нищету и пороки» [124, стр. 58]¹⁵. Таким образом, «наряду с современным Алжиром, — писал позднее Фархат Аббас, — который *арабы оплачивали своими налогами и своим потом*, родился другой Алжир, Алжир поголовной неграмотности и хронического недоедания, миллионов детей без школы и без хлеба, отвратительных бидонвелей, детской смертности и туберкулеза» [29, стр. 10].

Упорное нежелание колонистов до первой мировой войны разрешить безработным алжирцам выезд во Францию (из боязни потерять дешевый труд «туземцев») усугубляло тяжесть ситуации. Лишь после войны, с началом общего кризиса капитализма и колониальной системы империализма, власти позволили и даже стали поощрять эмиграцию алжирцев в метрополию в целях ослабления социальной напряженности внутри страны. Французы полагали при этом, что «лишь ассимиляция спасет туземцев от невежества и фанатизма, а заработок во Франции — от нищеты» [49, 1924, № 8а, стр. 323].

Привилегии европейцев

Полное бесправие «туземцев» и привилегированное положение европейцев стали альфой и омегой колониальной политики в Алжире с самого начала завоевания. Алжирцы должны были превратиться, по мере подав-

ления их военного сопротивления, в безгласных подданных колониальной державы и чувствовать себя «иностранцами в собственной стране» [11, стр. 13]. Общественно-политическая жизнь европейцев декларировалась таковой для всего Алжира, который называли не иначе, как «новой заморской Францией», «продолжением провинций Юга» и т. п. Европейцы даже стали называть себя «алжирцами», ибо для них существовал только «Французский Алжир» и никакого иного Алжира быть не могло! Присутствие же «туземцев» воспринималось как досадная необходимость, которой, однако, можно было с выгодой воспользоваться. «Новых собственников оказывалось невероятное количество, они вступали в рукопашные схватки друг с другом... Все были заняты тем, что грабили, продавали, покупали и перепродавали» [84, стр. 68].

Добиваясь с помощью Франции (вернее, ее штыков) полного подчинения и закабаления страны, европейцы Алжира в то же время по мере закрепления своего положения все больше и больше рассматривали метрополию как конкурента в деле эксплуатации алжирцев, тяготились зависимостью от колониальной администрации, контролировавшейся Парижем, особенно от военных властей, от произвола которых колонисты иногда страдали не менее алжирцев.

После февральской революции 1848 г. Алжир был официально провозглашен частью национальной территории, губернатору была оставлена только военная власть, а населенные европейцами области вошли в три особых департамента, получивших гражданское самоуправление и право посылать трех депутатов в парламент Франции. Колонисты это уравнивание в правах с жителями метрополии сразу использовали как признание своего превосходства над коренными алжирцами. Их пресса писала в апреле 1848 г.: «Для французов — французский закон, для иностранцев — международный, для туземцев — военный». Официально провозглашенную политику ассимиляции они интерпретировали как возможную лишь в отношении европейцев-нефранцузов. Депутаты от Алжира заявляли в июне того же года в парламенте: «Ассимиляция — это стимул эмиграции; мы не требуем ее для туземцев» [161, № 77, стр. 50].

Об активизации алжиро-европейской элиты свиде-

теством возникновение еще до 1848 г. множества местных газет. Кроме правительственного бюллетеня «Монитор Альжержен», издававшегося с 1832 г., появились: проправительственная «Ахбар» (по-арабски «Новости»; выходила, однако, на французском языке) Огюста Бурже в г. Алжире, умеренная «Эко д'Оран» Адольфа Перрье в Оране, «Ля Сейбуз» Дагана в Боне. После 1848 г., в связи с общим подъемом деятельности буржуазных либералов и республиканцев (начинался период Второй республики), алжиро-европейцы создают ряд политических обществ и клубов, некоторые из которых были связаны с соответствующими организациями в метрополии. К прежним органам печати добавились новые: «Ле Надор», «Л'Альжери», «Л'Африк франсэз», «Сантинель републикэн д'Альже» [88, стр. 56]. Однако, будучи в основном республиканской, алжирская пресса стала подвергаться преследованиям со стороны режима Луи Бонапарта еще в 1850 г., т. е. до открытого монархического переворота. В период же Второй империи Алжир превратился в место ссылки политических противников Наполеона III, что способствовало распространению среди алжиро-европейцев антибонапартизма.

Эти настроения во много раз усилились алжирской политикой новой власти, которая уже в январе 1852 г. лишила колонистов представительства в парламенте, а в 1863 г. провозгласила Алжир «арабским королевством», пытаясь противопоставить колонистам алжирских феодалов¹⁶. Это вызвало особое недовольство верхушки колонистов, которая довольно резко критиковала режим империи¹⁷.

Именно в эти годы (60-е годы XIX в.) среди европейской верхушки возникают, несмотря на ее тесные деловые связи с капиталистической олигархией Франции, сепаратистские тенденции. В определенной степени они были реакцией на упразднение императором министерства по делам Алжира, которое немало сделало для колонистов (создало в 1858—1860 гг. 17 центров колонизации, бесплатно раздало 4600 земельных участков, вдвое увеличило неподвластную военным гражданскую территорию и т. д.), а также на теорию «самоликвидации колонизации», выдвинутую близким к Наполеону III чиновником-мулатом Томá Исмаэлем Урбэном (бывшим сенсимонистом, принявшим ислам и женатым на араб-

ке), который считал, что европейцы должны жить в Алжире лишь в городах, занимаясь торговлей и промышленной деятельностью, ибо «подлинным крестьянином в Алжире является туземец» [111, стр. 30—32]. После формального провозглашения алжирцев «французами» в 1865 г. (Наполеон III даже призывал европейцев «обращаться с арабами, как с соотечественниками») колонисты создали по всей стране «комитеты обороны», развернув кампанию под демагогическим лозунгом: «Хотите вы быть французами или арабами?» [111, стр. 34]. Подобные настроения не утихали вплоть до краха Второй империи во Франции в 1870 г. и особенно ярко вспыхнули после ее падения¹⁸.

В сентябре 1870 г. массовое выступление в Алжире европейских рабочих и мелкой буржуазии привело к созданию национальной гвардии, муниципалитетов и Республиканской ассоциации Алжира, объединившей рабочих и мелкобуржуазных демократов. В ассоциацию входили и члены алжирской секции Первого Интернационала (не марксисты, но прудонисты, бланкисты и т. п.). Имея свою прессу и образовав отделения почти во всех городах, ассоциация требовала, по примеру парижских трудящихся, передачи всей власти выборным муниципалитетам (коммунам) и превращения Алжира в федерацию таких коммун. Прогрессивное крыло ассоциации шло еще дальше, выступая «за социальную революцию». Наряду с европейцами в деятельности ассоциации участвовали и отдельные алжирцы, однако она не уделяла никакого внимания требованиям коренного населения, руководствуясь в этом вопросе «национальным нигилизмом» прудонистов.

Ассоциация считала необходимым бороться как за республиканский строй (вплоть до отделения от Франции в случае реставрации там монархии), так и против восстаний местного населения. Лидером движения стал адвокат Ромуальд Вюйермоз, избранный в сентябре 1870 г. мэром г. Алжира и президентом республиканского комитета обороны. В октябре 1870 г. европейские рабочие и алжирская беднота изгнали генерал-губернатора и префекта, арестовав многих офицеров и чиновников. Власть перешла к муниципалитетам и комитетам обороны. По требованию Республиканской ассоциации Вюйермоз 8 ноября 1870 г. был избран временным

чрезвычайным комиссаром Алжира, а столичный муниципалитет провозгласил, что «исконной основой всякой демократии является коммуна» [78, стр. 234].

Однако Алжирская коммуна просуществовала недолго. Уже 11 ноября Вюйермоз поступился важнейшими прерогативами в пользу присланного из Франции комиссара так называемого «правительства национальной обороны», который возглавил администрацию и национальную гвардию. Во многом это объяснялось тем, что верхушка европейцев, ранее использовавшая «эксцессы толпы» для нажима на Париж, уже в октябре 1870 г. добилась своего: военное управление в Алжире было заменено гражданским, европейцы получили все права граждан (включая представительство в парламенте), вводились суды присяжных и другие формы буржуазно-либерального режима, которого алжиро-европейцы давно жаждали. В связи с этим крупная и средняя буржуазия перешла на сторону правительства, а мелкобуржуазная демократия заняла колеблющуюся и половинчатую позицию.

Наиболее серьезной попыткой Алжирской коммуны вернуть себе власть явились события в марте 1871 г. Неимущие слои европейцев были охвачены революционным энтузиазмом при известии о провозглашении Парижской коммуны. Всюду шли демонстрации солидарности с коммунарами. Делегация Алжирской коммуны, прибыв в Париж, приняла участие в борьбе против версальцев. Республиканская ассоциация вновь выдвинулась на первый план и навязала свою волю изолированному правительственному комиссару. Но отказ мелкобуржуазных демократов от передачи всей власти Алжирской коммуне подтверждал их прежнюю соглашательскую позицию. К тому же, начавшееся в марте 1871 г. восстание Мукрани, устранив всех европейцев, объективно толкнуло даже радикальные элементы из их среды на капитуляцию перед военщиной. Поэтому присланный версальцами новый губернатор адмирал Гейдон, спекулируя на «арабской угрозе», без особых усилий ликвидировал в апреле 1871 г. Алжирскую коммуну и подчинившуюся ей национальную гвардию.

Режим Третьей республики во Франции восстановил после подавления восстания Мукрани гражданское самоуправление (муниципалитеты, генеральные советы) и

право европейцев Алжира посылать депутатов во французский парламент¹⁹. В то же время правительство решительно боролось с алжирским сепаратизмом. Эту политику жестко проводил генерал-губернатор Шанзи (1873—1879), следовавший лозунгу: «Инициатива в Алжире, решение в Париже; исполнение в Алжире, контроль в Париже» [153, стр. 676]. Рассорившись со всеми выборными представителями европейцев, Шанзи был послан послом в Россию. Сменивший его Гревс (1879—1881) принял все требования европейцев, в частности изъял из ведения военных территорию в 5 млн. га, на которой проживал 1 млн. алжирцев. При нем был издан декрет о «прикреплении» (1881), который передавал управление Алжиром различным министерствам в Париже. «Роль губернатора, прежде бывшего проконсулом, была сведена до роли простого посредника» [153, стр. 677].

22 апреля 1880 г. было проведено деление территории Алжира на «полноправные» и «смешанные» коммуны. Первые, число которых выросло со 198 в 1882 г. до 248 в 1890 г. [158, стр. 393], были населены преимущественно европейцами (составлявшими, однако, в некоторых случаях менее 1—2% жителей), вторые — алжирцами. Коренное население, проживавшее в «полноправных» коммунах, существенно пополняло их бюджет, выплачивая множество податей. Но оно имело право избирать всего $\frac{2}{5}$ общего числа представителей в органах местного самоуправления; иначе говоря, европейцы при всех условиях оказывались в большинстве²⁰. Основная же масса коренного населения — около 3 млн. человек на 6 млн. га [161, № 77, стр. 59] — проживала в «смешанных» коммунах, которые единолично управлялись французскими администраторами и никакого самоуправления не имели. Тогда же был введен (в 1874 г. в уже существовавших «полноправных» коммунах, в 1881 г. в «смешанных») так называемый «туземный кодекс», согласно которому представители французских властей (от генерал-губернатора до администратора «смешанной» коммуны) имели право приговаривать «туземцев» к штрафам до 2 тыс. фр., арестовывать и высылать без суда «подозрительных» алжирцев, заключать их в тюрьму сроком от пяти дней до двух лет, конфисковывать их имущество, запрещать им передви-

жение по территории страны, а также выезд за ее пределы, в том числе хадж (паломничество) в Мекку. «Туземный кодекс» обрекал алжирцев, экономически разоренных и обездоленных колонизацией, также и на полное политическое и всякое иное бесправие. Достаточно сказать, что многие запреты этого «кодекса» (41 — в «Кодексе» 1881 г., 21 — в 1890 г., плюс дополнения 1904 и 1914 гг.) были сформулированы нарочито туманно: «совершение безответственных актов», «отказ послать на учебу ребенка школьного возраста», что в условиях произвола властей и отсутствия школ полностью отдавало алжирцев на милость колониальной администрации [158, стр. 397—399]. Коренным жителям было запрещено создавать свои партии, даже состоять в организациях, образованных европейцами. Им был закрыт доступ к административным должностям. Это был законченный «кодекс рабства» [22, стр. 9—14].

Основная масса европейцев благодаря своему привилегированному положению все более втягивалась в процесс обуржуазивания; только в рабочей среде сохранялись демократические традиции Алжирской коммуны. В конце XIX в. среди рабочих и революционно настроенных интеллигентов появились первые социалистические кружки; началось распространение социалистических идей. Алжирские социалисты стали издавать газету «Ля революсьон сосиаль» («Социальная революция»). В 1887 г. европейскими рабочими даже была создана небольшая, но весьма активная Алжирская рабочая социалистическая партия [125, стр. 56]. Однако она не была свободна от серьезных ошибок; ее генеральным секретарем долгое время был анархист и антисемит Даниэль Сорэн, изображавший евреев «капиталистическими угнетателями и грабителями» (Жорес в 1898 г. резко осудил этот тезис) и выступавший за автономию Алжира и «безопасность колонистов» [113а, стр. 156—157].

Этим взглядам немало способствовали «обработка» европейцев шовинистической колониалистской прессой, постоянно распространяемые слухи о якобы разбросанных по всему Алжиру складах оружия, заявления о будто бы неспособности алжирцев, как «низших» существ, приобщиться к «французской цивилизации» и воспринять «идеалы свободы, равенства и братства»

[59а, 1975, № 1, стр. 40—41]. Европейская пресса Алжира (количество ее изданий выросло с 30 в 1871 г. до 134 в 1895 г.) все агрессивнее подчеркивала «особые права» европейцев на Алжир и выступала за расширение привилегий европейского меньшинства [58, 1959, № 458—459, стр. 92].

С 1880 г. во Франции начинает расти влияние депутатов от Алжира, в первую очередь Гастона Томсона и Эжена Этьенна, которые создали в Париже мощную группу «закулисных лобби». Эта группа, играя на взаимном переплетении интересов «сеньоров» Алжира и трестов Франции, во многом определяла политику метрополии в Алжире, игнорируя бесцветного губернатора Тирмана (1881—1891).

Особенно значительную роль играл в это время Эжен Этьенн, который, по мнению Джеймса Кука, «сделал больше, чем кто-либо другой», для формирования «идеалов французского Алжира» и «навязал эту концепцию североафриканской колонии как факт политической жизни на 70 лет». Родившись в 1841 г. в Оране в семье солдата, Этьенн с детства был захвачен пафосом колонизаторства и рос в атмосфере прославления «цивилизаторской миссии» Франции и антиарабских легенд. Решительный и энергичный, он приобрел опыт предпринимательства во Франции и по возвращении в Алжир был избран в 1881 г. депутатом. С 1884 г. Этьенн — активный пропагандист в парламенте и деловых кругах Парижа политики «сеньоров» Алжира, умело изображавший колонистов «защитниками культуры и патриотизма», безусловно превосходящими «жалких туземцев». По его словам, колонисты как «форпост Европы» в мусульманской среде «постоянно находятся под ружьем, ибо каждый день опасности и несчастья грозят им и их семьям». Этьенн играл на крайнем национализме французских правых кругов, выступая против «натурализации» испанцев в Оране (которых он считал «подрывными элементами»), против военной службы «туземцев» в Алжире в 1886 г., проповедуя недоверие ко «всему иностранному».

Пользуясь полной поддержкой и «сеньоров» Алжира, и националистов в метрополии, Этьенн стал в 1891 г. вице-министром колоний, а затем государственным секретарем флота. Кроме того, он являлся автором

передовиц в наиболее влиятельной парижской газете «Тан». В 1893 г. он с помощью правых депутатов отбил попытку «либералов» дать право голоса хотя бы отдельным алжирцам. В 1896—1897 гг. Этьенн сумел рядом маневров заглушить во Франции критику в адрес колониальной администрации Алжира, особенно засилья в ней колонистов. Демагогически выступая (как «республиканец и гамбеттист») против «богатства и ранга», он добился допуска в колониальную администрацию «всех способных французов», чем способствовал еще больше сплочению алжиро-европейцев. Его влияние и давление ощущали все генерал-губернаторы Алжира [59а, 1975, № 1, стр. 39—47].

Имея лидеров, подобных Этьенну, «сеньоры» Алжира довольно бесцеремонно добивались своего. Их своекорыстие и полное нежелание считаться с интересами коренного населения вызвали в 1884 г. горькое пророчество уже упоминавшегося «арабофила» Томá-Исмаэля Урбэна: «Мусульмане все больше и больше отдаляются от нас, выжидая с самоотверженным фанатизмом часа отмщения. Рано или поздно мы заплатим за все совершенные ошибки и за те, которые неизбежно будут сделаны» [117, стр. 50]. Но «сеньоров» это не волновало. Для них настало время беспримерного разгула спекуляций и наживы, ограбления алжирцев, коррупции колониальной администрации, превратившейся в их послушную марионетку, короче говоря — «золотой век» колонизации.

«Сеньоры» открыто попытались навязать свою волю правящим кругам метрополии во время так называемой «неудавшейся революции» 1898—1900 гг. Воспользовавшись ажиотажем вокруг дела Дрейфуса, они организовали в Алжире массовые демонстрации европейцев под антисемитскими лозунгами. С 1897 г. связанная с «сеньорами» верхушка колониальной администрации стала даже поощрять погромные выступления алжиро-европейцев, которые сопровождались выпадами против «франкави», т. е. французов из Франции, как «неспособных изгнать евреев» [161, № 78, стр. 55].

Уравнение алжирских евреев в правах с французами (по декрету Кремье 1870 г.) отнюдь не вызвало восторга у «сеньоров» Алжира и правых кругов европейской мелкой буржуазии, недовольных укреплением юри-

дических позиций потенциальных конкурентов, особенно ввиду того что еврейские торговцы и ремесленники, зная арабский язык и нравы мусульман, обладали определенными преимуществами в борьбе за внутриафриканский рынок, которая к концу прошлого века заметно обострилась. Поэтому первые выступления европейцев против новых сограждан были уже в 1871 г., затем они повторились в 1875—1878 гг. (в Константине, Тлемсене, Сетифе, Батне) и в 1897 г. (в Алжире, Оране, Константине и Мостаганеме).

Антисемитское движение в Алжире приняло столь значительный размах еще и потому, что было удобным прикрытием для сепаратистских поползновений «сеньоров» и европейцев, не имевших французского гражданства (автоматически оно предоставлялось только родившимся в Алжире). «Антисемитские предрассудки, — пишет Ажерон, — всегда были сильны среди жителей колонии, особенно среди испанской бедноты». Охватив довольно значительные слои европейцев, в первую очередь «неофранцузов», это движение, сначала ограничивавшееся разгромом принадлежавших евреям магазинов (редко убийством владельцев), приняло характер борьбы за отделение Алжира от метрополии. Возглавлявший его 25-летний студент Массимилиано Милано, прозванный «Макс-Режи» (т. е. «Макс-руководитель»), стал в 1898 г. мэром г. Алжира. На выборах в мае 1898 г. европейцы избрали своими депутатами 4 видных лидеров антисемитского движения во главе с Дрюмоном. Их газеты в 1898—1899 гг. писали о «необходимости автономии» ввиду развития в Алжире «расы, совершенно отличной от французов метрополии» [59а, 1975, № 1, стр. 44]. Несмотря на уступки губернатора Лаферрьерера (1897—1899) и раскол «антиеврейского фронта» (большинство европейцев, одумавшись, отмежевывались от Макс-Режи, который готов был «отделить» Алжир от метрополии даже с помощью иностранных держав), антисемитские демонстрации и бесчинства групп «антиеврейской националистической молодежи» продолжались. Конец этой вакханалии положило внезапное возрождение «туземной опасности»: 26 апреля 1901 г. две сотни восставших алжирцев осадили колонистский поселок Маргерит. Повстанцы были разгромлены войсками, и те из них, кто были взяты в плен,

преданы суду. Это было первым после 1881 г. серьезным вооруженным выступлением алжирцев, которые разгромили фермы колонистов, убили полицейского и пять европейцев, захватили в плен супрефекта округа [126, стр. 38].

Тем не менее «сеньоры» и после этого нашли средство поддержать высокий накал алжиро-европейского «патриотизма». В частности, в 1902 г. они очень умело организовали массовую кампанию против отмены налоговых различий между алжирцами и европейцами, добившись, как и в 1892 г., срыва этой меры. Немалую роль в усилении влияния «сеньоров» сыграли также захваты Францией Туниса (в 1881 г.) и Марокко (в 1911 г.), в подготовке которых (а также в последующем ограблении этих стран) «сеньоры» приняли активнейшее участие. Европейская верхушка в Алжире, таким образом, всеми правдами и неправдами боролась против «контроля Парижа» («Париж нас не понимает») и стремилась к дальнейшему расширению своих привилегий. Выступая ранее, в 1871 г., за политику «ассимиляции» и «прикрепления» из ненависти к военному «режиму сабли», она, укрепив свои позиции, стала выступать теперь против централизации даже гражданской власти.

Это вызвало неблагоприятную реакцию в левых кругах французского парламента. Выхавшая в Алжир комиссия из 18 сенаторов во главе с Жюлем Ферри, осудив методы колонизации и практику «сеньоров», в то же время признала необходимым упразднить «прикрепление», дробившее управление Алжиром между восемью министерствами в Париже. «Колониями, — указывал Ж. Ферри в докладе комиссии в 1892 г., — еще более, чем сражениями, не командуют издали, в кабинетах министерств. Они иногда заинтересованы в пресечении телеграфной связи с метрополией... Нам представляется абсолютно ясным, что, возможно, ни одно из наших учреждений, ни один из наших законов, принятых на континенте, не может без глубоких изменений подходить для 272 тыс. французов, 219 тыс. иностранцев и 3267 тыс. туземцев, населяющих нашу алжирскую империю»). В 1896 г. то же признал служивший в Алжире высший чиновник Шарль Жоннар (с 1880 г. — начальник кабинета губернатора Тирмана): «Нынешняя ситуа-

ция характерна распыленностью власти. Алжирские дела рассредоточены по конторам министерств, никак не связанных друг с другом, не имеющих общего взгляда на вещи, жаждущих единообразия и управляющих Алжиром как французским департаментом. Наша вина заключалась в копировании институтов метрополии для столь самобытной страны» [34, стр. 71—73].

Крупные колонисты, умело маневрируя настроениями и массовыми выступлениями европейских экстремистов и пользуясь сообщничеством влиятельных кругов Парижа, в конце концов добились своего. 31 декабря 1896 г. правительство Франции отменило под их нажимом декрет от 26 августа 1881 г. о слиянии администрации Алжира и Франции. Власть губернатора была восстановлена, а «прикрепление» сохранилось лишь там, где оно фактически существовало с 1848 г.,— в области юстиции, просвещения, таможни и казначейства [137, стр. 11]. Политика «прикрепления» сменилась политической «ассоциации».

Серия законодательных мер 1896—1902 гг. «вновь создает в Алжире особую административную единицу» [176, стр. 27]. «Сеньоры» настояли на создании еще в 1894 г. «Высшего совета Алжира» из 60 главных чиновников администрации и представителей европейцев и всего 7 представителей коренного населения. Впоследствии в него входили 24 чиновника, 31 представитель от выборных учреждений и 9 алжирских нотаблей [133, стр. 48]²¹. На первых же заседаниях этот совещательный орган, явно выражая настроения колонистской элиты, объявил алжирцев «низшей расой, не поддающейся воспитанию» и годной лишь «служить у колонистов в качестве батраков, каменщиков, умелых сапожников» [64, стр. 78].

В 1898 г. были созданы упомянутые выше Финансовые делегации из трех секций (колонистов, европейцев-неколонистов и алжирцев) по 24 делегата в каждой²². В качестве делегатов были избраны представители крупнейших колонистов и европейской буржуазии, а также их подголоски из среды феодальной верхушки коренного населения. Непредставительный и антидемократический характер Финансовых делегаций доказывается следующими цифрами: в выборах делегатов-колонистов участвовало 12 512 человек, в выборах осталь-

ных европейских делегатов — 38 593, а алжирских делегатов — не более 10 тыс. [161, № 78, стр. 55]²³. При этом следует учесть, что население Алжира еще в 1896 г. составили 578 480 европейцев и 3 781 098 алжирцев [16, 1956—1957, стр. 19].

Финансовые делегации оказались послушным орудием в руках крупных колонистов, которые помимо голов своей секции контролировали также большинство голосов и в других секциях. «Когда в 1898 г. было создано в Алжире выборное собрание, — отмечает Ш.-А. Жюльен в предисловии к книге П. Нора, — секция неколонистов должна была представлять интересы торговцев, промышленников и чиновников. Но так как большинство избранных лиц использовало свои прибыли для приобретения земельной собственности, большинство на деле составилось из колонистов. Что касается арабских и кабилских избранников, тщательно подбирившихся администрацией, которая ими распоряжалась, то они повиновались приказаниям губернатора или его генерального секретаря» [171, стр. 15]. Достаточно отметить, что из 72 делегатов в 1900—1946 гг. не менее 50 были земельными собственниками, т. е. колонистами (в том числе представлявшими интересы «неколонистов»), и послушными им феодалами [124, стр. 109]. Они воспрепятствовали введению в Алжире французской налоговой системы (чтобы сохранить давившие коренное население специальные «арабские налоги»), выпустили автономный «алжирский» заем и добились в 1900 г. специального бюджета для Алжира. Этот бюджет реакционер Пейрутон назвал «одновременно интегрирующим и освобождающим, синтезировавшим вплоть до... 1947 г. желание французов Алжира быть ближе к Франции (ибо часть расходов шла за ее счет. — Р. Л.) и благоприятствовать развитию Алжира путем бюджетной автономии» [182, стр. 201].

Финансовые делегации сохранили и еще 20 лет успешно отстаивали взимание с алжирцев «арабских» или «коранических» налогов, которые коренное население выплачивало сверх введенных в Алжире (в том числе для европейцев) прямых и косвенных налогов. Это были: «ашур» ($\frac{1}{10}$ урожая), «закят» ($\frac{1}{10}$ поголовья скота), «хокор» (плата за пользование землями «арш» в области Константины), «лезма» (подушная подать или

арендная плата, например, за финиковую пальму в Кабилии) и некоторые другие. 40% общей суммы всех этих налогов шли государству (т. е. в большой степени на содержание колониальной администрации), 40% — в бюджеты департаментов (которыми распоряжались генеральные советы из европейцев), 10% — сборщикам (т. е. каидам и шейхам) и 10% — на прочие (в том числе местные) нужды. Естественно, «сеньорам» было очень удобно таким образом оплачивать за счет алжирцев расходы на субсидирование своей хозяйственной деятельности (из средств департаментов) и на содержание марионеток из «туземного» аппарата, которые присваивали гораздо больше «узаконенной» десятины. Тем не менее «сеньоры» сокрушались по поводу того, что некоторые шейхи якобы живут всего на 300 фр. в год и требовали для них 1,5—4 тыс. фр. Депутат и мэр Константины Эмиль Морино доказывал при этом: «Мы должны сделать это для столь полезной вещи — хорошего управления туземцами» [30, стр. 116—119].

Общая сумма поборов с коренного населения неизменно возрастала, несмотря на периодические требования самих алжирцев и «арабофилов» метрополии отменить «арабские» налоги. Если в 1870 г. алжирцы уплатили 22 млн. фр. по налогам (из них 14 млн. фр. «арабских» налогов), то в 1885—1890 гг. они ежегодно уплачивали по 40,8 млн. фр. (19 млн. «арабских» налогов). В начале XX в. на их долю пришлось 46% всех выплат по налогам, в то время как в их распоряжении находилось не более 37% всего достояния Алжира [111, стр. 67].

В этих условиях явно фальшиво звучали аргументы «сеньоров» о том, что европейцы платят налогов больше, особенно из расчета на одного человека (8,71 фр. в 1901 г. и 10,53 фр. в 1911 г. на каждого алжирца, 69,07 фр. в 1901 г. и 76,5 фр. в 1911 г. на каждого европейца) [30, стр. 114—115]. При учете реального соотношения богатств и назначения выплачиваемых сумм грабительский характер установленной в Алжире фискальной системы был несомненен. Неудивительно, что именно с 1900 г. «Французский Алжир» крупных магнатов колонизации «познал процветание, ритм прироста которого напоминал таковой на американском Западе» [182, стр. 201].

Созданием Финансовых делегаций было завершено оформление своего рода колониального двоевластия, система которого просуществовала в Алжире без особых изменений свыше полувека. Суть этой системы сводилась к тому, чтобы под флагом французского суверенитета над Алжиром и при внешней лояльности к *формальной* власти Парижа приспособить колониальную администрацию к проведению той политики, которая наилучшим образом отвечала бы интересам алжиро-европейцев. «У колониста Алжира, — писал Жюль Ферри в своем докладе сенатской комиссии 1892 г., — много пороков. Он партикулярист и более всего желает эксплуатировать туземца и метрополию. Моральный и интеллектуальный уровень колонистов почти не поднимается выше повседневных работ. Они мало пекутся об общих интересах Франции и колонии. Дух гражданственности среди них еще не преобладает» [151, стр. 232].

Стремясь заставить алжиро-европейцев считаться в первую очередь с интересами метрополии, Ферри сокрушался: «Весьма трудно внушить европейскому колонисту, что в арабской стране права есть не только у него». Под предлогом усиления роли Франции как арбитра в стране, «неизбежно обреченной на конфликт двух враждующих рас», он выдвинул проект реформы, направленной на консолидацию непосредственного контроля метрополии над Алжиром. Этот проект в 1891—1897 гг. пытался реализовать генерал-губернатор Жюль Камбон, считавший, что он «обязан учитывать соображения, значение которых неясно колонисту», а также «не забывать, что он правит страной, делающей из Франции одну из четырех великих мусульманских держав света» [202а, стр. 166]. Неудивительно, что с первого же дня своего появления в Алжире Камбон стал «врагом общества», все предложения которого алжиро-европейские «лобби» блокировали в парижских министерствах и парламентских комиссиях. В конце концов он «был лишен губернаторства после неоднократно повторявшихся демаршей Томсона и Этьенна». По мнению Ажерона, отзыв Камбона «продемонстрировал, что в обычных условиях в Алжире больше невозможна какая-

либо политика, инспирируемая из метрополии» [111, стр. 48—49].

Это положение довольно наглядно иллюстрировалось судьбой преемников Камбона — Лафетррьера, которого депутаты от Алжира во главе с Эмилем Морино все время стремились поставить под свой контроль, и Лепина, который также «познал мятеж, хоть и держался лихо» [42, стр. 286]. Даже верных и покладистых генерал-губернаторов «сеньоры» не стеснялись свергать, если считали это полезным. Так, Ревуаль «не мог долго сопротивляться направленным против него атакам»; Люто был неожиданно смещен, несмотря на его «активность» и «энергию»; Жоннар «разочарован часто враждебными проявлениями оппозиции, обвинявшей его в симпатиях к туземцам»; Абель, «став мишенью непримиримой критики нескольких алжирских парламентариев, не смог продолжать свою миссию» [там же]. То же самое происходило и с другими администраторами, которые пытались хоть раз всерьез выступить в Алжире как представители Парижа, а не как слуги «сеньоров».

Сложившееся положение привело к возникновению довольно запутанной и двусмысленной ситуации, при которой во имя «незыблемости французского суверенитета» доказывались исключавшие друг друга тезисы: 1) Франция и только она является полной хозяйкой в Алжире; 2) в интересах Франции надо предоставить руководство колонией европейцам. Французский парламент периодически направлял в Алжир комиссии расследования, которые осуждали автономистские поползновения европейцев, их злоупотребления, расизм и прочие негативные стороны колонизации. Однако дальше громких разоблачений в левой печати и «арабофильских» выступлений отдельных парламентариев (например, Альбэна Розэ) дело не шло. Наоборот, некоторые губернаторы полностью шли на поводу у «сеньоров». Например, Ревуаль (1901—1903) стал очень популярен среди колонистов, учредив по их требованию «репрессивные трибуналы», которые судили только алжирцев.

Бывали периоды, когда между централизаторской тенденцией метрополии и партикуляризмом алжиро-европейцев удавалось достигнуть временного компромисса. Так было, в частности, при «сильном» генерал-губернаторе Жоннаре (1900—1901 и 1903—1911 гг.), ко-

торому во многом помогал длительный опыт службы в аппарате колониального управления Алжиром, но еще больше — связи с крупными банками и промышленными компаниями. Финансовые делегации были ему послушны и оставались (но только на время его правления) чисто совещательным органом. Один из секретов его успеха (помимо лидерства в партии «Демократический альянс», родства с миллионером Энаром, давних контактов с верхушкой колониального чиновничества и руководства компанией Суэцкого канала) заключался в последовательном применении бюджетной автономии (которую европейцы называли «первой хартией Кайо» — по имени согласившегося на нее министра финансов Франции), а также в том, что он, тщательно заботясь о материальных интересах колонистов, «постепенно заменил политический Алжир экономическим». При нем не было, как при Лаферрьерере в 1898 г., жалоб колонистов «на отсутствие безопасности, слабость администрации, дерзость туземцев, поощряемых позицией французского парламента» [30, стр. 107].

В известной мере успех Жоннара определялся также его умелой тактикой, своевременным сближением с премьером Вальдек-Руссо и кумиром «сеньоров» Этьенном, который, неизменно переизбираясь в парламент, стал в нем одним из наиболее влиятельных лиц. В 1900 г. (накануне своего первого назначения на пост генерал-губернатора Алжира) Жоннар писал Этьенну: «Считайте меня вашим доверенным сотрудником». Этьенн успешно блокировал все попытки провести в Алжире какие-либо реформы, став в 1902 г. вице-председателем палаты депутатов, а в 1905 г. (незадолго до смерти) министром внутренних дел. Жоннар, считавший некоторые реформы необходимыми (в интересах привлечения алжирцев на сторону Франции и продления тем самым французского господства в стране), но, по выражению Джеймса Кука, «никогда не переходивший границ допустимого в промусульманских симпатиях», лавировал между Этьенном и его критиками, не упуская случая подчеркнуть свое согласие с Этьенном по любому поводу, будь то борьба против ассимиляции «иностранцев» в Алжире (как арабо-берберов, так и европейцев) в 1903 г. или забота о «безопасности колонистов» в 1905 г.

Жоннар вошел в созданный Этьенном в 1904 г. «Комитет по Марокко» (в который, кстати, вошли и некоторые «критики» Этьенна) и активно участвовал в разработке планов аннексии этой страны, в которой экономически была заинтересована верхушка «сеньоров» Алжира. Характерно, что именно после встречи Жоннара и Этьенна на юге Орании с полковником Юбером Лиотэ (будущим маршалом и генеральным резидентом Марокко, а тогда — командиром гарнизона в Айн-Сефра) в 1904 г., когда Жоннар особенно настойчиво указывал на опасность «анархии» в Марокко для французских властей в Алжире, Этьенн поддержал кандидатуру Жоннара на следующий срок [59а, 1975, № 1, стр. 48—52]. «Либеральные» жесты Жоннара лишь оттеняли принципиальное колонизаторство Этьенна.

Лучше всего о сути этой политики сказал сам Жоннар: «Надо, чтобы туземцы видели в нас не только жандармов и купцов и чтобы всюду распространялся видимый всеми символ французской доброты». Но задуманные им в этой связи реформы (в основном касавшиеся облегчения налогового бремени алжирцев и их продвижения на французской службе) сами по себе мало что могли изменить. К тому же, Жоннару не удалось провести в жизнь почти ни одной из мер в пользу алжирцев, за исключением создания сети больниц и клиник, некоторого улучшения медицинского обслуживания [145а, стр. 156, 160]. А его преемник Люто (давний соратник Этьенна) «солидаризировался с колонистами против требований парламента о реформах» [111, стр. 69] и фактически блокировал последние.

Ситуация двоевластия неизбежно способствовала продолжению трений, споров и взаимных упреков между частью политических кругов Франции (как левых, так и некоторых правых, не связанных с колониальными интересами) и «сеньорами» Алжира. Активность и напористость последних объяснялась тем, что они при всем своем партикуляризме и даже, в отдельные периоды, сепаратизме в целом были заинтересованы в сохранении власти Франции над Алжиром. Эта власть, играя роль политико-административного и военно-полицейского щита их господства в стране, нужна была не для закрепления их обязанностей по отношению к метрополии (что официально провозглашалось), а для закреп-

ления обязанностей метрополии по отношению к ним. «Сеньоры» даже в лучшие годы «золотого века» колонизации нуждались во французских капиталовложениях, товарах, технике, кадрах и т. п., а после 1900 г. — в систематических дотациях «специальному» бюджету Алжира, дефицит которого всегда покрывался за счет бюджета Франции. Но особенно им были нужны штыки французской армии, которые одни лишь служили гарантией их господства.

Политико-административное устройство Алжира окончательно оформилось к 1902 г. в следующем виде. Генерал-губернатор был одновременно представителем Франции и главой местной администрации (в большинстве своем состоявшей из алжиро-европейцев во главе с генеральным секретарем губернаторства — как правило, доверенным лицом «сотни сеньоров»). Гражданская территория страны делилась на три департамента (Оран, Алжир, Константина), в каждом из которых европейцы избирали двух депутатов и одного сенатора, а также генеральный совет, в который кроме 24 европейцев входили с 1908 г. также 6 алжирцев, избравшихся ограниченным числом подобранных властями лиц — всего 5 тыс. чиновников и каидов [111, стр. 69]. Департаменты делились в 1902 г. на 296 «полноправных» коммун (с 2 млн. жителей на территории в 2,5 млн. га) и 78 «смешанных» (с 3,5 млн. жителей на 18 млн. га). Кроме того, режим «бюро по туземным вопросам» (премьериков «арабских бюро») был сохранен в Сахаре на так называемых военных территориях Юга (Айн-Сефра, Оазис, Гардайя, Туггурт). Хотя к 1902 г. «умиротворение» Сахары было в основном завершено, в течение всего первого десятилетия нашего века «великий колонизатор» Лиотэ усмирять племена в примыкавших к марокканской границе южных областях Орании [117, стр. 53—54]. Практически «режим сабли» для большинства алжирцев сохранялся даже в «полноправных» коммунах, в которых право участия в выборах «туземных» членов муниципалитета (от двух до шести, но не более $\frac{1}{4}$ общего числа муниципальных советников) имели по закону 1884 г. только землевладельцы, фермеры, служащие колониальной администрации или обладатели французских наград. Максимальное число таких лиц к 1918 г. не превышало 50 тыс. [126, стр. 29].

Положение в Северном Алжире, несмотря на относительно затишье после последних восстаний 1879—1883 гг., не было абсолютно спокойным. Об этом свидетельствует, в частности, статистика покушений алжирцев на личную безопасность и собственность европейцев [113, стр. 554]:

1884—1885 гг.	3975	1890—1891 гг.	5327
1885—1886 гг.	2623	1891—1892 гг.	6557
1886—1887 гг.	3961	1892—1893 гг.	7568
1887—1888 гг.	4998	1893—1894 гг.	9397
1888—1889 гг.	5632	1894—1895 гг.	8389
1889—1890 гг.	5014	1895—1896 гг.	5720

«В некоторых отдаленных областях, — рассказывал очевидец в 1912 г., — один администратор с помощником управляет 106 тыс. туземцев в округе размером в миллион гектаров. Он проводит жизнь в разъездах верхом от дуара к дуару, наводя порядок и собирая налоги. Время от времени за его наказания... в него стреляют из ружья» [30, стр. 64]. Таково было положение в относительно мирные времена. Число наказаний только за нарушение «туземного кодекса» (штрафов и арестов) непрерывно росло: 18 630 в 1890 г., 24 030 в 1894 г., 23 813 в 1900 г. [113, стр. 559]. В дальнейшем ситуация мало изменилась²⁴. Только в 1903—1913 гг. «репрессивные трибуналы» осудили 227 546 алжирцев [113, стр. 689].

В одном из французских журналов в 1908 г. приводились следующие данные о «прогессе преступлений» в Алжире: 23 329 осужденных алжирцев в 1905—1906 гг., 28 200 — в 1906—1907 гг. [106, стр. 127]. Это были в основном нарушения «туземного кодекса» или мелкие столкновения алжирцев с европейцами. По указке «сеньоров» судьи, полицейские, чиновники, адвокаты, журналисты и даже врачи-психиатры наперебой твердили, что алжирцы — «преступники от рождения», якобы отличающиеся «наследственной кровожадностью», склонностью к агрессивности, насилию и убийству. В Алжирском университете, например, в подобном духе десятилетиями «обрабатывали» студентов (в том числе мусульман), внушая им, что алжирцы — «прирожденные бездельники, лгуны, вору, преступники». Под эту клевету подводи́лась «научная» база, публиковались

соответствующие доклады (в том числе чисто медицинские) и т. п. [36, стр. 226—228]. Все это было очень удобным прикрытием злоупотреблений и произвола чиновников на местах, тесно связанных с колонистами.

Отдельные попытки правительства метрополии пресечь самоуправство «сеньоров» и даже подчас сыграть роль арбитра между «туземными» подданными и рьяными автономистами из числа европейцев были успешны лишь отчасти. Например, верный «сеньорам» губернатор Ревуаль вынужден был уйти в отставку в 1903 г. во время визита в Алжир президента Франции Гастона Лубэ (ненавистного реакционерам, в том числе «сеньорам», за помилование Дрейфуса) под давлением выдвинутых против него в парламенте обвинений «в проведении угнетательской политики в Алжире». Однако сам Лубэ ограничился лишь обещанием предоставить алжирцам «все дорогие для вас свободы» при сохранении «древних обычаев» [106, стр. 105—106]. После его визита все осталось по-старому. В частности, «наследие Ревуаля» — учрежденные им репрессивные трибуналы — продолжали «работать» с полной нагрузкой и после отъезда их создателя. Все их приговоры, не превышавшие 500 фр. штрафа или 6 месяцев тюрьмы, обжалованию не подлежали [126, стр. 26]. «В Алжире вплоть до настоящего времени, — просвещал упомянутый Морис Ажам общественное мнение метрополии, — администратор обязан непосредственно карать все нарушения алжирскими подданными Туземного кодекса. Случаи утайки туземцем огнестрельного оружия, отказа заявить о рождении ребенка для регистрации, собрания без разрешения, предоставления убежища темным личностям и нарушения множества прочих ограничений, без которых Алжир был бы предоставлен анархии, разбираются администратором, который считается одновременно агентом исполнительной власти и судьей» [30, стр. 48—49].

Поощряемые «сеньорами» агенты с особым пылом отстаивали и их экономические интересы. Тот же Ажам в 1913 г. защищал в палате депутатов ассигнование на нужды «алжирского процветания» 18 млн. фр., в то время как весь годовой прирост производства в Алжире составлял в стоимостном выражении 16 млн. фр. При этом он говорил: «Вся французская политика в Алжи-

ре должна свестись к мысли о том, что надо опасаться убить курицу, несущую золотые яйца» [30, стр. 118, 123].

Колонисты всячески стремились убедить «арабофилов» в парламентских кругах Франции в невозможности каких-либо уступок «туземцам», аргументируя это следующим образом: «Истина заключается в том, что мышление наших алжирских подданных (за некоторыми исключениями, разумеется) — это мышление больших детей и что особенно в отношениях хозяина с наемным работником необходимы надзор, контроль, одним словом, опека, причем — строго осуществляемые ежечасно» [30, стр. 28]. Впоследствии это не мешало некоторым из них утверждать, что они с алжирцами якобы «почти всегда поддерживали доверительные отношения, рожденные совместной жизнью» [152, стр. 147].

«Сеньоры» по-своему интерпретировали лозунг генерал-губернатора Жоннара: «Не будем ни арабофилами, ни арабофобами, будем просто справедливы к арабам». По их мнению, алжирцы якобы были «неспособны понять нашу французскую вежливость» и рассматривали «учтивость» метрополии как акт «непонятной слабости». Такой «слабостью» европейцы считали даже поездку в Алжир парламентских комиссий, включая комиссию сената 1891 г. во главе с Жюлем Ферри²⁵. Поддерживавшие колонистов депутаты не уставали повторять: «Мы знаем, что в отношениях между колонистом и туземцем дубинка сыграла достаточно активную роль» [30, стр. 45].

Разумеется, постоянное противопоставление европейцев коренному населению во многом способствовало отгороженности европейского меньшинства от алжирского большинства. Почти все упоминавшиеся ранее переговоры между ними нельзя было бы считать непреодолимыми, если бы не главная преграда — политическая поддержка европейцами колониального режима и заинтересованность значительной их части в его укреплении.

Вследствие такого положения европейцы, отделявшие себя от франкауи и даже называвшие себя «алжирцами», привязанные к своему алжирскому отечеству и во многих случаях владевшие арабским языком (особенно колонисты и чиновники), не могли образовать единый с алжирцами народ. Они остались в стороне от процесса национального сплочения алжирцев не вслед-

ствие непреодолимости религиозно-этнических и культурно-исторических барьеров (хотя сами по себе эти барьеры были достаточно серьезны), а ввиду своей проколониалистской социально-политической позиции. Среди них было широко распространено убеждение в том, что Алжир якобы не существовал «как понятие» до прихода французов, «чудесным усилием» которых он и обязан своим «возникновением». Без конца воспевая свои «пот, кровь, любовь и труд» на алжирской земле, многие европейцы всерьез уверовали в «справедливый и гуманный» характер колонизации [152, стр. 140—147].

Их спланировала борьба за сохранение своих привилегий в Алжире, т. е. за консервацию колониальных порядков. Что касается культурно-этнического единства этого «неолатинского народа, испытывавшего влияние африканской природы и мусульманской цивилизации» [164, стр. 27], то оно в гораздо большей степени существовало на словах и на бумаге, чем в реальной жизни. Было выгодно и просто необходимо иметь французское гражданство, владеть французским языком и даже породниться с кем-нибудь из потомков «пионеров французской колонизации Алжира». На этом заинтересованность в единении под сенью французского флага заканчивалась. Охваченные взаимным недоверием и подозрениями, погруженные в ажиотаж провинциальных афер, интриг и спекуляций, нанося друг другу жестокие удары в конкурентной борьбе, европейцы — капиталисты, колонисты, лавочники и прочие мелкие буржуа — очень часто враждовали друг с другом. Социальное неравенство в их среде часто переплеталось с национальным: среди испанцев, например, многие (особенно сельские рабочие, пастухи, дорожные строители) «часто жили в гурби (хижинах.— *Р. Л.*), как туземцы» [56, 1935, № 2, стр. 59].

Лозунг «Алжир — это Франция» считали целиком своим обычно лишь уроженцы метрополии, прибывшие в качестве чиновников, военных, служащих, учителей и т. д. Остальные европейцы, даже алжирские французы, «считали себя прежде всего „алжирцами“, каково бы ни было их происхождение» [111, стр. 78]. Тем более это было верно для европейцев нефранцузского происхождения²⁶.

Последние составляли среди алжиро-европейцев довольно большую группу. Это были «иностранцы, подчиненные соответствующим консульствам, — в первую очередь итальянцы, испанцы, ненатурализовавшиеся мальтийцы, некоторое число греков, швейцарцев, немцев и скандинавов». Среди имевших французское гражданство 50—60% представляли собой «европейские элементы нефранцузского происхождения», довольно часто смешивавшиеся с французами, но сохранявшие, как правило, язык предков и отдельные черты бытового уклада. Особенно это относилось к испанцам, составлявшим $\frac{2}{3}$ европейцев Орании (250 тыс. из 400 тыс. человек) [25, стр. 5—6]. Менее заметна, но не менее значительна была роль других меньшинств, например итальянцев на восточном побережье Алжира, проявлявших, однако, меньше «самостийности» ввиду того, что в этом районе европейцы вообще чувствовали себя менее уверенно, будучи рассеянными по обширным малопродуктивным районам между труднодоступными горными массивами Ауреса и Кабилии²⁷.

Особое положение занимали алжирские евреи, формально полноправные французские граждане с 1870 г. Наполовину потомки берберов, еще до прихода арабов принявших иудаизм, наполовину потомки сефардов, изгнанных с Пиренейского полуострова по завершении реконкисты, алжирские евреи всегда были частью коренного населения. Несмотря на активное участие в экономической жизни европейской колонизации и приобщение к стилю жизни европейцев после 1870 г., они не могли полностью отказаться от традиций прошлого и «осовремениться». Вплоть до краха колониального режима евреи в Алжире сохраняли некоторую национальную и культурно-бытовую специфику и даже обособленность²⁸. Их социальную неоднородность отмечали позднее лидеры алжирской революции: «Алжирские евреи занимают видное место в свободных профессиях и торговле. Но из-за этой „буржуазии“ Тлемсена, долины Шелиф или г. Алжира нельзя забывать о низком уровне жизни алжирцев-израэлитов в области Константины или на юге Алжира. Там они живут среди алжирского мусульманского населения и разделяют его судьбу» [25, стр. 5].

В целом евреи Алжира практически не были полно-

правной фракцией привилегированного меньшинства. Однако они вели себя скорее как европейцы, нежели как алжирцы, в лучшем случае занимая нейтральную позицию между теми и другими. Быстро шедший процесс офранцузивания и возможность пользоваться привилегиями граждан Франции делали свое дело.

Собственно французов среди европейцев Алжира насчитывалось не более 40 % [25, стр. 5]. Но и они не были едины, ибо среди них были эльзасцы, баски и корсиканцы, не менее других групп европейцев сохранявшие свои особенности и стремившиеся иметь «своих людей» в колониальной администрации. Кроме того, частично смешавшись с «неофранцузами», они во многом усвоили их партикуляризм и вместе с ними осуждали «франкауи» из метрополии (составлявших 11 % всех алжиро-европейцев) за «непонимание специфики» Алжира.

Таким образом, в культурно-этническом отношении алжиро-европейцы были раздроблены не менее, чем коренные алжирцы. Отдельные их группы (испанцы, в меньшей мере итальянцы) ввиду своей многочисленности и сохранения национальной самобытности могли даже считаться совершенно отдельным меньшинством. Но все эти различия между европейцами (как между разными группами, так и внутри их) отступали на второй план или совершенно исчезали при появлении сколько-нибудь реальной угрозы колониальному режиму и привилегиям европейцев. «Антиарабский расизм, — писал Ф. Аббас, — был цементом общества колонизаторов» [29, стр. 99].

Глава 4

ПРОБУЖДЕНИЕ «ТУЗЕМЦЕВ»

Европейцы считали, что их господство в Алжире будет длиться вечно. Убеждение в том, что так и могло бы быть, до сих пор не изжито частью реакционных буржуазных историков-колониалистов. Один из них, Марсель Пейрутон, даже в 1966 г. утверждал: «Учитывая ассимиляторский талант француза, Алжир мог бы стать Гасконью, заморской Берри в полном значении этого слова, если бы этому не мешало одно препятствие: ис-

лам» [182, стр. 268]. Пейрутон и его единомышленники отказывались понять, что главное препятствие заключалось не в исламе, а в уже отмечавшемся факте неизбежного порождения колониализмом своего могильщика — антиколониализма.

Колониальное двоевластие в конкретной обстановке на рубеже XIX—XX вв. создавало своеобразные условия, в которых происходило возрождение на новой основе *организованного* антиколониального движения (стихийное сопротивление практически не прекращалось). Весь опыт XIX в. говорил о невозможности при тогдашнем соотношении сил и в обстоятельствах того времени сокрушить твердыню колониализма лобовым штурмом. Отсюда объективно среди алжирцев должна была возникнуть тенденция использовать противоречия (иногда лишь намечавшиеся и второстепенные) в стане колонизаторов, сосредоточить все усилия на борьбе против засилья «сеньоров» колонизации как главных противников какого-либо смягчения колониального гнета при одновременных поисках любой поддержки из метрополии — со стороны левых кругов, либеральной прессы, «арабофилов» в парламенте (среди них выделялся своими призывами к «моральному, интеллектуальному и экономическому прогрессу туземцев» депутат Альбэн Розэ) и даже правительства, недовольного строптивостью и автономистскими замашками «сеньоров».

Однако эта новая тенденция, пытавшаяся с опозданием оживить полузабытый лозунг «ассимиляции туземцев» и которая поэтому может быть названа ассимиляционистской, не могла сразу пробить себе дорогу. Поэтому вначале становление нового, *буржуазного* этапа антиколониальной борьбы шло по пути преемственности традиций сопротивления 1830—1871 гг. и приспособления к изменившимся условиям традиционного идеологического наследия. Это определялось прежде всего конкретными обстоятельствами противопоставления друг другу в Алжире «современного» европейского и «традиционного» мусульманского общества.

На первых порах уровень организованности возрождавшегося антиколониального движения был невысоким. «Мы знаем, — писал впоследствии алжирский историк Белькасем Саадаллах, — что большинство национа-

листических движений угнетенных народов, как в Европе, так и в других местах, вначале находили себя в различных формах, отличавшихся от организованных партий. Сперва они заявляли о себе в виде тайных обществ, бунтов, в общественной деятельности клубов, прессы и литературном возрождении. Лишь потом они начинали разными путями бросать вызов своим угнетателям, организуясь в политические партии. Образцом такого движения и является национальное движение в Алжире» [106, стр. 112].

Слабая организованность алжирского движения в значительной степени объяснялась незрелостью, лоскутностью, а также незавершившимся к началу XX в. формированием класса национальной буржуазии, возглавившей освободительные стремления алжирцев. Определенную роль здесь играло и различие интересов сельских и городских слоев буржуазии, связи ее разных отрядов с разными укладами и общественными силами, различными тенденциями развития. Она даже не использовала стихийные взрывы ненависти народных масс к колониальному режиму. Поэтому, например, восстание крестьян деревни Айн-эт-Турки под руководством Якуба бну аль-Хаджа, осадивших поселок Маргерит в 1901 г. (о чем упоминалось выше), не получило никакого отклика среди алжирской буржуазии и лишь впоследствии стало считаться чуть ли не истоком национального движения в Алжире XX в. [106, стр. 119].

Французские власти, стремившиеся еще в 1830 г. привлекать отдельных феодалов к себе на службу, в 1898 г. начали официальную перепись всей уцелевшей после бурных событий XIX в. алжирской знати, основательно уменьшившейся по численности и влиянию¹.

Получившие поддержку властей наиболее крупные феодалы даже усилили свои позиции по сравнению с былыми временами, сконцентрировав в своих руках и несметные богатства, нагребленные путем эксплуатации и обирания собственного народа, и более значительную, чем прежде, власть. Семейства Бен Али Шериф, Бен Хабилес и Бен Абид (Кабилия), Бен Шеннуф, Баштарзи и Махайя (Аурес), Бен Сиам и Хадж Хаму (Милиана), Сайях и Бутиба (Орлеанвиль), Бен Гана (Зибан) и др. оставались всемогущими в своих областях и богатыми, поставляя французам кайдов, ага и башага, гене-

ральных советников и финансовых делегатов, офицеров и переводчиков. Некоторые из них (Масарли в Туггурте, Айт У-Амер в Кабилии и многочисленные их родственники) даже помогали французам захватывать другие арабские страны и занимали высокие посты в тамошней администрации, например в Марокко [113, стр. 820—822].

Естественно, всех этих знатных коллаборационистов вполне устраивали колониальные порядки и они, как и колонисты, не хотели какого-либо изменения сложившегося положения. Однако резкое сокращение численности и влияния феодалов лишало их возможности решающим образом определять настроения большинства населения, в том числе в традиционных оплотах той или иной феодальной семьи.

Решающую роль давно уже играли, особенно после 1871 г., нараставшие острые противоречия между огромным большинством алжирцев, прежде всего крестьян, и всей системой режима колонизации. Росло число обезземеленных алжирцев, постоянно трудившихся на фермах колонистов (агропредпринимателей-алжирцев было очень мало, и они предпочитали использовать труд хаммасов) в качестве батраков: со 151 тыс. до 210 тыс. (т. е. с 13,3 до 18% всего алжирского мужского населения деревни) в 1871—1911 гг. К ним следует добавить огромную армию (350 тыс. человек на 1911 г.) «сельских слуг и поденщиков», многие из которых эксплуатировались колонистами. Число хаммасов (часть которых также работала на колонистов или французские аграрные компании) постепенно приближалось к числу крестьян, еще имевших землю (530 тыс. собственников и 426 тыс. хаммасов и прочих издольщиков в 1910 г.), особенно, если учесть и членов семей (1776 тыс. в семьях феллахов и 1147 тыс. в семьях хаммасов в 1914 г.). Среди земельных собственников также шел процесс дифференциации: перед первой мировой войной 60% феллахов владели менее чем по 10 га, а 1% — более чем по 100 га [113, стр. 826—829].

Гораздо меньшую силу в начале нашего века представлял собой рабочий класс Алжира, в значительной мере ввиду его национальной неоднородности, низкого уровня классового сознания и организации. К тому же алжирцы составляли в начале века не только наименее квалифицированную, но и численно меньшую часть

местного пролетариата, насчитывавшего в 1901 г. всего 42 928 человек, занятых на 10 327 предприятиях [139, стр. 72]. Число пролетариев-алжирцев, однако, росло довольно быстро: 20 тыс. — в 1902 г., 34 тыс. — в 1905 г., 64 тыс. — в 1911 г. Сюда входили и женщины-работницы (1520 в 1902 г., 7533 в 1905 г., 21 397 в 1911 г.), занимавшиеся в основном неквалифицированным трудом (тряпичницы, служащие и продавщицы). Для надзора за их трудом в 1909 г. была создана специальная инспекция.

Крайне неравномерно было качественное распределение алжирцев-рабочих: в г. Алжире уже в 1900 г. среди них были квалифицированные мастера и служащие трамвая, а в Оране — только чернорабочие и носильщики. Тем не менее начиная с 1900 г. рабочие-алжирцы уже участвовали в забастовочном движении при поддержке и поощрении местных организаций французских социалистов². Наиболее крупным их выступлением была стачка в 1907 г. одной тысячи докеров г. Алжира, объединенных в профсоюз, что вызвало специальное решение муниципалитета об «опасности публичных демонстраций туземцев» и одобрение им (вопреки протестам служащих) запрещения бастовать «не-гражданам» [113, стр. 848—850].

Хотя борьба за улучшение условий труда и повышение заработной платы, за применение к Алжиру французского социального законодательства велась с 1893 г., но до 1909 г. она была успешной только для рабочих-европейцев. Несмотря на некоторые достижения в этой области в 1909—1913 гг., рабочие-алжирцы в целом так и не смогли добиться полного уравнивания в правах с рабочими-европейцами. Социалистические идеи среди алжирцев, как и вообще в то время в арабских странах, были мало распространены или вовсе не известны. В какой-то степени они были знакомы лишь отдельным представителям интеллигенции, следившим за развитием социал-демократического движения в Европе. «При этом, — пишет советский исследователь проблемы З. И. Левин, — интеллигенция не углублялась в анализ социалистической мысли, ограничиваясь усвоением ходячих представлений о социализме, анархизме и других учениях и политических движениях» [44, 1968, № 5, стр. 60—61]. Рабочие-алжирцы, обладавшие в то время

классовым сознанием в самой зачаточной форме, составили поэтому стихийную базу не социализма, а молодого революционного национализма.

Именно во время одной из демонстраций бастовавших в 1910 г. рабочих (как алжирцев, так и европейцев) порта Филиппвиль (ныне Скикда) впервые было поднято национальное алжирское «зеленое знамя со звездой, использовавшееся манифестантами как символ рабочих требований». Пытавшийся его отобрать солдат был тяжело ранен стачечниками, а выступивший на митинге рабочий-итальянец сказал об алжирцах: «Сыны вечно свободной страны, они не забудут, что трехцветное знамя скоро ничего не будет значить и его место займет красное знамя цвета крови» [106, стр. 128].

Участие в подобных выступлениях (проходивших под лозунгами как социалистов, так и анархистов, а еще чаще — узко местных требований экономического характера) обогащало политический и организационный опыт молодого алжирского пролетариата. Однако основная масса рабочих-алжирцев в этих выступлениях не участвовала, будучи либо слишком поглощена заботой о куске хлеба, либо интересуясь в первую очередь выступлениями чисто антиколониального характера. К тому же вовлечению алжирцев в организованную борьбу местных профсоюзов и социалистической партии препятствовали слабость этих организаций, их поглощенность внутренними проблемами (в том числе трениями между французами и иностранцами), отрицательное влияние анархо-синдикализма и прочих мелкобуржуазных тенденций, более сильных в Алжире, чем во Франции.

Однако вполне созревшим «ассимиляционистам» была нужна сильная поддержка извне, которая бы стимулировала их выступления. Такой объективной поддержкой и своего рода первоизданным толчком явилась деятельность традиционных националистов, приобретающая под влиянием социальных сдвигов в Алжире новый характер.

Экономической и социальной базой для первых акций алжирских националистов явилось обогащение части коренного населения, а именно сельской верхушки³. Но, в отличие от обогащения городских купцов, чиновников и предпринимателей, оно не сопровождалось, как правило, улучшением общего положения обо-

готившихся и их социальным выдвижением⁴. Так возникал своеобразный слой «недовольных богачей», своего рода потенциальных деревенских буржуа, не имевших возможности немедленно воспользоваться своим богатством ввиду полного хозяйничанья колонистов во внутренней и тем более во внешней торговле Алжира, финансового, технического и культурного превосходства европейцев, ограничений «туземного кодекса», политики колониальной администрации и т. д. Многие из них тем не менее устремились в города, образовав «своего рода сельскую буржуазию из земельных собственников, осевших в городе». Здесь они обрели кроме несколько больших возможностей заняться торговлей или сделками с недвижимым имуществом также сочувствие и понимание со стороны «верных хранителей традиций старой андалусской цивилизации, которые долгое время были защитниками Алжира минувших времен» [113, стр. 823].

Однако этим защитникам оставалось все меньше и меньше из того, что можно было защитить. Вымирание, эмиграция или обнищание семей ранее именитых горожан подрывали традиционный образ жизни городского общества даже в оплоте традиционализма — Константине, где оно «вульгаризировалось сверху и нищало снизу». Массовое снижение жизненного уровня привело к невозможности по чисто материальным соображениям выполнять все предписываемые традицией обряды (чтобы «достойно» отпраздновать свадьбу, например, приходилось продавать семейный дом). У домов в начале века стали исчезать ниши, в которых раньше в определенные часы выставлялась еда для бедных, «дабы избавить их от унижения нищенства». На свадьбах и прочих празднествах перестали дарить резко подорожавшие драгоценности. Тюрбаны и бурнусы вытеснялись европейским платьем. Европейские кафе, банки, специализированная торговля, электричество постепенно внедрялись в быт мусульманской части города [31, стр. 11—14]. Все это озлобляло традиционную городскую верхушку (там, где она уцелела, т. е. преимущественно на востоке страны), заставляло ее еще больше замыкаться в «антиевропействе» и «антимодернизме».

Подобно тому как обедневшие крестьяне составляли костяк новых горожан, так и переехавшие в город сельские нувориши образовали довольно крепкую фрак-

цию традиционной мусульманской буржуазии, до того преимущественно торгово-ремесленной. Они так же, как и прочие группы этой буржуазии, радели о точном выполнении предписаний Корана, о необходимости защиты ислама и соблюдении прав кадиев, муфтиев и других служителей культа. Они с тем большим пылом выступали против всякой «модернизации», французского образования и политики ассимиляции, чем больше в городах появлялось склонных к ассимиляционизму интеллигентов и других представителей средних слоев, воспитанных во французской школе.

В сущности, по мере развития промышленности и капиталистической экономики в Алжире и приобщения к этому развитию алжирцев традиционная мусульманская буржуазия меняла свое лицо, все более включая в себя выбившихся из низов торговцев овощами и фруктами, спекулянтов зерном, табачных фабрикантов, владельцев маслобоен, мельниц, доходных домов, мавританских бань. Обзаводясь счетами в банке и приобщаясь к французской коммерческой практике, они стремились овладеть французской культурой, как таковой. Их дети и родственники получали современное образование, становясь врачами, адвокатами, фармацевтами, журналистами, офицерами. Число представителей этих профессий, однако, было ограниченным: в 1887—1911 гг. среднее и высшее образование на французском языке получили в Алжире всего 226 алжирцев. Более многочисленны были «традиционные» интеллигенты — служители культа, кадии, «укили» (нотариусы), военные переводчики, «ходжи» (секретари смешанных коммун и «арабских» бюро на территориях Юга). Колониальная администрация насчитывала до первой мировой войны в Алжире около 450 мусульманских «интеллигентов или полуинтеллигентов» [113, стр. 824, 1048]. Но в это число включены лишь получившие европейское образование (в Алжире, во Франции и других странах).

Различия между «традиционалистами» и «модернистами», иногда доходившие до враждебных столкновений как бы воплощали противоречие между духовным наследием и политическими целями алжирской буржуазии. Это противоречие так никогда и не было преодолено. Тем не менее дальнейшее усиление ассимиляционистского «модернизма» было следствием его большей

приспособленности к специфическим условиям алжирской ситуации, его большей перспективности и реальной выгодности для буржуазии, которая рассчитывала благодаря ассимиляции пробраться в ряды прижимавших ее колониальных хозяев. Но интересы алжирской буржуазии отнюдь не были идентичны интересам этих хозяев. Поэтому вышедшие из ее среды интеллигенты должны были неизбежно явиться выразителями настроений «недовольных богачей», которые тем острее чувствовали свое бесправие и бессилие, чем больше был разрыв между их потенциальными возможностями и претворением их в жизнь. «Этот класс, — писал Ажам, — послал своих детей в наши школы, наши колледжи и лицеи. Именно он породил этих молодых алжирцев, чья антифранцузская направленность, к несчастью, слишком известна» [30, стр. 23].

Связанная с недовольными буржуазными (а еще чаще потенциально буржуазными) кругами, по-европейски образованная и воспитанная интеллигенция постепенно становится той новой и относительно динамичной силой, которой выпала историческая задача попытаться мирным путем, не выходя за рамки ассимиляционизма и либерального соглашательства, добиться если не преобразования, то хотя бы благоприятной для алжирцев реформистской эволюции колониального строя. Столкнувшись с подобным мирным оппортунизмом, французы привыкли к нему настолько, что впоследствии сочли подлинный алжирский национализм «следствием неспособности французской политики направить стремления туземцев» [147, стр. 469]. Им не приходило в голову, что соглашательство «офранцузенных» — лишь этап в становлении алжирского национализма ⁵.

Традиционалисты

Прежде чем ассимиляционистское движение «молодых тюрбанов», как их называли колониалисты, вышло на политическую сцену Алжира, некоторый опыт борьбы успели накопить националисты традиционалистского толка. Ареной их деятельности стали города. Большинство городов, разоренных еще во время войны эмира Абд аль-Кадира, смогли восстановить свое значение как центров экономической и культурной активности *корен-*

ного населения лишь к началу XX в.: среди горожан в 1886 г. было 319 тыс. европейцев и 268 тыс. алжирцев, в 1906 г. — 468 тыс. европейцев и 411 тыс. алжирцев [24, стр. 22].

Исключением среди всех городов Алжира явилась Константина, верхушка которой (в основном алжиро-турецкая военная аристократия и традиционные наследственные правители сопредельных областей) после изгнания французами бея Ахмеда сотрудничала с колонизаторами. Связанный с этими феодальными коллаборационистами торгово-денежный патрициат также смог воспользоваться благосклонностью завоевателей и избежать хотя бы полного разорения. Он образовал здесь раньше, чем в других городах, «своего рода буржуазию, вначале робкую, сотрудничавшую, может быть, вопреки своей воле с колониальным режимом, но затем осознавшую свое значение и свою ответственность в стране, где царил произвол, а туземное общество распадалось с каждым днем, лишенное своих традиционных институтов и образования на своем языке» [156, стр. 180].

Именно мусульманская буржуазия Константины (1700 чиновников, промышленников, торговцев, муфтиев, улемов и муниципальных советников) выступила в 1887 г. с первой в истории Алжира петицией националистического характера, требуя отмены юридических ограничений, отказа от «натурализации», уважения мусульманских законов и учреждений [156, стр. 185—186]. При этом петиционеры обращались к французскому парламенту от имени всего Алжира. Очевидно, как раз в период между 1871 г. (когда нотабли Константины направили губернатору цитировавшееся выше и, возможно, продиктованное властями, раболепное послание) и 1887 г. произошел качественный сдвиг в настроениях этой наиболее влиятельной в стране мусульманской буржуазии наиболее сохранившегося из традиционных городов Алжира⁶. И если поводом для этого было усиление опасности обезличивания и офранцузивания алжирцев по мере успехов колонизации и роста численности (а также экономического и культурного влияния) европейцев, то одним из побудительных стимулов следует, несомненно, считать косвенное влияние ранее упоминавшегося «сельского патриотизма» неогорожан недавней формации⁷.

В 1891 г. последовало новое обращение мусульман — на этот раз Тлемсена (второго после Константины традиционного центра алжирской торгово-ремесленной буржуазии) — к правительству Франции, в котором говорилось об отказе от «натурализации», как несовместимой с их религиозными убеждениями («общество у нас, — подчеркивали тлемсенцы, — дочь религии»), и о нежелании служить во французской армии (в знак протеста против «туземного кодекса») [133, стр. 143—144]. Но в целом петиционеры-традиционалисты действовали нерешительно, ограничиваясь заявлениями и прошениями, и лишь иногда призывали к пассивному неповиновению⁸.

Во многом их нерешительность вызывалась тем, что колониальные власти внимательно следили за традиционалистами и придирались к каждому их шагу (например, шейх Салах Бен Махатна, начавший в 1898 г. в Константине проповедь реформы ислама и первым решившийся осудить «гидру марабутизма», был лишен своей богатой библиотеки и учеников, рассеянных по другим городам). Вместе с тем робость «патриотов ислама» в Алжире в некоторой степени объяснялась также тем, что они делали лишь первые шаги и часто действовали не столько из собственных побуждений, сколько под влиянием внешних событий: захвата Францией Туниса в 1881 г. и продолжавшегося до 1883 г. сопротивления тунисцев, движения Ораби-паши в Египте в 1882 г. и особенно длительного (1881—1898) восстания махдистов в Судане. В европейской прессе появлялись сведения, что суданский махди Мухаммед Ахмед даже посылал с 1883 г. особые миссии и отдельных марабутов в Алжир [106, стр. 132]. После гибели государства махдистов в 1898 г. (год очередной эмиграции из Алжира в «страны ислама») центром притяжения для традиционалистов становится Марокко. Под влиянием сопротивления марокканцев в области Орана разворачивается партизанское движение, принявшее особый размах в 1904 г. Одним из его героев был Абу Зиян аль-Галаи [101, стр. 8].

Но не подражательность все же была главной причиной первоначальной слабости традиционалистов, а их малочисленность, отсутствие на первых порах связи даже с городскими низами, боязнь репрессий со стороны казавшегося на вершине могущества колониального режима. Также следует считать одной из причин выявив-

шися довольно рано разногласия между разными фракциями городской элиты: традиционалисты («старые тюрбаны», как их называли) выступали за сохранение алжирцами своей самобытности, религии и образа жизни, а «мусульфранки» («мусульмане-французы», т. е. алжирцы — сторонники ассимиляции) единственный путь к освобождению от колониального гнета видели в слиянии алжирцев с французами.

Впоследствии «мусульфранков» стали называть «младоалжирцами» по аналогии с младотурками и противопоставлять их не столько традиционалистам, сколько мусульманам-коллорабационистам, служившим в колониальной администрации⁹. В новейшей алжирской историографии (например, в солидном труде Белькасема Саадаллаха) традиционалистов и младоалжирцев иногда называют «консерваторами» и «либералами», подчеркивая при этом незначительность разницы между ними и то обстоятельство, что «все они хотели использовать прессу как средство выражения национальных требований» [106, стр. 156].

Традиционалистов к большей активности подтолкнул наметившийся в начале XX в. подъем общеарабского патриотизма, охвативший определенные круги в арабских провинциях Османской империи. Этот подъем, длившийся с 1904 г. (момента возникновения «Лиги арабского отечества») по 1913 г. (созыва первого Арабского конгресса в Париже), несомненно, оживил деятельность традиционалистов. Однако его влияние все же было ограниченным. Алжирцам, в том числе получившим образование на Арабском Востоке и знакомым с жизнью Египта, Сирии или Хиджаза, проблемы, волновавшие египтян, сирийцев и ливанцев (в первую очередь — борьбы против османского гнета или британского засилья), были в основном чужды. Многие традиционалисты Алжира идеализировали Османскую империю и даже ее кровавого султана Абдул Хамида II, ждали помощи от «мусульман вообще», дифференцировать которых решительно отказывались. Идеи халифата и панисламизма для них еще сохраняли всю свою ценность. Уже начавшие возникать под пером Наджиба Азури идеи панарабизма стали известны в Алжире гораздо позже. В период же, предшествовавший первой мировой войне, отклики на события в странах Арабско-

го Востока носили преимущественно эмоциональный характер, а солидарность с другими арабами ощущалась в основном в сфере культуры, языка и религии.

Это не значит, что духовная жизнь алжирцев того времени не была самобытной. Расцвет устного народного творчества к концу прошлого века достиг апогея. В 1880—1910 гг. пережила взлет суфийская поэзия. С начала нынешнего века в Алжире заметен культурный подъем, ощущавшийся особенно в области поэзии, фольклора, музыки, театра и изобразительного искусства. Среди первых алжирских патриотов XX в. также было много мастеров культуры: поэты Бен Мухуб, Кахуль и аль-Маджауи, художники Омар и Мухаммед Расимы. Пробуждение патриотических чувств выразилось и во внимании к алжирскому диалекту арабского языка, первых попытках его использования на театральных подмостках, начавшемся собирании произведений народной музыки.

Традиционалисты по-настоящему смогли развернуть свою деятельность в самом конце XIX в. после создания в городах Алжире, Константине и Тлемсене частных арабских типографий. Ряд публицистов, религиозных и общественных деятелей, внесших вклад в арабоязычную культуру Алжира, были хорошо известны за пределами страны, поддерживая связи с Арабским Востоком. Таковы были ибадитский шейх Атфия (1819—1913), автор семитомного свода мусульманского права, Мустафа Ибн аль-Худжа (1865—1915), писатель-богослов и правовед, первым в Алжире поднявший вопрос о необходимости распространения образования среди мусульманских женщин. В это же время выступили реформатор завий Кабилии Мухаммед Ас-Саид Бен Зикри, пропагандисты религиозной реформы «саляфия» (т. е. «очищение») — по примеру Джамаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммеда Абдо в Египте — шейхи Хамдан Бен Луниси и Абд аль-КаDIR аль-Маджауи, часто печатавшийся в Сирии и Египте писатель и публицист Абд аль-Халим Бен Смайя, крупнейший филолог, писатель и литературовед (впоследствии член Арабской академии в Дамаске) Мухаммед Бен Шенеб. В Александрии в 1903 г. сын Абд аль-Кадира Мухаммед-паша издал книгу «Картина Алжира в подвигах эмира Абд аль-Кадира», получившую отклик среди образованных алжирцев.

В тесной связи с общим оживлением арабоязычной культуры начали публиковаться первые неофициальные труды по истории Алжира на арабском языке, написанные алжирцами Ибн Аммаром (1903), Ибн Мариамом (1907), аль-Вартилани (1908), аль-Кобрини (1910) на основе использования различных уцелевших семейных и частных архивов. Историк Абу-ль-Касим аль-Хафнауи, автор двухтомной энциклопедии выдающихся деятелей Алжира (1907—1909), писал о желании «изложить потомкам историю их предков» [173, стр. 21]. Однако крайняя узость круга арабоязычных читателей Алжира того периода существенно ограничивала возможности воздействия всех этих изданий и авторов на настроения алжирских мусульман; вплоть до 1918—1920 гг. они оставались более связаны с читателями Арабского Востока, нежели Алжира¹⁰. Их действия — скорее отголосок, нежели проявление отмеченного В. И. Лениным в начале XX в. «пробуждения Азии»¹¹.

Тем не менее консервативная на первый взгляд арабо-исламская традиция, сохранившаяся вопреки всем метаморфозам ассимиляторства, явилась вначале одним из главных источников возрождения на новой основе антиколониализма алжирцев. «Нашим самым большим желанием, — отмечалось в очередной петиции 1700 нотаблей области Константины в 1895 г., — самым дорогим для нас является сохранение нашего закона, шариата» [113, стр. 1025]. Эта позиция не была выражением религиозной косности или ортодоксальности, что отмечали и наиболее объективные французские историки.

«Ислам, — пишет Ш.-Р. Ажерон, — осознанно или неосознанно стал для всех очагом сопротивления христианам; поэтому для народного сознания было неприемлемо самое незначительное изменение традиционного статута» [там же, стр. 1026]. Характерно, что во Франции в конце XIX — начале XX в. наряду с подчеркиванием «полной подчиненности» и «замиренности» алжирцев высказывалась вместе с тем тревога по поводу недолговечности такого положения ввиду недовольства алжирцев их неравноправием и их отказа от ассимиляции. Сокрушаясь по поводу того, что им «магометанство мешает ступить на стезю прогресса», французские авторы, особенно военные, подчеркивали необходимость

«усилить надзор за деятельностью марабутов и религиозных братств» [179, стр. 14, 40—42].

Беспокойство традиционалистов по поводу возможных нововведений в системе управления и отправления мусульманского культа питалось также опасениями по поводу закрытия мечетей и уменьшения числа служителей культа. Эти специфические интересы узкой прослойки религиозных деятелей смыкались с общим недовольством народа колониальным режимом. Поэтому, например, все выступления против властей (наиболее крупными из них были бунт в Айн-Бассаме и протурецкая демонстрация в порту Алжир в 1906 г.) воспринимались колонизаторами как якобы результат влияния панисламизма. Даже реалистично мысливший губернатор Жоннар приказал в 1906 г. префектам закрыть все кофейни и арестовывать посещающих их алжирцев, а сам выступил (под псевдонимом) в парижской прессе с утверждением о «кипении волны панисламизма», якобы пришедшей в Алжир из Константинополя и Каира через Берлин [106, стр. 134—139]. Когда в 1907 г. встал вопрос о применении в Алжире к исламу принятого французским парламентом в 1906 г. закона об отделении церкви от государства, в стране произошли волнения, принявшие особенно серьезный характер в Тлемсене.

Надежды народа на освобождение от колониального ига в условиях, когда самим алжирцам это было еще не под силу, иногда связывались с ожиданием этого освобождения извне. По данным Ж. Депармэ, в 1907 г. не только богатые торговцы, но также чернорабочие и ремесленники в Алжире были твердо убеждены, что вмешательство Германии в дела Марокко (в связи с происками Франции) неизбежно и что, «вырвав эту страну из рук французов, немцы, объединившись с победоносной армией ислама, придут освобождать Алжир» [17, стр. 68].

Эти настроения особенно усилились после первых пограничных инцидентов, послуживших предлогом для оккупации французами в 1907 г. ряда районов Марокко. В связи с этим в 1908 г. в Алжире началась переписка юношей 18 лет, что было подготовкой к введению всеобщей воинской повинности. Реакция алжирцев была мгновенной. Тлемсенцы, протестовавшие против

«налога на кровь» еще в 1891 г., были близки к открытому бунту. В Милиане население единодушно отвергло проект введения воинской повинности, подчеркнув его губительность для алжирской семьи. Многие улемы-традиционалисты, например Бен Смайя (официально — профессор медресе в г. Алжире), отвергали воинскую повинность для алжирцев как «противоречащую их религии».

В 1908 г. представитель Тлемсена заявил, что примирить алжирцев с властями может лишь «политическая компенсация», т. е. предоставление им полных прав [173, стр. 21].

В течение всего 1908 г. уличные манифестации протеста, носившие в основном мирный характер, происходили в самых различных местах Алжира. Еще раньше, с 1907 г., в кофейнях и базарах начали распространяться листовки, «призывавшие к оппозиции и обвинявшие Францию в нарушении договора 1830 г.» [106, стр. 174, 205].

Интересно, что колонисты также были против введения воинской повинности для алжирцев. Их конгресс в 1908 г. решил: «Когда арабы пройдут через казарму, они станут плохими сельскими рабочими» [112а, стр. 228].

Борьба вокруг этой проблемы продолжалась и в последующие годы, ибо передовая часть общественного мнения алжирских мусульман отлично понимала всю степень заинтересованности Франции в получении алжирского «пушечного мяса» в условиях надвигавшейся войны с Германией. «Всего лишь 20 лет, — писал в 1913 г. М. Ажам, — как нехватка населения стала беспокоить наших государственных деятелей. С тех пор мы обратили взоры к Алжиру — не только источнику экономического богатства, но и резерву военной силы» [30, стр. 88, 91]. Предполагалось, что коренное население Алжира могло бы дать французской армии от 200 тыс. до 300 тыс. новобранцев [179, стр. 5].

Однако алжирцы не желали быть наемниками. «Мусульмане, не скрываясь, говорят о том, что они скорее уедут, нежели станут солдатами по принуждению», — доносил префект Орана [113, стр. 1026]. И это не было пустой угрозой. По некоторым данным, только из Тлемсена в то время эмигрировало до 1 тыс. молодых людей

призывного возраста [117, стр. 61]. Эта, по выражению французской прессы, «моральная эпидемия бегства из проклятой богом земли» произвела во Франции большое впечатление [173, стр. 22]. Тем более что за ней последовал исход «десятков тысяч туземцев департамента Константины, особенно уроженцев округа Сетифа» [196, стр. 10]. Тех же, кто решился служить французам, алжирцы полупрезрительно называли «бессиф», т. е. «принужденный мечом». Иногда они так называли весь колониальный режим, пользуясь созвучием этого слова с французским «репрессиф» [35, стр. 9].

В самых широких массах вызвали возмущение готовность части алжирцев, особенно офранцузенных, примириться с вмешательством «руми» в дела мусульманского культа, с восприятием культуры, «основанной на отвержении законов и обычаев ислама»¹². В этих настроениях получала отражение реакция традиционного общества на «противостоящий мир, материалистический и атеистический, приверженный к культу силы и денег». Именно на рубеже веков минувшего и нынешнего в алжирской устной и письменной литературе, особенно в поэзии, усиливается осуждение аморальности колонизации, ее грабительского и угнетательского характера, разлагающего влияния на алжирцев¹³. «Вот как кабилы отрекаются и становятся руми. Больше половины их дают себя завербовать», — в отчаянии писал народный поэт и сказитель Кабилии Си Моханд [113, стр. 1027].

Недовольство всеми проявлениями власти Франции резко усилилось¹⁴. Введение в Алжир сенегальских стрелков расценивалось традиционалистами как дополнительное унижение, ибо «генауа» при турках были рабами мусульман. В этих условиях возникали настроения и представления, продиктованные стихийной ксенофобией¹⁵. Начало французской интервенции в Марокко вызвало волну самых различных пророчеств о поражении французской армии, ее страхе перед марокканцами и т. п. Имели место многотысячные демонстрации протеста (перед мэрией Ровиги или в Джебель Надоре в 1908 г.), избияния кайдов и французских чиновников.

Младотурецкую революцию 1908—1909 гг. алжирцы встретили по-разному. «Алжирский консервативный класс, — пишет Б. Саадаллах, — не принял падения

Абдул Хамида II», которого наиболее реакционные из традиционалистов еще надеялись увидеть своим государем. Однако молодежь вскоре приветствовала «прогресс», который несли младотурки, и стала носить феску в знак симпатии к ним [106, стр. 135].

Традиционалисты по-прежнему направляли властям разного рода петиции, в которых содержались многократно повторявшиеся требования (но чаще просьбы и пожелания) об отмене проведенных колонизаторами экспроприаций, изменении «лесного кодекса» в интересах получения допуска в леса алжирским земледельцам и скотоводам, отмене разорительного закона о коллективной ответственности при пожарах¹⁶, облегчении и перераспределении налогового бремени, предоставлении туземным муниципальным советникам права участвовать в выборах мэров, ликвидации репрессивных трибуналов. Много было прошений о восстановлении прав арабского языка, развитии арабоязычного образования, создании профессиональных школ и допуске алжирцев к высшему образованию, ибо «образованный туземец с помощью науки отвергнет и победит несправедливость» [113, стр. 1028—1029].

Усиление влияния традиционалистов косвенно отразилось во внимании, которое стало оказываться местным арабоязычным изданиям¹⁷. В 1906—1907 гг. в г. Алжире выходил литературный двухмесячник «Аль-Ихья» («Оживление»), в 1907—1914 гг.— еженедельник «Кау-каб Ифрикийя» («Звезда Африки»), издававшийся одним из первых в Алжире сторонников обновления Махмудом Кахулем, который держал своих читателей в курсе дел, волновавших мусульманский мир, часто давал выдержки из тунисских газет и много места уделял арабской культуре, особенно литературе и театру¹⁸.

Некоторые традиционалисты, получившие образование и на арабском, и на французском языках, пытались найти компромисс с Францией и побудить ее изменить свою политику в Алжире. Один из них, крупный востоковед Мухаммед Бен Раххаль, член французского Азиатского общества, еще в 1901 г. прямо предупреждал правящие круги Франции: «В двадцатом веке обязательно произойдет либо улучшение франко-мусульманской политики, либо катастрофа. Если африканский западный ислам не будет цивилизован Францией и для Франции,

то он цивилизуется вопреки ей и против нее» [113, стр. 1030]. О том, что это предупреждение не было принято во внимание, свидетельствовало, в частности, требование 340 петиционеров Медеи в декабре 1911 г., чтобы с ними «обращались, по крайней мере, по-человечески» [168, стр. 63].

В то же время некоторые наиболее дальновидные европейцы были не на шутку встревожены успехами традиционалистов. С мифом об алжирцах, как «благочестивых» жителях «Берберии», в которых лишь «4—5% арабской крови» и которым-де арабский мир чужд, было покончено. Не случайно вышедшая в 1913 г. книга редактора одной из наиболее распространенных газет алжиро-европейцев «Депеш де Константин» Андрэ Сервье так и называлась — «Мусульманский национализм в Египте, Тунисе и Алжире». В ней прямо говорилось о «ненависти к Франции» и «стремлении алжирцев сбросить французов в море». За один год книга выдержала три издания [106, стр. 113].

Основные политические и религиозные идеи Арабского Востока становились близки особенно тем алжирцам, которые умели читать по-арабски. Еженедельник «Аль-Магриб», издававшийся на арабском языке в 1903—1913 гг., проповедовал в Алжире взгляды Мухаммеда Абдо, а сам Абдо считал его «полезным для алжирцев» [106, стр. 157]. «Аль-Магриб» сменила газета «Зуль-Факар» (1913—1914). Ее редактор ас-Санхаджи Бен Мансур признавал Абдо «религиозным наставником». Еженедельник «Аль-Фарук» (с 1913 г.) также руководствовался «принципом религиозного и социального реформизма», называя себя «исламским, патриотическим и воспитательным изданием» [169, стр. 36]. Вопреки запрету в Алжир проникали также сирийские и египетские издания, выступавшие «за подлинный панисламизм и против французского присутствия». В них нередко эмигранты из Алжира призывали соотечественников «отвергнуть западничество»¹⁹.

Специфика ситуации в Алжире в начале века заключалась в том, что даже традиционалисты, чувствуя прочность многочисленных связей Алжира с Францией и свою относительную слабость перед лицом колониального режима, не решались открыто называть себя националистами. Они еще не смели тогда сказать (как 40 лет

спустя), что «колонизация, как и война,— бедствие, и ее необходимо стереть с лица земли» [17а, стр. 13]. Тот же Бен Раххаль, «традиционалист-реформатор», в беседах с группой французских депутатов заявлял: «Я ничего не знаю ни о каком панисламизме или национализме в Алжире. Если вы однажды их обнаружите, то именно вы, французы, будете теми, кто их выдумал» [106, стр. 183]. Несмотря на наличие у традиционалистов определенного влияния в массах (их сторонников в 1914 г. насчитывалось, по мнению французских наблюдателей, несколько тысяч, в основном в городах), они были политически робки и неумелы, так как не были по-настоящему организованы и представляли собой даже не зародыш партии, а неоформленное и достаточно пестрое движение, способное стать источником формирования нескольких политических течений и направлений. Недаром в «Требованиях алжиро-тунисского народа», представленных алжирскими эмигрантами-традиционалистами (совместно с младотунисскими лидерами) уже после войны, в 1919 г., они не шли дальше довольно общего требования независимости и жалоб по поводу того, что «с алжирским мусульманином и в наши дни обращаются, как с побежденным; он не пользуется никакой защитой, никакой свободой» [21, стр. 5].

Традиционалисты явились как бы первой волной возрождавшегося на новой основе алжирского национализма. Многие их требования были впоследствии подхвачены более просвещенными и гибкими приемниками.

Из списка этих требований (равное представительство с европейцами, налоговое равенство, признание панисламизма, отказ от натурализации и принудительной военной службы, отмена «туземного кодекса» и всех других репрессивных мер, восстановление шариата, уважение алжирских обычаев и традиций, распространение и реформа арабоязычного образования, отказ от насилия, свобода эмиграции), обобщенного Б. Саадаллахом [106, стр. 170], лишь три или четыре могут считаться специфически «традиционалистскими». Но, борясь против колонизации и ассимиляции, они в то же время во многом выступали и против более гибкой тактики и более передовых методов борьбы, предлагавшихся алжирскими интеллигентами французской школы, т. е. «против

прогресса вообще и освобождения Алжира путем просвещения», что делало из них, по словам Саадаллаха, «националистов и врагов национализма одновременно» [106, стр. 171]. Колониальная администрация широко пользовалась этим обстоятельством в своих целях, ловко маневрируя и умело противопоставляя друг другу различные фракции алжирской элиты. К тому же традиционалисты были в дальнейшем также ослаблены эмиграцией некоторых лидеров (например, Хамдана Бен Луниси в 1910 г.) на Восток и переходом других (например, Мулуда Бен Мухуба) на позиции просветительства более широкого диапазона, которое учитывало необходимость усвоения достижений европейской культуры.

Младоалжирцы

«Колониальное общественное мнение, — пишет Ш.-Р. Ажерон, — в своем республиканском рвении не прекращало клеймить мусульман-традиционалистов как фанатиков и клерикалов, приверженцев религиозных братств, политически неустойчивых ввиду своего лицемерия, поборников интеллектуальной узости. Однако, когда появились *младоалжирцы*, тон изменился, и многие не поколебались провозгласить *старых тюрбанов*, «которые нам всегда хорошо служили», мудрецами, верными своей вере, честными и преданными пастырями своего стада, искренними друзьями Франции. Отныне они казались не опасными личностями, а «мирными и практичными людьми», так как заявляли о нежелании натурализоваться в качестве французов и получить политические права, а также демонстрировали свою оппозицию *младоалжирцам*» [113, стр. 1030]. Одной из мелких уступок традиционалистам явилось введение в 1909 г. в официальном еженедельнике «Аль-Ахбар» (выходившем с 1839 г.) двух полос на арабском языке [106, стр. 156].

Поколение младоалжирцев появилось на политической сцене Алжира примерно в 1900 г., но первые упоминания о них относятся к 1892 г.²⁰ Поощряемая Ж. Камбоном новая мыслящая элита, воспитанная во французских учебных заведениях, громко заявила о себе. «Почему вы отказываете нам, — приводил ее требования

в 1894 г. нотабль из Константины Т. Морсли в брошюре „Вклад в изучение туземного вопроса“, — в возможности защищать наши интересы в выборных советах в самой колонии и посылать к вам в Париж представителей по нашему выбору, знающих наши чаяния, интересы и нужды?» [198, стр. 20]. В моменты острой напряженности в отношениях между французским правительством и «сеньорами» колонизации подобные вопросы «новой волны» ассимиляционистов-«мусульфранков» охотно подхватывались «арабофилами» в метрополии. На это и делали ставку младоалжирцы, представлявшие собой, по мнению Б. Саадаллаха, «национальное движение, преследовавшее целью освобождение страны законными политическими средствами и использовавшее в большинстве случаев западные методы» [106, стр. 113]. В 1897 г. была даже попытка пригласить в Париж на совещание французских востоковедов образованных по-французски алжирцев, дабы создать из них «туземную либеральную партию» европейского образца, которую можно было бы противопоставить «старым тюрбанам».

В 1900 г. направленная в Алжир новая парламентская комиссия столкнулась, особенно в Боне и Тлемсене, с требованиями «мусульфранков» предоставить право голоса грамотным алжирцам, а также торговцам и промышленникам, дать муниципальным советникам-алжирцам возможность участвовать в выборах мэра и его «туземного» помощника²¹. В дальнейшем эти требования неоднократно повторялись в многочисленных петициях, направлявшихся «молодыми тюрбанами» (как их предпочитали называть французы) в палату депутатов Франции. Лейтмотивом их была просьба к «Республике, всегда верной своим принципам поддержки слабого», предоставить «необходимые права всем, а не только французам»²².

В 1901 г. арабисты Дуттэ и Марсэ, называли представителей молодой алжирской интеллигенции «младотурками», стремящимися добиться синтеза ислама и европейской цивилизации²³. При этом Марсэ, директор медресе в Тлемсене, явно ориентировался на своих воспитанников и считал, что их надо всячески поощрять. Но число студентов медресе в Алжире было крайне ограниченным: в 1901 г. — 32, в 1904 г. — 46, в 1907 г. — 66 [113, стр. 1032]. Более многочисленны (а главное влиятельны)

были выходцы из старинных знатных фамилий, журналисты, учителя, служащие, врачи, а также младшее поколение чиновничьих семей, недовольное былым прислужничеством своих родителей колонизаторам. Среди них не было единства: некоторые выступали за полную ассимиляцию и больше против предрассудков мусульман, чем против колониализма, осуждая в первую очередь «фанатизм», «национальную вражду», «оппозицию прогрессу и подлинному исламу», а заодно — ношение бурнуса и огромной чалмы [106, стр. 194]; другие упирали на необходимость предоставления алжирцам более широких прав и возможностей при сохранении традиционного наследия. Но и те и другие требовали «прогресса» и развития «современного», т. е. франкоязычного, образования в Алжире²⁴.

Разумеется, подобная позиция не могла быть одобрена традиционалистами. Поощрение ее со стороны «арабофилов» Франции создавало впечатление колониалистского маневра, направленного на раскол антиколониальных сил. Несомненно, попытки такого маневра имели место. Но суть разногласий «старых тюрбанов» с младоалжирцами заключалась не в этом, а в глубоком различии социально-культурной и политико-идеологической формации тех и других. Поэтому вряд ли прав Огюстен Бернар, утверждавший, что традиционалистов и младоалжирцев разделяли «не столько программа, сколько личное соперничество». Но он был, безусловно, прав в том, что и те и другие игнорировали феллахов, «весьма, в свою очередь, индифферентных к политике» [122, стр. 386].

Младоалжирцы с самого начала столкнулись не только с оппозицией мусульманских националистов, но также и мусульманских коллаборационистов, т. е. башага, ага, кайдов, духовенства и кади. Осуждая их как «феодалный анахронизм», младоалжирцы ставили себя в трудное положение: всякая легальная политическая деятельность (а они хотели и могли действовать только легально, за что их называли «асхаб аль-булитик», т. е. «политиканы») на местах зависела именно от «туземных» чиновников, которые, подсказывая властям «желательные» кандидатуры на посты в администрации, во многом определяли состав выборных представителей от алжирцев.

Например, 3 арабских представителя в Финансовых делегациях от департамента Алжир избирались всего 453 лицами, главным образом каидами и прочими чиновниками [113а, стр. 256].

Дополнительные осложнения зарождавшемуся движению младоалжирцев принес визит в Алжир великого муфтия Египта Мухаммеда Абдо в 1903 г., призывавшего к «терпению» и «самоотречению», а во время проповеди в Константине — прямо осудившего страсть к политике («политика — причина всех зол») и поименно некоторых «младотурок» Алжира. Но в силу отрыва Алжира от остального арабского мира осуждение большого значения не имело и почти сразу было забыто, так как Абдо одновременно издал в Алжире фетву, разрешающую мусульманам носить европейские шляпы и есть мясо животных, зарезанных не ритуальным способом. Фетва вызвала протесты ортодоксов и их жалобы в Каир [112а, стр. 220—221]. Эпизод лишний раз свидетельствовал о специфике обстановки в Алжире, дезориентировавшей даже такого политически опытного деятеля, как Абдо.

В то же время младоалжирцам косвенно помогло отождествление их во Франции с младотурками, которых там считали либералами и антиклерикалами. Не случайно их главным заступником в Париже стал депутат-радикал Альбэн Розэ, бывший французский дипломат в Турции, близкий в свое время со многими младотурками. Однако в 1910—1912 гг. в связи с возрождением шовинизма младотурок и их сближением с Германией либеральная пресса Франции перестала называть младоалжирцев «младотурками», хотя это по понятным причинам продолжала делать пресса колонистов в Алжире, настаивавшая на «панислализме» и «туркофилии» младоалжирцев, а также называвшая Альбэна Розэ не иначе как «Али Бен Розэ» [112а, стр. 223, 232].

Постепенно активность младоалжирцев под влиянием младотунисцев в соседнем Тунисе (а вовсе не «слишком далекой Турции или малознакомого Египта», по мнению некоторых французских историков), поощрений «арабофилов» метрополии, конкуренции традиционалистов и распространения либеральных идей из Франции, в которой усиливалось влияние левых партий, принимает организованные формы. По образцу тунисских

просветительских обществ «Халдунийя» (с 1896 г.) и «Садыкийя» (с 1905 г.) возникают соответствующие франко-туземные ассоциации и в Алжире, обычно во главе с местными либералами-европейцами. Первая такая ассоциация — «Рашидийя» («Следующая верным путем») — была создана в г. Алжире в 1902 г. учителем Саррун в целях взаимопомощи выпускников франкомусульманских школ и дальнейшего просвещения алжирцев. К 1908 г. она оказывала материальную помощь 8 школам, организовывала курсы для взрослых, библиотеки, лекции на арабском языке. С помощью ряда примкнувших к ней именитых лиц ассоциация в 1910 г. создала свои филиалы в других городах. Только в г. Алжире она насчитывала 251 сторонника, включая известного младоалжирского деятеля Бен Брихмата, традиционалистов Бен Смайя, аль-Хафнауи и Бен Раххаля [106, стр. 162—163]. Входящий в нее муфтий г. Алжира Бен Зикри заявил, что ислам одобряет изучение наук и языков [112, стр. 225].

Не менее влиятельным стал «Кружок Салах-бея», с 1907 г. занимавшийся в Константине литературными, научными, социальными и экономическими исследованиями²⁵. К 1910 г. в его рядах было 700 членов (в том числе 500 слушателей специальных курсов общеобразовательного характера, а также по изучению искусств и ремесел)²⁶. Вскоре возникают идентичные ему «Содружество современных наук» (Хеншела), «Кружок молодых алжирцев» (Тлемсен), «Братство» (Маскара), «Полумесяц» и «Кружок прогресса» (Бон), «Исламское общество» и «Садыкийя» (Константина), «Союз» (Паликао)²⁷. Ассоциация «Туфикийя («Согласие»), возникшая в 1903 г. в г. Алжире, в 1908 г. была объявлена «Обществом благотворительности и научно-литературного образования», а в 1911 г. реорганизована в политический клуб, имевший свыше 250 приверженцев [113, стр. 1034].

«Туфикийя» — наиболее значительная из возникших в то время алжирских ассоциаций. Ее председателем стал доктор Бентами, вице-председателем — этнограф и лингвист Суалах. В уставе ассоциации целью ее провозглашалось объединение всех алжирцев, «жаждущих просвещения, развития научной и общественной мысли». Характерна тематика публичных лекций, организо-

ванных ассоциаций в 1911 г.: «Выгоды просвещения», «Общее мусульманское право», «Арабская цивилизация», «Основные черты современного человека», «Враждебная исламу литература», «Наполеон в Египте» и т. д. Примерно такова же была тематика лекций ассоциации «Рашидийя» (в 1907 г.): «Солидарность и братство мусульман», «История арабской медицины», «История арабской литературы», «Шариат в Алжире с 1832 г.», «Арабская цивилизация до и после ислама», «Политический строй Франции», «Согласие между исламом и прогрессом», «Франция: свобода и французское превосходство». Лекции читались и по-французски, и по-арабски [106, стр. 160—163].

Наряду с этими обществами, явившимися как бы первичной формой организации младоалжирцев (для традиционалистов такой формой чаще всего было собрание в ближайшей мечети или завии марабутского братства), большую роль в становлении их тенденции сыграла пресса. Значение ее понимали (а также располагали средствами, помещениями и связями с властями) лишь немногие выходцы из интеллигенции, чиновничества, образованной буржуазии. Поэтому «первые алжирские публицисты, ведущие журналисты были представителями этой... элиты» [88, стр. 58]. Основывая свои собственные газеты, некоторые из них подчеркивали лишь «цивилизующее призвание» прессы (например, Шериф Бен Хабилес) и даже пытались убеждать колониалистов, что критика этой прессой порядков в Алжире — «в интересах самой Франции» [106, стр. 157].

Пока что остается неизученным вопрос о влиянии на движение младоалжирцев в начальный его период социалистического движения во Франции. Внутренняя борьба в социалистических организациях между гедистами, жоресистами и бланкистами долго мешала выработать единое отношение к алжирской проблеме. После ликвидации формального раскола социалистов в 1905 г. единой точки зрения на данную проблему также не возникло (осуждение гедистами колониализма как «худшей формы капитализма» и «колониального флибустьерства» большинством отвергалось), хотя в общем преобладала линия Жореса.

Сам Жорес, в 1884 г. призывавший «помочь французским колонистам в деле морального завоевания и

ассимиляции» алжирцев (хотя и приветствовавший в 1883 г. ограничение парламентом земельных экспроприаций в пользу колонистов), по-настоящему занялся Алжиром после своей поездки в колонию в апреле 1895 г. В ассимиляции он видел тогда благо, ибо считал под влиянием Ренана, что «арабская раса» якобы потеряла «возможность интеллектуальной и моральной адаптации». Но уже в 1896 г. Жорес выступил за «гуманные предложения» и «необходимые протесты» против «господства Франции над арабами», а в 1898 г. призвал «превратить арабов в граждан с правом на законное представительство и часть политической власти», заявив о намерении «освободить туземцев Мадагаскара и Алжира, так же как пролетариев Франции, от их эксплуататоров». Долгом социалистов Франции, по его мнению, было показать европейским трудящимся Алжира «неотделимость их судьбы от арабского вопроса». После осады алжирцами Маргерита в 1901 г., друзья Жореса подчеркивали необходимость скорейшего «допуска в гражданскую жизнь» тех, кто «завтра может стать мятежником» [113а, стр. 152—167].

Практически партия, слишком поглощенная проблемами Франции и II Интернационала (от имени которого в 1903 г. в Алжир приезжал Ван Коль, поразившийся «ничтожности» местных чиновников и враждебности европейцев Парижу), передоверила алжирские дела своим местным активистам в Алжире, мало интересовавшимся до 1902 г. положением алжирцев. Даже на своем IV съезде в 1901 г. социалисты Алжира ограничились резолюцией, обязывавшей «сознательных трудящихся бороться против капитала независимо от различий национальности, расы или религии» [113а, стр. 167]. На V съезде в Константине в 1902 г. было, однако, обращено внимание «алжирского пролетариата» (т. е. рабочих-европейцев) на положение «туземцев» (выдвинуты требования их равной с европейцами оплаты, обязательного и бесплатного их обучения, но на французском языке, с одновременным запретом читать «арабские газеты»). Объявлялось также прямой обязанностью партии «защищать их (алжирцев. — *Р. Л.*) в любом случае» [130, стр. 203].

Это было ничтожно мало; однако нельзя исключать, что предложенная съездом «цивилизация и эмансипа-

ция араба» могла явиться в некотором роде побудительным стимулом для ассимиляционистского просветительства и стремления к политическому равноправию, характерных для первых выступлений младоалжирцев, тем более что после 1902 г. социалисты Алжира приняли ряд шагов по распространению среди алжирцев идей марксизма. Характерен также интерес, который стали проявлять алжирцы к деятельности социалистов именно в первом десятилетии нашего века, т. е. в годы подъема младоалжирского движения²⁸. Вполне вероятно, что и формы организации младоалжирцев (кружки, общества, газеты) также могли возникнуть в результате знакомства с историей рабочего и социалистического движения во Франции и других странах Европы.

Первой газетой младоалжирцев стал билинг «Аль-Мисбах» («Светильник»), издававшийся в Оране с июня 1904 г. тлемсенским учителем Ларби Фахаром с помощью своего брата Бен Али Фахара, преподавателя в Лионе. Этот еженедельник именовался «газетой Малой Африки» [106, стр. 156] и выступал за «соединение французов и арабов», «за Францию и с помощью Франции», за пробуждение «алжирских туземцев от апатии», за изучение «современных наук», ибо, по мнению редакции, «наши традиции и тем более наши религиозные убеждения не пострадают, если мы спросим себя, не достойны ли мы лучшей участи». Мало занимаясь политикой (лишь однажды затронув вопрос о праве алжирцев в муниципалитетах избирать мэра), газета больше заботилась об «интеллектуальном пробуждении арабской расы», но путем создания элиты, которая бы «объяснила невежественной массе блага цивилизации». Имея всего 1700 подписчиков, газета через год прекратила существование [113, стр. 1035]. Однако Бен Али Фахар продолжал активно выступать во французской прессе, заметив, в частности, в 1909 г., что «мысль о прогрессе живет в Алжире уже несколько лет» [106, стр. 135].

С октября 1906 г. стал выходить «Аль-Хильяль» («Полумесец») так же, как «Аль-Мисбах», на двух языках — арабском и французском. Рассчитывая на «возрождение ислама с Францией, ради нее и с ее помощью», редакция сумела выпустить всего 12 номеров,

в которых требовала отмены специальных трибуналов для коренного населения. Вскоре после этого в мае 1907 г. появился уже упоминавшийся еженедельник «Каукаб Ифрикийя», выступавший «за цивилизацию и человечество», за сближение интересов «двух рас». Под именем «Каукаб аль-джазаир» («Алжирская звезда») он выходил вплоть до 1914 г.

В 1909 г. возникают первые подлинно политические газеты младоалжирцев — «Ле Мюсюльман» (арабо-французский еженедельник) в Константине и «арабская газета на французском языке», основанная в Боне Тебибалем Абд аль-Азизом под названием «Л'Ислам». Вскоре она была переведена в г. Алжир ее директором Садеком Данданом, бывшим чиновником²⁹. Имея подзаголовок «Еженедельный демократический орган алжирских мусульман», газета насчитывала среди своих сотрудников немало французов и была наиболее представительным и технически совершенным органом младоалжирцев. Именно она и закрепила за ними это название, постаравшись придать ему даже оттенок «французского патриотизма» и противопоставления партикуляризму алжиро-европейцев³⁰. В ноябре 1910 г. тем же Тебибалем, принявшим французское гражданство, в Боне был основан новый еженедельник «Л'Этан-дар альжерьен» («Алжирское знамя»), придерживавшийся той же ориентации и считавший себя «знаменем эволюции, необходимой для туземцев и выгодной для Франции». С октября 1910 г. в Оране стала выходить газета «Эль-Хакк» («Право»), выступавшая против колонизации более резко, чем другие, и даже имевшая подзаголовок «Младоегиптянин».

В январе 1911 г. в г. Джиджелли (побережье Малой Кабилии) возникла газета «Рашиди» («Разумный»), издававшаяся финансовым делегатом Хадж Аммаром и Лэнгуа до 1914 г. в качестве «органа туземных интересов и франко-мусульманского союза»³¹. Влияние этой газеты на всех младоалжирцев было столь значительно, что Ажам, раньше именовавший младоалжирцев «молочными тюрбанами», в 1912 г. стал называть их «рашиди-стами». Среди прочих органов младоалжирской прессы «Рашиди» была не только влиятельной, но и наиболее типичной. Отстаивая политические интересы поднимавшегося поколения алжирской интеллигенции, иногда

даже поддерживая те или иные манифестации против властей, газета всегда старалась все свои требования подавать сквозь призму союза с Францией. В частности, 18 мая 1912 г. «Рашиди» так сформулировала позицию младоалжирцев по вопросу о воинской повинности: «Мы согласны подчиниться налогу на кровь, а в качестве награды за нашу службу требуем лишь предоставления прав французского гражданина» [133, стр. 66]. Любопытно, что определенная часть французских военных кругов уже в 1903 г. считала возможным пойти на это, в частности «расширить права» алжирцев и поднять предел их продвижения по службе, ибо даже «натурализованный» алжирец мог в то время дослужиться лишь до капитана [179, стр. 20].

Все эти газеты, за исключением «Эль-Хакк» и некоторых других, выходивших в те же годы под характерными заголовками «Ле Куражё» («Храбрец»), «Ле Ту у рьен» («Все или ничего»), не ставили под сомнение французский суверенитет над Алжиром³². В качестве владельцев их, как правило, выступали французы или лица, получившие французское гражданство (что давало возможность избежать множества ограничений, предусмотренных для алжирцев), в качестве редакторов — алжирцы. При этом газеты и их сотрудники неоднократно подвергались преследованиям властей³³. Опасаясь «сентиментальности метрополии», администрация в Алжире изображала требования младоалжирцев «национальным движением против французской оккупации» [111, стр. 72]. О том, что это было совсем не так, свидетельствуют неоднократные объяснения младоалжирцев в любви к Франции, их привязанность к губернатору Жоннару и даже их участие в прессе алжиро-европейцев³⁴.

Кроме петиций, создания различных кружков и обществ, пропаганды в прессе младоалжирцы не чурались и прямых политических действий. На муниципальных выборах в мае 1908 г. в г. Алжире были избраны два младоалжирца — Бентами и Бен Брихмат. Они решили воспользоваться благоприятной обстановкой после победы младотурецкой революции в июле 1908 г. (во Франции ее прославляли все умеренно-левые, считая результатом «импорта западного идеала в Турцию») для защиты своих позиций. По их инициативе осенью

1908 г. была послана во Францию первая делегация во главе с адвокатом Бударбой (ранее, в 1903 г., основавшим «Комитет защиты интересов мусульман»), которая изложила требования младоалжирцев премьер-министру Клемансо³⁵. Этот демарш и некоторые другие (например, выступление преподавателя арабского языка в Высшей коммерческой школе Лиона младоалжирца Бен Али Фахара) побудили губернатора Жоннара представить в декабре 1908 г. проект «более активного участия туземцев в нашей общественной жизни и смягчения чрезвычайного режима, которому они подчинены». Но преемник Жоннара Люто, быстро нашедший общий язык с «сеньорами», сделал все, чтобы похоронить этот проект.

В поддержку своих требований младоалжирцы проводили митинги и демонстрации. Один из первых крупных митингов был созван ими в Боне в декабре 1909 г.³⁶ Но после замены Жоннара они стали подвергаться гораздо большему преследованиям и ограничениям со стороны властей (в частности, организованные ими в 1911 г. демонстрации протеста против фальсификации властями местных выборов были разогнаны), с одной стороны, и более яростным нападкам «старых тюрбанов» — с другой³⁷. Поэтому наиболее эффективными средствами борьбы для них оставались печать и посылка делегаций в Париж. Их протест к тому же ограничивала и прямая материальная зависимость от колониальной администрации: например, в департаменте Константина все шесть генеральных советников-алжирцев служили чиновниками [126, стр. 34].

Враждебность традиционалистов и младоалжирцев не помешала им, однако, совместно протестовать против захватов в 1911—1912 гг. соседних арабских стран: Марокко — Францией, Триполитании — Италией. Имели место манифестации перед консульством Италии в Алжире или призывы к бойкоту итальянских товаров и сбору средств для турецких войск, сражавшихся против итальянцев [173, стр. 23]. Алжирская национальная пресса всех направлений повела кампанию против Италии и в поддержку турок. Алжирцы различных взглядов выступали с антиитальянскими заявлениями и совместно создавали комитеты Красного Полумесяца. Имели место стычки между алжирцами и итальянцами, особен-

но острые в городах Алжире, Боне и Бужи [106, стр. 138]. Младоалжирцы организовали сбор средств для раненных в Триполитании турецких солдат: 28 828 фр. в Орании (по призыву «Эль-Хакк»), 37 172 фр. — в районе г. Алжира (под эгидой «Л'Ислам»). Однако религиозные деятели-традиционалисты в Константине сумели собрать гораздо больше — 344 тыс. фр.

О том, что часть младоалжирцев была не прочь объединиться с традиционалистами, свидетельствует несколько специфическая позиция газеты «Эль-Хакк», издававшейся французским торговым агентом Тапье (которого непрерывно преследовала полиция) и группой анонимных буржуа-алжирцев, из которых был известен лишь торговец Ахмед Дрисси. Избрав эпитафией слова Наполеона III («Я хочу, чтобы вы больше участвовали в управлении вашей страной»), газета в то же время восхваляла Коран как «уголовный, гражданский и религиозный кодекс и многое другое». Статьи в «Эль-Хакк» подписывались «сугубо младотурецкими» псевдонимами. В 1912 г. «Эль-Хакк» на деле примкнул к традиционалистам, назвав младоалжирцев «политиканами в европейской одежде» и призвав направить в Париж делегацию «отцов семейств, которые отказываются отдавать румы своих детей в 18 лет». Такая делегация (из семи землевладельцев и торговцев, грамотных по-арабски и ранее совершивших хадж в Мекку) во главе с ранее упоминавшимся Мухаммедом Бен Раххалем действительно ездила во Францию в декабре 1912 г., но ничего не добилась от президента Фальера и премьера Пуанкаре, несмотря на содействие депутатов Розэ и Мессими [113, стр. 1044—1045]. В целом весь период 1906—1912 гг., характерный острой борьбой вокруг проектов привлечения алжирцев на военную службу, отмечен частыми совместными выступлениями традиционалистов и младоалжирцев.

После введения в Алжире в феврале 1912 г. воинской повинности на условиях, отличавшихся от принятых во Франции (практически это был выборочный рекрутский набор с премиями и удлиненным сроком службы), печать младоалжирцев повела агитацию под лозунгом: «Равенство при прохождении воинской службы с нашими французскими братьями»³⁸. Реакция

масс (стихийная или же инспирируемая традиционалистами) была крайне враждебной: многотысячные толпы выкрикивали лозунги протеста у префектур и мэрий (например, в Тлемсене, Недроме), забрасывали камнями чиновников (в Медеа, Бордж-Бу-Арреридже), передавали властям петиции, составленные в небывало резких выражениях. Наблюдалось уклонение от мобилизации: в Батне для прохождения службы явились всего 25 из 141 призывника, в Недроме — 1 из 160. «Эль-Хакк» с удовлетворением сообщала, что жители Недромы предпочли бежать в Танжер, чтобы не служить во французской армии [173, стр. 23].

В подобной обстановке непопулярным, но тактически гибким было следующее кредо младоалжирцев: «Обязательная воинская служба будет добровольно принята нами, так как мы видим в ней признак доверия, которое постараемся оправдать». В обмен за это они снова требовали отмены «туземного кодекса» и налоговых различий, расширения образования, увеличения представительства алжирцев в выборных органах самоуправления и предоставления им французского гражданства при сохранении статуса мусульман, т. е. без религиозно-юридического офранцузивания [117, стр. 61].

Впоследствии (в 1918 г.) социалист Мутэ в своем докладе палате депутатов указал на требования, выдвигавшиеся лидерами младоалжирцев Бентами, Мусой и Мухтаром Хаджем накануне войны: учреждение мусульманской коллегии, равноправной с европейской, на выборах всех ступеней, участие алжирцев в выборах мэра, несовместимость выборного поста с должностью каида или любого чиновника, предоставление гражданских прав «без всяких формальностей» тем, кто служил в армии, и т. д. [174, стр. 26—27]. При этом некоторые из них пытались настроить в свою пользу даже колонистов. «Наши надежды и требования... справедливы и законны», — писал, например, в редакцию влиятельной на востоке Алжира газеты «Депеш де Константин» Мухтар Хадж, подчеркивая, что выражает также мнение и своих друзей. Он и «его друзья» старались доказать, что реализация их требований будет также «полезна и для французской администрации». В таком же духе выступали и некоторые другие лидеры младоалжирцев, готовые иногда признать даже «экономические и социаль-

ные благодеяния» колонизации, осуждая при этом самих колонистов как «расистов и поработителей» [106, стр. 189—190]. Характерно, что, выдвигая в это время различные планы реформ, они неизменно подчеркивали «справедливость, правоту и доброжелательность» Франции.

Наиболее значителен был план, благожелательно прокомментированный в газете «Тан» и представленный 9 нотаблями (7 — из Константины, по 1 — из городов Алжир и Тлемсен). Он предусматривал: сокращение срока военной службы для алжирцев с 3 до 2 лет («как и для прочих французов»); призыв в армию с 21 года (а не с 18 лет); реформу режима репрессий; «серьезное и достаточное» представительство в собраниях Алжира и Франции; справедливое распределение налогов; равное пользование «всех элементов алжирского населения» бюджетными ресурсами [173, стр. 22]. Под опубликованным 3 мая 1912 г. текстом проекта стояли подписи 100 младоалжирцев [125, стр. 63].

Этот план делегация 9 нотаблей во главе с доктором Бентами представила в мае 1912 г. премьер-министру Пуанкаре и министру внутренних дел Стэгю. Она была энергично поддержана «арабофилами» в прессе и парламенте: Розэ и Мессими защищали требования младоалжирцев, ссылаясь на пример младотурок и предсказывая всему Востоку «младотурецкий» вариант развития. Поль Бурд в «Тан» вел кампанию против «рабства в Алжире» [128, стр. 104—110]. Вполне возможно, что борьба младоалжирцев, проявлявших исключительную гибкость и умеренность (они, например, соглашались на то, чтобы коренное население имело не более $\frac{2}{5}$ общего числа представителей от Алжира), завершилась бы успехом, учитывая заинтересованность метрополии в алжирских солдатах ввиду «численной слабости французской армии перед лицом Германии» [173, стр. 23]. Но их малочисленность и небольшое сравнительно влияние (вокруг газет «Л'Ислам», «Рашиди», «Ле Куражё» и «Ле Ту у рьен» группировалось не более 500 человек) позволило «сеньорам» колонизации отбить и эту атаку [128, стр. 102].

Это произошло, несмотря на довольно острую обстановку в Алжире, где происходили беспорядки, нападения на представителей властей и даже вооруженные

стычки с полицией. Но «делегация девяти», оставаясь в рамках «легальности» и «лояльности», не требовала, а просила. Получив заверения, что «законные требования» будут удовлетворены и что алжирцам будет предоставлена «равноценная компенсация» за возложенную на них «новую обязанность», делегация вернулась на родину, враждебно встреченная властями, «сеньорами» и даже арабской секцией Финансовых делегаций, по указке властей принявшей специальную резолюцию осуждения «небольшой группы протестующих, которые хотят набить себе цену». Секция подчеркнула, что алжирцы якобы хотят быть не гражданами, а «верными и лояльными подданными». В свою очередь, президент кабийской секции Финансовых делегаций Айт Мехди заявил, что младоалжирцы выражают «лишь свое собственное мнение и свою неблагодарность» [113, стр. 1040—1041].

В сентябре 1912 г. вопреки сопротивлению «сеньоров» и губернатора Люто были смягчены некоторые положения «туземного кодекса» (а для части алжирцев — полностью отменены к концу 1914 г.) и разрешен выезд алжирцам на заработки во Францию. В 1914 г. было отменено тюремное заключение для алжирцев (замененное «установлением надзора» полиции) по простому административному постановлению, введено «очень важное» (по мнению О. Бернара) полноправие алжирских советников в муниципалитетах [121, стр. 78] и несколько ограничена дисциплинарная власть колониального чиновничества. К алжирской прессе стали применяться французские законы [204, стр. 40].

Некоторые «арабофилы» к этому времени заняли высокие посты: Адольф Мессими стал в 1912 г. военным министром, Альбэн Розэ — председателем комиссии палаты депутатов по иностранным делам, колониям и протекторатам, Теодор Стэг — министром внутренних дел, Шэйе — депутатом и генеральным секретарем «Колониального союза». Используя тревожную предвоенную обстановку (визит Вильгельма II в Танжер в 1905 г., агадирский кризис 1911 г. и т. п.), младоалжирцы сумели убедить представителей самых различных кругов Франции в необходимости смягчения колониальных порядков в Алжире. В мае—июне 1912 г. Поль Бурд поместил в газете «Тан» серию статей под общим названием «Как

организовать Северную Африку», где проповедовал, ссылаясь на Ж. Ферри, «гражданское равенство», «справедливость», «серьезное и достаточное» представительство для алжирцев [174, стр. 24].

В 1913 г. в созданный под главенством экономиста Шарля Жида «Франко-туземный альянс» вошли столь разные фигуры, как лидер социалистов Ж. Жорес и умеренный сенатор Ж. Лейг, А. Розэ, А. Мессими и ряд консервативно мыслящих буржуазных публицистов. В палате депутатов Франции была создана особая группа «изучения туземных проблем» из 15 человек. В поддержку младоалжирцев выступили общество «Свободная мысль» и Лига прав человека. Парламентская группа социалистов направила в марте 1913 г. в Алжир Ш. Дюма, который по возвращении в Париж издал в 1914 г. книгу «Освободите туземцев или откажитесь от колоний». Основной его вывод был вполне понятен французской буржуазии: «Сделаем из Парижа путем глубоких реформ и создания колониального парламента центр притяжения для мусульман, если вы не хотите, чтобы таким центром стал Истанбул». Но этого оказалось недостаточно. Даже мрачные пророчества Клемансо о «взрыве восстания на африканской земле при первых пушечных выстрелах в Вогезах» не оказали своего действия [125, стр. 63—64, 68].

Малая результативность младоалжирского движения объяснялась, помимо подавляющего преимущества колонизаторов, также его внутренней разобщенностью и пестротой. Наряду с буржуазно-либеральными франкофилами, задававшими тон в регионе г. Алжира, в нем прослеживалась тенденция протурецкая, представленная потомками алжирских турок и кулуглу (испытывавших не религиозные, а светские и политические симпатии к Константинополю). Если некоторые демократические элементы движения, не удовлетворяясь «натурализацией» только узкого слоя элиты, обращали взоры к рабочему классу и левым кругам Франции, то другие (особенно в Константине, Боне и Мостаганеме) тянулись к младотуркистам. Воздавая должное младотуркам за «возрождение ими отечества вопреки непримиримости консерваторов и фанатиков», младоалжирцы отрешивались от обвинений в протурецкой агитации. «У нас,— писал муниципальный советник Константины Мухтар

Хадж Саид — нет двух отечеств; Стамбул и халифат для нас — не более, чем Рим и папа для христианства».

В то же время близкие к газете «Эль-Хакк» интеллигенты склонялись к исламскому традиционализму, осуждая «пьющих абсент» и призывая к созданию «чисто мусульманского банка, мусульманской гостиницы, ассоциации мусульманских учителей» (последняя была создана в апреле 1912 г., но вошли в нее не 38, как объявила «Эль-Хакк», а всего 8 учителей). В отличие от других младоалжирцев, группа «Эль-Хакк» требовала не «полного изменения», а полной отмены «туземного кодекса» и репрессивных трибуналов.

Противоречия группы «Эль-Хакк» с остальными младоалжирцами дошли до разрыва в 1914 г. несмотря на то, что газета выступала против всякой полемики, «обостряющей раскол мусульманского общества». Однако более резко выражавший взгляды группы оранский еженедельник «Ле Ту у рьен» называл младоалжирцев «новыми французами и бывшими арабами». Хотя «Эль-Хакк» была газетой довольно узкого распространения, с путаной и хаотичной программой, она, по мнению Ш.-Р. Ажерона, «возможно, более других выражала чувства большей части образованных». Расхождения младоалжирцев, наметившиеся до 1914 г., в дальнейшем получили отражение в развитии двух фракций освободительного движения: последовательно националистической и реформистско-ассимиляционистской.

Основной слабостью как младоалжирцев, так и традиционалистов была их малочисленность и оторванность от основной массы народа, а также неорганизованность. Хотя в их среде и любили говорить: «наша партия», «политика нашей партии» [112а, стр. 229], на деле партии у них не было. Современники оценивали общую численность младоалжирцев в 1912 г. всего в 600 или 1000 человек, в том числе около 200 учителей, примерно 25 профессоров, адвокатов и врачей, 9 муниципальных советников [112а, стр. 226]. Многие из них были довольно известны: доктор права Талеб Абд ас-Салам, адвокаты Керрад Халифа, Салах Тамзали, Мухтар Хадж Саид, врачи Муса Тамзали и Зеррук Бен Брихмат, инженер Каид Хаммуд, профессора Суалах, Бахлул и Фатах.

Некоторые младоалжирцы, например Шериф Бен Хабилес (выходец из старинной феодальной семьи, шариятский кади и одновременно французский доктор права), тщетно пытались убедить власти в ценности сотрудничества с ними: в изданной в 1914 г. книге «Французский Алжир глазами туземца» Бен Хабилес доказывал, что элита навсегда отошла от собственного народа и, «поразмыслив, пришла занять место во французской семье». Основное внимание он обращал при этом на внедрение образования на французском языке, воспитание молодежи в духе уважения к традициям и нравственности, отмену хаммасата, улучшение положения женщины в Алжире, развитие благотворительности и т. п. [106, стр. 191—193].

Другие пытались действовать в соответствии с правилами политической игры Третьей республики. К числу деятелей такого плана относились Омар Бударба³⁹ (адвокат и коммерсант из старинной купеческой фамилии г. Алжира, «натурализовавшейся» с 1830 г.) и Ульд Хамида Белькасем Бентами (выходец из малосостоятельной кабийской семьи, ставший врачом после учебы во Франции, получивший французское гражданство и возглавивший офтальмологическую клинику в г. Алжире в 1907 г.). Избранный в муниципалитет в 1908 и 1913 гг. (ранее потерпев неудачу в 1904 г.), Бентами, как и Бударба, мечтал о парламентской карьере. Оба они ради этого вступили в ряды франкмасонов и во французскую Лигу прав человека, а для большей популярности в Алжире заключили союз с внуком Абд аль-Кадира эмиром Халидом, тогда капитаном французской армии. Втроем они создали в апреле 1914 г. политическую ассоциацию «Франко-туземный союз» и написали брошюру с изложением своих требований, сводившихся к избранию расширенной коллегией избирателей-алжирцев 1/3 муниципальных и генеральных советников, а также финансовых делегатов.

Однако эмир Халид вскоре пошел дальше своих временных союзников. Резко выступив в 1913 г. против официального кандидата в Финансовые делегации Бен Сиама, он был лишен за свою «агитацию» пенсии французских властей. В 1914 г. он потребовал отмены всех исключительных мер в Алжире, введения представительства алжирцев во всех выборных учреждениях, свободы

и охраны трудовой алжирской эмиграции во Франции [113, стр. 1043—1091].

В целом младоалжирцы сумели привлечь внимание самых разных кругов во Франции к проблемам Алжира. Косвенным результатом этого было издание в 1913—1914 гг. газеты «Ля Франс ислямик» («Мусульманская Франция»), занявшей пропагандой благодеяний Франции в Алжире и обработкой алжирской интеллигенции в профранцузском духе. Несмотря на то что движение младоалжирцев затронуло довольно узкий и поверхностный слой коренного населения, оно добилось некоторого расширения возможностей для политического самовыражения алжирцев. Кроме того, это движение было безусловно антиколониальным ввиду открыто враждебной позиции по отношению к европейской колонизации⁴⁰.

Профранцузский ассимиляционизм был одновременно и прикрытием антиколониальной борьбы, и ее тактическим приемом. Он облегчал поиски союзников как во Франции, так и среди прогрессивных элементов европейского населения Алжира. Например, социалисты Алжира, выступавшие против «сеньоров» колонизации, серьезно стали интересоваться «туземным вопросом», в то время как ранее они лишь разделяли мечты Жореса о «позитивной колониальной политике» и международном «гуманном» управлении колониями [12, стр. 261]. Но с 1912 г. социалисты начали выступать в защиту требований младоалжирцев, что можно считать успехом применявшейся последними ассимиляционистской тактики [154, стр. 33]. Даже опасавшийся младоалжирцев Андре Сервье, считавший их алжирским вариантом младотурок и младоегиптян, указывал, что они не выдвигают лозунги «Алжир — алжирцам», в то время как в Каире повторяют без конца: «Египет — для египтян» [106, стр. 187].

Разумеется, этот ассимиляционизм имел и отрицательные черты, явившись в последующие десятилетия источником многих иллюзий для части патриотов, а также питательной средой соглашательства и коллаборационизма. Но в обстановке кануна первой мировой войны он был обусловлен социально, идейно, политически и тактически. Младоалжирцы, представляя более современную и гибкую ветвь антиколониализма, доби-

лись хоть и ограниченных, но все же каких-то практических результатов. Традиционалисты в указанный период были скорее певцами стихийных настроений антиколониализма, а младоалжирцы — его практическими исполнителями. В дальнейшем оба эти течения, коренившиеся в социальной действительности алжирского колониального общества, трансформируясь и эволюционируя, оказывали воздействие на внутреннее соотношение сил в стане алжирских антиколониалистов.

В известной мере облик националистов, от которого младоалжирцы тщательно откращивались, придавали им непрерывные обвинения в том, что они — «младотурецкие панисламисты», «пронемецкие агитаторы», «туркофилы», «молодые честолюбцы, желающие нас заменить, противопоставив друг другу туземное и французское население». Особенно усердствовала в этом плане печать колонистов в самом Алжире, в частности газета Э. Морино «Репюбликэн», призывавшая администрацию «быть беспощадной» к «пропагандистам арабофильской политики» и «молодым тюрбанам», сеющим «ненависть к Франции» и выполняющим «антифранцузские задачи».

Отдельные попытки либеральных буржуазных публицистов метрополии обратиться к разуму колонистов успеха не имели. Они тщетно указывали на необходимость «оторвать от мусульманского блока» младоалжирцев как «первое поколение, давшее туземцам многочисленный штаб образованных и просвещенных мусульман». Журнал «Ревю де Пари» в ноябре 1913 г. прямо рекомендовал: «Было бы политически разумно опереться на этот новый класс... который явно идет к нам». Многие во Франции выражали опасения, что младоалжирцы, будучи отвергнуты и разочарованы, «сомкнутся на собственно националистической почве с наиболее фанатичными консерваторами». Упомянувшийся выше А. Сервье, считая алжирский национализм «опасностью в будущем», писал о младоалжирцах: «К нашему большому счастью, они еще малочисленнее и менее влиятельны, чем старые тюрбаны; но следует опасаться слияния этих двух групп: младоалжирцев — с их интеллектом, активностью, знаниями и программами, и старых тюрбанов и народа — с их многочисленностью» [125, стр. 66].

Светское и ассимиляционистское, младоалжирское

движение, по определению Ажерона, «вышло непосредственно из школы республиканизма и французского мышления». Но его участники, «лишенные корней в собственной отчизне или составлявшие интеллектуальный пролетариат с необеспеченным будущим, находились в ситуации, не дававшей им большой свободы действий» [113, стр. 1053]. Именно этим в первую очередь, а не только малочисленностью и маловлиятельностью младоалжирцев, объяснялись их нерешительность, половинчатость и постоянная готовность идти на компромисс. Общественное положение часто не давало им никаких надежд на реализацию долго вынашивавшихся политических амбиций, которые они к тому же вынуждены были маскировать, ибо формально политикой не занимались (единственная их политическая организация — созданный в 1908 г. «Комитет защиты интересов мусульман» — серьезной роли не играла).

Они в целом представляли собой переходное поколение, которое не могло не ощущать определенной раздвоенности. «Вы, младоалжирцы, — говорилось в письме, опубликованном в июне 1910 г. в одной из алжирских газет, — представляете собой не что иное, как неизбежный переход от прошлого (которое еще живо) к новому вкладу, который не может вас изменить столь внезапно, чтобы кое-что важное в вашей душе этим не было встревожено». Явно чувствуя эти колебания младоалжирцев, потенциально способных пойти по диаметрально различным путям развития, бывший помощник губернатора Жоннара Энар писал в 1912 г.: «...или мы вовлечем эту элиту в движение нашей национальной жизни, или мы создадим на ближайшее будущее путем развития нового духа в ее эмансипированных кругах серьезные причины для трудностей» [113, стр. 1054—1055].

Упрямство и твердолобая позиция колониальных реакционеров привели в конечном счете к тому, что как это, так и прочие пессимистические для «франко-мусульманского сотрудничества» предсказания полностью сбылись. Конечно, более гибкая и уступчивая политика Франции не предотвратила бы ни подъема антиколониальной борьбы, ни рождения национализма в Алжире. Но из-за отсутствия такой гибкости и уступчивости процесс дифференциации различных течений освободи-

тельного движения намного ускорился и принял гораздо более острые и опасные для колониального режима формы, чего никто не ожидал, в том числе сами алжирцы, среди которых многие еще долго упрямо добивались «от республиканской и либеральной Франции союза младоалжирцев с французскими либералами» [29, стр. 111].

О том, что все эти иллюзии были беспочвенны еще до первой мировой войны, свидетельствует хотя бы позиция генерал-губернатора Люто, антиклерикала, кичившегося своим республиканизмом и якобы «либеральными» взглядами. Выступая в палате депутатов в феврале 1914 г. он выразился предельно откровенно: «Я думаю, что если в алжирском туземном народе есть семена национальности, то было бы лучше иссушить их в зародыше» [174, стр. 29].

Влияние первой мировой войны

Алжир оказался вовлеченным в первую мировую войну с самого ее начала: уже 4 августа 1914 г., на второй день объявления Германией войны Франции, немецкий крейсер «Бреслау» выпустил около 60 снарядов по алжирскому порту Бон, а 6 августа во Франции высадился первый контингент алжирских стрелков численностью в 14 тыс. человек. В последующие дни германские корабли обстреляли также Филиппвиль, убив и тяжело ранив до 30 зуавов [27, стр. 38—41]. Довольно быстро в Алжире сказались тяготы войны, прежде всего экономические. При этом безденежье, мобилизация большинства трудоспособного мужского населения и другие трудности коснулись европейцев в такой же мере, как и алжирцев. «Наша мать, — писал в январе 1915 г. мэр Лиона Эдуард Эррио (будущий премьер и председатель Национального собрания Франции), — с трудом продолжает вести хозяйство на своей ферме в равнине Шеллифф. Она жила в Оране в такой нужде, иногда совсем без денег, что ей как-то пришлось свести детей в виноградник, после сбора урожая, чтобы поискать несобранные гроздья!» [27, стр. 81]. Большинство же семей колонистов, не имевшие влиятельных родственников во

Франции, были в еще худшем положении; однако они, по крайней мере, не умирали с голоду, как алжирцы.

Война привела к вывозу значительного количества продовольствия из Алжира во Францию, к росту налогов и мобилизации наиболее трудоспособной части населения. Кроме того, многие были вывезены на оборонные работы во Францию. Все это тяжело сказывалось на положении страны и жизненном уровне коренного населения. За годы первой мировой войны 155 тыс. европейцев и 173 тыс. алжирцев были мобилизованы в армию⁴¹. 119 тыс. алжирцев (из них 89 тыс. принудительно) были направлены во Францию ввиду нехватки в метрополии необходимой рабочей силы [122, стр. 299]. В ходе войны погибли 22 тыс. европейцев и 25 тыс. (по сведениям Спильмана — 50 тыс.) алжирцев [158, стр. 436; 196, стр. 20], 82 тыс. алжирцев были ранены [48, 1919, № 7—8, стр. 221]. По другим данным, из 250 тыс. мобилизованных алжирцев погибло 80 тыс. [28, стр. 16].

Отрыв от производства значительной части самодеятельного населения, сокращение товарооборота с метрополией (ввиду переключения французской промышленности на военные нужды, а торгового флота — на перевозку военных грузов) способствовали кризису экономики Алжира. Потери в людях и падение рождаемости (в 1918 г. смертность превышала рождаемость) вызвали резкое уменьшение удельного веса работоспособной молодежи. В народных песнях того времени говорилось о разлуке молодых с родителями «до смерти», о том, что «французы забирают восемнадцатилетних, а в следующем году заберут семнадцатилетних» [158, стр. 437]. Бегство от мобилизации (особенно в горы) достигло огромных для Алжира масштабов — не менее 120 тыс. человек [101, стр. 10].

С каждым годом войны все острее ощущалась нехватка основного топлива — каменного угля (месторождение Кенадза только начало разрабатываться, а импорт угля к 1917 г. сократился на 67% по сравнению с 1913 г.). Пустели рынки, останавливались железнодорожные составы, забрасывались поля (в том числе у многих колонистов) ввиду нехватки рабочей силы, амортизации инвентаря и отсутствия химических удобрений, ранее импортировавшихся. Исчезли гайки, бол-

ты, наконецники для плугов, даже мешки и веревки, что делало почти невозможным сбор и перевозку урожая зерновых. Стремительному росту цен сопутствовала инфляция; денежная масса в обращении возросла в 1914—1918 гг. почти в пять раз. Жизнь в стране в конце войны стала совершенно невыносимой.

По мнению очевидцев, в годы войны «торгаши богатели, а земледельцы и ремесленники беднели» [31, стр. 35]. На фоне всеобщего обнищания и разорения особенно нестерпимо было процветание немногих, в первую очередь наиболее крупных виноделов, выручивших в 1915—1918 гг. от экспорта вина во Францию 930 млн. фр., а также кучки наиболее ловких алжирских буржуа, воспользовавшихся выгодной конъюнктурой для спекуляций зерном и шерстью, скупки табачных плантаций, основания фабрик по консервированию оливок [113, стр. 1167]. В селах еще шире распространилось ростовщичество, особенно губительно сказавшееся в ряде горных районов и на западе страны (например, среди берберов Мсирды), где оно привело к полному разорению крестьян [197, стр. 6].

Вместе с тем военные усилия Франции обусловили расширение спроса на сырьевые запасы ее колоний, а также сокращение вывоза промышленных товаров из Франции в колонии в связи с переводом экономики на военные рельсы. В Алжире это имело следствием развитие горнодобывающей промышленности (расширение добычи железа, фосфоритов) и некоторый рост обрабатывающей промышленности, на время освободившейся от конкуренции метрополии. Особенно много стало различных ремонтных мастерских, табачных фабрик и пивоваренных заводов. В целом, однако, в годы войны промышленность мало прогрессировала, ибо нехватка капиталов и квалифицированной рабочей силы сказывалась еще острее, чем в довоенный период, а незаинтересованность как трестов метрополии, так и «сеньоров» в индустриализации Алжира несколько не поколебалась. Чуть ли не единственным крупным предприятием, выстроенным за годы войны, был гигантский холодильник для хранения мяса, предназначенного к вывозу во Францию.

Слабый рост промышленности не мог пресечь быстрого увеличения безработицы, разраставшейся вследст-

вие наплыва в города жителей голодавших деревень. Урожай неуклонно падали. В то же время бедствия войны ускорили процессы, развивавшиеся ранее: концентрацию земель в руках крупных колонистов, переселение европейцев преимущественно в города и продажу многими мелкими колонистами своих земель алжирцам (особенно в кабийских районах, где у многих семей появились средства за счет переводов от рабочих на военных заводах Франции или пособий семьям мобилизованных).

Все эти явления, так же как и начало крупномасштабных миграций алжирцев во Францию, где они впервые начали приобщаться к революционным идеям, опыту и традициям рабочего движения, составили основу последующих социально-политических сдвигов в Алжире. При этом многие процессы носили двойственный характер, например эмигранты-кабилы, трудясь во Франции в качестве рабочих, в то же время косвенно содействовали частичному обуржуазиванию оставшихся на родине родственников, часть которых сумела скопить значительные суммы денег от поступающих из Франции переводов: 10 млн. фр. в 1914 г., 12 млн. — в 1915 г., 17 млн. — в 1916 г., 26 млн. фр. — в 1917 г. [166, стр. 259].

Непосредственно в годы первой мировой войны Франции не пришлось, как предсказывала ее печать в 1913 г., посылать в Алжир 200—300 тыс. солдат для «поддержания порядка» [106, стр. 221]. Алжирские марабуты и значительная часть мусульманского духовенства заняли позицию лояльной поддержки Франции (шейх братства Рахманийя даже предрек Турции «неизбежную гибель»). Рискую утратить влияние в массах, они, за исключением отдельных шейхов Мзаба и Хоггара в Сахаре, не откликнулись на призыв к джихаду, провозглашенному в октябре 1914 г. турецким султаном (номинально — халифом, т. е. религиозным главой всех мусульман-суннитов). Они выступали на стороне Франции против Германии и Турции (единственный во французской армии подполковник-алжирец Кади и еще 8 офицеров-алжирцев были даже направлены в 1916 г. в Египет для помощи в организации антитурецкого восстания в Хиджазе, а с 1918 г. участвовали в боях против турок в Аравии). В ряды французской армии всту-

пили многие представители видных мусульманских фамилий. В чине капитана частей «спаги» сражался эмир Халид, который с началом войны вернулся на военную службу.

Другие младоалжирцы в большинстве своем также поддерживали Францию, рассчитывая за это на уступки со стороны метрополии, и осуждали «младотурецких министров — лакеев кайзера» [113, стр. 1175]. Вместе с тем некоторые из них и во время войны «протестовали против рекрутчины», требовали «натурализации», уравнивания в правах алжирских и французских чиновников, представительства в парламенте Франции [128, стр. 119]. Но в целом «лояльность туземцев явилась приятным сюрпризом для ответственных лиц в Алжире» [111, стр. 72]⁴². Младоалжирцы в муниципалитетах и члены совета общества «Рашидийя» заверили губернатора в их «полной приверженности к Франции» [113, стр. 176]. «Туфийкия» и «Франко-туземный союз» также призвали алжирцев «сражаться на стороне Франции» [52, 17.VIII.1914].

Лишь небольшая группа традиционалистов возлагала надежды на победу Германии и Османской империи (чтобы опровергнуть их уверенность в мощи Германии, французы специально прислали в Алжир 3 тыс. плененных немцев) [121, стр. 8]. Они распространяли панисламистские листовки, призывавшие к джихаду, саботировали военные усилия Франции, агитировали за отказ от военной службы. Для некоторых из них авторитетом был сын Абд аль-Кадира эмир Абд аль-Малик⁴³.

Но деятельность этой группы традиционалистов (во многом использовавших такие непопулярные меры властей, как запрет совершать хадж в Мекку во время войны, а также протурецкую позицию алжирских эмигрантов в странах Арабского Востока) постепенно угасла после начала антитурецкого восстания в 1916 г. шерифа Мекки Хусейна, выступившего в союзе с Англией и Францией, под давлением которых он выслал из Мекки и Медины тысячи эмигрантов из Магриба. После начала восстания Хусейна алжирцам вновь был разрешен хадж. Воззвание Хусейна, в котором он обвинял турок в казни профранцузски настроенного эмира Омара (последнего сына Абд аль-Кадира), а также в «пренебрежении и враждебности благородному и благочести-

вому эмиру Абд аль-Кадиру Алжирскому», имело в Алжире определенный отголосок. То же самое можно сказать и о заявлении эмира Халида, еще раньше, в 1915 г., подтвердившего, что все арабы выступают против турок как своих угнетателей. В то же время французам не удалось убедить арабов Ближнего Востока в «благотворности» французского господства для алжирцев: направленный к Хусейну упомянутый подполковник Кади не смог этого объяснить ввиду незнания им арабского литературного языка [106, стр. 242—292].

Определенное влияние на алжирцев оказывало движение против итальянских оккупантов в соседней Ливии, проходившее под руководством военно-религиозного братства сенуситов⁴⁴. Учитывая рост авторитета сенуситов во всем арабском мире (особенно после их успехов в борьбе с итальянцами начиная с 1913 г.), их опыт борьбы с французами в Сахаре и заинтересованность в поражении всех колонизаторов на севере Африки, германское правительство уже в 1914 г. обратилось непосредственно к сенуситам с демагогическим призывом «освободить мусульман от рабства» и вернуть им их «честь» [173, стр. 27]. Под влиянием сенуситов шейхи Хоггара Ахмед Султан и Абд ас-Салям в 1915 г. объявили Франции джихад и с февраля 1916 г. начали осаду французских опорных пунктов в Сахаре. В декабре 1916 г. сенуситы, вторгшиеся в Алжирскую Сахару из Феццана, убили близ Таманрассета знаменитого католического миссионера де Фуко и повели за собой ранее находившихся под его влиянием туарегов. Франция была вынуждена направить против них корпус генерала Ляперрина, усмирявшего туарегов вплоть до конца 1917 г.

В 1914 г. в Алжире, в районах Бени-Шугран (близ Маскары) и Милианы произошли вооруженные восстания. Оплотом повстанцев была завия Сиди Мифтах. Целую неделю они отбивались от осаждавших их карателей, применявших пушки и бронемашин, которым противостояли в большинстве случаев «старые ружья, палки и камни» [102, стр. 76]. Как и в соседнем Тунисе, повстанцев возглавляли шейхи племен, не пожелавшие подчиняться приказам о мобилизации. Один из шейхов в департаменте Константина сказал: «Можно увеличить налоги и забрать у нас имущество, но мы не дадим сво-

их детей». В то же время многие крестьяне с декабря 1914 г. стали требовать возвращения конфискованных у них земель и при этом предупреждали колоннистов, что «с помощью немцев они скоро вернут свою собственность». Близкий к генерал-губернатору Октав Дефон констатировал: «Никогда еще туземцы не проявляли такой вражды к колонизации» [173, стр. 25].

В 1915 г. в Ауресе восстало племя улад султан под водительством Ибн Али бну Нури и шейха Забаны. Эхо восстания докатилось до Уарглы и Тугурта в Сахаре. В 1916 г. волнения среди крестьян и молодежи, подлежащей мобилизации или отправке на военные заводы метрополии, происходили в Батне и Белезме (Аурес), где убивали чиновников (например, супрефекта Батон) и колоннистов, даже сожгли их поселок Мак-Магон в разгроме которого участвовали 500—700 повстанцев [106, стр. 248; 128, стр. 113—115]. При подавлении волнений (окончательно завершено к ноябрю 1917 г.) было убито до 300 человек, осуждено — 1200 [174, стр. 32; 106, стр. 251].

Однако всеобщее восстание мусульман Магриба, на которое уповало германо-турецкое командование, так и не произошло, хотя партизанские налеты с 1915 г. отмечались по всему востоку Алжира от Тебессы до Бужжи, а также в Тенесе на западе, где бунт солдат-алжирцев был поддержан рабочими, «как в России 1917 г.» [106, стр. 247]. Пробравшиеся в Алжир через Триполитанию турецкие эмиссары Мухаммед Решад и Слиман аль-Баруни (мзабит по происхождению, назначенный султаном «наместником Ливии» с особой миссией в Магрибе) не смогли поднять восстания [128, стр. 112].

Некоторое представление об ущербе, нанесенном колонизаторам алжирцами в годы войны, дает следующая статистика «антифранцузских» актов в Алжире в 1916—1918 гг.: покушения на личную безопасность — 921; покушения на собственность — 3463; другие враждебные акты — 4992 [48, 1919, № 7—8, стр. 241—242].

Генерал-губернатор Люто в своем докладе Финансовым делегациям в 1917 г. счел необходимым особо остановиться на всех «местных восстаниях» в Алжире, называя их возвратом «древнего варварства» [48, 1917, № 4, стр. 147]. Принятые им меры против «коллектив-

ных преступлений» и «разбойников с большой дороги» (в ходе антипартизанских «операций очищения» было, в частности, арестовано 142 «бунтовщика» в Кабилии, большинство из 248 участников выступления в Тенесе) косвенно как бы оправдывали распространявшиеся среди алжирцев явно преувеличенные слухи о нападениях на Алжир (действительных или мнимых) турок и сенузитов, о предстоящем «изгнании» французов из Алжира немцами и т. п. [106, стр. 233, 247].

«Почему мы воюем с немцами? — спрашивал высокопоставленного деятеля Италии знакомый ему алжирец в письме, перехваченном французской полицией. — Потому что Франция, делая из нас зверей, натравливает по одиночке или группами на людей, с которыми у нас нет ни отношений, ни причин для вражды. Это дикость! Да здравствует независимая Северная Африка, освобожденная от рабства!» [173, стр. 26]. В 1916 г. в г. Алжире по почте распространялись призывы к восстанию в связи с принятыми в сентябре 1916 г. новыми мерами по мобилизации в армию и на работы во Францию. Антифранцузские настроения коренных жителей усиливаются, что нашло отражение в участвовавших актах неповиновения, пассивном сопротивлении и т. д. [106, стр. 237—238].

В период войны в Алжире резко усилилась прогерманская и панисламистская пропаганда: распространялись легенды о «Хадж Гийуме» (т. е. кайзере Вильгельме II), которого воспевали как «сражающегося со звездами»; некоторые клерикалы в Константиноне серьезно уверяли, что «халиф» (т. е. турецкий султан) может сжечь весь мир, стоит ему «лишь поднять знамя пророка» [173, стр. 27; 31, стр. 30—35]. В 1915 г. многие алжирцы открыто радовались неудаче англо-французского десанта в Галлиполи, распевали враждебные Франции песенки и высказывали надежду на победу Германии [106, стр. 236]. В страну доставлялись антифранцузские листовки и памфлеты, написанные алжирскими эмигрантами в Турции или военнопленными в Германии.

Немцы всячески разжигали национальные и религиозные чувства алжирцев⁴⁵. Полной поддержкой кайзеровского правительства пользовался образованный в Берлине в январе 1916 г. Комитет за независимость Алжира и Туниса во главе с тунисскими шейхами Салахом

аш-Шарифом и Исмаилом ас-Суфайхи. От Алжира в его состав были включены сын и внук Абд аль-Кадир — эмиры Али-паша и Саид. Комитет вел патриотическую агитацию среди пленных алжирцев, многие из которых потом тайно забрасывались в Алжир с диверсионными целями или вступали в турецкую армию [121, стр. 8].

В первом воззвании комитета (1916) аш-Шариф от его имени обвинил страны Антанты в намерении «подчинить другие народы, похитив их самостоятельность и личную свободу». Вместе с ас-Суфайхи он подробно описал тяготы жизни алжирцев и тунисцев под властью Франции: налоговый гнет, юридическое бесправие, земельный грабёж, принудительный труд, подавление всех свобод и национальной культуры. Предлагалось сорвать «дьявольские планы» Антанты путем мобилизации «материальных и духовных сил страны ислама» и «братского союза» Турции с Германией и Австро-Венгрией. В том же 1916 г. эмир Али-паша опубликовал в Берлине на арабском языке «Призыв к мусульманам, служащим в союзных армиях, встать на защиту Халифата, спасти ислам и святые города, освободить Алжир, Тунис и Марокко» [24а, стр. 5, 7, 21—30].

В этих условиях оживилась деятельность алжирской политической эмиграции, особенно в Европе. Эмигранты (в основном — традиционалисты) устанавливали связи с младотунисцами (в Швейцарии) и эмигрантами из Марокко (в Испании). Совместные усилия некоторых таких групп были направлены на создание «Объединенной Североафриканской Республики» в составе Алжира, Туниса, Марокко, Триполитании и Барки [67, стр. 40]. Однако они не увенчались успехом, хотя созданный в Стамбуле при участии алжирцев и тунисцев комитет «Единение и прогресс» приступил к формированию повстанческой организации, имевшей целью поднять против колонизаторов все страны севера Африки от Эритреи до Магриба. На некоторых международных конференциях младотунисцы выступали в защиту Алжира, обращаясь от имени алжирского народа к Германии, Австро-Венгрии и Турции за помощью «против режима угнетения» [173, стр. 27]. Вождь младотунисцев Али Баш-Ханба излагал требования алжирцев о независимости на III конференции примирившихся наций в Лозанне в 1916 г.

В 1915 г. в Стамбуле были изданы брошюры лейтенанта Хаджа Абдуллаха (псевдоним дезертировавшего из французской армии Бу Кабуйя) «Священная война и роль черной армии в Алжире» и «Ислам во французской армии». В них описывалась «арабофобия» французских офицеров, их враждебность к «молодым турбанам», презрение к «смуглякам» и «назам» (от арабского «ан-нас» — люди), как они оскорбительно именовали всех грамотных военнослужащих-алжирцев, а также постоянная слежка за алжирцами со стороны агентов полиции в Алжире. В том же году из Стамбула было переправлено множество других антифранцузских брошюр и листовок. Часть из них, в основном панисламистского содержания, была заброшена в окопы на фронтовых позициях, занимавшихся алжирскими стрелками.

Через Севилью в Алжир поступал подпольный листок «Девуар» («Долг»), который издавал дезертировавший из французской армии «Мехмет-алжирец, ушедший в Турцию для борьбы с гонителями ислама».

Комитет «Единение и прогресс» в Стамбуле основал в Лозанне под руководством бывшего египетского хедива Аббаса II Хильми свой филиал — «Международное мусульманское общество», которое стало издавать с 1916 г. свой бюллетень «Ревю дю Магриб», вскоре ставший ежемесячным журналом. Его редактор Мухаммед Баш-Ханба и другие младотунисцы издавали также немало книг об угнетении народов Туниса и Алжира и о варварстве французов в этих странах.

В сентябре 1917 г. «Ревю дю Магриб» опубликовал «Хартию алжирского народа», в которой требовал отмены «туземного кодекса» и репрессивных трибуналов, гарантий уважения личности, имущества, свободы языка и религии алжирцев, восстановления правосудия и законности, налоговой реформы и равенства «в расходах и доходах бюджета», предоставления гражданских и политических прав вплоть до представительства в парламенте Франции. Сходство этой программы с требованиями младоалжирцев объяснялось контактами, которые у них были с Мухаммедом и Али Баш-Ханбой еще до 1914 г. [113, стр. 1177—1182].

Часть алжирских эмигрантов находилась в связи с бывшим султаном Мулаем Абд аль-Хафизом, пытавшимся из Барселоны поднять антифранцузское восста-

ние в Марокко. Сознывая свою слабость, они выступали совместно с эмигрантами из других стран Магриба, в частности поддерживали требования Комитета за независимость Алжира и Туниса о предоставлении независимости «алжиро-тунисскому народу» (Мухаммед Мезиан ат-Телимсани, Бираз аль-Джазаири и Хамдан Бен Али аль-Джазаири). Однако вся деятельность алжирской эмиграции, оторванной от народных масс, носила поверхностный вершущий характер и поэтому не представляла большой опасности для колониального режима. Французские службы контрпропаганды, издававшие ряд специальных газет, в том числе «Ахбар аль-Харб» («Военные новости») и «Аль-Мустакбаль» («Будущее») на арабском языке, легко нейтрализовали эффект агитации эмигрантов внутри Алжира.

Наиболее дальновидные представители французских правящих кругов считали необходимым реализовать хотя бы часть требований алжирцев, не без оснований полагая, что их долготерпению, особенно тех, кто служил в армии или работал в метрополии, может настать конец. «Опыт алжирских войск, мобилизованных в 1914—1918 гг. на службу Франции, — писал впоследствии западногерманский историк Томас Опперман, — открыл новые политические горизонты наиболее передовым умам страны... Познакомившись с Европой, они стали более критически рассматривать различные ситуации в своем отечестве» [176, стр. 62—63].

Многие парламентарии Франции стали присоединяться к «мусульманофилу» Альбэну Розэ. К 1917 г. ими было предложено пять проектов расширения прав «туземцев» Алжира [128, стр. 63]. В эту кампанию включился ряд влиятельных сенаторов и депутатов (Дешанель, Фландэн, Мильеран и др.), вошедших в образованный в июне 1916 г. «Североафриканский комитет франко-мусульманского действия» вместе с младоалжирцами Мухаммедом Суалахом и Абд ан-Нуром Тамзали.

В ноябре 1915 г. Ж. Клемансо и Ж. Лейг направили премьер-министру Бриану письмо от имени комиссий по иностранным делам сената и палаты депутатов, указывая на «лояльность и глубокую привязанность» алжирцев к Франции и на необходимость в связи с этим осуществления обещанных реформ, «давно назревших,

изучаемых много лет и полностью подготовленных к настоящему времени». Они предлагали ввести «натурализацию» алжирцев без их отказа от статуса мусульман, расширение избирательных прав алжирцев и их представительства (в том числе в Париже), новые правила и гарантии представительства и прав алжирцев в органах самоуправления, участие алжирцев в выборах мэров, реформу арабских налогов и новые гарантии «туземной» собственности. Оба парламентария предлагали скорее удовлетворить «самые обоснованные чаяния» алжирцев «в духе сердечности и братства» [173, стр. 28]. Их позиция была энергично поддержана Жоннаром, в то время вице-председателем сенатской комиссии по Алжиру.

Но пока шла война, сменявшие друг друга кабинеты (Бриана, Рибо, Пенлеве) не были расположены заниматься алжирскими реформами. К тому же все эти проекты (и даже слухи о них) вызывали ярость «сеньоров» в самом Алжире. Отражая их настроения, генерал-губернатор Люто направил в созданную парламентом комиссию по делам мусульман своего сотрудника О. Депона, который активно занялся выхолащиванием и сугубо реакционным «редактированием» проектов реформ. Резко выступая против предоставления алжирцам какого-либо права голоса, префект департамента Оран Лакомб заявил в ноябре 1917 г.: «В Орании нас не любит иностранец, а туземец — тем более... Можно быть уверенным, что всюду, где будет достаточно объединения иностранного и еврейского элемента с туземным, будет заключен союз для устранения французской расы». Префект Константины Борд объявил проектировавшиеся реформы «опасностью для национального суверенитета», а созданный губернатором Совет управления счел, что реформы выгодны лишь «кучке амбициозных интеллигентов и интриганов с феодальной наследственностью, худшим элементам реакции» [113, стр. 1202—1203]. Даже «социалист и республиканец», — в то время начальник кабинета Люто — Жан Мелиа возражал своим коллегам по партии: «Мы не хотим, чтобы говорили, будто, занявшись туземцами, мы выступаем против прав колонистов, против алжирской администрации. Мы просто хотим ее изменить» [174, стр. 36].

Однако полностью блокировать нововведения на этот

раз не удалось. Социалисты, входившие в правительство во время войны, считали необходимым пойти на уступки в Алжире (наиболее радикальный проект реформ в этой связи был представлен от их имени депутатом М. Мутэ, еще раньше — депутатом Дуази). Образованный в 1913 г. «Франко-туземный альянс» с 1916 г. повел пропаганду в пользу признания «прав североафриканцев как особой национальности, наподобие чехов и поляков» [125, стр. 69]. В упоминавшийся выше «Комитет франко-мусульманского действия», который возглавил лидер радикалов Эдуард Эррио, вошли социалист Дуаз, а также видные парламентарии Лейг, Стэг и др. При этом они явно хотели парализовать усилившуюся пропаганду алжирских националистов на международной арене; так, упоминавшийся Хадж Абдуллах, основав в Цюрихе «Комитет алжирских патриотов», с января 1917 г. направлял телеграммы и петиции президенту США Вильсону [174, стр. 36].

Кроме того, действовавшая во время войны цензура мешала «сеньорам» резко выступать против правительства и парламента даже в своих газетах. С приходом к власти в конце 1917 г. «тигра» Клемансо было объявлено о намерениях правительства заняться наконец делами в Алжире. Одно только известие об этом вызвало волнение «сеньоров» и отставку в январе 1918 г. спешившего с ними губернатора Люто, вместо которого в Алжир третий раз был направлен Шарль Жоннар (в кабинете Клемансо — министр освобожденных территорий). Ему премьер и поручил «вести переговоры» о реформах. Но даже Жоннар из списка предполагавшихся реформ «устранил самые смелые, идя навстречу чувствам колонистов, особенно те реформы, которые были взяты еще из проектов Второй империи и позволили бы избранныкам мусульман участвовать вместе с французами в сенатских и депутатских выборах» [111, стр. 73]. Представители «сеньоров» Алжира ожесточенно препятствовали всем попыткам Жоннара найти компромиссную «золотую середину» между требованиями младоалжирцев и крайних колонистов: Гастон Томсон, например, заявил, что во всех проектах реформ «нет ничего, кроме немецкой пропаганды» [174, стр. 48].

В целом первая мировая война принесла Алжиру вместе с потерями в людях и материальными тяготами

некоторый прогресс в развитии промышленности, рост наиболее современных классов — пролетариата (преимущественно из работавших в метрополии) и буржуазии (главным образом, торговой), общее изменение социально-психологического климата (ввиду участия многих алжирцев в военных действиях и их жизни в Европе в течение нескольких лет), увеличение рядов и оживление оппозиционной властям политической элиты (в основном из переехавших в Европу или страны Арабского Востока, но также из тех, кто проходил во Франции военную службу, учебу или работал). Подчеркнув, обнажив или углубив многие довоенные противоречия колониального строя, обстановка военного времени содействовала общему росту социально-политической напряженности в Алжире, порождая кризис всех первооснов созданного колонизацией общественного порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая мировая война явилась важным рубежом в жизни Алжира как вследствие его тесных связей с метрополией, вступившей после окончания войны «в новый период своего исторического развития» [71, стр. 605], так и ввиду того, что именно в 1914—1918 гг. наметился переход целого ряда ранее наблюдавшихся и медленно происходивших количественных изменений в значительные качественные сдвиги переломного характера. Из-за падения производства в деревне и отрыва от него значительной части работников, мобилизованных в армию или на работы в метрополию, резко убыстрился процесс разорения и обнищания крестьянства. Происходившее наряду с этим обогащение части сельской верхушки имело двоякий характер: во-первых, подчеркивая пауперизацию основной массы крестьян, оно обостряло их недовольство, во-вторых, расширяя зажиточный слой в деревне, множило потенциальных конкурентов колонизации, также недовольных колониальным режимом, хотя и по иным причинам. Вместе с тем это одновременное умножение числа сельских пролетариев и сельских буржуа способствовало сужению сферы докапиталистических отношений. И хотя во многих случаях закреплялись отношения переходного характера, сочетавшие элементы отношений буржуазных и добуржуазных, капитализм именно в годы первой мировой войны по-настоящему проник в «туземную» сельскую среду.

Некоторый толчок развитию промышленности также имел многообразные последствия. Главную роль здесь сыграл не рост численности пролетариата, слишком небольшой, чтобы оказать значительное влияние на соотношение классовых сил в стране, а гораздо большее увеличение числа тех, кто стремился стать рабочим в силу разорения в деревне, и несколько расширившихся возможностей получить работу в городе и последовать

примеру тех, кто работал в метрополии. Это стремление, ранее почти не свойственное основной массе пауперов (обычно мечтавших снова стать крестьянами или ремесленниками), было рождено именно всей обстановкой военного времени и логически завершало процесс разрушения колонизацией традиционных основ доколониального Алжира. И хотя остатки их сохранились вплоть до обретения Алжиром независимости, очень важно отметить, что наряду с пролетариатом в стране появился своеобразный предпролетариат, более тяготевший к городу, чем к деревне, бывший не только резервом, но и потенциальным союзником пролетариата.

Его появление означало весьма серьезный общий сдвиг в социальной ориентации и социальной психологии как неимущих городских низов, так и части сельских люмпенов, для которых центрами притяжения становились отныне местные предприятия и промышленность метрополии. Это обстоятельство, как и внезапная смена социальной принадлежности и социальных функций значительной частью алжирцев, оказавшейся во французской армии или на работе во французской промышленности, позволяет говорить о качественном скачке в развитии трудовых низов алжирского общества в годы первой мировой войны.

В эти же годы, характеризовавшиеся снижением жизненного уровня, сокращением рыночных связей и разорением довольно широких слоев сельского и городского мелкособственничества, можно говорить, как это ни парадоксально, об определенном прогрессе мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в Алжире. Земли разорявшихся крестьян, а иногда даже мелких колонистов, переходили к более удачливым и зажиточным односельчанам, нередко — родственникам эмигрантов, регулярно присылавших из Франции денежные переводы. В городах в их руки переходили мастерские, сфера услуг и мелочной торговли. Следует отметить, что в тяжелых условиях, в которых находился Алжир в годы войны, отсутствие притока товаров из метрополии прямо стимулировало местные кустарные промыслы, оживление традиционного ремесла и прочего мелкого производства, а также различные виды микрокоммерции. Поэтому разорение подавляющего большинства традиционных мелких производителей и посредников

вело не к уничтожению их экономической деятельности, как таковой, а лишь к замене разорившихся новыми хозяйчиками, более оборотистыми и умело приспособившимися к ситуации.

На этой несколько «усохшей», но более упрочившейся основе низших видов бизнеса гораздо шире, чем раньше, развернулся национальный капитализм в полном смысле этого слова. Слабая и немногочисленная алжирская буржуазия в 1914—1918 гг. впервые за все время колонизации почувствовала себя хоть на время освободившейся от всеподавлявшей конкуренции промышленности метрополии. В то же время спекуляция, ростовщичество, скупка за бесценок целых плантаций и предприятий неслыханно обогатили представителей национального капитала, впервые к тому же получивших возможность проявить относительную самостоятельность и экономическую инициативу. И хоть после окончания войны все это осталось для алжирской буржуазии лишь воспоминанием о «счастливом» времени разнузданной наживы за счет бедствий народа, она уже успела вкушать сладость некоторой самостоятельности (ранее немислимой) и получить глубоко засевшее в ее сознании представление о собственной экономической и иной значительности. Рост численности и богатства национальной буржуазии способствовал этому в не меньшей мере, чем общее изменение психологии большинства алжирцев за годы войны.

На протяжении этих лет алжирцы убедились, что Франция не столь всемогуща, как это казалось в сорокалетие ее почти непрерывных колониальных побед (1871—1911); что многие внешние силы, (не только Германия и Турция, но и, например, сенуситы Ливии или племена Марокко) способны бросить Франции опасный вызов и в борьбе с нею искать союза с алжирцами; что, наконец, сама метрополия серьезно нуждается в алжирцах как солдатах и рабочих, для того чтобы победить своих врагов. Никогда раньше так много алжирцев не находилось во Франции, где они получили возможность не только приобщиться к политической и культурной жизни, но и получить представление об иных общественных идеалах, взглядах, традициях. Отсутствие открытого расизма в метрополии поражало тех, кто привык у себя на родине сталкиваться с высокоме-

рием и спесью алжиро-европейцев. В сочетании со всем остальным, что алжирцы увидели, узнали и чему они научились во Франции и вообще в Европе (алжирцы в составе французской армии и флота побывали кроме Франции в Бельгии, Германии, Венгрии, Греции, России и т. д.), это способствовало резкому перелому в их отношении к колониализму вообще, и к колониальным порядкам у себя на родине в особенности. Все авторы отмечают совершенно беспрецедентный по сравнению с периодом до 1914 г. рост возмущения не только образованной элиты, но и самых широких слоев алжирского народа колониальным режимом и национальным угнетением в послевоенные годы. Это — также непосредственный результат многообразного опыта, полученного алжирцами во время войны. Даже сторонники ассимиляции вынуждены были исходить из этого, аргументируя необходимость сближения с французами широко распространившимся в алжирских массах чувством собственного достоинства: «Человек братается со своим соседом только в той мере, в какой тот заставляет себя уважать» [28, стр. 8]. Эти слова, относящиеся к 1927 г., резко контрастируют с униженными мольбами алжирских ассимиляционистов первого десятилетия нашего века.

Причиной тому не только перелом в настроениях алжирцев в годы войны, но и вся предшествовавшая этому довоенная эволюция алжирского антиколониализма, развивавшегося одновременно с колонизацией и рожденного как реакция на нее. Поскольку обе эти стороны колониальной действительности не существовали изолированно, представляя собой диалектическое единство противоположностей, иногда даже парадоксальным образом стимулировавшие друг друга, чрезвычайно важно рассматривать их совместно, в едином и неразрывном комплексе.

Вторая половина рассмотренного в монографии периода — примерно 1870—1918 гг. — характеризовалась гораздо меньшим накалом антиколониального сопротивления, но это было время перемещения центра тяжести освободительного движения из сел в города, время перегруппировки и уточнения позиций всех жизнеспособных сил алжирского народа перед лицом смертельно опасного вызова. «Французская колонизация, — отмечал

позднее Ф. Аббас, — потрясла все наше существование, поставив нас на край пропасти. Нас истребляли. Это чудо, что нас не постигла печальная судьба краснокожих» [29, стр. 18]. Но колонизация в действительности и не ставила перед собой задачи истребления коренных жителей, ибо для нее гораздо более выгодным было превращение Алжира не в чисто переселенческую колонию, а в колонию переходного типа, в которой европейские переселенцы образовали привилегированное меньшинство, процветавшее за счет эксплуатации угнетенного большинства.

Особенностью Алжира как колонии переходного типа было формирование под воздействием европейской колонизации нового варианта многоукладной общественно-экономической структуры, представлявшей собой не только систему взаимодействия и взаимосвязей различных типов производственных отношений и ведения хозяйства, но и поле борьбы между ними. В ходе этой борьбы далеко не всегда все капиталистическое противостояло всему докапиталистическому. Вышеупомянутые взаимодействие и взаимосвязи приобретали в колониальных условиях уродливый характер. В то же время многоукладность колониального Алжира отличалась от социально-экономического полиморфизма Алжира доколониального наличием более тесных связей между общественно-хозяйственными укладами. Действенность этих связей объективно усиливали прогрессивные стороны колонизации: внедрение более передового типа производственных отношений, последних достижений европейской техники, новых культур и рациональных методов хозяйствования. Это вело к взаимопроникновению укладов, способствовало обилию переходных в социальном отношении типов и прослоек, порождало иное, более пестрое, многоликое и внутренне взрывчатое общество, типичное для колоний подобного рода.

Условия жизни, характеризовавшиеся всесторонним воздействием колонизации на коренное население, вполне реально грозили деперсонализацией алжирскому народу. Это могло бы надолго задержать процесс формирования алжирской нации и развитие национально-освободительного движения. Но ассимиляция алжирцев — не на словах, а на деле — могла подорвать привилегированное положение европейцев. Поэтому она, в силу

эгоизма «сеньоров» колонизации и близорукости колониалистских кругов в самой метрополии, реально не могла произойти, хотя для нее, казалось бы, существовали благоприятные условия.

Конец прошлого и начало нынешнего века — время «пробуждения Азии», начало выхода поработенных империализмом народов из периода застоя и захирения, последовавшего вслед за их поражением в неравной борьбе с колонизаторами. В Алжире этот период культурно-политического упадка коренного населения при одновременном закреплении позиций европейцев растянулся чуть ли не на всю последнюю треть прошлого века. Тем труднее было избежать ощутимых потерь, каковыми следует признать общую задержку в развитии производительных сил «туземного» Алжира (на фоне «неудержимого процветания» латифундизма и местного ответвления капитализма метрополии), отставание процесса формирования новых социальных сил (пролетариата, буржуазии, современной интеллигенции и средних слоев) среди коренного населения от идентичного процесса в среде алжиро-европейцев, разрыв между социально-экономическими и научно-техническими императивами новой реальности, с одной стороны, и традиционными представлениями, знаниями, социальными связями большинства алжирцев — с другой. Прямым следствием всего этого были упадок просвещения и вообще арабоязычной культуры, утрата национальной самобытности полуассимилировавшимся большинством образованной по-французски элиты.

В подобных условиях культурно-политическое возрождение алжирского народа, рост гражданского самосознания алжирцев, их пробуждение к активной общественной жизни теоретически были возможны при условии последовательной политико-юридической и социально-культурной ассимиляции. При этом следует помнить, что эти возрождение и пробуждение происходили в обстановке нараставшего прилива и усиления европейского элемента, являвшегося в целом носителем всего более передового: способа производства, достижений науки, техники и культуры, политических идеалов, будь то буржуазно-либеральная демократия или марксистский социализм.

В связи с этим нельзя отрицать, что в ассимиляционизме наиболее офранцузенной части алжирской буржуазии и буржуазной интеллигенции было помимо антипатриотизма и узко-идеалистической интерпретации просветительства также и рациональное зерно объективно неизбежной тяги к более передовой европейской культуре, к экономическому, техническому и социальному прогрессу. «Возможны были, — утверждали позднее алжирские ассимиляционисты, — две политики: политика эмансипации с помощью школ, французского административного режима в рамках французской национальности и политика колонизации с помощью античных методов». Колонизаторы выбрали вторую, отвергая любые мольбы о каком-либо «примирении Франции и ислама», а также фантазии о якобы возможном «образовании франко-мусульманской культуры Франции на Востоке».

Ответом «сеньоров» и их парижских покровителей были расистские теории «алжиро-латинизма» Луи Бертрана, колониалистские декларации всех оттенков и примитивное кредо газеты «Фигаро»: «Чтобы среди них (алжирцев — *Р. Л.*) преуспеть, надо им все навязывать. Мы предстаем перед ними в качестве наследников Римской империи и сильной нации». Напоминая певцам «латинского духа» о том, что «Рим оставил в этой стране лишь руины», Ф. Аббас так оценил недалекость такой позиции: «колонизации свойственны сила без мысли, голова без души» [28, стр. 57—59, 99].

Практически колонизация не нашла, да и не искала, каких-либо путей к действительной ассимиляции алжирцев, ибо это противоречило ее интересам. Вследствие этого взаимодействие и взаимовлияние колонизации и ее алжирского окружения всегда проходили противоречиво, в обстановке острой борьбы по любому аспекту отношений между двумя главными этническими компонентами населения страны. Это постоянное противоборство и определило антиколониальную основу формирования алжирской нации, объективный антиколониализм почти всех политических течений алжирского общественного мнения, в том числе ассимиляционистского направления, которое, формально выступая за духовное слияние с колонизаторами, фактически противопоставляло себя их политике, ибо требовало политического

равноправия, подрывавшего саму суть колониального строя.

Алжирские традиционалисты, представлявшие собой первую волну нарождавшегося алжирского национализма, не овладели всем необходимым в трудных условиях колонии переходного типа — богатством политических, тактических и прочих методов и форм освободительной борьбы. Они активно противились обновлению самого характера борьбы и недооценивали ее новых возможностей. Более гибкие и просвещенные младоалжирцы, наоборот, переоценивали эти новые возможности, понимая под ними в основном лояльное сотрудничество с властями и ассимиляторство реформистского толка, с помощью которых они надеялись достичь политической и юридической эмансипации. Таким образом, обе ветви алжирского антиколониализма, сложившегося в конце прошлого века, имели свои позитивные и негативные стороны.

Младоалжирцы были готовы добиваться своего ценой почти полного отречения от национальной самобытности. Если считать, что «политика — это искусство возможного», то младоалжирцы были хорошими мастерами этого искусства. Однако их соло звучало без поддержки мощного хора народных масс, которые больше верили традиционалистам. Сама логика развития антиколониального движения требовала объединения усилий двух исторически сложившихся течений, из которых одно было влиятельно, но слепо, а другое — понятно, но бессильно. К сожалению, процесс этого объединения в рассматриваемый период даже не начался, а в дальнейшем — оказался долгим, сложным и зигзагообразным.

Решающие коррективы в эволюцию алжирского антиколониализма внесла Великая Октябрьская социалистическая революция, властно выдвинувшая на первый план во всем мире новые политические силы — в лице трудящихся и эксплуатируемых классов — пролетариата и крестьянства. И хотя в Алжире эти классы не смогли взять на себя роль гегемона национально-освободительного движения, сам факт их активного выхода на политическую авансцену сыграл значительную роль. Окончательно это стало ясно после завершения первой мировой войны и полной победы революции в России,

после получивших отклик в Алжире и рожденных Великим Октябрем революционных сдвигов во Франции и в арабском мире, зарождения в Алжире коммунистического движения и первых национальных политических партий.

Первая мировая война, таким образом, не только объективно способствовала дальнейшему росту антиколониального движения, укрепив и обновив его авангардные силы, но и завершилась серьезным качественным сдвигом в самом характере этого движения. Оно превратилось из очень широкого и не всегда ясного по своим идеалам антиколониального движения в более конкретное и целенаправленное национально-освободительное, перестав быть сознательным делом только образованной элиты и вылившись в подлинно народное движение почти всех классов алжирской нации.

В дальнейшем потребовались еще десятилетия для того, чтобы это движение обрело действительную мощь, глубину и массовость. Но все главные предпосылки его превращения из борьбы против несправедливости колониального гнета в борьбу за свержение этого гнета сформировались в годы первой мировой войны. Их дальнейшее развитие под воздействием идей и примера Великой Октябрьской социалистической революции составило содержание нового этапа в развитии освободительного движения алжирского народа и вообще истории Алжира.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ I

Глава I

¹ Некоторые из них были даже среди назначенных султаном пашей в Алжире.

² Вплоть до наших дней среди арабов Северной Африки сохранились языковые различия между этими группами населения; местные арабские диалекты «принято условно делить на три типа говоров, сформировавшихся в процессе исторического развития этой части континента: а) городские, б) деревенские, в) бедуинские» [66, стр. 8].

³ Мавры носили испанские имена, прибегали к особым формулам клятв, ссылаясь на «кастильский обычай» или «слово валенсианца». В Магриб они принесли особый «андалусский» (иначе «мавританский») стиль в архитектуре, музыке, поэзии, ремеслах.

⁴ Рабы — африканцы, образовавшие особую корпорацию «генауа» (т. е. гвинейцев), как правило, освобождались в случае смерти хозяина и, если принимали ислам, могли даже наследовать его имущество.

⁵ Иногда «азель» означал всего лишь временную передачу права сбора налогов в пользу государства.

⁶ Французский исследователь-марксист Рене Галиссо прямо указывает на «внутренний механизм эксплуатации» и «иллюзию коллективной формы» в племенах [136, стр. 7]. Со своей стороны, алжирский историк Мухаммед-Шериф Сахли пишет: «Алжир не был раем в 1830 г. Но тем более таковым не была и Франция» [188, стр. 7].

⁷ Турки пользовались услугами представителей и других групп населения (так, на посты казначеев — «хазнадаров» — часто назначались евреи), но это было скорее исключением, чем правилом.

⁸ В арабских странах расхождения между толками и направлениями ислама очень часто являются показателем расхождений социально-политических. Достаточно упомянуть существовавшие еще совсем недавно напряженные отношения между зейдитами и шафиитами в Йемене, суннитами и шиитами в Ираке, друзьями и алавитами в Сирии и др.

⁹ Были и исключения. Например, мавры почти не отличались по языку и вероисповеданию от арабов-маликитов в городах Алжира. Однако они, отличаясь в культурно-бытовом и психологическом отношениях, селились отдельно и занимались строго определенными профессиями.

¹⁰ В начале XIX в. в Алжире было 400 таких завий [186, стр. 7].

¹¹ В 1802 г. алжирский флот еще насчитывал 66 военных кораблей, каждый из которых имел от 25 до 80 пушек [105, стр. 17]. Но это — всего лишь тень бывшего средиземноморского могущества деев.

¹² На самом деле, вопреки рапортам де Бурмона, преуменьшавшего потери французов, его армия менее чем за месяц боев потеряла убитыми, ранеными и больными более 6 тыс. человек, т. е. почти пятую часть своего состава [158, стр. 247].

¹³ О деятельности Абд аль-Кадира и созданном им государстве см.: [80; 92, стр. 32—80; и 93, стр. 193—202].

¹⁴ Пользуясь взаимным недоверием и враждой между «арабской» властью Абд аль-Кадира и «турецкой» властью Ахмед-бея, все время ждавшего помощи из Турции, французы еще раньше нанесли решающий удар Ахмед-бею, взяв в 1837 г. столицу его бейлика Константину. Отступив в горы Ауреса, Ахмед-бей сделал своей ставкой неприступное убежище Ахмар Хадду, откуда смог еще 11 лет руководить партизанской войной с захватчиками. Часть областей, входивших в его бейлик (например, некоторые районы Кабилии), признала власть Абд аль-Кадира и приняла его наместников.

¹⁵ Только в ходе восстания 1871—1872 гг. 250 арабских и берберских племен (около 800 тыс. человек) дали французам около 340 сражений на территории всего восточного Алжира, контроль над которым был полностью утрачен французами на многие месяцы. Захваченные руководители восстания были высланы в Новую Каледонию, где томились в заключении несколько десятилетий вместе с арестованными борцами Парижской Коммуны [78, стр. 237; 111, стр. 43].

^{15a} Лично Наполеон III этому не сочувствовал и явно надеялся укрепить в Алжире свой военно-бюрократический «режим сабли», искусственно консервируя там феодально-патриархальные структуры. В 1865 г. он писал маршалу Мак-Магону, что «страшной ошибкой было издавать для Алжира законы, применимые только к странам вроде Франции». Но официальная позиция его правительства заключалась в том, чтобы «ослабить влияние родовых старейшин», рассеять «остатки феодального права», способствовать «созданию частной собственности» и «поселению европейских колонистов». Специальные военные комиссии в 1863—1870 гг. произвели раздел 400 из 700 родовых владений, в том числе путем официального признания ранее фактически возникших в их пределах частнособственнических имений и парцеллов [72, стр. 217—219].

¹⁶ В 1863—1870 гг. решение сената было применено к 372 племенам Алжира, насчитывавшим 1037 тыс. членов ($\frac{2}{5}$ населения страны) [158, стр. 372].

¹⁷ Военный министр Наполеона III генерал Ламорисьер инспирировал первые попытки крупнокапиталистической колонизации Алжира, предоставив 3 тыс. га компании «Сельскохозяйственный союз» [157, стр. 42].

¹⁸ В 1863—1900 гг. около 2250 тыс. га земель, на которые племена имели «слишком неясные» права, были переданы в собственность французского государства [157, стр. 43].

¹⁹ Формально над всем имуществом «хабус» контроль французских властей был установлен еще в 1843 г.

²⁰ В 1871—1895 гг. было совершено 17 тыс. закупок земли на основе закона 1873 г. [161, № 78, стр. 53].

²¹ Благодаря этому власти получили возможность предоставить для колонизации в 1881—1900 гг. дополнительно 296 тыс. га земель [158, стр. 389].

²² По мнению Р. Арона, Ф. Лаваня и некоторых других авторов, якобы лишь 500 тыс. га достались колонистам за счет конфискаций и секвестров, а основная часть (около 2 млн. га) — за счет земель «бейлик» и «свободной продажи» земель алжирцами колонистам [117, стр. 211—212].

²³ «Почтенные колонисты, — свидетельствовало в одном письме из Алжира в 1834 г., — в большинстве своем беглые каторжники или люди, которым место на каторге» [64, стр. 56].

²⁴ Сведения о национальном происхождении, профессии, семейном положении и жизненном пути европейцев, поселившихся в долине реки Шелиф (западный Алжир), см.: [206, т. I, стр. 236—375].

²⁵ «Некоторые из них заняты в сельском хозяйстве, но чаще всего они — чиновники, дельцы, инженеры, адвокаты, врачи или квалифицированные рабочие (в филиалах промышленных предприятий)», — указывалось впоследствии в одном официальном издании Фронта национального освобождения Алжира [25, стр. 5].

²⁶ Впоследствии их можно было встретить также в центре и на юге, от Буфарика до Бискры, где «рука левантинца (здесь — уроженца восточного побережья Испании. — Р. Л.) создавала сады и рисовые поля» [203, стр. 6].

²⁷ Сведения о районах расселения европейцев взяты из [97, стр. 64], а о распределении занятых среди них — из [164, стр. 11]. См. также: [114, стр. 141—149].

²⁸ О трудностях колонизации, связанных с природными условиями и коренной ломкой традиционных форм местного землевладения, подробно говорится в фундаментальном труде Ксавье Яконо [206, т. I, стр. 66—235].

²⁹ Частично ярость Бюжо была вызвана тем, что ряд семейных «компаний» и «мастерских» был основан в Алжире сен-симонистами, а также «проявлявшими индивидуальную инициативу» фурьеристами, которые совершенно «не вписывались» в его планы военной колонизации [145а, стр. 117].

³⁰ Другой, но, конечно, не главной причиной, была филлоксеры, поразившая алжирское виноградарство в 1900—1905 гг. и вызвавшая «экономический упадок», уход многих колонистов в города и замену их «все возрастающим туземным пролетариатом» [164, стр. 21].

³¹ В этой связи интересно отметить прекращение иммиграции в такую богатую область колонизации, как долина р. Шелиф, еще в 1891 г. [206, т. 2, стр. 262].

³² В 1911—1926 гг. в Алжир ежегодно въезжали не более 400 европейцев (а в 1906—1911 гг. — в среднем по 6700); в 1936—1948 гг. это число возросло до 6500, но потом опять снизилось до 3500 в 1948—1954 гг. Исключение — период 1926—1931 гг., когда потребность в квалифицированной рабочей силе для крупномасштабного строительства (к столетию завоевания Алжира) вызвала резкое увеличение притока европейцев в среднем до 13 300 в год [117, стр. 58].

³³ Любопытен «юридический парадокс», характерный для положения селившихся в Алжире марокканцев и тунисцев: «будучи иностранцами, они воспользовались законом об автоматической натурализации для своих детей, родившихся в Алжире, в то время как ал-

жирские мусульмане еще не стали французскими гражданами» [117, стр. 57].

³⁴ В 1954 г. лишь 11% алжирских европейцев были уроженцами Франции. Из остальных больше половины были нефранцузами по происхождению [124, стр. 113]. В 1896 г. в Алжире насчитывалось 212 тыс. иностранцев и 318 тыс. французов, среди которых было 50 тыс. «натурализованных», т. е. принявших французское гражданство иностранцев. В 1901 г. в стране было 364 тыс. французов (72 тыс. «натурализованных») и 189 тыс. иностранцев. Но среди «чистых» французов теперь было уже немало детей «натурализованных» [111, стр. 55].

³⁵ «Мы не только французы, мы еще и европейцы», — заявляли некоторые из них и приводили при этом следующие сравнения: «Американцы — не англичане. Галло-римляне — не римляне» [164, стр. 27].

³⁶ В 1948 г. из 932 тыс. европейцев, учитывавшихся французской статистикой по разным рубрикам, 744 тыс. были уроженцами Алжира, т. е. представляли минимум второе поколение поселенцев из Европы [97, стр. 74]. «Я говорю, как алжирец», — писал в 1958 г. мэр города Алжира Жак Шевалье, — так как пять поколений моей семьи, происходящей от уроженца Лиона, покоятся или рождены на этой африканской земле... Они укоренились в этом Алжире, ставшем их землей, почти отечеством» [34, стр. 12]. «Я не напишу ничего, не связанного хоть в какой-то степени с этой породившей меня землей», — говорил в 1946 г. всемирно известный писатель и философ Альбер Камю, родившийся и постоянно живший в Алжире. «Я почти ничего не могу написать, в стихах или в прозе, что не вдохновлялось бы Алжиром в той или иной мере», — признавал другой алжиро-европейский писатель Габриэль Одиэно [18, стр. 18].

³⁷ Еще в 1894 г. «евралжирским» писателем Мюзеттом был создан образ «нефранцуза» Кагайюса — насмешливого задир и ловкого плута, так и сыплющего специфическими «алжирскими» оборотами французской речи. Имя Кагайюса стало нарицательным для обозначения типичного представителя европейцев Алжира [144, т. 1, стр. 33—35]. Другими выразителями «евралжирской души» явились Робер Рандо, Альбер Камю, Эмманюэль Роблес, Жюль Руа, Жан Пелегри, Габриэль Одиэно и др. Из них особенно следует выделить Р. Рандо, «наиболее оригинального представителя алжирского направления» французской литературы [74, стр. 48], а также Камю и Роблеса.

³⁸ По свидетельству Марселя-Эдмона Нежлена и других очевидцев, в Алжире европейцы образовали новый «тип с общими чертами в обычаях, выражениях и складе ума» [50, 15.XII.1951, стр. 610].

³⁹ Французы долгое время доверяли перешедшим к ним на службу туркам и кулуглу гарнизонную службу в ряде городов (например, в Тлемсене и Мостаганеме), но преследовали тех из них, кто оказывал сопротивление (янычар Ахмед-бея в Константине, бея Бу Мезрага в Медеа) и пытался объединиться с арабскими и берберскими племенами [158, стр. 266—268].

⁴⁰ Утратив впоследствии благодаря смешанным бракам этнические отличия от основной массы мусульман Алжира, оставшиеся в стране турки и кулуглу в большинстве случаев сохранили привилегированное положение, став первыми мусульманскими агентами французской администрации или же, как чересчур категорично заявляет Арслан Хумбараджи, «родоначальниками современной севе-

роафриканской буржуазии». Практически они растворились среди алжирцев и лишь отдельные имена (например, Кара, Бальхауан) указывают на турецкое происхождение их носителей. Вместе с тем Хумбараджи утверждает, что у некоторых из них сохранилось якобы чувство «турецкого превосходства» над «слабовольными» арабами [146, стр. 17—18]. Еще в 1924 г. они составляли значительный процент горожан. Например, в г. Блиде треть жителей были турки [33, стр. 32].

⁴¹ В столице Абд аль-Кадира Тагдемте (в 1840 г.) наряду с арабами, берберами и евреями жили триста семей кулуглу, французские и испанские рабочие из числа законтрактованных, перебежчиков и военнопленных, а также мавры, бежавшие из Мостаганема и Мазаграны [158, стр. 284].

⁴² «Медина» по-арабски — «город». В Алжире, в отличие от Марокко и Туниса, медины чаще именуют «касба», так как обычно касба занимает всю или почти всю ее территорию. О том, насколько «вилъ» подавлял «касбу», свидетельствует П. А. Чихачев: «В современной части города можно иногда вообразить, что не французы приехали к арабам, а как раз наоборот, арабы приехали навестить французов». Город Алжир он сравнивал с Гибралтаром и Марселем, а Бон воспринимал как «один из нарядных приморских городков на юге Франции» [95а, стр. 74—75, 236].

⁴³ Об их покорности и запуганности, а также о рецидивах их бывшего презрения к бедуинам свидетельствовало, например, трусливо-эгонистичное письмо нотаблей Константины (известных и в дальнейшем своим коллаборационизмом) Алауы Бен Саси, Хамуды Бен Шиха, Мухаммеда Бен Аззуза, Сегира Бен Куджик Али и др. во время восстания племен в 1871 г. В этом письме они называли себя «грамотными и оседлыми горожанами, любящими спокойствие, мир, тишину и благосостояние», а также «уважающими власть друзьями закона», желающими «жить в довольстве со своими женами и детьми». Они просили французского губернатора «не смешивать их, просвещенных и образованных людей, благодарно ценящих покровительство и справедливость Франции, с бедуинами и людьми из племен», которых они предлагали «подвергнуть суровым и энергичным репрессиям», ибо «только сила и жестокость могут одолеть их натуру» [156, стр. 61].

⁴⁴ В частности, в бывшем бейлике Константины была учреждена система «протектората» при сохранении власти наследственных феодальных правителей (Бен Хабилеса, Бен Ашура, Мукрани, Бен Ганы, Хамлауи, Бен Бахмеда и Бен Айсы), имевших собственную вооруженную охрану, право назначать шейхов и присваивать одну треть собираемых ими налогов под контролем местного французского военачальника. По свидетельству очевидца, «это были скорее вассалы, нежели чиновники» [156, стр. 58].

⁴⁵ «Знать еще имеет огромное влияние на туземцев и ей всюду надо придавать серьезное значение», — убеждал Дома своего шефа Бюжо [111, стр. 21].

⁴⁶ У оседлых земледельцев к тому времени племя существовало скорее как совокупность родственных фракций и даже дуаров (крупных селений, выросших в свое время из больших стоянок), занимавших определенную территорию.

⁴⁷ Некоторые из них были недовольны также воспринятым французами от Абд аль-Кадира отказом от деления на свободные и по-

датные племена, так как племена теперь делились на «про-» и «анти-французские». Часть выходцев из племен «махзен» образовала своего рода марионеточные войска («мохазни») на службе у французов.

⁴⁸ «Офицеры и переводчики, входившие в эти бюро, говорили по-арабски и знали мусульманское общество. Ведя жизнь восточных вождей, окруженные вниманием и уважением, они вскоре стали пытаться осуществлять прямое управление» [111, стр. 21].

⁴⁹ По свидетельству современников, «место начальника арабского бюро, даже самого незначительного — это отличное место, особенно учитывая, что приходится иметь дело с налогами. Любой младший лейтенант, которого вконец разорили карты, расточительство и прочие дурные привычки, стоит только ему занять должность в каком-либо из арабских бюро, быстро покроет свои долги» [97, стр. 62].

⁵⁰ Имея ввиду малочисленность всего этого персонала, Ажерон пишет: «Можно сказать, что Алжир держали в руках полторы — две тысячи человек, к которым следует добавить шесть или семь сотен назначенных кайдов» [111, стр. 29]. Он, однако, «забывает» про европейцев, гражданских чиновников колониальной администрации, три армейских дивизии и дружины феодалов-коллаборационистов.

⁵¹ «Солдаты, администраторы, осведомители, судьи, контролеры, технические советники — эти всемогущие люди фатально становились в глазах мусульман подлинным правительством» [111, стр. 22]. Полное властие любого из них «ограничивалось лишь его собственной разумностью и моральными качествами» [131, стр. 35].

⁵² К. Яконо в числе причин разрыва племенных связей в западном Алжире называет переход политических, судебных и налоговых функций от шейхов племен к французской администрации, передачу ей управления делами культа и образования, а также «подрыв общинной собственности на землю» [206, т. 1, стр. 272—304].

⁵³ Некоторые хозяйственные результаты колонизации в начале казались позитивными (например, освоение новых посевных площадей), но по прошествии некоторого времени показали свою действительную сущность. «В то время как раньше, — писал в 1957 г. М. Эгрето, — пастухи использовали леса под пастбища, не нанося им ущерба, колонизаторы, отеснив племена на непродуктивные земли, вынуждали их поднимать целину и вырубать лес на этих землях с целью получения площадей под посевы зерновых и для скотоводства. Результаты оказались катастрофическими. Площадь лесов, исчезнувших в 1830 г., оценивается в 1 млн. га; и поныне эрозия уносит ежегодно 40 тыс. га пахотных земель» [97, стр. 96].

⁵⁴ Признанный лидер алжирского национализма Фархат Аббас сказал в 1947 г., выступая в Совете Республики — верхней палате парламента Франции: «С точки зрения европейца, то, что создано французами, может вызвать у них чувство гордости. У Алжира есть сегодня структура подлинного современного государства: он оснащен, пожалуй, лучше всех североафриканских стран и может выдержать даже сравнение со многими странами Центральной Европы. Со своими 5000 км железных и 130 000 км шоссежных дорог, портами Алжир, Оран, Бон, Бужа, Филиппвиль, Мостаганем, крупными плотинами и водохранилищами, организацией общественных служб, финансов, бюджета и образования, широко удовлетворяющих потребности европейского элемента, он может занять место среди современных государств» [117, стр. 220].

⁵⁵ Достаточно лишь одного примера: несмотря на земельный грабёж и оттеснение коренного населения в малоплодородные районы, общая площадь обрабатываемых земель за 1830—1930 гг. удвоилась благодаря общему прогрессу агротехники и применению новейших методов ведения хозяйства [117, стр. 215].

⁵⁶ Созданный в 1847 г. правительственный вестник «Аль-Мубашшир» явился третьей в мире газетой на арабском языке и имел целью, кроме «информации каждого подданного о пределах его обязанностей», также «повышение интеллектуального уровня алжирских мусульман путем ознакомления их с техническим и научным прогрессом» [178, стр. 25].

Глава 2

¹ Во многом справедливо, хотя слишком преувеличено и категорично, представление Бурдые о колониальном обществе Алжира, как о «фактически образованном из двух различных „сообществ“, противостоящих друг другу и нисколько не интегрированных в единое целое» [124, стр. 116].

² Алжирские революционеры после завоевания независимости проявили большой интерес именно к России 1921 г. и к постановке Лениным вопроса о нэпе. На «определённую аналогию положения Алжира» с положением тогдашней России указывает также чехословацкий исследователь Оплуштил [175, стр. 74].

³ В колониальном Алжире сохранялись, иногда в сильно изменённом или рудиментарном виде, почти все уклады, существовавшие в эпоху деев (феодальный, феодально-патриархальный, натурально-патриархальный), наряду с трансплантацией в страну французского капитализма во всех его формах (свободного предпринимательства, монополистического капитала и, позднее, государственно-монополистических форм хозяйствования). В столь пестрой среде возникли и росли мелкотоварный и мелкокапиталистический уклады в Алжире.

⁴ Кричащая несовместимость многих из этих компонентов столь разительна, что вызвала следующее замечание известного лингвиста и социолога Филиппа Марсэ: «Прежде всего — разнообразие этнических типов: оно столь очевидно, что поражает малосведущего путешественника, но столь запутанно, что и специалисту бывает его трудно проанализировать и определить. Столь же разнообразен образ жизни, что более объяснимо, так как является следствием разнообразия природных районов и, в некоторой степени, исторического прошлого страны» [114, стр. 263].

⁵ Кое-где остатки рабовладения сохранились до наших дней. Итальянский исследователь-марксист Лорис Галлико указывал, что терпимость французов по отношению к пережиткам рабства в Алжирской Сахаре объяснялась «просто их нежеланием каких-либо реформ в области прав личности». Даже ещё в 1949 г. в Хоггаре (Сахара) на 3960 свободных людей приходилось 1552 раба. Одному из них Альбер Камю посвятил новеллу «Ренегат» [55, стр. 85]. На наличие рабов у туарегов указывал позднее исследователь из ФРГ Петер Фукс [87, стр. 63].

⁶ В 1935 г. в Алжире наряду с 1196 дуарами, т. е. крупными группами селений, ставшими ещё в прошлом веке территориальными единицами, существовали 709 племен, территория которых ещё не

была разделена на дуары либо по причине их кочевого образа жизни или неполного оседания, либо в силу крепости патриархальных связей [19, 1936, стр. 184—185]. По мере отказа от кочевого образа жизни усиливалась феодализация племен: «Дело в том, что переход к оседлости означал одновременно присвоение племенной земли вождями, которые становились полновластными хозяевами всей экономической жизни племени. Рядовые кочевники были уже настолько опутаны долгами, настолько экономически зависели от вождей, что издольщина стала для многих единственным выходом из положения» [82, стр. 45].

⁷ Это — следствие французских законов 1844, 1846, 1851, 1858, 1863, 1873, 1887 и 1926 гг., по которым часть земель племен была насильственно экспроприирована в пользу Франции. Другая часть дробилась на личные наделы, которые члены племени могли продавать (чего они не могли делать с общинной землей). Это вело к разединению общинников и ускорению экспроприации их земель колонистами. См. об этом: [19, 1927, стр. 404; 1936, стр. 184—185].

⁸ Этот процесс продолжался и после первой мировой войны. Не-которые алжирцы, накопив денег за четыре года службы во французской армии, стали вкладывать их в сельское хозяйство. В 1918 г. алжирцы купили у европейцев 20 300 га (а те у них — 16 840 га), в 1919 г. — 40 440 га, (европейцы — 19 080 га) [99, стр. 45]. Особенно широкий размах скупка земель алжирцами приобрела с 1921 г., когда разоренные экономическим кризисом мелкие колонисты стали уходить в города, в связи с чем исчезали целые поселки колонистов, и их газеты писали об участвовавших продажах земли «туземцам», которые таким способом, например, осуществляли «мирную реконкиту» и «карибизацию» области Титтери [153, стр. 684].

⁹ В определенной мере здесь сказывались также консерватизм и предрассудки традиционного мышления алжирских крестьян. Но их фатализм был следствием не мистицизма, а трезвой оценки всей важности случайных факторов, обуславливающих успех их усилий». Утверждающий это французский социолог Дестанн де Берни доказывал, что то же самое было в средневековой Европе. Соглашаясь с ним, Максим Родинсон критикует авторов-колониалистов, считавших национализм и религиозный фанатизм мусульман причиной их культурно-экономической отсталости: «Эти авторы смешивают реакции переходной фазы, когда общество на данной стадии своей эволюции резко сталкивается с техникой, организацией и понятиями совершенно новыми, пришедшими из-за границы и часто навязываемыми иностранцами, с реакциями, порождаемыми противоборством двух взаимно несовместимых культур, изначально чуждых одна другой по своей сути» [185, стр. 125, 180].

¹⁰ «Именно в среде ремесленников, — писал П. Бурдьё даже в 1963 г., — поддерживаются профессиональные отношения патриархального типа... Связь между нанимателем и работником часто полностью аналогична связи между хозяином и хаммасом в традиционном обществе» [201, стр. 523].

¹¹ Сами экономические условия ремесленного производства консервировали патриархальность: «Наиболее крупные ремесленные предприятия насчитывают по 20 рабочих и подмастерьев; хозяин получает чуть больше своих рабочих, трудится вместе с ними и разделяет их заботы; преимущества его положения дают ему в основном почет и престиж» [124, стр. 55].

¹² Пределом мечтаний образованного алжирца должны были оставаться так называемые франко-мусульманские медресе в городах Алжир, Тлемсен и Константина, в которых 1500 алжирцев, готовясь стать «чиновниками, помощниками и переводчиками» колонизаторов, получали эклектичное и несистематическое образование на французском языке, с преподаванием на арабском отдельных предметов [103, стр. 354].

¹³ Это, кстати, доказывает полную беспочвенность взглядов французского экономиста Рене Жандарма относительно якобы «отвращения» колонистов к индустриализации ввиду их «любви к земле» [140, стр. 144—146]. Когда им было это выгодно, они охотно подвизались в сфере промышленного бизнеса.

¹⁴ Из десяти алжирцев, работавших по найму уже после второй мировой войны (включая служащих и чиновников), лишь трое обладали какой-либо квалификацией [117, стр. 228].

¹⁵ Руководство АКП подчеркивало, что алжирский пролетариат в большинстве своем «сформировался не в борьбе против алжирской национальной буржуазии, а, главным образом, в борьбе против французской колониальной буржуазии» [13, стр. 75].

¹⁶ По рассказу очевидца, жившего во Франции в 30-е годы, эмигранты-кабилы, селившиеся в окрестностях Парижа, даже образовывали особые замкнутые землячества по признаку племенной принадлежности.

¹⁷ До 1830 г. в Алжире неграмотных было меньше, чем во Франции (менее 40%). Хусейн Тарикн считает, что в стране было около 2 тыс. школ, важнейшие — при 4 главных мечетях в городах Алжир, Тлемсен, Константина и Мазуна [105, стр. 18]. Однако, по данным Марсея Эмери, в каждом бейлике насчитывалось по 2—3 тыс. школ, в основном при завиях братств (лишь в области Тлемсена их было 30) и мечетях, не считая медресе, т. е. мусульманских университетов средневекового типа. В одном Тлемсене было 50 школ с 2 тыс. учеников и 2 медресе с 600 студентов [158, стр. 228—229].

¹⁸ Например, Варнье писал, будто бы «Кабилля гораздо искреннее подчинилась Франции, нежели арабские племена, более 30 лет раскидывающие палатки у ворот наших городов» [112, стр. 318].

^{19a} Полковник Аното, специально занимавшийся кабийским вопросом, насчитал в 1860 г. в Алжире более 800 тыс. берберов, ошибочно включив в это число жителей давно арабизированных районов (например, Малой, или Баборской, Кабилии).

¹⁹ Главный католический храм Алжира — собор Африканской богородицы — был стилизован под мечеть (он был перестроен в 1858 г. из разрушенной мечети) и украшен надписью «Матерь божия, покровительница Африки, молись за христиан и мусульман!» Посетивший собор в январе 1878 г. П. А. Чихачев писал: «Одеяния монахов, служителей храма, усиливают восточный колорит, так глубоко внедрившийся в архитектуру храма. Здесь сутана становится белым бурнусом, так что на известном расстоянии можно принять за арабов этих бородатых монахов, носящих к тому же на голове красные фески. Иллюзия будет еще более полной, когда видишь монахов, отправляющихся для миссионерской деятельности в арабские племена. Тогда турецкая феска покрывается капюшоном и прикрепляется веревкой из верблюжьей шерсти. Все священники храма... предварительно кончают семинарию... где носят арабский костюм и в совершенстве изучают язык страны» [95a, стр. 89—90].

²⁰ Церковь не только морально, но и материально участвовала в колонизации. Например, основанный в Стауэли в 1843 г. монастырь монашеского ордена траппистов занял обширную территорию (40 га), покрыв ее виноградниками и плантациями герани. В 1878 г. 115 монахов пользовались доходами с этих угодий, держали 150 лошадей и коров, имели столярные мастерские, кузницы, булочные, прессы для выжимки масла и вина, склады, водяные мельницы, конюшни и прочие помещения [95а, стр. 112—113]. Впоследствии их имение было куплено швейцарским семейством Боржо, богатейшим в колониальной Алжире.

²¹ Просто Кабилией называют Великую (Джурджурскую) Кабилию, наиболее гористую и труднодоступную. Баборская Кабия и Кабия Колло менее гористы и арабизированы (полностью или в очень значительной мере).

²² Они были восстановлены лишь в 1945 г. Однако Ажерон утверждает, что они фактически тайно продолжали существовать все время и сравнивает их с «советами нотаблей» в деревнях колониальной Вьетнама [112, стр. 331].

²³ Малочисленность французской администрации в Кабилии во многом объяснялась отсутствием в этой бедной области поселений колонистов.

²⁴ В 1872 г. сумма выплачивавшейся кабилами подушной подати составляла одну треть всех налоговых поступлений от мусульман [112, стр. 339].

²⁵ В 1885 г. создана кафедра кабийского языка при Высшей филологической школе Алжира.

²⁶ Несмотря на абсолютный рост численности берберов (с 801 628 в 1860 г. до 1 242 686 в 1910 г.), доля их в целом снижалась (примерно с половины к началу завоевания до четверти к началу XX в.). Официальный опрос и перепись 1911 г. показали, что «берберский язык имеет тенденцию к исчезновению, заменяясь арабским» [112, стр. 340]. Тем не менее, по данным Британского королевского института международных вопросов, даже к началу второй мировой войны берберы составляли 35% коренных алжирцев [172, стр. 14].

²⁷ В 1892 г. племя айт йенни имело 6 школ на 9500 учеников, бану угли — 9 школ на 17 тыс. В таком же положении были племена айт менгаллет, фраусен, айт иратен [112, стр. 345].

²⁸ 4% их стали чиновниками или лицами свободных профессий, 6% ушли на заработки в города, а 90% остались в своей социальной среде: из них — 8492 земледельца, 1727 ремесленников, 1670 торговцев и разносчиков. Только 252 продолжали учебу по завершении начального образования.

²⁹ В 1912 г. во Франции проживало 5 тыс. кабилов, в 1914 г. — 15 тыс. [112, стр. 342]. В дальнейшем около четверти всех кабилов постоянно находились на заработках во Франции [143, стр. 7].

³⁰ Объясняя в целом правильно неудачу политики «приручения» берберов, Депон не делал из этого необходимых выводов. В частности, в 1929 г. он поднял вопрос о возможности использования «более легко ассимилируемых берберов... против большевиков» (!) [112, стр. 328—329].

³¹ «Существует не только социальный и религиозный, но и расовый барьер», — отмечал позднее кабийский общественный деятель Иба Зизен [54, 1955, № 87, стр. 17]. «Я всегда видел арабов за работой», — отмечает родившийся в Алжире в 1907 г. французский писа-

тель Жюль Руа,—и потому меня очень удивляли разговоры о том, что они ничего не делают. Но я знал, что арабы люди не моей расы, что их раса ниже нашей — ведь мне вечно твердили об этом» [26, стр. 25—26].

³² Их изоляция доходила до того, что считалось оскорблением сказать девушке: «Желаю тебе выйти замуж за мгаджи» [187, стр. 71].

³³ Их число стало увеличиваться после того, как многие побывавшие в эмиграции стали привозить себе жен из Франции (шариат разрешает мусульманам-мужчинам жениться на «неверных»).

³⁴ В романе Мулуда Ферауна «Дороги, ведущие в гору» показана горестная судьба такого «сына мадам» Амера, травмированного и избиваемого своими сверстниками.

³⁵ Ш.-А. Жюльен писал в 1952 г.: «Буржуазия мавританских городов и буржуазия, ведущая свое начало от смешения с турками, обнаружила перед собой новую буржуазию, в значительной степени сложившуюся из кабилских эмигрантов» [154, стр. 39].

³⁶ Кабилы, в частности, интенсивно «осваивали» городские центры арабских районов, прежде всего расположенный в нескольких десятках километров от Кабилии город Алжир. Здесь из 75 тыс. жителей Касбы в 1936 г. 21,5 тыс. были кабилами, причем выходцы из одной деревни предпочитали селиться рядом [173, стр. 34]. Если учесть, что немало кабил (крупных торговцев, посредников, чиновников и лиц свободных профессий) жило к этому времени в европейских кварталах, а еще больше — в трущобах предместий, где довольно значительный процент населения ухитрялся заниматься мелким предпринимательством и накопительством, то можно получить хотя бы приблизительное представление о масштабах капиталистической деятельности пришельцев из Кабилии как в столице, так и в других городах страны.

³⁷ Этому способствовало преобладание отходничества в кабилской деревне. Жюль Руа, чье детство прошло на ферме колониста, вспоминает, что еще до первой мировой войны среди рабочих на ферме было больше всего кабил, которые «спускались с гор и нанимались целыми партиями на сезонные работы» [26, стр. 25].

³⁸ А. Сайяд указывал в 1967 г. даже на более четкое, чем в других арабских странах, «противоборство» между арабским разговорным и арабскими классическим языками в Алжире «ввиду относительно большого расхождения между обоими формами арабского языка, властного присутствия западного языка и, наконец, отсутствия значительного арабского образования» [193, стр. 216].

³⁹ «Те, кто был склонен к ассимиляции,—писал в 1958 г. Мулуд Фераун в открытом письме Альберу Камю,—были утопистами, верившими в возможность покинуть свои условия жизни и принять ваши» [37, стр. 11].

⁴⁰ В одном из таких ранее «чисто» европейских городков, Фор-Насьональ, в 1954 г. кабилам уже принадлежали почти все дома, лавки, магазины, кафе, отели, рестораны, парикмахерские и даже аптека [184, стр. 43].

⁴¹ «Расширенная семья,—пишет о кабилском обществе Пьер Бурдьё,—является основной социальной ячейкой, центром пересечения организаций различных порядков — экономики, магии, обычного права, морали и религии; наконец, по ее образцу строится вся социальная структура. Не ограничиваясь супругами и их прямыми по-

томками, эта семья включает всех родственников, сплачивая под властью единого главы несколько поколений в тесную общность близких людей. Отец, вождь, священнослужитель и судья, указывает каждой супружеской чете и каждому холостяку точное место в рамках этого сообщества. Его власть никем не оспаривается» [124, стр. 12].

⁴² Солидарность, базировавшаяся на узах кровного родства (а фактически, в масштабах селений и племен, на принципах землячества и регионализма), обязательно проявлялась материально: в виде взаимной выручки займами, помощи в строительстве жилищ и сборе урожая, добровольного (но на основе взаимности) труда и услуг с последующими коллективными празднествами и молитвами [124, стр. 17—18].

⁴³ Вопреки общераспространенному, особенно за пределами Алжира, мнению о свободе женщин у кабиллов (что, очевидно, объясняется их манерой в соответствии с древними берберскими обычаями не закрывать лица) кабилки так же подчинены своим отцам и мужьям, как и прочие мусульманки. Более того, с 1748 г. они вопреки предписаниям шариа не имели права на наследство [112].

⁴⁴ Сотрудники французской колониальной администрации И. Романетти и П. Сас, видимо раздраженные активным участием кабиллов в антиколониальной борьбе, отмечали такие свойства кабиллов, как «партикуляризм, недоверчивость, скупость, замкнутость, привычку покидать свою бедную землю и высокоразвитый коммерческий дух». Наряду с «фетишизмом» и «язычеством» они приписывали кабилам якобы порождающуюся их недоверчивостью «легендарную казуистику», а также — укравательство профессиональных наемных убийц, «используемых для совершения кровной мести» [192, стр. 34—35].

⁴⁵ Пьер Бурдые даже считает, что кабилльская «языческая демократия» не знает разделения домашней и общественной жизни и образует «из связей кровного родства прототип любых социальных связей, особенно политических» [124, стр. 20—21].

⁴⁶ Со времен деев в Кабилии проживает немало негроидов, так как посылавшиеся сюда турецкие змалы часто целиком состояли из африканских наемников, впоследствии смешавшихся с местным населением. После 1830 г. в Кабилию бежало много арабов из подвергавшихся наиболее интенсивной колонизации прибрежных областей. Они, помня о своем происхождении, тем не менее фактически ассимилировались, из поколения в поколение вступая в браки с кабилками. Все это породило в Кабилии, как и в других областях Алжира, большое изобилие антропологических типов (от низких круглоголовых брюнетов до высоких длинноголовых блондинов), включая негроидный [183, стр. 193].

⁴⁷ С детства предназначенная в жены кому-либо из родственников (обычно двоюродному брату), девушка шавний по достижении совершеннолетия может сама себе выбрать жениха. Она фактически обладает правом на развод, не мирится с многоженством мужа и помимо домашнего хозяйства искусна в художественных ремеслах и даже во внутриплеменной политике, например в урегулировании различных споров. С детства она приобщается к «секретам, интригам и хитростям женского общества, сплачивающего всех женщин независимо от возраста и положения сильным чувством солидарности, близким к сообщничеству» [124, стр. 28]. Разведенные женщины и вдовы («азрий») пользуются большим влиянием и ведут себя как

жрицы-куртизанки, занимаясь «любовной магией», колдовством, знахарством, гаданием. Им приписывают способность песнями и танцами вызывать хороший урожай, «порчу», спасение от «дурного глаза» и т. п.

⁴⁸ Этому не мешали следующие обстоятельства: дважды в году массив Аурес пересекали (к побережью и обратно) кочевавшие в Сахаре арабы, в языке шавийй арабское влияние было сильнее, чем в других берберских диалектах, а некоторые племена на юго-востоке Ауреса говорили только по-арабски и считали себя арабами.

⁴⁹ Вопреки французскому закону 1865 г. совет харфикта (обычно — из старейших) еще в 1954 г. осуществлял основные судебные функции в области брака, развода, взимания штрафов, урегулирования родовых конфликтов (часто путем принесения традиционной коллективной клятвы) и тяжб кровников согласно строжайшему ритуалу. Он распоряжался также «гелаа» — старинной крепостью, служившей одновременно коллективным складом запасов продовольствия, местом собраний, поклонения (часто — захоронению предка племени) и ритуальных церемоний.

⁵⁰ В антифранцузском восстании 1879 г. приняло участие лишь два племени шавийй, что было скорее результатом верхушечного сговора феодалов, чем осознанной вражды к иноземцам, которых шавийй практически не знали.

⁵¹ Во многих районах падала роль харфикта, забрасывались и пустовали гелаа, возрастало хозяйственное и общественное значение семьи и деревни в ущерб роду и племени, получали распространение частнособственнические тенденции, подрывавшие принципы общинного коллективизма, и купля-продажа ранее неотчуждаемых земель «арш».

⁵² В первую очередь их влияние сказалось, конечно, на горожанах Ауреса, большинство которых по происхождению не были шавийй. Не случайно Аурес, как и Кабилия, с 20-х годов стал родиной многих выдающихся лидеров антиколониальной борьбы.

⁵³ Названы так по имени Абдаллаха Ибн Ибада, основателя ветви направления «хариджитов» (т. е. «вышедших»), возникшего еще в VII в. и отстаивающего идею равенства всех мусульман, выборности их духовного главы и буквального выполнения всех предписаний Корана. Ибадиты, в отличие от других хариджитов, отказались от вооруженной борьбы за утверждение своего вероучения, ограничившись его пропагандой.

⁵⁴ Животноводство (насколько оно возможно в пустыне) и выращивание финиковых пальм долгое время были почти единственным источником существования обитателей Мзаба, более всего опасавшихся нападения врагов. Лишь постепенно, с налаживанием караванной торговли через оазисы Мзаба, среди мзабитов получили развитие художественные ремесла и особенно торговля.

⁵⁵ Поэтому города Мзаба окружены гигантскими некрополями, символизирующими неразрывную связь мзабита с его землей. Каждый род имеет свой квартал в живом городе и в мертвом.

⁵⁶ Авторитет «халки» пошатнулся лишь в самые последние десятилетия, когда светская власть в сознании мзабитов стала отделяться от религиозной.

⁵⁷ Женщинам предписывается полностью закрывать лицо, входить в мечеть лишь в специально отведенное помещение и т. п. Степень их затворничества здесь особенно высока. К тому же им за-

прещено покидать Мзаб. Но в этой догме уже пробиты бреши: случаи выезда мзабиток (вызвавшие в начале массовые демонстрации протеста фанатиков) имели место с 1928 г., а с 1953 г. появились мзабиты-«реформисты», выступающие за отмену этого запрета.

⁵⁸ Тем не менее по бытующим в народе представлениям, они в этом отношении все же не превосходят кабилских торговцев. В Алжире есть поговорка о «кабиле, который обманет двух мзабитов» [195, стр. 128].

⁵⁹ Знание арабского классического языка в колониальном Алжире само по себе было редкостью и чуть ли не вызовом властям. Поэтому, несмотря на замкнутость мзабитов, сохранение ими арабской культурной традиции объективно способствовало тому, что в их среде постепенно сформировалась группа буржуазной интеллигенции, давшая Алжиру немало видных поэтов и публицистов, писавших по-арабски.

⁶⁰ Определить этот удельный вес довольно трудно. Если исходить только из численности населенных преимущественно кабилами и шавийя районов Алжира (департамент Батны, Сетифа и Тизи-Узу, округов Тебессы и Джиджелли), то за вычетом городского населения (арабского или арабизированного) численность берберов в колониальном Алжире должна была в 40—50-е годы составлять не менее 2,5 млн. человек [16, 1955, стр. 20—21]. Поскольку процесс арабизации берберов продолжается и очень многие их группы владеют арабским языком (шавийя, мзабиты, даже часть кабилы), то, очевидно, берберами в Алжире следует считать не тех, кто говорит только по-берберски, но всех, сохранивших (хотя бы только в быту) берберский разговорный язык, т. е. примерно одну треть коренных алжирцев [110, стр. 4].

⁶¹ Исключения составляют туареги, как и прочие кочевники Сахары, резко отличающиеся не только от арабов, но и от прочих берберов Алжира. Так, Филипп Марсэ отмечает, что туареги живут «в условиях строя, близкого к матриархату» [114, 269]. В то же время, однако, западногерманский автор Фукс сообщает о делении туарегов на «аристократов, вассалов и рабов» [87, стр. 63]. Из-за малочисленности туарегов в пределах Алжира и практического их неучастия в политической жизни страны их роль можно не рассматривать так подробно, как других берберов.

⁶² Например, племя хашим, лишенное в 1872 г. 50 тыс. га (т. е. почти всех своих земель) за участие в восстании Мукранн, получило взамен гораздо худшие земли (20 тыс. га) и постепенно полностью разорилось [40, стр. 3—15; 198, стр. 84—85]. Та же участь постигла и многие другие племена (например, улад синан) или их фракции. Обездоленные жители Алжира, лишенные многих своих прежних прав (например, права носить оружие) и привычек, стали даже внешне отличаться от прочих арабов. П. А. Чихачев писал в этой связи: «Внешний облик алжирского араба без трубки и оружия теряет живописность, свойственную истинному мусульманину» [95а, стр. 65].

⁶³ П. Бурдые пишет по этому поводу: «Возможно, было бы произвольно объединять в один культурный комплекс людей, имеющих общий язык, религию и стиль жизни, его определяемый, но тем не менее отличающихся по происхождению, образу жизни и традициям» [124, стр. 51]. По подсчетам Виктора Пикэ, в среднем каждые

50 лет 35 тыс. берберов полностью «становились арабами» [183, стр. 40].

⁶⁴ Многие авторы считают возможным напоминать при этом и о более ранних пришельцах — финикийцах, римлянах, вандалах, византийцах.

⁶⁵ Вплоть до второй мировой войны противопоставлялись друг другу «бедуин» и «хадри»; кроме шерифов (т. е. потомков пророка) выделялись также «адждав» (т. е. потомки курейшитов, соплеменников пророка); малоимущие крестьяне часто назывались «саммаш» (т. е. «любители солнца»), а кочевники — «раххала» («путешествующие»). Внутри этих групп (особенно у кочевников) имелись и другие названия в зависимости от района и рода занятий.

⁶⁶ К числу признаков этого постояства (которое, разумеется, может быть распространено лишь на сельское население) Бурдые относит клановость, кровное родство, принцип общинного или семейного совместного владения землей или пастбищами, использование сходной агротехники и т. п. [124, стр. 59].

⁶⁷ Потомки мавров, турок, кулуглу, «усфан» и просто горожане хотя бы во втором поколении, так же как жители многих пригородных и прибрежных селений, давно стояли вне племенной организации.

⁶⁸ Кроме кочевников, полукочевников, крестьян, горожан и «недавно осевших» имелись также кочевники, занимавшиеся земледелием в Ауресе, полугорожане-полуземледельцы «ксуров» (укрепленных селений) Сахарского Атласа и др.

⁶⁹ М. Суалах сообщает о девяти братствах («тариках»): Тиджанийя, Рахманийя, Кадырийя, Юсуфийя, Шадилийя, Деркава, Айсава, Тайбийя и Сенусийя [195, стр. 112]. Но были и другие: Амарийя, Хансала, Зиянийя.

⁷⁰ Для привлечения сторонников в свои ряды некоторые братства еще в начале 20-х годов (например, Айсава в Константине) устраивали в завяхах особого рода еженедельные театрализованные вечера, во время которых специально выделенные «хадра» (группы молодых хванов) исполняли ритуальные танцы, сопровождаемые игрой на народных музыкальных инструментах, боем барабанов и хоровым пением. В Афлу марабут из братства Рахманийя появлялся в форме французского офицера, чтобы произвести наибольшее впечатление на бедуинов. А марабут из братства Кадырийя ежегодно приезжал в Афлу собирать закят в сопровождении пышной свиты своих последователей, которым он обещал «место в раю» [31, стр. 55, 223].

⁷¹ Так, в Константине пользовались влиянием одновременно Хансала, Рахманийя, Тиджанийя, Айсава и Амарийя. Наиболее популярным из них было братство Айсава, имевшее приверженцев среди всех слоев населения, в то время как, например, Амарийя пользовалась поддержкой лишь стрелков местного гарнизона и корпорации бродячих торговцев [31, стр. 55].

⁷² Но были среди арабов и исключения: долгое время сохранялись в городах особые общины со своими диалектами, обычаями и занятиями, например община водоносов и слуг среди пришельцев из районов Бискры и Уарглы.

⁷³ Хотя домашняя прислуга, лакеи, батраки и т. д. набирались колонистами из представителей всех групп мусульман Алжира, преобладали среди них арабы вследствие своей большей многочисленности и бедственного положения. Европейцы даже часто говорили «мой араб» вместо «мой слуга».

Глава 3

¹ Жюль Руа так описывает располагавшийся в 30 км к югу от города Алжир поселок колонистов Сиди-Мусса, в котором провел детство: «Маленькая церквушка, кабачок, школа, почта, дома под круглой черепицей и глинобитные хижинки» [26, стр. 24]. П. А. Чихачев уже в 1877 г. отмечал, что вся местность между Ораном и Афривилем (городом на полпути между городами Оран и Алжир) занята деревнями и фермами, где «дома построены по-европейски и население сплошь французское», алжирцы «появляются только временно по торговым или другим делам, а те, которые здесь обосновались, служат у французов». Один такой «маленький городок или большая деревня» (Сен-Дени-дю-Сиг) насчитывал «700 жителей исключительно французского или испанского происхождения», а арабы предпочитали здесь жить в палатках «на довольно значительном расстоянии от деревни» [95а, стр. 65, 68].

² Один из первых генерал-губернаторов Алжира, Клозель, обзаведясь огромным поместьем, в котором солдаты использовались как рабочая сила, даже предлагал превратить Алжир в производителя экзотических «колониальных товаров», таких, как кофе, какао, индиго.

³ П. А. Чихачев в ноябре 1877 г. видел в Оранской области немало принадлежавших «христианам» табачных плантаций, продукция которых, однако, была незначительна, ибо местные жители «пользуются табаком из Виргинии, который можно купить в любом городе». В то же время он отмечал, что от ранее процветавшего хлопководства «там почти не осталось и следа», что вся область Орана дает на продажу «какие-нибудь 3 тысячи килограммов хлопка» и «можно предположить, что эта некогда развитая отрасль промышленности Алжира совершенно отомрет» [95а, стр. 65].

⁴ «С этого момента,— отмечает Ж. Ганьяж,— официальная колонизация отступает перед частной инициативой, а испанская иммиграция обгоняет французскую колонизацию» [137, стр. 20].

⁵ Мусульманское виноградарство, не имевшее возможности широко развиваться ввиду неупотребления вина мусульманами, к тому же было «резко застопорено политикой закупок частной колонизации», т. е. душилось экономически. Если площадь виноградников во владении коренных алжирцев выросла в 1871—1875 гг. с 3572 до 7862 га, то в дальнейшем она сократилась: 2214 га в 1878 г., 2904 га в 1881 г., 5401 га в 1890 г. С скромными оставались и масштабы производства вина в хозяйствах алжирцев: 2336 гектолитров в 1881 г., 9650 — в 1890 г. За эти же годы продукция европейских виноделов выросла с 286 213 до 3 322 000 гектолитров [113, стр. 378].

⁶ Объяснялось это просто: 1 га под виноградниками давал 140—160 тыс. фр. дохода, а под зерновыми — всего 12—30 тыс. фр. [55, стр. 84; 124, стр. 109]. 1 га земли у алжирца в 1930 г. оценивался в среднем в 470 фр., а у европейца — в 1500 фр. [161, 1957, № 82, стр. 46].

⁷ «3 га в долине Митиджи, одном из богатейших районов колонизации,— это обеспеченное благосостояние; в Уарсенисе — горном массиве, скудные земли которого дали приют алжирским земледель-

цам, вытесненным из плодородных долин Телля, 3 га — это в лучшем случае надежда на кусок хлеба» [82, стр. 31].

⁸ К середине XX в. французы выстроили в Алжире 30 тыс. км грунтовых и 5 тыс. км железных дорог. По более поздним сведениям, за годы французского господства в стране были сооружены 16 морских портов, проведены 4462 км железных и 80 052 км шоссейных дорог [51, 14—15. VII. 1957].

⁹ Еще до первой мировой войны банк Парижский союз установил контроль над аграрной Алжирской компанией и рудниками Уэнзы, дававшими $\frac{3}{4}$ всей железной руды Алжира, а трест «Объединение шахт» подчинил себе компанию «Куиф», добывавшую 80% алжирских фосфоритов. Банк «Земельный кредит Франции» контролировал деятельность банка «Земельный кредит Алжира и Туниса», а Индокитайский банк метрополии основал в Алжире Промышленный банк Северной Африки. Таким образом, уже в начале XX в. монополии Франции полностью господствовали в сельском хозяйстве, промышленности и кредитной системе Алжира.

¹⁰ В то же время Бурдые считал, что в Алжире «структура европейского общества аналогична таковой во Франции», отличаясь лишь меньшим процентом сельских хозяев и намного большим удельным весом торговцев и служащих [124, стр. 113].

¹¹ По данным алжирской ассамблеи агрономов, из 615 тыс. алжирских владений в 50-е годы только 130 тыс. имели одного держателя, 360 тыс. делились на 2—5 парцеллов каждое, а 125 тыс. — на 6—30 парцеллов. Жан Сервье даже приводил пример с одним оливковым деревом, принадлежавшим сразу шести семьям [117, стр. 182—184]. Были случаи, когда один гектар принадлежал нескольким сотням владельцев [124, стр. 66].

¹² Этот процесс обострялся также разрушением почв вследствие эрозии — до 40 тыс. га в год [97, стр. 96]. Созданная французами «служба восстановления почв» явно не справлялась с этим бедствием, поражающим, к тому же, в основном невыгодно расположенные и худшие по качеству земли алжирцев.

¹³ Началось это очень рано. Если в 1881 г. в Касбе (г. Алжир) приходилось 1436 жителей на гектар, то в 1926 г. — 2255, а в 1931 г. — 2819 [173, стр. 34].

¹⁴ Число алжирцев в городах выросло с 867 тыс. в 1936 г. до 1329 тыс. в 1948 г. [24, стр. 22]. Это была, по словам Бурдые, «патологическая урбанизация сельских жителей, выброшенных из деревни нуждой» [124, стр. 52, 112].

¹⁵ По некоторым сведениям, безработные и полубезработные составляли в среднем 25—30% трудоспособных мужчин в городах Алжира [124, стр. 58].

¹⁶ Сам Наполеон III, всюду насаждая военно-бюрократический «режим сабли», стремился играть на любых противоречиях, становясь в позу «беспристрастного» арбитра. Так, он писал в 1865 г.: «Алжир — это арабское королевство, европейская колония и французский военный лагерь» [64, стр. 68]. Алжирским феодалам он лицемерно говорил: «Я хочу, чтобы вы все больше и больше участвовали в управлении вашей страной» [161, № 77, стр. 53]. На деле 300—400 офицеров «арабских бюро» бойкотировали (возможно, по приказу самого же императора) «арабофильскую» политику Наполеона III. Его поездки в Алжир в 1860—1865 гг., щедрые посулы и да-

же официальные решения, благоприятные для алжирцев, оставались пустыми жестами.

¹⁷ Выразитель взглядов колониистской элиты полковник Бузэ заявил в 1870 г.: «Для нас Империя, „Арабское королевство“ и разрушение колонизации — одно и то же» [161, № 77, стр. 53—54]. В то же время любимец Наполеона III маршал Мак-Магон, будучи губернатором Алжира в 1864—1870 гг., покрывал все преступления колонистов, всячески помогая им «заставить потеть бурнус», т. е. выжимать из алжирцев все, что можно.

¹⁸ Многие европейцы требовали в 1870 г. создания «Колониального собрания алжирских провинций», которое бы фактически играло роль парламента. Муниципальный совет г. Алжира, состоявший только из европейцев, даже предлагал передать власть в стране Джузеппе Гарибальди, а одна газета в г. Константина в феврале 1871 г. выступила за подчинение Алжира английской короне — ради «невиданного развития колонизации» [161, № 77, стр. 55].

¹⁹ Число депутатов от Алжира было в 1870 г. увеличено до шести. Кроме того, от Алжира избирались три сенатора [137, стр. 12].

²⁰ При этом согласно закону 1884 г. алжирцы — члены муниципалитетов не имели права участвовать в выборах мэра и его помощников [204, стр. 45]. В некоторых «полноправных» коммунах, управлявшихся европейскими (на $\frac{3}{5}$) муниципалитетами, в 1886 г. насчитывалось всего 304 европейца на 24 тыс. алжирцев (Тизи-Узу). В других эта пропорция соответственно равнялась: 185 на 13 997 (Уэд Зенати), 186 на 13 883 (Фор-Насьональ), 280 на 3605 (Тьервиль), 301 на 1369 (Тариа), 297 на 1841 (Феккан). Но это было выгодно европейцам, которые интерпретировали по-своему систему «прикрепления» — не столько Алжира к Франции, сколько алжирских селений к центрам колонизации, высасывавшим из них все соки. Недаром безымянный кабилский поэт конца прошлого века писал: «С тех пор как ввели правление мэров (т. е. передали многие алжирские села „полноправным“ коммуна. — *Р. Л.*), мы познали наибольшую нищету. Нас обглодали и проглотили, подобно змее. Наше разорение стало явным и ничем не прикрыто...» [158, стр. 394—395].

²¹ В дальнейшем в составе этого Высшего совета насчитывалось не менее 10 алжирцев (6 выборных делегатов и 4 чиновника по назначению губернатора) [163, стр. 82].

²² В алжирской секции было не 24, а 21 делегат, из которых 6 не избирались, а назначались генерал-губернатором. Характерно, что в том же 1898 г. палата депутатов Франции отклонила законопроект лидера социалистов Жореса об «эмансипации алжирских мусульман путем возведения их в достоинство французских граждан» [161, № 78, стр. 55]. Впоследствии Жорес, последовательно выступая за ассимиляцию, главную беду видел в невозможности ее быстро осуществить, ибо алжирцы «не утратили связи со своей цивилизацией, а к нашей могут приобщиться лишь с трудом» [57, 1925, № 9, стр. 444].

²³ По данным американского исследователя В. Конфера, практически в выборах участвовало не более 5 тыс. алжирцев, избравших 9 арабских делегатов. 6 делегатов-кабиллов фактически выдвигались вождями наиболее мощных кланов, а 6 делегатов территорий Юга назначались генерал-губернатором [126, стр. 35].

²⁴ Депутат Ажам, отмечая во время поездки в Алжир в декабре 1912 г. — январе 1913 г., что «число покушений на колонистов значительно уменьшилось», в то же время признавал, что «во время

сбора урожая то здесь, то там поджигают стога», а также «иногда стреляют из ружей по автомобилям». Он не считал «слишком обнадеживающими» заверения губернатора Люто в том, что «безопасность личности во всем Алжире больше обеспечена, чем в пригородах Парижа» [30, стр. 34—35].

²⁵ В частности, «сеньоров» возмутило, что Ферри, находясь в Боне, захотел встретиться с «туземными» членами муниципалитета, оставив за дверью европейцев. Ажам был восхищен словами верно-подданного «туземного» помощника мэра одной из коммун, который заявил Ферри: «Господин председатель, мэр коммуны представляет нас всех, и только он один имеет право говорить от нашего имени» [30, стр. 31].

²⁶ Аргентинец Хоакин Торрес писал о «привлекающих внимание мелочах», которыми отличались друг от друга даже в 1959 г. «любопытные испанские, итальянские и еврейские кварталы» в городах Алжира [41, стр. 296].

²⁷ «Натурализовавшиеся итальянцы,— с удовлетворением отмечал Ажам,— становятся отличными патриотами; часты браки между французами и итальянцами; офранцуженный итальянец гордится своей новой родиной... Иначе обстоит дело в Оране, где испанцы оказываются более строптивыми... Испанец натурализуется с трудом; он прибывает в Оранию с мыслью о возвращении домой, а если и оседает здесь окончательно, то с тенденцией к обособлению» [30, стр. 105]. По переписи 1931 г., испанцы составляли большинство (74%) натурализовавшихся иностранцев, а итальянцы — лишь 17,6%. В городах, однако, процент итальянцев был выше: до 24% всех иностранцев. Это объяснялось монополизацией ими на восточном побережье профессий моряков, рыбаков, портовых рабочих и торговцев [56, 1935, № 2, стр. 54, 62].

²⁸ П. Бурдые отмечал в 1963 г. следующие специфические черты, сохранившиеся у евреев Алжира: «сильное чувство привязанности к своей общине; патриархальная структура семьи, глава которой читается как господин; одновременная или последовательная полигамия; культ святых, близкий к марабутизму; суеверия и верования многочисленного толка; знание арабского языка и т. д.» [124, стр. 81—82].

Глава 4

¹ Даже среди «туземных» помощников мэра или администратора смешанной коммуны представители феодалов постепенно переставали быть главным элементом: к 1938 г. их было не более 300 из 721. Некоторые (например, потомки шейха Хаддада, главы братства Рахманий и вождя восстания 1871—1872 гг.) впали в нищету, другие (выходцы из рода Мукрани) становились лавочниками, третьи потеряли всякое влияние (лишь один представитель ранее влиятельнейшей семьи, Бен Раххаль, служивший французским офицером, был избран генеральным советником Недромы). Из 46 нотаблей района Тлемсена лишь 5 принадлежали к аристократии [113, стр. 818—819].

² Генерал-губернатор Жоннар докладывал в 1900 г. об участии 1600 мусульман-грузчиков в 13 забастовках портовых рабочих г. Алжира. Пароходные компании вынуждены были прибегнуть к помощи полиции, которая «обеспечила уважение свободы труда». 28 стачечников были арестованы и осуждены [113, стр. 848].

³ По некоторым данным, в 1880—1909 гг. европейцы в области Константины, закупив у алжирцев 123 344 га земель, вместе с тем продали им 145 584 га. «У меня сложилось впечатление,— писал Ажам,— что этот факт восстановления арабской собственности должен стать сигналом опасности для нашей колонизации» [30, стр. 29]. Особенно обогащались ростовщики, дававшие семена при условиях возврата им 365%, и некоторые шейхи, тоже занимавшиеся ростовщичеством [30, стр. 66].

⁴ «Только в одной смешанной коммуне, — свидетельствует Ажам, — мне назвали пять или шесть туземцев, которые были более чем миллионеры. Они продолжают жить в своих грязных, тесных и задыхающихся жилищах, спать со своими женами и детьми в одной комнате, которая одновременно служит столовой, кухней и хлевом для скота» [30, стр. 22].

⁵ Характер этой прослойки «бедных и умных молодых людей», вышедших из низов, а также «сыновей обогатившихся торговцев» не без проницательности показал Ажам: «У них у всех — вид джентльменов, полностью освободившихся от ига Корана. Они элегантно носят пиджак и широкие брюки. Но будьте спокойны, они никогда не откажутся от фески. Скорее все китаицы отрежут себе косу, чем молодые тюрбаны будут носить парижский головной убор. Внешне только в этом у них сохранился контакт с исламом. Но этого достаточно... Это хорошие говоруны, многие из которых — частые завсегдатаи парижских бульваров. Они вежливы, гибки, изворотливы, но амбициозны. Это они в согласии с младотурками разжигают мусульманский национализм. Французский полемист перед ними оказывается в трудном положении. Они тщательно избегают, по мере возможности, драчливых выражений, которые к тому же могли бы побудить генерал-губернатора посадить их в тюрьму. Внешне они выдают себя за французских патриотов. И в то же время в их писаниях, словах и делах сквозит, вопреки их усилиям, ненависть к нам. Они по-настоящему опасны, так как, имея средства воздействия на народный класс (у них есть деньги), способны разжечь его фанатизм в день, который покажется им подходящим для этого» [30, стр. 24, 40—41].

⁶ Уже в 1881 г. известный среди буржуазии Константины Мухаммед Бен Бадис требовал расширения представительства мусульман в генеральных советах [173, стр. 20].

⁷ В ряде городов побережья и внутренних районов восточного Алжира этот сдвиг наметился еще раньше: там уже во время восстания 1871 г. возникли «шартыйя» — выборные органы повстанческой власти из 10—12 человек, которые осуществляли военные, административные и судебные функции, подчиняя себе как назначенных ранее кайдов, так и кадиев [20, стр. 20]. В г. Алжире в это же время группой интеллигентов во главе с Мухаммедом аль-Бадави была создана организация, «требовавшая предоставления алжирцам всей полноты прав, но просуществовавшая лишь пока длилась революция Коммуны в Париже» [101, стр. 8]. По другим данным, аль-Бадави в 1871 г. возглавлял выступление горожан Шершелля и «провозгласил этот район независимым» [86, стр. 333]. Падение Парижской Коммуны, еще до этого — разгон Алжирской коммуны, наряду с последующим подавлением восстания 1871—1872 гг., на время покончили с этими ростками политической инициативы алжирцев-горожан.

⁸ С 1830 г. одной из форм протеста алжирцев стала эмиграция

на «земли ислама»: целые племена и очень многие марабуты переселялись в Марокко, Турцию, Тунис и Сирию в 1830, 1832, 1854, 1860 и 1870 гг. После 1871 г. на первое место выдвинулась индивидуальная эмиграция, особенно традиционной буржуазии и улемов (в 1875, 1888, 1898 гг.). Б. Саадаллах обращает внимание на отъезд многих семей из Милианы, Сетифа, Константины, Недромы и Себду. Последней массовой эмиграцией, сравнительно незначительной по масштабам, но вызвавшей наибольший эффект во Франции, был отъезд в 1911 г. в Сирию 800 наиболее влиятельных мусульманских семейств Тлемсена [125, стр. 61].

⁹ «Наряду со „старыми тюрбанами“ — отпрысками старинных семей, — пишет Г. Эскэ, — из которых Франция рекрутировала кайдов, ага и башага, появились „младоалжирцы“, выпускники французской школы, адвокаты, врачи, торговцы» [131, стр. 92]. Аналогично мнение Ш.-Р. Ажерона [111, стр. 71].

¹⁰ Историк арабоязычной литературы Алжира Абд аль-Хак ан-Насири пишет: «Великий муфтий Египта шейх Абдо во время своей поездки в Алжир в 1904 г. был встречен лишь небольшой группой друзей и комментировал одну из сур Корана перед аудиторией, состоявшей всего из нескольких человек, в то время как большинство алжирцев не имело никакого представления о том, что в их страну приехал один из величайших реформаторов ислама» [74, стр. 42]. В то же время шейх Абдо, один из основателей движения «салафийя», имевшего целью модернизировать ислам, был «поражен консерватизмом и религиозной суровостью» верующих мусульман в Алжире [111, стр. 71]. После его визита связи традиционалистов с Каиром еще более укрепились: только в 1913 г. университет Аль-Азхар направил из Каира в страны Магриба, в том числе в Алжир, 11 млн. экземпляров различных книг и брошюр [128, стр. 180]. Многие алжирцы ездили учиться в Аль-Азхаре или, обучаясь в мусульманских университетах Зитуна (Тунис) и Карауни (Марокко), поддерживали связи с продолжателем дела Джамаль ад-Дина аль-Афгани (ум. в 1897 г.) и Мухаммеда Абдо (ум. в 1905 г.) шейхом Рашидом Рида (1865—1935), постоянно жившим в Каире.

¹¹ Белькасем Саадаллах признает, однако, одной из причин активизации антиколониалистов и поисков ими новых форм борьбы в конце XIX в. «появление новых идеологий на мировой арене, например панисламизма на Ближнем Востоке, социализма в Европе и соперничества великих держав империализма». Характерно, что сами французы склонны были преувеличивать воздействие на Алжир извне. Так, во время упоминавшегося бунта в Маргерите они поспешили арестовать без всяких оснований находившихся в то время в Алжире арабов из Ирака и Марокко, обвиняя во всем «исламский национализм» и «фанатизм» [106, стр. 114, 120].

¹² С удовольствием отмечая это недоверие очень многих алжирцев к офрануженным, Ажам констатировал: «Итак, младоалжирец представляет мусульманский мир не более, чем кюре-расстрига представляет католичество» [30, стр. 36—37].

¹³ «Тот, кого уважали, уходит, а достойный позора — прославляется... Солнце заходит и появляются жабы», — таков был лейтмотив многочисленных элегий того времени. Они удивительным образом сочетались с курьезными протестами против строительства высоких домов (нарушавших интимное уединение традиционных внутренних дворики домов мусульман), «пьянства и дебошей» францу-

зов, «бесстыдства» француженок, возвышения евреев и негров и прочими проявлениями националистической непримиримости.

¹⁴ Даже учреждение уголовных судов рассматривалось как дискриминационная мера, которую «не пожелали принять даже туземцы Дагомеи», — отмечалось в петиции 130 нотаблей Медеи [113, стр. 1028].

¹⁵ Например, возникла поговорка: «Алжир — это корова, которую француз крепко держит за рога, а итальянец, мальтиец и испанец выдаивают до истощения» [113, стр. 1028].

¹⁶ «Лесной кодекс» и коллективная ответственность за якобы умышленные пожары были дополнительным способом ограбления алжирцев. Только в 1883—1890 гг. управление лесов при генерал-губернаторе составило 96 тыс. протоколов о нарушении «лесного кодекса» (т. е. о веками сложившемся традиционном использовании крестьянами лесных площадей), включая случаи потравы или запашки кустарника феллахами в ста шагах от собственного дома. По этим протоколам в год взималось до 1600 тыс. фр. штрафов. В дальнейшем эта практика продолжалась: в 1909 г. было взыскано 453 тыс. фр. штрафов, в 1910 г. — 540 тыс. фр. Сверх того (особенно когда сумма «лесных» штрафов казалась властям недостаточной), штрафы взимались за «поджоги» лесов, за выпас скота на землях, перешедших к государству или мэриям (о чем крестьяне обычно не были осведомлены), н т. п. [97а, стр. 290].

¹⁷ Издания Арабского Востока в Алжир не допускались, а тунисские — тщательно отбирались и подвергались цензуре.

¹⁸ Успех этих изданий был довольно относителен. Так, «Аль-Ихья», претендовавший на «просвещение арабов на их языке путем истиама, возвращенного к своей первоизданной чистоте», имел лишь 200 подписчиков [113, стр. 1029].

¹⁹ В одной Сирии в 1911 г. находилось около 20 тыс. алжирцев, столько же (в 1908 г.) в Марокко и Тунисе. К 1921 г. в Египте всех магрибинцев, по преимуществу алжирцев, было 20—30 тыс., в Аравии — около 10—15 тыс., в Палестине, Киликии и Анатолии — по 5—6 тыс.; кроме того, немало их было в Стамбуле, Иране и даже Индии. Особым почетом пользовались в годы до первой мировой войны 3546 алжирцев, жившие в Сирии, которые были связаны с семьей эмира Абд аль-Кадира. Многие из них стали турецкими офицерами и чиновниками, врачами, журналистами, инженерами (один из сыновей Абд аль-Кадира Али-паша даже был вице-председателем турецкого парламента). Являясь уже третьим поколением эмигрантов, они не порывали связей с родиной и считали себя алжирцами. Одна из выпускавших их газет называлась «Аль-Мухаджир» («Эмигрант») [106, стр. 136—137, 146—149].

²⁰ Жюль Ферри, возглавлявший тогда комиссию сената, с изумлением выслушивая «натурализовавшихся» (адвоката Бударбу, переводчиков Бу Катауи и Бен Брихмата, «муниципального советника в сюртуке» — врача из Константины доктора Морсли), записал в дневнике, что он выслушал «партию молодых», требовавшую «натурализации» и политических прав для всех алжирцев [113, стр. 1031]. Однако «младоалжирцами» их стали называть позже, ибо в 1895—1900 гг. так называли в Алжире офранцузенных евреев [112а, стр. 218].

²¹ Особенно показателен «Меморандум», составленный нотариальным клерком из Бона Халилом Кандом Лайуном. В нем, в част-

ности, говорилось: «Мусульманская образованная молодежь не знает, что ей делать со своим образованием... Нет надежды на какое-либо занятие, на право высказать свое мнение даже относительно местных дел, даже по исключительно туземным вопросам... Это — не жажда теоретического равенства... это — настоятельная необходимость защищать наши наиболее насущные и ближайшие интересы» [113, стр. 1031].

²² «Арабский народ, — отмечалось в одной петиции, — нуждается в благосклонности великой французской нации, чтобы улучшить то тяжкое положение, в котором он находится» [113, стр. 1031].

²³ Вместе с тем Марсэ отмечал, что эта «партия цивилизации и прогресса» во многом состоит из полунинтеллигентов и наивных карьеристов, жаждущих «сблизиться с победителем». Для них уже достаточно одеваться по-европейски и, подобно европейцу, не стесняясь, поглощать алкогольные напитки [113, стр. 1032]. Однако среди них были и другие, например уже упоминавшийся Мухаммед Бен Раххаль, дважды лицензиат Алжирского университета. «Он блистал умом, изысканностью, благородством, — писал о нем А. Фуко, — носил смокинг, как английский лорд, имел в Париже успех в салонах и будуарах. Но, вернувшись на землю родины, Бен Раххаль, парижанин из парижан, снова надел белую туннику и шнур из верблюжьей шерсти» [134, стр. 203—204]. Тем не менее его патриотизм не ограничивался выбором костюма, как у многих других алжирцев, совмещавших французский диплом и ношение тюрдана, профессию учителя с членством в религиозном братстве, свободомыслие в чисто французском духе и аккуратное посещение мечети [169, стр. 48].

²⁴ В этом они встречали некоторую поддержку со стороны части правящих кругов метрополии, в частности влиятельной газеты «Тан», выступавшей за «существование зажиточного, интеллигентного и образованного туземного класса», который можно было бы использовать для «сближения двух рас» и «ослабления авторитета старых тюрданов» [52, 19.IV.1904; 30.III.1906]. Ряд публицистов Франции, например Леруа-Больё, также приветствовали появление «туземного среднего класса», под которым подразумевали офранцузенную интеллигенцию. Наоборот, газета колонистов «Эко дю суар» (в Константине) писала 2 марта 1907 г.: «Если вы внедрите в душу мусульманина, алжирского или тунисского, понятие о свободе, он получит право показать вам каюту первого же парохода, отплывающего во Францию» [113, стр. 1033].

²⁵ Формально его возглавлял французский чиновник Аррип, но реально руководили вице-председатели: маликитский муфтий Констанции Мулуд Бен Мухуб, влиятельные notable Мустафа Баштарзи и Мухаммед Бен Бадис, а также Бен Абид.

²⁶ Саадаллах утверждает, что в 1908 г. кружок насчитывал 1700 приверженцев в Константине и других городах [106, стр. 161].

²⁷ В ряде случаев это были просто кооперативы взаимопомощи и кучки просветителей, призывавших не пить вина, не играть на деньги, препятствовать заключению ранних браков, воздерживаться от многоженства и признать за женщиной право на развод. Ажерон считает, что они объединяли не более 1000—1200 человек, из которых активно работали не более 100 [112а, стр. 226].

²⁸ Примечательно, что в 1908 г. депутат-социалист Буэй предлагал «возродить национальность автохтонов, оживив старинную арабскую цивилизацию», и создать в Алжире арабский университет, в ко-

тором «студенты из Персии, Турции и Египта учились бы правам народов и уважению национальностей». Созданная в 1905 г. Алжирская социалистическая федерация на своем съезде в Эль-Аффруне в 1912 г. приняла новую программу (разработанную учителем Сьянфарини): отмена «туземного кодекса», налоговое равенство алжирцев и французов, увеличение числа избирателей-алжирцев. Хотя некоторые пункты (например, отказ от распространения на алжирцев воинской повинности) могли разочаровать младоалжирцев, в целом программа была рассчитана на привлечение к партии ассимилированных и наиболее образованных [113а, стр. 171—172]. Марсель Кашен призывал социалистов Алжира вести пропаганду своих идей, «не проводя никакого различия между пролетариями по расовым или религиозным признакам» [97, стр. 181]. В апреле 1911 г. он отмечал, что во время его поездки по Алжиру больше половины присутствовавших на собраниях (в Блиде, Бени-Меред, Музайивиле, Эль-Аффруне, Релизане, Бужи) были алжирцами [15, стр. 39].

²⁹ «Л'Ислам» — единственная газета младоалжирцев, пытавшаяся в поисках массовой опоры обратиться к «пролетариям-мусульманам». «Наша наиболее честолюбивая мечта, — можно было прочитать в ней в декабре 1913 г., — достичь организации туземного рабочего класса и повести его вместе с французским пролетариатом на битву за экономические и социальные идеи и достижения» [113, стр. 1043]. Косвенно такое заявление указывает на наличие в младоалжирском движении лево-демократического крыла и на возможную ориентацию этого крыла на помощь социалистов Франции (именно в декабре 1913 г. депутат-социалист Дуази разоблачал экспроприацию властями земель алжирского племени хашим и несправедливость колониального «хаотичного законодательства») [40, стр. 17—18]. Вместе с тем «Л'Ислам» стоял на позициях магрибского патриотизма: Алляль аль-Фаси отмечает «ожесточенные кампании, которые вел господин Садек Дандан в поддержку марокканской независимости и с целью заклеймить нападение Франции на Марокко» [101, стр. 9].

³⁰ «Нас мало беспокоит, — писала газета, — что нас называют молодыми арабами, молодыми тюрбанами или младотурками. Но мы предпочли бы звание младоалжирцев в противоположность „алжирцам“ — сепаратистам из садов Валенсии и Калабрии» [113, стр. 1036]. С 1912 г. начало выходить и арабоязычное издание газеты.

³¹ Среди его редакторов-французов Ньюма-Леаль претендовал на роль французского лидера «франко-туземной либеральной партии», которой в действительности не существовало, но которую младоалжирцы представляли себе по образцу возникшей в 1905 г. в Тунисе «франко-мусульманской» Республиканской партии.

³² Их лояльность вызвала одобрение парламента в Париже, одна из комиссий которого даже выступила в 1910 г. за умножение числа газет младоалжирцев, считая, что с их помощью «многих недоразумений и злоупотреблений можно будет избежать». Наоборот, алжиро-европейцы резко разоблачали «постоянный заговор младоалжирцев» [113, стр. 1037].

³³ Укиль (нотариус) Буджемаа Фергани был снят с должности в Джиджелли за сбор средств в фонд «Рашиди» и за «членство в редакционном комитете этой газеты, ведущей нездоровую агитацию среди мусульманского населения» [113, стр. 1037].

³⁴ Т. Морсли писал в «Републикэн» (Константина) о привержен-

ности младоалжирцев «принципам Великой Революции 1789 г.» [113, стр. 1039].

³⁵ Вручив премьеру петицию против введения воинской повинности, делегация в принципе соглашалась на нее при условии предоставления алжирцам всех прав. Клемансо ответил согласием на «разумное расширение» этих прав, но без «ассимиляции арабского обычного права и французских институтов» [113, стр. 1037—1038].

³⁶ На митинге трехтысячная толпа скандировала: «Да здравствуют арабские республиканцы!». Выступавшие (Садек Дандан, Халил Лайун) требовали отмены «туземного кодекса», чрезвычайных судов и «арабских налогов». В принятой резолюции выдвигалось также требование «права для молодежи, которая будет служить в армии, стать французами» [113, стр. 1038].

³⁷ Традиционалисты резко осудили «натурализованного» Омара Бударбу, пытавшегося сыграть на антиклерикализме губернатора Люто, и заклеили его, как «самозванного француза», именовали всех младоалжирцев «племенем куффаров» (т. е. неверных) и «мгурни» (ренегатами). В феврале 1912 г. они организовали покушение на лидера младоалжирцев доктора Бентами. Имели место стычки, всячески разжигавшиеся местными властями. В одной из них в 1914 г. в Тебессе был убит Аббас Бен Хаммана, известный своей оппозицией властям.

³⁸ Одновременно младоалжирцы настаивали на реализации опубликованного в «Л'Ислам» в апреле 1911 г. плана из 12 пунктов: участие алжирцев в выборах мэров, их равенство с французами перед законом, отмена налоговых различий, реформа представительных учреждений с введением преимущества «для интеллектуальных элементов страны, способных к более эффективному сотрудничеству» (явно камешек в огород «старых тюрбанов»), расширение круга муниципальных выборщиков, введение для туземных чиновников курса, фиксированного оклада и других ограничений, расширение системы образования, подбор служащих по их «честности», повсеместное введение муниципалитетов, передача дуаров побережья из «смешанных» в полноправные коммуны, свобода собственности мусульман и ее юридическая фиксация.

³⁹ Алляль аль-Фаси считал вождами алжирской элиты в 1910 г. Бударбу — «первого алжирского адвоката, окончившего факультет права в Париже (после 75 лет французского правления в Алжире)», журналиста Садека Дандана и финансового делегата Хаджа Аммара [101, стр. 9].

⁴⁰ Об отсутствии должного почтения к колонистам можно судить по возмущению «рашидистов» проектом создания в Алжире монумента в честь французской колонизации. «Рашиди» так реагировала на этот проект: «Мы вскоре обессмертим типичного в своем роде колониста, огромного, толстого, грубого хвастуна в каске и сапогах, с дубиной в кулаке, одетого в костюм „хаки“». Ажам сокрушался в связи с этим: «Наш либерализм позволяет нашим поданным подобным образом третировать людей, делающих из Алжира вторую Францию. И оскорбители находят кое-какую помощь и покровительство со стороны французских метрополий!» [30, стр. 77].

⁴¹ Салах аль-Аккад утверждает, что во французскую армию в годы первой мировой войны было мобилизовано до 400 тыс. алжирцев [98, стр. 313]. Ф. Аббас несколько позже уточнял: «За четыре года войны более полумиллиона наших крестьян пересекли Сре-

земное море, одни — в качестве солдат, другие — мобилизованные для работы на фабриках» [29, стр. 113].

⁴² На заседании Финансовых делегаций в июне 1915 г. алжирские представители Бен Сиам и Бен Шинан заверили Францию в готовности алжирцев «ко всяким жертвам», в их «патриотизме» и желании выплатить все подати, а кади (судья) Мухаммед Джуди в декабре 1917 г. призывал алжирцев дать Франции деньги, «необходимые ей для войны» [168, стр. 219].

⁴³ Эмир Абд аль-Малик жил в Сирии и дослужился до полковника турецкой армии, которую покинул, получив приглашение на французскую службу, хотя и считал французов «своими худшими врагами». В 1906—1914 гг. он был начальником полиции Танжера и, наблюдая происки великих держав в Марокко, укрепился в панисламистских настроениях, свойственных ему и раньше. Гордый и честолюбивый, он не желал выполнять приказов из Парижа и с начала войны установил тайную связь с Германией как союзницей Османской империи. С декабря 1914 г. его отряды (15 тыс. бойцов) заняли г. Тазу и готовились к осаде Касабланки, которую он намеревался сделать своей столицей. В марте 1915 г. он объявил Франции войну, заручившись поддержкой испанских и марокканских властей, отказавшихся его сместить и выдать французам. Отряды его сторонников вели партизанские действия северо-восточнее Феса, недалеко от границы Марокко с Алжиром, имея целью, по некоторым сведениям, провозгласить Абд аль-Малика «султаном Магриба». Оружие и деньги он тайно получал из Германии и Испании. Его поддерживали многие феодалы Марокко (ар-Райсуни, аль-Хиба, аш-Шинкити, аль-Хаттаби), а за рубежом его представлял его брат эмир Али. После окончания войны сотрудничал с испанцами на севере Марокко. Убит в бою с французами в августе 1924 г.

⁴⁴ Основанное в 1843 г. алжирцем Мухаммедом ибн Али ас-Сенуси братство имело основной центр в Барке, но действовало также в Египте, Судане и других странах Африки. Его приверженцы имелись и в Алжире, а среди верхушки сенуситов тон задавали алжирцы по происхождению (семьи самого ас-Сенуси, его ближайшего советника Сиди Мухаммеда аль-Бискри, его секретаря и судьи Мухаммеда ат-Туати, шейхов Аммур, Бу Джибали, Каттаб). Французы были первыми европейцами, с которыми сенуситам пришлось столкнуться (в 1899—1909 гг. французские войска воспрепятствовали их попыткам распространить или укрепить свое влияние в Сенегале, Центральной Сахаре и близ озера Чад). В 1910—1911 гг. сенуситы участвовали в стычках с французами, поддерживая находившиеся тогда в сахарских оазисах Фецана (юг Ливии) турецкие гарнизоны.

⁴⁵ В лагере для военнопленных мусульман в Цоссене (близ Берлина), содержавшихся отдельно от французов, была выстроена мечеть, в которой часто выступали присылавшиеся из Турции шейхи-панисламисты, в частности Ахмед аль-Кузбари [17, стр. 69].

БИБЛИОГРАФИЯ

*Основоположники марксизма-ленинизма **

1. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии, — т. 9.
2. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940.
3. Энгельс Ф. Алжир, — т. 14.
4. Энгельс Ф. К истории первоначального христианства, — т. 22.
5. Ленин В. И. Карл Маркс, — т. 26.
6. Ленин В. И. О «культурно-национальной автономии», — т. 24.
7. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение, — т. 25.
8. Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге, — т. 43.
9. Ленин В. И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия), — т. 43.

Документы и материалы КПСС и международного коммунистического движения

- 9а. Коминтерн и его революционные традиции (материалы научной сессии), М., 1969.
10. Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932, М., 1933.
11. Бухали Л. Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире, М., 1967.
12. Рабочий класс в борьбе против империализма за революционное обновление мира. Материалы международной научной конференции «50-летие Октября и международный рабочий класс», М., 1968.
13. Хаджерес С., Общественные классы в Алжире и война за национальное освобождение, — Современное освободительное движение и национальная буржуазия, Прага, 1961.
14. Essai sur la Nation Algérienne et marxisme, 1958, № 2.
15. Essai sur l'histoire du mouvement ouvrier algérien de 1920 à 1954, [б. м.], [б. г.].

* Труды К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по Сочинениям, изд. 2, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

16. Annuaire statistique de l'Algérie, Alger.
17. Bulletin de la Société de Géographie d'Alger, t. 19, Alger, 1916.
- 17a. Du Manifeste à la République Algérienne, Alger, 1948.
18. Essor d'Algérie, Paris, 1947.
19. Exposé de la situation générale de l'Algérie, Alger.
20. La Révolution algérienne. Réalités et perspectives, Alger, 1972.
21. Les revendications du peuple algéro-tunisien. Memoire présenté au Congrès de la Paix par le Comité algéro-tunisien, Genève, 1919.
22. L'Indigénat. Code d'esclavage, Paris, 1928.
23. Statistique comparée des recensements quinquennaux de la population algérienne en 1931 et en 1936, Alger, 1937.
24. Tableaux de l'économie algérienne, Alger, 1960.
- 24a. Tunisie und Algerien. Ein Protest gegen französische Gewaltherrschaft, Berlin, 1916.
25. Tous Algériens, Tunis, 1961.

Мемуары, дневники, памфлеты

26. Руа Ж. Алжирская война, М., 1960.
27. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936, М., 1958.
28. Abbas F. De la colonie vers la province. Le Jeune Algérien, Paris, 1931.
29. Abbas F. La nuit coloniale, Paris, 1962.
30. Ajam M. Problemes Algériens (impressions de voyage), Paris, 1913.
31. Bennis M. Mémoires d'un témoin du siècle, Alger, 1965.
32. Camus A. Chroniques Algériennes, Paris, 1958.
33. Celarié H. Un mois en Algérie et en Tunisie, Paris, 1924.
34. Chévallier J. Nous, Algériens..., Paris, 1958.
35. Emir Khaled. La situation des musulmans d'Algérie, Alger, 1924.
36. Fanon F. Les damnés de la terre, Paris, 1961.
37. Feraoun M. Textes sur l'Algérie, Paris, 1962.
38. Kapuściński R. Algeria zakrywa twarz,— Gdyby cała Afryka..., Warszawa, 1971.
39. Naegelen M. Mission en Algérie, Paris, 1962.
40. Spielmann V. La tribu des Hachem, Paris, 1931.
41. Torres J. Viaje por Africa, Buenos Aires, 1960.
42. Violette M. L'Algérie vivra-t-elle, Paris, 1931.
- 42a. Zenati R. Le problème algérien vu par un Indigène, Paris, 1938.

Периодические издания

43. «Коммунистический Интернационал».
44. «Народы Азии и Африки».
45. «Cahiers du Bolchevisme».

46. «Documents Nord-Africains».
47. «Economie et politique».
48. «L'Afrique Française».
49. «L'Afrique Latine» (Алжир).
50. «La Revue de deux mondes».
51. «Le Monde».
52. «Le Temps».
53. «Liberté» (Алжир).
54. «Monde nouveau».
55. «Politica ed Economia» (Рим).
56. «Questions Nord-Africaines».
57. «Renseignements coloniaux».
58. «Revue Africaine» (Алжир).
59. «Revue historique de l'armée».
- 59a. «The Muslim World» (США).

Исследования и литература

60. Биро П. и Дрэш Ж. Средиземноморье, т. I, М., 1960.
61. Богданович М. Н. Алжирия в новейшее время, СПб., 1849.
62. Генчев Н. Алжирската национална революция. 1954—1962, София, 1967.
63. Данциг Б. М. К столетию захвата Алжира, — «Мировое хозяйство и мировая политика», М., 1930, № 6.
64. Жансон К. и Ф. Алжир вне закона, М., 1967.
65. Жюльен Ш.-А. История Северной Африки, т. 2, М., 1961.
66. Завадовский Ю. Н. Арабские диалекты Магриба, М., 1962.
67. Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе, М., 1971.
68. Иванов Н. А. Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в., — «Арабские страны. История», М., 1963.
69. История XIX века, под ред. Лависса и Рамбо, М., 1938.
70. История Африки в XIX — начале XX в., М., 1967.
71. История Франции, т. 2, М., 1972.
72. Ковалевский М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, М., 1879.
73. Колониус Д. Расслоение алжирской деревни в годы аграрного кризиса, — «Аграрные проблемы», М., 1934, № 5—6.
- 73a. Колониус Д. Современный аграрный вопрос в Алжире, — Аграрный вопрос на Востоке, М., 1933.
74. Культура современного Алжира (Сборник статей), М., 1961.
75. Куропаткин А. Н. Алжирия, СПб., 1877.
76. Левковский А. И. Третий мир в современном мире, М., 1970.
77. Луцкая Н. С., Очерки новейшей истории Марокко, М., 1973.
78. Луцкий В. Б. Новая история арабских стран, М., 1965.
79. Луцкий В. Б., Нерсесов Г. А., Алжир, — Новейшая история Африки, М., 1964.
80. Оганисян Ю. С. Абд аль-Кадир, М., 1968.
81. Першиц А. И. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время, М., 1971.
82. Поспелова Н. Г. Алжир, М., 1959.

83. Потемкин Ю. В. Экономическая политика Франции в странах Магриба, М., 1960.
84. Рава Э. Северная Африка на пути к независимости, М., 1960.
85. Ролан. Рабочее движение в Алжире, — «Красный Интернационал Профсоюзов», М., 1926, № 5 (64).
86. Саид А. Восстания арабов в XX веке, М., 1964.
87. Сахара, М., 1971.
88. Траскунова А. М. У истоков алжирской национальной печати, — «Вестник Московского университета», М., 1966, № 1.
89. Франция и ее владения, М., 1958.
90. Франция и тресты, М., 1955.
91. Хмелева Н. Г. Внутренняя политика алжирского государства в период народно-освободительной борьбы против французских колонизаторов, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М., 1962, № 58.
92. Хмелева Н. Г. Государство Абд аль-Кадира Алжирского, М., 1973.
93. Хмелева Н. Г. К вопросу о значении алжирского государства, возглавленного эмиром Абд аль-Кадиром, — Арабские страны. История, М., 1963.
94. Цимринг Ю. Национально-революционное движение в Алжире, — Материалы по национально-колониальным проблемам, М., 1933.
95. Цимринг Ю. Революционное и реформистское профдвижение в Алжире, — «Красный Интернационал Профсоюзов», М., 1929, № 6.
- 95а. Чихачев П. Испания, Алжир, Тунис, М., 1975.
96. Чураков М. В. Берберы и арабы в этнической истории Алжира, — «Советская этнография», М., 1955, № 1.
97. Эгрето М. Алжирская нация существует, М., 1958.
- 97а. Эль - Рахим. Земельный грабеж в Алжире, — «Революционный Восток», М., 1932, № 1—2.
98. Аль - Аккад С. Аль-Магриб аль-Арабий, Каир, 1962 (араб.).
99. Аль - Аккад С. Мухадарат ан татаввур ас-сиясат аль-фарансийя фи-ль-Газаир, Каир, 1960 (араб.).
100. Аль - Мили М. Таарих аль-Джазаир, ч. 1—3. Алжир, 1963—1964 (араб.).
101. Аль - Фаси А. Аль-харакат аль-истиклялий фи-ль-Магриб аль-Арабий, Танжер, 1950 (араб.).
102. Аль - Хатыб А. Ас-саура аль-джазаирийя, Бейрут, 1958 (араб.).
103. Муджахид М. Аль-Джазаир абр аль-аджйаль, Иерусалим, [б. г.] (араб.).
104. Муджахид М. Таарих аль-Джазаир, Иерусалим, 1962 (араб.).
105. Тарики Х. Хазихи хийя аль-Джазаир, Каир, 1958 (араб.).
106. Саадаллах Б. Аль-Харака аль-ватанийя аль-джазаирийя, Бейрут, 1969 (араб.).
107. Хакки И. Аль-Джазаир аль-арабийя, Бейрут, 1961 (араб.).
108. Яхья Г. Ас-сияса аль-фарансийя фи-ль-Газаир, Каир, 1959 (араб.).
109. Abun-Nasr J. A History of the Maghrib, Cambridge, 1971.

110. Africa. Worldmark Encyclopedia of the Nations, New York, 1963.
111. Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine, Paris, 1969.
112. Ageron Ch.-R. La France a-t-elle eu une politique kabyle?,— «Revue historique», t. 223, Paris, 1960, № 2.
- 112a. Ageron Ch.-R. Le mouvement «jeune algérien» de 1900 à 1923,— «Études maghrébines, Mélanges Charles-André Juilen», Paris, 1964.
113. Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans et la France (1871—1919), Paris, 1968.
- 113a. Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb, Paris, 1972.
114. Alazard J., Benchenane et autres. Initiation à l'Algérie, Paris, 1957.
115. Amin S. L'Économie du Maghreb, Paris, 1966.
116. Amin S. Le Maghreb moderne, Paris, 1970.
117. Aron R., Lavagne F., Fellier J., Carnier-Riset J. Les origines de la guerre d'Algérie, Paris, 1962.
118. Atanacković Z. Savremena shvatanja o političkim sistemima nedovoljno razvijenih zemalja, Beograd, 1971.
119. Bennabi M. Les conditions de la renaissance algérienne, Alger, 1949.
120. Bennabi M. Vocation de l'Islam, Paris, 1954.
121. Bernard A. L'Afrique du Nord pendant la guerre, Paris, 1927.
122. Bernard A. L'Algérie, Paris, 1929.
123. Berque J. Le Maghreb entre deux guerres, Paris, 1969.
124. Bourdieu P. Sociologie de l'Algérie, Paris, 1963.
125. Cataluccio F. Formazione della nazione algerina, Milano, 1961.
126. Confer V. France and Algeria. The Problem of Civil and Political Reform 1870—1920, Syracuse, 1966.
127. Chevalier L. Le problème démographique nord-africain, Paris, 1947.
128. Depont O. L'Algérie du Centenaire, Paris, 1928.
129. Dresch J. Le fait national algérien,— «La Pensée», Paris, 1956, № 68.
130. Egretaud M. Réalité de la Nation Algérienne, Paris, 1961.
131. Esquer G. Histoire de l'Algérie, Paris, 1950.
132. Etienne B. Les européens d'Algérie et l'indépendance algérienne, Paris, 1968.
133. Favrod Ch.-H. La révolution algérienne, Paris, 1959.
134. Foucault A. L'Algérie, fille de France, Paris, 1935.
135. Gallagher Ch. The United States and North Africa, Cambridge (Mass.), 1963.
136. Gallissot R. L'Algérie précoloniale, Paris, 1968.
137. Ganiage J. Les affaires d'Afrique du Nord, Paris, 1972.
138. Gasser J. Rôle social de la France dans l'Afrique du Nord, Paris, 1924.
139. Gautier E. F. L'Évolution de l'Algérie de 1830 à 1930,— «Cahiers du Centenaire de l'Algérie», Alger, 1930, III.
140. Gendarme R. L'économie de l'Algérie, Paris, 1959.
141. Giglioli I. Il Dovere dell'Italia in Africa, Firenze, [6. r.].
142. Gordon D. North Africa's French Legacy, Cambridge (Mass.), 1962.
143. Gordon D. The Passing of French Algeria, London, 1965.
144. Grenaud P. Notre Algérie littéraire, Oran, 1959.

145. Hanotaux G. et Martineau A. Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde, Paris, tt. 1—2, 1929—1933.
- 145a. Hardy G. Histoire sociale de la colonisation française, Paris, 1953.
146. Humbaraci A. Algeria: a Revolution That Failed, London, 1966.
147. Isnard H. Aux origines du nationalisme algérien,— «Annales. Économies. Sociétés. Civilisations», Paris, 1949, № 4.
148. Isnard H. Caractère récent du peuplement indigène du Sahel d'Alger,— «Revue Africaine», Alger, 1936, № 368—369.
149. Isnard H. Le Maghreb, Paris, 1968.
150. Janon-Rossier C. Ces maudits colons, Paris, 1966.
151. Johnson D. Algeria: Some Problems of Modern History,— «Journal of African History», Cambridge (Mass.), 1964, vol. V, № 2.
152. Jouhaud E. Histoire de l'Afrique du Nord, Paris, 1968.
153. Julien Ch.-A. Histoire de l'Afrique du Nord, Paris, 1931.
154. Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche, Paris, 1952.
155. Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine, Paris, 1964.
- 155a. Jung E. L'Islam et les Musulmans dans l'Afrique du Nord, Paris, 1930.
156. Lacheraf M. Algérie: nation et société, Paris, 1965.
157. Lacoste Y. L'Afrique du Nord, Chambéry (Savoie), 1957.
158. Lacoste Y., Nouschi A., Prenant A., L'Algérie. Passé et présent, Paris, 1960.
159. Lamunier M. Histoire de l'Algérie illustrée de 1830 à nos jours, Paris, 1962.
160. L'Annuaire de l'Afrique du Nord, Aix-en-Provence,
161. Lentin A. P. L'Algérie sous le signe des «ultras»,— «Cahiers Internationaux», Paris, 1956, № 77—78; 1957, № 82—83.
162. Le Tourneau R. Évolution politique de l'Afrique du Nord musulmane 1920—1961, Paris, 1962.
163. Liebesney H. J. The Government of French North Africa, Philadelphia, 1943.
164. Llamas R. C. Euralgérie ou de la naissance d'un peuple original, Alger, 1956.
169. Merad A. Le reformisme musulman en Algérie de 1925 à 1940,
166. Martin C. Histoire de l'Algérie française, Paris, 1962.
167. Meinicke-Kleint H. Algerien. Marokko. Tunesien. Unterjochung und Befreiung, Berlin, 1965.
168. Melia J. Le triste sort des indigènes musulmans d'Algérie, Paris, 1935.
169. Merad A. Le reformisme musulman en Algérie de 1925 à 1940, Paris—La Haye, 1967.
170. Milliot L. Le Gouvernement de l'Algérie,— «Cahiers du Centenaire de l'Algérie», Alger, 1930, V.
171. Nora P. Les Français d'Algérie, Paris, 1961.
172. North Africa, London, 1943.
173. Nouschi A. La naissance du nationalisme algérien, Paris, 1962.
174. Ohneck W. Die französische Algerienpolitik von 1919—1939, Köln—Opladen, 1967.
175. Opluštil V. Zákruť alžirské revoluce, Praha, 1966.

176. Opperman T. Le problème algérien, Paris, 1961.
177. D'Orient N. et Loew M. La question algérienne, Paris, 1936.
178. Pantůček S. La littérature algérienne moderne, Prague, 1969.
179. Passols, L'Algérie et l'assimilation des indigènes musulmans, Paris, 1903.
180. Pečar Z. Alžir do nezavisnosti, Beograd, 1967.
181. Perego P. Quelques remarques à propos du français parlé en Algérie,— «La Pensée», Paris, janvier—février 1960.
182. Peyrouton M. Histoire générale du Maghreb, Paris, 1966.
183. Piquet V. L'Algérie française. Un siècle de colonisation, Paris, 1930.
184. Remond M. Les Kabylies, Paris, 1954.
185. Rodinson M. Islam et capitalisme, Paris, 1966.
186. Ruedy J. Land Policy in Colonial Algeria, Los Angeles, 1967.
187. Saadia et Lakhdar. L'alienation colonialiste et la résistance de la famille algérienne, Lausanne, 1961.
188. Sahli M.-Ch. L'Algérie accuse..., Alger, 1949.
189. Sahli M.-Ch. Decoloniser l'histoire, Paris, 1965.
190. Sahli M.-Ch. Le message de Yougourtha, Alger, 1947.
191. Sartre J.-P. Situations. V. Colonialisme et neocolonialisme, Mayenne, 1964.
192. Sas P. et Romanetti Y. Vie d'un peuple mort, Paris, 1961.
193. Sayad A. Bilinguisme et éducation en Algérie,— «Education, développement et démocratie», Paris, 1967.
194. Sloane W. M. Greater France in Africa, New York — London, 1924.
195. Soualah M. La société indigène de l'Afrique du Nord, Alger, 1937.
196. Spielmann V. Critiques et commentaires de l'entente et de la coopération des races, Alger, 1923.
197. Spielmann V. La colonisation algérienne, Constantine, 1933.
198. Spielmann V. Les grands domaines Nord-Africains, Orleans, 1928.
199. State and Society in Independent North Africa, Washington, 1966.
200. Survey of North-West Africa, London, 1959.
201. Travail et travailleurs en Algérie, Paris — La Haye, 1963.
202. Un Africain. Manuel de politique musulmane, Paris, 1925.
- 202a. Vatin J.-C. L'Algérie politique: histoire et société, Paris, 1974.
203. Vega L. S. de, Influencia española en el Norte del Africa,— «Africa», Madrid, 1956, № 176—177.
204. Viard P.-E. Les droits politiques des indigènes d'Algérie, Paris, 1937.
205. Williams A. Britain and France in the Middle East and North Africa, Glasgow, 1968.
206. Yacono X. La colonisation des plaines du Chéliff, t. 1—2, Alger, 1955—1956.
207. Zia de h N. Whither North Africa, Aligarh (India), 1957.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас II Хильми 250
 Аббас, Фархат 9, 10, 175, 176,
 200, 259, 261, 269, 288
 Абд аль-Азиз, Тебибаль 228
 Абд аль-Кадир (Абд-Эль-Ка-
 дер) 13, 67—70, 79, 90, 91,
 96—99, 105, 133, 158, 208, 212,
 237, 245, 246, 249, 265, 268,
 285
 Абд аль-Малик 245, 289
 Абд ас-Салам 246
 Абдо, Мухаммед 212, 218, 223,
 284
 Абдул Хамид II 211, 217
 Абель 191
 Абун-Наср, Джамиль 26
 Адам, Андрэ 35
 Ажам, Морис 10, 196, 208, 215,
 228, 281—284, 288
 Ажерон, Шарль-Робер 29, 40,
 45, 57, 65, 89, 99, 102, 124, 134,
 185, 190, 213, 220, 236, 240,
 269, 273, 284
 Азури, Наджиб 211
 Айт Мехди 234
 Айт У-Амер, Си Мула 136, 137,
 203
 аль-Аккад, Салах 22—24, 288
 Алазар, Жан 29
 Александр I 60
 Али-паша (сын Абд аль-Кадир-
 ра) 249, 285
 Амер 274
 Амин, Самир 25, 171, 172
 аль-Амри 70
 Аммура 289
 Аното 137, 272
 Арди, Жорж 103
 Арон, Робер 32, 266
 Аррил 286
 Атанацкович, Зоран 123
 Атфия 212
 аль-Афгани, Джамаль аль-Дин

212, 284
 Ахмед-бей (аль-Хадж Ахмед)
 66, 67, 69, 88, 90, 96, 98, 209,
 265, 267
 аль-Бадави, Мухаммед 283
 Бальзак 107
 Бальхауан 268
 Барбаросса, Арудж 40
 Барбаросса, Хайрадин 40, 41
 Барбе, Раймон 28
 Барбур, Невилл 35, 36
 аль-Бруни, Слиман 247
 Бассэ, Рене 107
 Бахлул 236
 Баштарзи (род) 202
 Баштарзи, Мустафа 286
 Баш Ханба, Али 249, 250
 Баш Ханба, Мухаммед 250
 Бен Абид 202, 285
 Бен Аззуз, Мухаммед 269
 Бен Айсэ 268
 Бен Али Шериф 136, 202
 Бен Аллаль 69
 Бен Ашур 268
 Бен Бадис, Абд аль-Хамид 17
 Бен Бадис, Мухаммед 283, 286
 Бен Бахмед 268
 Бен Брихмат, Зеррук 224, 229,
 236, 285
 Бен Гана 52, 99, 202, 268
 Бен Дран, Иуда 98
 Бен Зикри, Мухаммед ас-Саид
 212, 224
 Бен Куджик Али, Сегир 268
 Бен Луниси, Хамдан 212, 220
 Бен Мансур, ас-Санхаджи 218
 Бен Маханна, Салах 210
 Бен Мухуб, Мулуд 212, 220, 286
 Беннаби, Малек 9
 Бен Раххаль, Мухаммед 217,
 219, 224, 231, 282, 286
 Бен Салем 69

Бен Саси, Алауа 268
 Бен Сиам 237, 289
 Бен Смайя, Абд аль-Халим 212, 215, 224
 Бентами, Ульд Хаида Белькасем 224, 229, 232, 233, 237, 288
 Бен Туми, Мухаммед 70
 Бен Хабилес (семейство) 52, 202
 Бен Хабилес, Шериф 225, 237
 Бен Хаммана, Аббас 288
 Бен Шенеб, Мухаммед 212
 Бен Шеннуф 202
 Бен Шериф 59
 Бен Шинан 289
 Бен Ших, Хамуда 258
 Берк, Жак 26, 30, 31
 Берк, Огюстен 94
 Бернар, Огюстен 32, 44, 107, 141, 222, 234
 Бертран, Луи 86, 87, 261
 аль-Бискри, Сиди Мухаммед 289
 Богданович, М. Н. 12, 68
 Бонапарт (Наполеон I) 60, 225
 Бонапарт, Жером 102
 Бонапарт, Луи-Наполеон (Наполеон III) 73, 80, 162, 178, 179, 231, 265, 280, 281
 Борд, Пьер 252
 Борели Ля Сари 79
 Боржо 273
 Браун, Леон Карл 37
 Бриан, Аристид 251, 252
 Буайе, Пьер 26, 30
 Бу Акказ Бен Ашур 135
 Бу Амама 70
 Буассари, де 130
 Бу Багла 69
 Бударба, Омар 230, 237, 288
 Бу Джибали 289
 Бу Зиян 69
 Бузэ 281
 Бу Кабуйя («Хадж Абдуллах») 250, 253
 Бу Катауи 285
 Бу Маза 69
 Бу Мезраг (бей) 67, 267
 Бу Мезраг, Ахмед 70
 Бурбоны (династия) 60, 63—65
 Бурд, Поль 233, 234
 Бурдые, Пьер 30, 31, 108, 116, 141, 149, 150, 270, 271, 275, 277, 278, 280, 282

Бу Ренан Бен Аззеддин 135
 Бурже, Огюст
 Бурмон, Луи Огюст де 63—67, 89, 90, 265
 Бутэн 60
 Буэй 286
 Бюжо 68, 69, 77, 79, 98, 266, 268
 Бюрдо 166
 Вальдек Руссо 192
 Вальтер 169
 Ван Коль 226
 Варнье 73, 103, 132, 134, 273
 аль-Вартилани 213
 Вейлер 84
 Верн 169
 Вильгельм II 234, 248
 Вильсон 253
 Виолетт, Морис 10, 115
 Вюйермоз, Ромуальд 179, 180
 Габриэлли, Франческо 35
 аль-Галаи, Абу Зиян 210
 Галиссо, Рене 28, 53, 55, 264
 Галлагер, Чарлз 30, 37, 38
 Галлико, Лорис 127, 270
 Гамбетта 135
 Ганьяж, Ж. 279
 Гарибальди, Джузеппе 281
 аль-Гасыри, Мухаммед Ахмед 19
 Гейдон, де 136, 180
 Генчев, Николай 14
 Гзелль, Стефан 107
 Гобден 164
 Гонкур, Жюль 107
 Гордон, Дэвид 37, 38, 153, 155
 Гриви 181
 Гюго 107
 Дандан, Садек 228, 287, 288
 Данциг, Б. М. 12
 Деваль 61
 Де Голль, Шарль 40
 Делакура 107
 Депармэ, Ж. 214
 Дефон, Октав 141, 247, 252
 Дестанн де Берни 271
 Де Фуко 246
 Дешанель 251
 аль-Джазаири, Бираз 251
 аль-Джазаири, Хамдан бен Али 251

Джендер, Махиддин 15, 16
 Джильоли, Итало 34
 Джонсон, Дуглас 37, 42, 57
 Джуди, Мухаммед 289
 Додэ, Альфонс 107
 Дома 98, 132, 268
 Дрейфус 184, 196
 Дрисси, Ахмед 231
 Дрэш, Жан 27, 161
 Дрюмон 185
 Дуази 253, 287
 Дуттэ 221
 Дюма, Ш. 235
 Дюпре де Сен-Мар 79

 Жандарм, Рене 112, 273
 Жансоны, К. и Ф. 131
 Жерар 65
 Жид, Шарль 235
 Жоннар, Шарль 10, 139, 186,
 191—193, 197, 214, 229, 230,
 240, 252, 253, 282
 Жорес, Жан 225, 226, 235, 238,
 281
 Жуо, Эдмон 32
 Жюльен, Шарль-Андре 23, 26,
 29, 33, 45, 57, 85, 87, 91, 100,
 188, 274
 Жюэн 27

 Забана 247
 Зартман, Уильям 37
 Зенати, Р. 145
 Зиядэ, Никола 25

 Иаттарен (род) 136
 Иба Зизен 273
 Ибн Али бну Нури 247
 Ибн Аммар 213
 Ибн Баттута 21
 Ибн Ибад, Абдаллах 276
 Ибн Мариам 213
 Ибн Халдун 21, 49
 Ибн аль-Худжа, Мустафа 212
 аль-Идриси 21
 Иванов, Н. А. 13
 Иснар, Ильдебер 32

 Кавеньяк 69, 87
 Кагайюс 267
 Каддаш, Махфуд 16
 Кади 244, 246
 Кайо 192
 Камбон, Жюль 10, 190, 191, 220

Камю, Альбер 10, 26, 146, 267,
 270, 274
 Капусьинский, Рышард 14,
 111, 112
 Кара 268
 Карл X 62—64
 Каталуччо, Франческо 34, 35
 Каттаб 289
 Кахуль, Махмуд 217
 Кашен, Марсель 287
 Керрад, Халифа 236
 Китайгородский, П. 12
 Клемансо, Жорж 230, 235, 251,
 253, 288
 Клозель 67
 аль-Кобрини 213
 Ковалевский, М. М. 12, 103, 104
 Коломб, Марсель 30
 Колониус, Д. 12
 Конфер, Винсент 37, 281
 Кремье 184
 Крупп 169
 аль-Кузбари, Ахмед 289
 Кук, Джеймс 37, 183, 192
 Куропаткин, А. Н. 12
 Куртуа, Кристиан 29
 Лавань Ф. 265
 Лависс 26
 Лайун, Халил Каид 285, 288
 Лакдар 17
 Лакомб 252
 Лакост, Ив 28, 85
 Лалла Фатима 69
 Ламорисьер 88, 265
 Лаферрьер 185, 191, 192
 Лашраф, Мустафа 18, 94
 Левин, Э. И. 204
 Левковский, А. И. 13, 111
 Лейг, Жорж 235, 251, 253
 Ленин, В. И. 109, 110, 270
 Леоне, Энрико де 35
 Леруа-Болье 138, 286
 Ле Турно, Роже 27, 29, 31, 32,
 34—36, 41
 Лиотэ, Юбер 193, 194
 Лубэ, Гастон 196
 Луи-Филипп Орлеанский 65
 Луцкая, Н. С. 13
 Луцкий, В. Б. 12
 Льямо, Р. К. 32, 84, 85
 Лэнгуа 228
 Люто, Шарль 139, 141, 191, 193,
 230, 234, 241, 247, 252, 253,
 288

Лявигери 134, 135, 141
Ляперрин 246
Лярнод, Марсель 30, 84

аль-Мадани, Ахмед Тауфик 16
аль-Маджауи, Абд аль-Ка-
дир 212

Майнике-Клянт, Хайнц 14
Мак-Магон 69, 78, 265, 281

Мале 169

Манселл, Джерард 36

Мануччи, Ноэль 98

Марке 107

Маркс, Карл 7, 12, 28, 53—55

Марсэ, Вильям 26, 107, 221, 285

Марсэ, Жорж 26, 29, 107

Марсэ, Филипп 26, 29, 126, 147,
156, 270, 277

Мартин де ля Эскалера, Кар-
мен 35

Марцо, Костанцо ди 34

Масарли 203

Махайя 202

Махиддин (семья) 136

Махиддин, шейх 67

Мелиа, Жан 252

Мерад, Али 17

Мериме 107

Мерсье, Гюстав 26, 30

Мессими, Адольф 231, 233—235

Меттерних 62

Мийо, Луи 29

Милано Массимилиано («Макс-
Режи») 185

аль-Мили, Мбарек 16

Мильеран 251

Мирабо 169

Моне 107

Монтети, Анри де 35

Мопа, Эмиль 107

Мопассан, Ги де 107

Морино, Эмиль 189, 191, 239

Морсли, Т. 221, 285, 287

Муджахид, Масуд 21

Мукрани, Мухаммед 99, 136,
158, 180, 268, 277, 282

Мулай Абд аль-Хафиз 250

Мур, Клемент Генри 37

Муса 232

Мустафа Бельхадж Омар 90

Мустафа Бен Исмаил 96

Мутэ, М. 232, 253

Мухаммед, пророк 59, 90

Мухаммед Али 63, 64

Мухаммед Ахмед 210

Мухаммед-паша (сын Абд аль-
Кадира) 212

Мюзетт 267

Мюссе 107

ан-Наккаш, Рагаа 21

ан-Насири, Абд аль-Хак 284

Нежлен, Марсель-Эдмон 10, 267

Нерво, де 169

Нерсесов, Г. А. 13

Нора, Пьер 33, 100, 188

Нуруддин, Хусейн 24

Нуши, Андре 28, 37

Нюма-Леаль 287

Оганисьян, Ю. С. 13

Одизио, Габриэль 267

Омар 245

Онэк, Вольфганг 34

Оплуштил, Вацлав 14, 270

Опперман, Томас 34, 251

Оттэнже 169

Пантучек, Светозар 14

Пейрутон, Марсель 32, 188, 200

Пелегри, Жан 267

Пелисье 69

Пенлеве 252

Перес, Анри 30

Печар, Здравко 15

Пикэ, Виктор 277

Поспелова, Н. Г. 13

Потемкин, Ю. В. 13

Пренан, Андре 28, 87, 95, 97

Пуанкаре 231, 233

Рава, Энцо 34

Раинеро, Ромэн 35

ар-Райсуни 289

Рамбо 26

Рандо, Робер 86, 267

Рандон 69, 80

Расим, Мухаммед 212

Расим, Омар 212

Ревуаль 191, 196

Ренан 226

Ренуар 107

Решад, Мухаммед 247

Рибо 252

Риво, де 169

Рйда, Рашид 284

Роблес, Эмманюэль 27, 257

Родинсон, Максим 153, 271

Розэ, Альбэн 191, 201, 223, 231,
233—235, 251
Розэ 131
Рокфеллер 38
Романетти, И. 275
Ротшильд 169
Рош, Леон 98
Руа, Жюль 11, 27, 267, 274,
279
Руди, Джон 38

Саадаллах, Белькасем 16, 201,
216, 219, 284, 286
Саадия 17
Сабатье 137—139
Саид, Амин 12, 24
Саид, эмир 249
Сайяд, Абд аль-Малик 17, 125,
128, 129, 140, 274
Сарруи 224
Сартр, Жан-Поль 108
Сас, П. 275
Сахли, Мухаммед-Шериф 17,
264
Сен-Санс 107
Сент-Арно 69
ас-Сенуси, Мухаммед ибн Али
289
Сервье, Андре 218, 238, 239
Сервье, Жан 26, 280
Сиди Ахмед 67
Си Моханд 216
Си Слимман 69
Сисмонди 61, 65
Спильман, Виктор 10, 242
Стэг, Теодор 233, 234, 253
Суалах, Мухаммед 16, 152,
224, 236, 251, 278
Султан, Ахмед 246
Сульт 163
ас-Суфайхи, Исмаил 249
Сэндиссон 35

Талёб, Абд ас-Салам 236
Тамзали, Абд ан-Нур 251
Тамзали, Муса 236
Тамзали, Салах 236
Тапье 231
Тарики, Хусейн 272
ат-Телиссани, Мухаммед Мези-
ан 251
Тийон, Жермена 86
Тирман 137, 138, 183, 186
Тойнби, Арнольд 35

Токвиль, де 87
Томсон, Гастон 183, 190
Торрес, Хоакин 282
Траймингхэм 35
Траскунова, А. М. 13
ат-Туати, Мухаммед 289
Тьер 79

Уильямс, Энн 36, 37
У-Каси 136
Улад Замун (род) 136
Урбэн, Тома-Исмаэль 178, 184

Фавро, Шарль-Анри 34
Фальер 231
Фанон, Франц 38
аль-Фаси, Алляль 19, 287, 288
Фатах 236
Фахар, Бен Али 227, 230
Фахар, Ларби 227
Фераун, Мулуд 274
Фергани, Буджемаа 287
Ферри, Жюль 186, 190, 197,
235, 282, 285
Флобер 107
Фромантэн 107
Фуад, Саад Заглул 21
Фуко, А. 286
Фукс, Петер 270, 277

Хадж Аммар 228, 288
Хадж Саид, Мухтар 232, 235,
236
Хакки, Ихсан 20
Халид 9, 237, 245, 246
Хамлаун 268
Хаммуд, Каид 236
аль-Хаттаби 289
аль-Хатыб, Ахмед 19—21
аль-Хафнауи, Абу аль-Касим
213
аль-Хиба 289
Хмелева, Н. Г. 13
Ходжкин, Томас 35
Хумбараджи, Арслан 267, 268
Хусейн, дей 50, 61, 64, 65
Хусейн, шериф Мекки 245, 246
Хусейниды (династия) 60, 67

Цимринг, Ю. 12

Чихачев, П. А. 9, 79, 104, 134,
166, 268, 272, 277, 279
Чураков, М. В. 13

аш-Шалкани, Али 21
Шанзи 181
аш-Шариф, Салах 248, 249
Шевалье, Жак 10, 26, 267
аш-Шинкити 289
Шнейдер 169
Шэе 234
Шэйлер 43

Эгрето, Марсель 27, 175, 269
Эмери, Марсель 91, 272
Энгельс, Фридрих 7, 8, 46, 48,
71

Энар 192, 240
Эррио, Эдуард 10, 241, 253
Эрсан 169
Эскэ, Габриэль 26, 61, 284
Этьенн, Эжен 27, 183, 184, 190,
192, 193
Эшфорд, Дуглас 37

Яконо, Ксавье 30, 100, 102, 266,
269
Якуб бну аль-Хадж 202
Яхья, Галляль 22

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австралия 5
Австрия 63
Австро-Венгрия 249
Аден 36
Азия 24, 106
Айн-эт-Турки 202
Айн-Бассам 214
Айн-Сефра 193, 194
Алжир (город) 10, 47, 49, 63, 64, 66, 70, 77, 78, 89, 91, 92, 94, 112, 132, 154, 168, 179, 185, 199, 204, 212, 214, 215, 217, 224, 228, 229, 231, 233, 235, 237, 248, 267—269, 272, 274, 279, 281—283
Алжир (департамент) 98, 194
Алжирская Народная Демократическая Республика (АНДР) 3, 8
Алигарх 25
Америка Северная (США) 22, 25, 31, 37, 39, 164, 253
Амрауа 135
Анатолия 285
Англия 25, 36, 62, 63, 106, 164, 244
Андалузия 164
Аравия 52, 86, 244, 285
Аурес 45, 56, 70, 88, 113, 140, 144, 149—151, 199, 247, 265, 276, 278
Афлу 278
Афревиль 165, 279
Африка Северная 12, 16, 31, 35, 36, 38, 55, 131, 134, 235, 248, 264, 280
Африка Западная 3
Африка Экваториальная 3
Африка Южная 5
Ахмар Хадду 265
Бабор 45, 54, 59, 144
Барка (Киренаика) 249, 289
Барселона 250
Батна 150, 185, 232, 247, 277
Бейрут 20, 25, 37
Белград 15
Белезма 151, 247
Бельгия 258
Бени-Меред 287
Бени-Шугран 246
Берег Слоновой Кости 25
Берлин 214, 248, 249, 289
Берри 200
Бибан 52
Бискра 266, 278
Блида 66, 164, 268, 287
Богар 91
Болгария 14
Бон (Аннаба) 60, 78, 82, 89, 169, 221, 224, 228, 230, 231, 235, 241, 268, 269, 282, 285
Борж-Бу-Арреридж 232
Бордж Тементфус 66
Бордо 80
Бужи 231, 247, 259, 287
Бузареа 132, 140
Буфарик 79, 266
Валенсия 287
Вар (департамент) 164
Венгрия 258
Виргиния 279
Вогеzy 235
Восток Арабский 160, 211, 213, 244, 254, 285
Восток Ближний 246
Вьетнам 273
Галлиполи 248
Гана 25

Гардаия 152, 194
Гасконь 200
Гвинея 25
ГДР 14
Германия 214, 215, 223, 241,
244, 245, 248, 249, 257, 258,
289
Гибралтар 268
Глазго 36
Греция 57, 258

Дагомея 285
Дамаск 212
Дахра 45, 60, 140, 144, 148
Джебел Надор 216
Джиджелли 40, 228, 277, 287
Джурджура 45, 54, 59, 137, 143

Европа Западная 31, 34
Европа Центральная 269
Египет 21, 22, 35, 39, 60, 63,
211, 212, 218, 223, 225, 238,
244, 285, 287, 289

Женева 8

Зааджа 69, 104

Иерусалим 21
Индия 25, 103, 106, 285
Ирак 264, 284
Иран (Персия) 285, 287
Исли 58
Испания 47, 57, 63, 77, 249, 266,
289
Италия 34, 60, 77, 78, 230, 248

Йемен 264

Кабилия 46, 52, 53, 56, 60, 64,
69, 101, 114, 135—137, 139,
140, 144—146, 148, 149, 151,
199, 203, 212, 216, 248, 264,
272—276
Кабилия Баборская (Малая
Кабилия) 160, 228, 272, 273
Кабилия Джурджурская (Ве-
лика́я Каби́лия) 88, 140, 148,
273
Кабилия Колло 273
Каир 22, 214, 223, 238, 284
Калабрия 287
Канада 5
Карачи 24
Касабланка 289

Касба (район гор. Алжира) 64,
144, 274, 280
Кенадза 242
Киликия 285
Колло (порт) 50
Колло (полуостров) 144
Конго 25
Константина (город) 42, 59, 66,
89, 92, 96, 132, 170, 185, 189,
209, 210, 212, 224, 226, 228,
233, 235, 248, 265, 267, 272,
278, 281, 283—287
Константина (область) 49, 51,
52, 57, 59, 64, 66, 75, 78, 84,
90, 98, 99, 101, 194, 199, 213,
216, 230, 246, 252, 283
Константинополь (Стамбул,
Истанбул) 40, 214, 235, 236,
250, 285

Лагуат 69
Ла-Каль 60, 61, 79
Ливан 135, 155
Ливия 8, 247, 257, 289
Ливорно 79
Лилль 126
Лион 125, 227, 230, 241, 267
Лозанна 249, 250
Лондон 36, 38

Мавритания 36
Магриб 3, 13, 14, 17, 22—26, 29,
31, 32, 35, 37, 38, 40, 42, 44,
46, 47, 58, 60, 70, 152, 161,
245, 247, 249, 251, 264, 289
Мадагаскар 226
Мазаран 268
Мазуна 272
Мак-Магон (поселок) 150, 247
Мали 25
Мальта 77, 164
Маргерит 185, 202, 226, 284
Марокко 8, 13, 19, 24, 27, 31,
35, 36, 59, 60, 67, 68, 95, 171,
172, 186, 193, 203, 210, 214,
230, 249, 251, 257, 258, 284,
285, 287, 289
Марсель 60, 63, 79, 126, 268
Маскара 42, 47, 59, 89, 91, 92,
224, 246
Матифу 66
Медеа 42, 91, 92, 218, 232, 267,
285
Медина 245

- Мекка 159, 182, 245
 Метлили 70
 Мзаб 140, 144, 152, 153, 244, 276, 277
 Милиана 89, 91, 92, 215, 246, 284
 Митиджа 51, 66, 67, 168, 279
 Мостаганем 185, 235, 267, 268
 Мсирда 243
 Музайявиль 287

 Неаполь 65, 79
 Недрома 232, 282
 Нигерия 26
 Новая Зеландия 5
 Новая Каледония 265

 Оазис (военная территория) 194
 Оран (город) 42, 59, 67, 77, 79, 89, 94, 132, 142, 185, 204, 227, 228, 241, 269, 279, 282
 Оран (департамент) 137, 159, 183, 194, 210, 215, 252, 279
 Орания 42, 59, 67, 75, 83, 95, 96, 98, 99, 101, 193, 194, 199, 231, 252, 282
 Османская империя 40, 64, 211, 245, 289

 Падуя 35
 Палестина 35, 285
 Паликао 224
 Париж 3, 9, 10, 28, 31, 77, 87, 90, 112, 129, 173, 180, 181, 183, 186, 211, 221, 223, 230, 235, 252, 272, 282, 286, 288, 289
 Пиренейский полуостров 199
 Польша 14
 Прованс 80

 Релизан 287
 Рим 236, 261
 Ровиго 216
 Россия 63, 110, 111, 181, 258, 270

 Сахара 42, 44, 46, 60, 68—71, 133, 148, 152, 159, 194, 244, 246, 270, 276, 277
 Сахара Алжирская 144, 152, 159, 246, 270
 Сахарский Атлас 278
 Сахель 163

 Сайда 91
 Себау 135
 Себду 284
 Севилья 250
 Седрата 152
 Сен-Дени-дю-Сиг 279
 Сенегал 25
 Сетиф (город) 185, 284
 Сетиф (департамент) 216, 277
 Сид-эль-Джуди 135
 Сиди Мифтах 246
 Сиди-Мусса 279
 Сиди-Ферруш 64
 Сиди-Халеф 64
 Сирия 65, 211, 212, 264, 284, 285, 289
 Сицилия 57
 Средиземное море 63, 288, 289
 СССР 39
 Стауэли 64, 273
 Судан 210, 289
 Суэцкий канал 80
 Суммам 136

 Тагдемт 91, 268
 Таза 91, 289
 Таманрассет 246
 Танжер 232, 234, 289
 Тарна 281
 Таурга 135
 Таурирт-Мимун 140
 Тебесса 159, 169, 247, 277, 288
 Телль 76, 280
 Тенес 247, 248
 Тениет-эль-Хад 165
 Тизи-Узу (город) 139, 281
 Тизи-Узу (департамент) 277
 Титтери 42, 64, 67, 90, 96, 271
 Тлемсен 47, 59, 67, 89, 91, 92, 132, 185, 199, 210, 212, 214, 215, 221, 224, 232, 233, 267, 272, 282, 284
 Триполитания 230, 231, 249
 Туггурт 69, 194, 203, 247
 Тунис 8, 13, 19, 24, 27, 31, 32, 36, 60, 79, 169, 171, 172, 186, 210, 218, 223, 246, 248, 249, 251, 268, 284, 285
 Турция 15, 65, 223, 244, 248, 249, 257, 284, 287
 Тьервиль 281
 Уаргла 152, 247, 278
 Уарсенис 45, 60, 140, 144, 148, 279

Уэд Зенати 281

Феккан 281

Фес 289

Феццан 246, 289

Филиппвиль (Скикда) 77, 78,
82, 205, 269

Флиссат Умм-эль-Лил 135

Флоренция 35

Фор-Националь 274, 281

Хеншела 224

Хиджаз 211, 244

Хоггар 244, 246, 270

Ходна (хребет) 151

Цоссен 289

Цюрих 253

Чад (озеро) 289

Чехословакия (ЧССР) 14

Чили 112

Шарагас 164

Швейцария 17, 249

Шелиф 199, 241, 266

Шершелль 283

Экс-ан-Прованс 31

Эль-Аффрун 287

Эль-Голеа 70

Эльзас-Лотарингия 80

Эритрея 249

Югославия 14

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
34	14 св.	Вольганг	Вольфганг
73	6 св.	относившейся	относившийся
144	9 сн.	„Реалитэ альжерьенн марксисм“	„Реалитэ альжерьенн э марксисм“
290	5 сн.	Essai sur la Nation Algérienne et marxisme.	Essai sur la Nation Algérienne — „Réalité algérienne et marx- isme“.
293	10 св.	М., 1958.	М., 1948.
294	11 св.	Benchenebs	Bencheneb S.
297	12 св.	аль-Бруни	аль-Баруни

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Историография проблемы	6
Часть I. Колония переходного типа	40
Глава 1. Колонизация и коренное население	40
Доколониальное общество	40
Французское завоевание и первый этап сопротивления алжирцев	61
Начало колонизации и возникновение европейского меньшинства	71
Воздействие колонизации на туземное общество	87
Глава 2. Особенности и структура социального строя	109
Многоукладность	109
Классовое расслоение	120
Социально-культурные процессы	125
Метаморфозы ассимиляторства	131
Этническая консолидация	141
Часть II. Истоки антиколониализма	162
Глава 3. Расцвет колонизации	162
Эволюция экономики	163
Привилегии европейцев	176
Колониальное двоевластие	190
Глава 4. Пробуждение «туземцев»	200
Традиционалисты	208
Младоалжирцы	220
Влияние первой мировой войны	241
Заключение	255
Примечания	264
Библиография	290
Указатель имен	297
Указатель географических названий	303

Роберт Григорьевич Ланда

**БОРЬБА АЛЖИРСКОГО НАРОДА
против европейской колонизации
(1830—1918)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Ю. О. Магидсон*
Младший редактор *Л. А. Добродеева*
Художник *Е. В. Бекетов*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *В. Н. Багрова*

Сдано в набор 17/III 1976 г. Подписано к печати 8/VI 1976 г. А-06614. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 9,625. Усл. п. л. 16,17. Уч.-изд. л. 17,72. Тираж 1750 экз. Изд. № 3859. Зак. № 223. Цена 2 р.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

